

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет
ООО «Сибирская археологическая служба»

Н.Ю. Кунгурова, М.Т. Абдулганеев

МАЙМИНСКАЯ КУЛЬТУРА

по материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины
1-й пол. I тыс. н.э.

Монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253.3)-421
К 911

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.И. Соёнов
доктор исторических наук В.В. Горбунов

Кунгурова, Н.Ю.

К 911 **Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э.** [Текст] : монография / Н.Ю. Кунгурова, М.Т. Абдулганеев. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. — 214 с. с илл.

ISBN 978-5-7904-2344-4

В монографии представлены результаты научных исследований материалов поселений майминской культуры и соседней с ней территории. Памятники майминской культуры в 1-й пол. I тыс. н.э. распространены в предгорной зоне восточной части Салаира и северных предгорий Алтая. В данной работе рассматриваются особенности археологической культуры, выделяющие ее среди соседнего этнического окружения. Книга оснащена рисунками, планами не опубликованных ранее материалов, рассчитана на археологов, историков, работников музеев и других интересующихся древней историей людей.

Издание подготовлено на средства ООО «Сибирская археологическая служба» в рамках реализации плановой научной работы по результатам исследований.

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253.3)-421

ISBN 978-5-7904-2344-4

На обложке: фотография вида на пойму Нени и Бии с городища Курлап.

© Кунгурова Н.Ю., 2019
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета,
2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Материалы поселений начала I тыс. н.э. западных склонов Салаирского кряжа и северо-восточной части предгорий Алтая связаны с общей раннесредневековой историей Верхнего Приобья и Горного Алтая. Предтюркская эпоха, характеризующаяся высокой подвижностью населения на довольно отдаленные расстояния, выделяется культурной многокомпонентностью угро-самодийского, прототюркского этносов. Большая часть населения Сибири была включена в исторические процессы, в том числе военные и экономические события, объединявшие многие регионы Южной Сибири и Центральной Азии.

Таким образом, говоря о населении майминской культуры, нельзя не обратиться к материалам племен, проживавших в горной области Алтая и в верховьях Оби — Бии, имеющих свою зону распространения в соседстве с ее территорией. Сходство и отличительные особенности в орнаментации керамики, производствах и занятиях, в области расселения и в отношении к ресурсам показывают многогранную палитру синтеза культурных традиций.

В исследованиях речь пойдет и о бийских (или бийско-иткульских) городищах, соотносимых во времени с майминской культурой. Область рассматриваемых археологических памятников периода 1-й пол. I тыс. н.э. по административному делению принадлежит восточной части Алтайского края и северо-восточному сектору Республики Алтай, находится на юге Западной Сибири. Территория майминской культуры простирается до 100 км с запада на восток и 180 км с севера на юг, охватывает долину Бии, низовья Катунь (рис. 1, 2), включает западный склон Салаирского кряжа и Предалтайскую равнину, обозначенную как северные предгорья Алтая. С севера территория ограничена долиной Чумыша, с запада — степной — лесостепной равниной, переходящей в лесной массив, южная ее часть вклинивается в горную систему посредством русел Катунь и Маймы.

Любопытно, что большая часть площади, занимаемой населением майминской культуры, совпадает с областью расселения кумандинцев в тех пределах, в которых застали их первые русские служилые люди и исследователи в XVII–XVIII вв. Особенности культуры полно и развернуто проявляются в материалах поселений, опираясь на которые М.Т. Абдулганеев выделил майминскую культуру, конкретизировал время ее существования — начало I тыс. н.э. (II–V вв. н.э.), определил хозяйство и занятия, генетические составляющие, ее место среди других культур. Вместе с тем он провел исследования ряда памятников этого времени и сделал анализ коллекций из Бийского краеведческого музея и национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина и других фондов.

В изучение материалов северных предгорий Алтая (Предалтайской равнины) нач. I тыс. н.э. внесли свой вклад Б.Х. Кадилов, Г.В. Скопинцева, С.М. Киреев, О.В. Алексанов, А.Л. Кунгуров, Д.А. Пугачёв, А.А. Казаков, участвовавшие в раскопках поселений и городищ. В монографии наиболее полно рассматриваются материалы поселений Ушлѐп-5, Майма-1, Усть-Иша-За по раскопкам Н.Ю. Кунгуровой и М.Т. Абдулганеева. При сравнении использовались опубликованные данные о поселениях Курлап и Сайлап и коллекции Бийского краеведческого музея им. В. Бианки (БКМ), районного музея в с. Красногорском, коллекция поселения Майма-1, переданная М.Т. Абдулганеевым в Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, коллекции, переданные нами в Алтайский госуниверситет.

Городище Курлап исследовалось Г.В. Скопинцевой (АГГПУ), а материал с него опубликован лишь в малой доле, потому он не может быть полно использован в данной монографии. Привлечены образцы керамики, собранной нами в разрушениях городищ Курлап и Сайлап и полученной из раскопок и сборов Бийского краеведческого музея, опубликованные данные. Из разрушений этих памятников взяты образцы для радиоуглеродных датировок. Керамика из поселений на р. Иша, выявленная и исследованная экспедициями НПЦ «Наследие» с участием М.Т. Абдулганеева, А.А. Казакова, Д.А. Пугачёва, а также из опубликованных результатов раскопок А.А. Казакова поселения Новозыково-3 и городища Сошниково-1, привлечена для сравнений.

Материалы базовых памятников майминской культуры ранее не были опубликованы, и через 20 лет после раскопок Ушлёпа-5, Маймы-1, Сайлапского Взвоза (Сайлап), Курлапа представлены в этой монографии. К настоящему времени исследованы поселения и погребения этой культуры, но материалы археологических полевых исследований опубликованы не полностью, и потому настоящая публикация представляет развернутые сведения о находках слоев и их анализ. Анализ материалов, определяющих археологическую культуру, основывается на структуре поселений и жилищ, наборе вещей из камня, кости и металла (железа). Этому способствовали тысячи артефактов, полученных из раскопок структурированного культурного слоя поселений.

При подготовке к монографии сделаны датировки поселений, дополнившие ранее полученные даты по поселению Ушлёп-5. Проведен функциональный (трассологический) анализ каменных орудий, систематизированы виды орнамента керамики и типы вещей, сделан их сравнительный анализ, подтверждающий культурно-хронологическую связь. Большой интерес представляло создание графической реконструкции архитектуры поселения Ушлёп-5 и посуды, сохранившейся в виде развалов керамики. Археологическую культуру определяют характерные особенности, одним из показателей которых является единство территории и культурно-экономическое пространство. На основании полученных за многие годы материалов удастся проследить и этот аспект, выраженный критериями, отличающими данное население от соседних одновременных с ним групп. Вместе с тем итоги исследований бийских городищ и катунских поселений, погребений булан-кобинской культуры Алтая ставят нас перед интереснейшей загадкой сосуществования культур, объединенных во времени II–V вв. н.э. Значение населения майминской культуры в событиях алтайской или южносибирской истории предстоит понять.

Помощь в предоставлении коллекций оказали Б.Х. Кадиков, Л.И. Чегодаева, С.М. Киреев, Г.Л. Нехведавичюс, В.В. Горбунов, за что автор приносит им благодарность. О.Г. Александров исследовал и систематизировал материалы в полном объеме для написания дипломной работы, результаты анализа концентрированно опубликованы. Особая благодарность ему и С.М. Кирееву за предоставленные материалы и обсуждения, за поддержку в публикации материалов майминской культуры.

I. ГЕОГРАФИЯ, ПРИРОДА, РЕЛЬЕФ

Ареал распределения памятников майминской культуры 1-й пол. I тыс. н.э. включает западные склоны горной системы Салаира и Саян, северные низкогорья Алтая, а также примыкающие к ним предгорные территории — Предалтайскую равнину и южную часть Бийско-Чумышской возвышенности (рис. 1, 2) (Атлас, 1980). Ландшафтная геосистема характеризуется разнообразными микроформами, соподчиненными с природными ресурсами, предопределяющими адаптационный выбор и динамику расселения человека и природопользования. Расселение людей в данной территории обосновывалось рядом факторов, соответствующих исходным для этноса в традиционном жизнеобеспечении и благоприятным для проживания природным условиям. Общие характеристики территории: леса и лесостепи, насыщенная гидрологическая сеть бассейна Бии и Катунь, плодородные почвы. Горы образуют барьер экспансии степей на восток и потоков воздушных масс, что влияет на мягкие климатические условия.

Первая область — территория, занятая населением майминской культуры, охватывает Салаирский кряж (Салаирская группа) и Предалтайскую равнину (Катунская группа), в ней насчитывается до 30 майминских поселений. Несмотря на высокую транспортирующую способность Бии и Катунь, основная часть поселений находится в глубине их правых террас.

Вторая область, долина Бии — верховья Оби, в ней находятся объекты фоминского этапа 1-й пол. I тыс. н.э. — бийские и иткульские городища и поселения. Их насчитывается до 40 шт. на протяжении 56 км по Бие. Городища и поселения устроены в основном на высоком правом берегу реки Бии — верховьев Оби, а также на реке и озере Иткуль в лесном массиве.

Первая область. Салаирский кряж представляет собой горную гряду высотой до 350–450 м. На юге и востоке кряж соседствует с Кузнецкой котловиной и Неня-Чумышским грабенем, разделенным на Солтонскую и Сары-Чумышскую впадины, на западе плавно спускается в Бийско-Чумышскую возвышенность (Малолетко, 1972, с. 212). Определенной границы между возвышенностью и склоном Салаирского кряжа не существует. Территория, занятая майминской культурой, в геоморфологическом отношении расположена на востоке Бийско-Чумышской возвышенности и на западном склоне Салаира, имеет характер волнисто-увалистой равнины, высота которой постепенно увеличивается от 280–300 до 350–400 м. Расчлененность рельефа обусловлена наличием долин рек, логов и увалов. Гидрологическая система наиболее развита в юго-западной части Салаирского кряжа за счет русел притоков, впадающих в Бию, Неню и Чумыш. Реки берут начало с Салаирского кряжа и питаются множеством водотоков. Чумыш образуется от двух истоков: Кара-Чумыш и Томь-Чумыш в Кемеровской области, имеет до 50 притоков, из которых большая часть берет истоки на склонах юго-западной части Салаирского кряжа и присалаирской равнины Бийско-Чумышской возвышенности. Среди них: Ельцовка, Уксунай, Тараба, Сары-Чумыш, Аламбай, Карабашка, Большегорская, Яма, Ангуреп, Берёзовка, Максари́ха и др. Эти реки также имеют свою сеть притоков.

Основная граница в древнем заселении — река Неня длиной 185 км, справа впадает в Бию у с. Новиково, является разделом Кивдинского массива и юго-западных отрогов Салаирского кряжа и также естественной границей между степью и тайгой Салаира с различающимися природными ресурсами. Долина Нени была разработана в среднечетвертичный период. Ши-

рина ее составляет в верховьях 1–2 км, в среднем течении достигает 4–6 км, тогда как ширина самой реки всего 10–20 м. Долина реки, с заболоченной влажной поймой, с системой ручьев, покрыта кустарником, водно-болотной растительностью и березово-осиновыми заболоченными лесами, образующими согру. Неня подпитывается реками (более 14), основная часть которых начинается в распадках гор. Это Чебашиха, Солтонка, Уруна, Излап, Караган, Шалап, Карабашка, Саза, Черный.

В районе Солтона, Сузопа, Новотроицка существует густая сеть мелких рек и ручьев. Притоки реки Черный — Ушлѐп, Мунай. Ушлѐп шириной до 3–5 м, с постоянным древним руслом, разработанным в межгорных делювиальных глинисто-щебнистых отложениях, протекает в распадке холмов Салаира. На выходе в долину рек Черный и Неня образуется обширная пойма с заболоченными пространствами — согрой и непостоянными озерными водоемами. С левой стороны в Ушлѐп в районе согры впадает Чулда. У истоков Ушлѐпа протекает Антроп, левый приток Кондомы, типичная для узких горных рек Салаирского кряжа.

Южная часть Салаирского кряжа находится в правобережье Бии — в ее верховьях, объединяется с Алтайским нагорьем. Здесь также развита сеть правых притоков — узких рек, характерных для кряжа: Чебашиха с притоком Учурга, реки Малый и Большой Куют, Курлап, Шунарак, Ушпа, Ульмень с притоком, реки Алемчир, Лебедь, Бава и др. В Бию впадает 21 приток, прилегает озеро Куреево, сформированное из старицы Бии. Высотные отметки в районе рек Ушпа и Курлек — до 100–150 м, в районе Лебеди достигают 580–760 м, рельеф приобретает глубоко расчлененные формы со скальными выходами. Бия в верхней части порожистая, на правом берегу имеет до пяти террас, нередко обрывается скальными выходами и останцовыми горами *в сочетании бийских и лебединских террас* (Панычев, 1979, с. 59).

Предалтайская равнина простирается с юго-запада на северо-восток севернее Алтайских гор вдоль горной системы Алтая по левобережью Бии и Оби и по нижней Катуні до с. Майма — с. Алтайское на юге. Для равнины характерны холмисто-увалистый расчлененный рельеф различной высотности, низкогорья. Абсолютные высоты 350–450 м, а в отдельных точках достигают 475–496 м над уровнем моря. В предгорной зоне выделено две группы типов рельефа (Г.В. Занин, 1958): высокие предгорья и предгорные аккумулятивные равнины.

Гидросистема Предалтайской равнины на Бийско-Катунском участке развита за счет крупных рек, впадающих в Бию и Катунь, и мелких водотоков родникового происхождения. Крупные реки — Иша, Майма. Долины этих рек, выйдя из гор, резко расширяются, ветвятся притоками. На Бие выражено 5–6 уровней террас, в том числе — четыре основные (I–IV). Две пойменные — низкая и высокая от 1,5 до 5 м, первая 8–12 м, вторая, «боровая», — от 12 и 20 м, третья, общая для Бии и Катуні, осложнена холмисто-грядовыми образованиями, четвертая — до 40–80 м высотой, на ее плоскости распространяются луговые и степные пространства, ведется распашка. Первые террасы покрыты лесами. В глубине правой террасы Катуні древние поселения расположены на реках Иша, Майма. Иша длиной 162 км, притоки: Карагуж, Ташта, Тайнушка, Каменушка, Чапша, Устюбень. В верховьях русло Иши питается множеством притоков и родников, заболачивающих пойму.

Поверхность равнины имеет широкие формы холмисто-сопочного и волнистого рельефа с большими высотными перепадами. Высотные отметки колеблются от 335–350 до 380–625 м. К югу высотность наиболее значительна и доходит до 800–900 м. Здесь выделяются хребет Казырык, горы Синюха, Карагуж, Кызылташ (высота 1023 м) и другие. Майма длиной до 60 м берет начало в области хребта Иолго (гора Иша) на высоте 1114 м. В верхнем течении

преобладают кедр и пихта, в среднем — осина и пихта, в нижнем — береза и осина. В районе с. Майма река впадает в Катунь. Ее притоки — Сиульта, Каяс, Улалушка, Сайдыс, Бирюля, Имерля, Тунжа, Ебуловский. Большие площади на Предалтайской равнине и Бийско-Чумышской возвышенности занимают луга и степи.

В горном Салаире и низкогорьях Алтая ведущий тип растительности — леса, степи. В пределах степной и лесостепной зон края он представлен сосновыми лесами с *Pinus sylvestris*. Развита лиственная сообщество, кедровые леса, темнохвойная тайга, еловые заболоченные леса долин рек. Черневые леса в пределах Салаирского рефугиума — чернь с участием липы сибирской, пихтово-осиновые леса с небольшой примесью кедра, березы и лиственницы. Местами встречаются большие массивы осиново-березовых лесов или сплошные осинники (Малолетко, 1972, с. 167). В черневой тайге обитают лось, медведь, косуля, рысь, лиса, барсук, ондатра, бобр, заяц, сурок, суслик, белка. Черневая тайга занимает значительные площади в Салаирском кряже Кемеровской области и Алтайского края.

Памятники майминской культуры находятся в западном основании Салаирского кряжа и в восточной части Предалтайской равнины — в междуречье Чумыша, Бии и Катунь, в пределах современных административных единиц: Солтонский, Красногорский районы Алтайского края и Майминский район Республики Алтай.

Вторая область — долина Бии и верховья Оби. Ее длина до слияния с Катунью — верховьев Оби составляет 300 км. Бия берет начало от Телецкого озера. На выходе из горной области она бежит на стыке Бие-Чумышского плато и Предалтайской равнины. Берега Бии практически полностью залесены до слияния с Катунью, прерываясь обводненными изгибами старого русла с характерным обрывистым обнажением Бийской террасы (IV) (Панычев, 1979, с. 17–21). Сосновый бор занимает вторую — «боровую» и отчасти третью террасы (II, III) в правобережье Бии, первую и вторую террасы левобережья. Выше устья р. Неня к Салаиру черневая тайга охватывает берега полностью. Ниже впадения р. Чемровка лес распространяется на обширных пространствах правобережья Оби шириной до 60 км, длиной около 100 км, образуя непроходимую тайгу (преобладают сосна, осина) с болотами и озерами.

В глубине террасы, в 30–34 км от русла Оби, на окраине этой тайги, находится озеро Иткуль. По правобережью Бии сосредоточены бийские городища 1-й пол. I тыс. н.э. на участке протяженностью 56 км от устья Чемровка вверх — до устья Бехтемира (Кунгурова, Отчеты, 2010; 2011; 1997). По Бие насчитывается более 20 укрепленных и неукрепленных поселений 1-й пол. I тыс. н.э., так называемых бийских городищ. К их зоне примыкает большая группа из более десятка иткульских городищ и поселений, распространенных по рекам Чемровка — Уткуль и на озере Иткуль (Малый, Большой), отстоящем от устья и берега Бии — Оби на 30–34 км. Они составляют единый комплекс.

Городища расположены на второй и третьей бийских «боровых» террасах, достигающих высоты от 12 до 40 м, и занимают эоловые гряды, чередующиеся с низинами. Разница высотных колебаний поверхности достигает 20–30 м в правобережье Бии и 10–20 м на Иткуле. Такие особенности рельефа использовались при устройстве городищ и всего их комплекса и составляют культурно-исторический ландшафт.

Страна бийских городищ отделена от территории, занимаемой майминскими памятниками Салаира, широким ненинским коридором, достигающим 30 км от реки Бехтемир до левобережья долины Нени — таежных склонов Салаира. В этом коридоре и выше, на территории Салаира, фоминские городища и поселения отсутствуют (Кунгурова, Отчет, 2003), тогда как на территории распространения бийских городищ нет майминских поселений. На левом

берегу Бии известно только два позднефоминских (переходных) городища, находящихся напротив правобережного Бийского комплекса.

Далее к югу, к горам и вверх по Катунь фоминских городищ III — нач. IV тыс. лет. При этом поселения майминской культуры распространяются частью в предгорьях на левом берегу Бии, в долине Иши и в правобережье Катунь, в 48 км южнее русла Бии и далее — по северо-восточным предгорьям Алтая.

Таким образом, майминская и фоминская группы занимали каждая свою территорию, ограниченную нейтральной зоной. Лишь в северных областях, включающих Чумышский бассейн, территориальные рамки культур не ясны, поскольку погребения фоминского этапа III–IV вв. (Уманский, 1974) здесь отмечены (три могилы КМ «Татарские могилки», или Степной Чумыш-2), а майминские памятники пока не обнаружены.

В Чумышской зоне до ее верховьев и долины верхней Томи распространяются степи с колковыми лесами, переходящие к востоку в таежные леса, где известны памятники (поселения, могильники) фоминского этапа (по Ю.В. Ширину — фоминской культуры) (Ширин, 2005, с. 31; рис. 14).

На юге области, занятой майминской культурой, самый крайний межгорный памятник — Урлу-Аспак, находящийся в верховьях Маймы. Четкой границы либо нейтрального буфера между территорией майминской культуры и областью поселений горной страны Алтая, также и булан-кобинских погребальных комплексов не прослежено и, возможно, не существовало. Далее между р. Майма (г. Горно-Алтайск) и Монголией расстояние составляет 350–380 км до верховьев р. Юстыд с хуннскими мастерскими (по тракту — 508 км).

II. ИСТОРИЯ МНЕНИЙ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ, ПРЕДГОРИЙ И ГОР АЛТАЯ В 1-Й ПОЛ. I ТЫС. Н.Э.

По поводу демографической ситуации в Верхнем Приобье в 1-й пол. I тыс. (I–V вв. н.э.) существуют мнения, к которым пришли исследователи в ходе изучения археологических культур, заполнявших территории Верхнего Приобья, Алтая и Салаира.

Всеми принята схема периодов археологических культур, предложенная М.П. Грязновым, но по мере накопления и изучения археологических материалов она претерпела изменения. Он предложил выделить три хронологически взаимосвязанные группы памятников верхнеобской культуры, соответствующие одинцовскому, переходному и фоминскому этапам. Одинцовский этап был датирован II–IV вв. н.э., или III–IV вв. н.э. (Грязнов, 1956, с. 112), переходный — V в. н.э., фоминский — VII–VIII вв. н.э. (с. 133). При этом возможность обратной последовательности этапов, а именно: фоминский — первый этап, а одинцовский — последний, допускалась только в рамках I–IV вв. н.э. (там же, с. 135), так как предметы из одинцовских погребений (бусы, пряжки) «не выпадают из рамок времени II–IV вв. н.э.».

Автор также полагал, что культура верхнеобских племен не представляла собой продукт местного развития, а принесена извне, с северо-запада, из среды древних угорских племен и является результатом широкого расселения в лесной и лесостепной полосе Сибири культурно-родственных племен (там же, с. 140).

Л.А. Чиндина, говоря о передвижении групп населения кулайского субстрата в пределах Сибири, указывает, что саровский культурный тип появляется на Средней Оби не ранее II века до н.э., дальнейшее его существование занимало период до IV в. н.э. Расселение племен происходило по лесной полосе. Она поддержала точку зрения В.Н. Чернецова об участии самодийского компонента как основного в сложении кулайской культуры. Учитывая присутствие у кулайцев тагаро-таштыкских компонентов, она пришла к точке зрения о продвижении кулайского населения на юг Сибири в сторону лесостепной территории, занимаемой поздней тагарской-таштыкской культурой, что объясняет обратное проникновение материалов в район Средней Оби путем торговли-обмена (Чиндина, 1984, с. 173–174).

Т.Н. Троицкая, исследовавшая кулайскую археологическую культуру, сделала заключение, что фоминская группа организовалась именно в Верхнем Приобье (Троицкая, 1979, с. 47, 49) как результат второй волны продвижения со Средней Оби носителей кулайской культуры. Это расселение охватило территорию правобережья Бии, на берегах которой были основаны городища с керамикой, орнаментированной в несколько измененной кулайской (саровской) традиции с элементами фигурного рубчатого штампа и уплотненной печатной гребенки (там же, с. 44).

Таким образом, в отличие от периодизации М.П. Грязнова, в исследованных Т.Н. Троицкой новосибирских материалах фоминский этап в верхнеобской культуре не фигурирует. Он является производной и составляющей кулайской культуры и ярко проявляется на территории Верхнего Приобья. Фоминский этап кулайской культуры датирован концом I – III вв. н.э. с верхней датой — III–IV вв. н.э. (Троицкая, 1979, с. 49).

Фоминский комплекс памятников Кузнецкой котловины — Верхней Томи Ю.В. Ширин включил в область распространения кулайской историко-культурной общности и предложил

рассматривать как самостоятельную культуру. Время фоминской культуры Ю.В. Ширин относит к рубежу от II–III вв. до V в., синхронно первому этапу таштыкской культуры (II–IV вв.) (Ширин, 2003, с. 114; 2005, с. 29, 34). Представляется разумным тезис об отличиях фоминской и одинцовской культур, в каждой из которых акцентированы признаки доминирующей культурной основы, оказавшей влияние на формирование и трансформацию.

Е.В. Григоров и А.А. Казаков, как и Т.Н. Троицкая, считают, что в основе фоминского этапа кулайской культуры саровский культурный компонент выражен намного сильнее, чем в формировании одинцовской культуры, где усиливается другой компонент. Е.В. Григоров и А.А. Казаков указывают на то, что ареалом формирования одинцовской культуры является Барнаульско-Бийское Приобье, та территория, на которой локализованы памятники переходного сошниковского этапа (Григоров, Казаков, 2018, с. 51).

В развитии одинцовской культуры авторы видят три этапа. Первый период одинцовской культуры они относят ко второй половине IV в. н.э. — первой половине V в. н.э. — к переходному сошниковскому этапу одинцовской культуры (Казаков, 1998, с. 195, 196), таким образом удревняя одинцовскую культуру. Одинцовский этап проходит в рамках 2-й пол. V–VI вв., тимязевский — в VII–VIII вв. (там же, с. 53). Авторы основываются на различиях в погребальном обряде (кремация в кулайских погребениях в отличие от ингумации с конем в одинцовских вместе с появлением кольцевой деформации на черепках) (там же, с. 50).

Фоминский этап в Барнаульско-Бийском Приобье продолжается со II в. по 1-ю пол. IV в. н.э. до внедрения одинцовских племен. Авторы придерживаются обоснованной точки зрения, что одинцовская культура принесена иным населением в эпоху великого переселения народов под давлением гуннов (там же, с. 52). При этом под сошниковскими (переходными) погребениями принимаются могилы из БЕ-3 и БЕ-12 (Грязнов, 1956, табл. XLVI, XLVII), а под сошниковскими поселениями — материалы из небольшого раскопа на городище Сошниково-1 (Казаков, 1998). Другие керамические комплексы не приведены.

Однако идея о выделении переходного этапа между фоминским этапом кулайской культуры и одинцовским представляется верной и в то же время аморфной. Она была предложена М.П. Грязновым, отмечавшим, что в переходном этапе особых изменений не произошло (Грязнов, 1956, с. 117, 126), но при этом появилась деформация черепков, использовались высокая посуда со сферическим дном, одинцовские наконечники и другие материалы, и что материалов для более широкой идентификации недостаточно. В таком случае в эти хронологические границы попадают практически все позднекулайские памятники, в том числе Усть-Абинский могильник, троцкий Елбан-I с «позднепьяноборскими» параллелями (Васютин, 1995, с. 153), а идея самого фоминского этапа и принадлежности бийских городищ к нему как самого позднего этнокультурного образования, сформировавшегося на южных окраинах кулайской культуры, теряет смысл.

Мнения о распространении самодийского компонента как основного в этносе народов Среднего Приобья в III–II вв. до н.э. — III–IV вв. н.э. придерживался В.А. Могильников. С этой точки зрения фоминский (I–III вв. н.э.) и одинцовский (IV–VIII вв. н.э.) этапы верхнеобской культуры возникли в результате культуры, привнесенной группами южных самодийцев, распространившихся до предгорий Алтая и Саян, где они вступили в контакт с тюркоязычным населением. К концу I тыс.л. — нач. II тыс.л. культура была тюркизирована и вошла в состав ряда этносов предгорий Саяно-Алтая: кумандинцев, телеутов, шорцев, хакасов, отчасти тувинцев. Небольшие группы населения самодийцев были оттеснены в горно-таежные районы, где они сохранили свою культурную и языковую самобытность (Могильников, 2002, с. 90).

Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков (Троицкая, Новиков, 1998), проведя анализ материалов поселений и могильников верхнеобской культуры, выделили одинцовский этап верхнеобской культуры — V–VI вв., тимирязевский этап верхнеобской культуры — VII — нач. VIII в., юртабалыкский этап — 2-я пол. VIII–IX вв. (Троицкая, Новиков, 1998, с. 83). При этом верхняя граница верхнеобской культуры — середина VIII в. н.э., позже третий этап также был отнесен к этой культуре, благодаря чему верхняя дата установлена на IX в. н.э. Истоки орнаментальной традиции верхнеобской керамики восходят к позднекулайскому этапу лесостепного варианта кулайской культуры (там же, с. 66).

Разделяя мнение Л.А. Чиндиной о базировании культурной общности на кулайской основе и о генетических процессах в культуре в рамках угро-самодийской общности, произошедших благодаря передвижениям различных групп, в том числе двух волн переселения самих кулайцев, О.Б. Беликова и Л.М. Плетнёва (Беликова, Плетнёва, 1983) предложили схему периодизации в развитии культур Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. В керамике были выделены три типа орнаментации и форм сосудов для Томского Приобья (Беликова, Плетнёва, 1983, с. 70–71), при этом замечено, насколько близка керамика Томского и Новосибирского Приобья. Характеристика орнамента и архитектурные традиции, в особенности тимирязевских материалов, типология вещей важны для понимания основ и генезиса культур Верхнего Приобья. Авторы отмечают, что период V–IX вв. был непростым, беспокойным для народов Южной Сибири, в это время происходила тюркизация культуры. Только на южной окраине верхнеобской культуры (пункт БЕ) по погребениям видно проникновение (экспансия) «самых тюрков».

Наиболее конкретное определение для компонента, повлиявшего на формирование верхнеобской культуры, дал Д.Г. Савинов, указав, что есть основания связывать трансформации культуры с древними кыпчаками, продвинувшимися на Северный Алтай в начале I тыс. н.э. и принявшими участие в сложении верхнеобской культуры (Савинов, 1984, с. 21). Вместе с тем С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 218) отметили, что изменение обстановки вызвало распространение телесских племен, имеющих хуннские основы. Из приведенных источников следует, что в 410 г. жужане подчинили кыргызов, после чего в V в. образовался Жужаньский каганат, включавший и Алтай, в том числе лесные племена Саяно-Алтайских предгорий под названиями дубо, бома, милиге, у которых были рубленые избы, керамика.

А.М. Илюшин по мере исследования материалов предтюркского времени определил более широкую территорию распространения одинцовской культуры — от Верхнего Приобья до Кузнецкой котловины включительно, с чем Т.Н. Троицкая согласилась, отметив, что в Кузнецкой котловине могла быть и отдельная культура (Троицкая, Новиков, 1998, с. 82). А.М. Илюшин, ссылаясь на китайские источники, связал этнос культуры населения Кузнецкой котловины с народом бома (Илюшин, 1992, с. 52–56). Д.Г. Савинов, привлекая выводы А.П. Уманского, пишет, что на территории Северного Алтая в начале I тыс. н.э. на формирование верхнеобской культуры оказала влияние культура древних кыпчаков (цуюше?), в результате чего в верхнеобской культуре присутствуют угорский — северный и южный — кыпчакский компоненты (Савинов, 1984, с. 27). А.П. Уманский, затем Ю.В. Ширин по исследованиям фоминских погребений на Верхнем Чумыше (Степь-Чумыш-2) определили, что влияние раннетюркских и таштыкских элементов прослеживается в III–IV вв. н.э. у населения фоминского этапа, и пришли к выводу о распространении этого населения в верховья Чумыша (Уманский, 1974, с. 136–149; Ширин, 2003, с. 30).

Южная граница распространения фоминских (переходных) памятников в северном Алтае и восточная — в Салаиро-Алтайских предгорьях соседствовали с зоной распространения

майминской культуры. Исходя из этого, В.И. Соёнов пришел к выводу, что «террасные» городища, растянувшиеся вдоль Бии (бийские городища и Бехтемир), «также можно предположительно отнести к населению северной окраины майминской культуры, испытывавшему влияние кулайской и одинцовской керамических традиций».

Также он обратил внимание на особенности укрепленных городищ на Катунь, близких к зоне распространения могильников булан-кобинской культуры, и то обстоятельство, что именно в I в. до н.э. — V в. н.э. на Алтае и в предгорьях увеличивается количество фортификационных сооружений — городищ, дало ему возможность предположить наличие сложной военно-политической обстановки (Соёнов В.И. и др., 2011, с. 41, 60). Это же подтверждают материалы захоронений булан-кобинской культуры. Синхронизация времени функционирования укрепленных бийских городищ, городищ и поселений майминской культуры с полученными датами для катунских городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4, совпадающих с булан-кобинской культурой, породила оценку обстановки во всей предгорно-горной области Алтая.

Таким образом, мнения о датировании этапов, культурном влиянии на ситуацию, определявшую изменения в культурах, о генезисе фоминского и одинцовского этапов и культурной принадлежности бийских городищ, сошниковского этапа, одинцовской культуры могут немного различаться в зависимости от угла зрения на культуры соседних территорий. Замечания о влиянии тюркизации варьируются в пределах III–IV–V вв. н.э. Выражена позиция относительно начала одинцовского этапа (культуры) — V в. н.э., исходя из дат завоеваний жужаней — 1-я пол. V в. н.э. Представляется, что время появления захоронений с черепной деформацией и их связи с культурными группами изучены недостаточно.

В вопросах интерпретации и датирования археологических памятников хуннско-предтюркского времени на территории Саяно-Алтая в настоящее время сформировались мнения об отражении исторических процессов на материалах археологических культур.

Завоевание хуннами юечжей (по определению Д.Г. Савинова) совпадает с началом позднего (шибинского — по периодизации М.П. Грязнова) этапа пазырыкской культуры Горного Алтая — II в. до н.э. В памятниках пазырыкской культуры Горного Алтая впервые появляется ряд элементов иного культурного комплекса. Пребывание хунну в Горном Алтае отмечено по встреченной на юге керамике: на реках Юстыд, Эдиган, что подтверждает непосредственное присутствие здесь какой-то группы хуннов (Кубарев, Кадиков, Чевалков, 1979, с. 238; Кубарев, Журавлева, 1986, с. 102, 118; Худяков, 19986).

Д.Г. Савинов пишет, что влияние хунну наиболее отчетливо отразилось в сопроводительном инвентаре из погребений улуг-хемской культуры в Туве и тесинского этапа (или культуры) в Минусинской котловине, включающем в себя целый ряд предметов, ранее не встречавшихся в Южной Сибири (Савинов, 1984, с. 19): хуннских наконечников стрел, накладок луков, ажурных пластин и застежек со специфическими фаунистическими изображениями, имеющих аналогии в материалах Дэрестуйского могильника, Иволгинского комплекса. Это подтверждают материалы из тесинских погребений (Вадецкая, 1999, с. 72; Савинов, 2009, с. 77; Степная полоса..., 1992, с. 232, табл. 93–94). Характерные предметы обнаружены в Горном Алтае в могильнике Яломан-II (Тишкин, 2010, рис. 1, 2) и в погребениях булан-кобинской культуры, что «свидетельствует о повсеместном распространении» в этот период хуннской культуры в Горном Алтае на уровне ареального включения в сферу влияния хунну (Савинов, 2009, с. 104).

Однако следует отметить, что в булан-кобинских погребениях и поселенческих материалах этого времени (Соёнов, Константинова, 2015), несмотря на встречаемость предметов,

близких хуннским образцам (накладки на лук, виды пряжек, наконечники стрел с раздвоенным основанием), все же ажурное литье (зооморфные пряжки, ажурные пластины и ложечковидные застёжки), выделяющееся как особый маркер в культуре населения минусинской «провинции хунну», нехарактерно для Горного Алтая либо представляется (на Яломане-II, например) в утрированно уменьшенном и сокращённом виде изображения. Этот факт наводит на мысль о распространении на Катунь стереотипа, используемого носителями булан-кобинской культуры. Это могут объяснять и события истории, изложенной исследователями.

После разделения хунну на северную и южную группы районы севера Центральной Азии, в том числе Алтай, были включены в состав новых территориальных владений монгольских династий — сначала сяньбийцев (I–III вв.), а затем жужаней (IV — середина VI в.). Термин, обозначающий период II в. до н.э. — II–III в. н.э. как «хунно-сяньбийское время», использован С.С. Матрёниным (Матрёнин, 2005, с. 4). А.А. Тишкин (Тишкин, 2007, с. 163–164) указал, что это название верно по отношению к Алтаю до того времени, когда с включением Алтая в состав Жужаньского каганата сяньбийская линия доминирования на северной периферии прервалась. Н.Н. Серёгин и С.С. Матрёнин в монографии «Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. — XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации» период II в. до н.э. — V в. н.э. рассматривают как «хуннско-сяньбийско-жужаньский» (Серёгин и др., 2014, с. 6).

Исследователи указывают, что большая часть Алтая была плотно заселена носителями булан-кобинской культуры со II в. до н.э. по V в. н.э. Используя поражение хунну от китайских войск в 93 г., сяньби заняли их территорию и усилились за счет слияния с остатками хунну. В середине II в. н.э. сяньбийские племена были объединены в державу: в 155–235 гг. (II–III вв. н.э.) в Центральной Азии образовалось сяньбийское государство. Его территория широко распространилась на землях, ранее подвластных хунну. В соседней Алтаю Туве по кокельским погребениям установлено, что карательные события 155–168 гг. против союзников (сяньби) достигли этих районов (II–III вв. н.э.). Сложная военная ситуация, вероятно, связанная с этими событиями, была также и в Центральном Алтае в среде булан-кобинских племен.

Жужане — ветвь сяньби, обитавшие в степях Западной Маньчжурии и Монголии в конце IV в., покоряют телесские племена и поднимаются в 402–429 гг., образуя Жужаньский каганат. Предположительно Алтай вошел во владения этого государства. В начале IV в. по 552 г. н.э. территория стала частью Жужаньского каганата. К близкому времени относят кок-пашский тип погребений (III–V вв. н.э.) в восточной части Алтая (Васютин, Елин, 1987; Елин 1990, с. 123, 128), в центральной части Алтая (Иня — Катунь) была распространена булан-кобинская культура. Большинство исследователей придерживается заключения о формировании в этот период критериев культуры тюркского этноса. Булан-кобинская и кок-пашская культуры выделены на основе погребений. При этом не исследована связь погребений с материальной культурой поселений.

В монографии «Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений)» (Шульга, 2015) П.И. Шульга привел материалы из большинства поселений Горного Алтая, в том числе планы некоторых городищ, дал изображения керамики, которые позволили оценить и сравнить многочисленные разновременные коллекции, включающие фрагментные образцы. В Горном Алтае по долине Катунь известно большое количество поселений. К эпохе раннего железного века П.И. Шульга относит 133 поселения, к эпохе Средневековья — 46 поселений и городищ (Шульга, 2015, с. 16, 17). Также он не исключает сходство орнамента на керамике из некоторых средневековых поселений с поселениями майминской культуры, а именно с ма-

териалами поселений Майма-1, Курлап, Ушлѐп-3, Урлу-Аспак, сравнивая с частично опубликованными материалами и ссылаясь на мнения о датировке и культурной принадлежности. Вслед за Ю.С. Худяковым он констатирует в данном своде, что на южной окраине Республики Алтай, на Юстыде, присутствует прямое влияние культуры хунну (сяньби).

П.И. Шульга, возможно, ссылаясь на более ранние публикации Маймы-1 С.М. Киреевым с интерпретацией, пишет, что поселение Майма-1 многослойное, содержит материалы от эпохи бронзы до середины I тыс. до н.э., и что Майма-1 относится ко II–I вв. до н.э., где в орнаментации керамики преобладают округлые вдавления (Шульга, 2015, с. 76, 109). Также указывает, что поселения в Горном Алтае базируются на комплексном хозяйстве с земледелием и близки материалам Маймы-1 и Урлу-Аспак, при этом Майма-1, Курлап, Ушлѐп-5 «относятся к иной культуре». Некоторые элементы орнаментации керамики Сайлапского и Курлапского городищ и слоя I тыс. н.э. (Шульга, 2015, с. 76, с. 106–107) на поселении Майма-1: сочетание наколов с елочкой, нанесенной гладким или гребенчатым штампом, и вертикальных вдавлений стеблем травы, наблюдаемые и в чепошской керамике, могут быть объяснены как стадиальными изменениями, приведшими к исчезновению жемчужника и наlepных валиков в начале I тыс. н.э. в северных предгорьях Алтая, так и возможной культурной преемственностью с более поздних майминских поселений.

Из всей серии опубликованных в монографии материалов интерес представляет материал с поселения Кастахта-3, соотнесенный им, возможно, с бийкенской культурой, но отличающийся от всех рассматриваемых памятников. При сравнении керамики Кастахты-3 и Чепоша-2 П.И. Шульга приводит цифры присутствия в орнаментации оттисков угла штампа в 23 %, отличающего Кастахту-3 от Чепоша-2; притом, как и на Чепоше-2, оттиски штампа, расположенные елочкой, составляют 36 %, а на Кастахте-3 — 14 %, гребенчатый штамп в обоих памятниках выступает в пропорциях 2,5 и 3,6 %. Но при этом сходстве Шульга датирует Кастахту-3 последними веками I тыс. до н.э. Более ясной природа этих сходств и различий становится в анализах поселенческой керамики, проведенных В.И. Соёновым.

На настоящий момент опубликованы материалы поселений Горного Алтая. Так, городище Манжерокское (Манжерок-3) исследователи (Соёнов и др., 2013) причислили к группе памятников Майма-1, Чепош-2, Кызыл-Озек-II, Урлу-Аспак, Черемшанское городище и поселения на р. Улалушка. В.И. Соёнов относит их, как и многие городища Горного Алтая, к гунно-сарматскому времени и к кругу майминской культуры (Соёнов и др., 2013, с. 244, 245). Пишет, что в это время появляются поддоны «как следствие хуннского влияния». В материалах Кузнецкой котловины, в майминских поселениях Салаира поддоны на сосудах также встречаются довольно часто, но их распространение связывается и с элементами тагарско-таштыкского влияния (например, Шестаковский комплекс).

Связь городищ Горного Алтая с майминской культурой по вещевому материалу городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 прослеживают В.И. Соёнов, С.В. Трифанова, Н.А. Константинов, Е.А. Штанакова и Д.В. Соёнов в монографии «Чепошские городища» (Соёнов и др., 2011). Авторы монографии относят городища Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 к майминской культуре гунно-сарматского времени и представляют ряд дат. Радиоуглеродные даты нижнечепошских городищ, полученные по анализу образцов почвы и древесного угля, укладываются в разбросе I в. до н.э. — III в. н.э. (в большей мере — I–II вв. н.э.). Предложена датировка времени существования памятников майминской культуры — период II в. до н.э. — V в. н.э. (там же, с. 40, 42, 59–60, 86). Вместе с тем авторы относят катунские городища Черемшанское, Манжерок-3, Барангол-5, Енисейское-5 (наше уточнение — городище Бехтемирское)

с Бии к майминской культуре, как и городища северных предгорий Сайлап, Курлап, Курлап-2, Егона-I, Усть-Иша-3а. В культурной интерпретации бийских городищ опирались на краткие публикации этих материалов, где отсутствовал анализ керамики и не были учтены различия между поселениями Горного Алтая, поселениями северных предгорий майминской культуры и бийскими городищами.

Майминскую культуру выделил М.Т. Абдулганеев на основе материалов поселений Майма-1, Сайлап, Курлап, Ушлѐп-5, отмечая, что территория ее распространения лежит в предгорной северо-восточной области Алтая и в Западном Салаире. Обособление культуры и время ее существования определяется II–V вв. н.э. — гунно-сарматским временем (Абдулганеев, 1993).

Синхронно с майминской культурой в Горном Алтае существовала булан-кобинская культура. Ее этапы датируются II в. до н.э. — V в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161). В начале 1980-х гг. Г.Д. Глоба исследовала погребения гунно-сарматского времени в могильнике Белый Бом-II, и датировала их II в. до н.э. — III–V вв. н.э. (Глоба, 1983). Культура выделена Ю.Т. Мамадаковым в 1990 г. на основе материалов из погребений хуннского времени Булан-Кобы-V, Улита, Бошту-I, Катанда-III (Мамадаков, 1985), а также Белый Бом-II, Кок-Паш и других и датирована I в. до н.э. — IV в. н.э. Был сделан вывод о самостоятельной культуре, которая послужила основой для дальнейшего культурного развития местных этносов (Мамадаков, 1990, 1994). Затем ряд погребений и могильников булан-кобинской культуры исследовали экспедиции ГАГУ, АлтГУ, что довольно значительно расширило источниковедческую базу и позволило выделить этапы: Усть-Эдиганский (II в. до н.э. — I в. н.э.); Бело-Бомский (II в. — 1-я пол. IV в. н.э.); Верх-Уймонский (2-я пол. IV в. — 1-я пол. V в. н.э.), куда включены Кок-Паш, Берель и др.

Считается, что булан-кобинцы приняли участие в сложении одинцовской культуры, а тюркская культура возникла во 2-й пол. V в. с переселением на Алтай племени Ашина (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161). В 1980-х гг. исследовано более 40 погребений из могильников Кок-Паш и Коо-1 и выделен кок-пашский тип памятников в восточном Алтайском нагорье. Могильник Кок-Паш находится в долине Чулышмана. Как сказано, кок-пашский тип существовал в предтюркское время в III–V вв. В могильнике найдены хуннские накладки на лук, наконечники стрел с раздвоенным насадом и черешком (Васютин, 1997, рис. 1). Территория кок-пашских погребений с юго-востока соседствовала с территорией майминского населения салаирского правобережья Бии и, возможно, соединялась дорогой, ведущей вверх по Бие далее на восток.

Если принять во внимание эти точки зрения на исторические процессы в период II–V вв. н.э., то появляются вопросы о ранних и синхронных с переходным этапом радиоуглеродных датировках майминских поселений и сопутствующих им ингумированных погребений — трупоположений на спине. Вместе с тем при рассмотрении южной области распространения майминской культуры мы видим обширную область с булан-кобинской культурой и крепостями Катунь.

III. ПАМЯТНИКИ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1-Й ПОЛ. I ТЫС. Н.Э. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Памятники майминской культуры

Они представлены двумя группами укрепленных и неукрепленных поселений.

Первая группа находится в таежных и предтаежных зонах Солтонского района вдоль левобережья долины р. Неня и в правобережье верховьев Бии. Вторая группа памятников распространена в предгорной части северо-восточного сектора Алтая (Предалтайской равнине и низкогорий Алтая) — в Красногорском районе Алтайского края и в Майминском районе Республики Алтай между Бией и Катунью и в правобережье нижнего течения Катуни.

Первая группа (салаирская). Памятники Салаирского кряжа рассредоточены в холмистой лесо-таежной местности. Поселения устроены на высоких террасах с выходом на широкие поймы рек Бия и Неня.

Поселение Ушлѐп-5 располагается на мысовой части высокой террасы правого берега р. Ушлѐп на высоте 25–40 м над уровнем поймы (рис. 14). Ниже по склону в 100 м восточнее поселения берет начало родник. С северной стороны к горе примыкает широкая обводненная пойма старого русла р. Ушлѐп в системе р. Неня с аккумулятивными водоемами болотного типа и согрой. Правый берег реки находится на расстоянии 20 м от оконечности мыса. Восточный и северный склоны террасы и более высокий ее уровень покрыты тайгой, а сама площадка поселения и внутренний западный склон — луговой растительностью. Местность хорошо обозреваема на дальние расстояния, а ветра на высоком участке позволяют избегать гнуса в течение дневной части суток.

Поселение (городище) Курлап расположено на широком мысовом выступе правой Бийской террасы высотой 100 м над уровнем поймы Бии в 0,3 км по прямой от Бии, протекающей южнее в основании горы (рис. 3). На склоне и в окрестностях поселения находится лесо-таежный массив. С запада в 0,3 км от площадки мыса протекает ручей, с востока простирается современная пойма Бии. Пойму прорезают речки Сайлапка и Белая, и обозначены старичные русла с аккумулятивными водоемами болотного типа. Склоны горы довольно крутые. Площадка поселения покрыта луговой растительностью. Местность хорошо обозреваема и проветриваема. Северо-восточную — напольную часть мыса, обращенную к дороге, пересекают четыре рва с пятью валами, на склонах имеются эскарпы в виде ступени и рва, растянутые по длине городища. С южной стороны на ступени имеется западина. Ширина рвов — 2–3 м, высота валов — 0,5–0,7 м. Сторона, обращенная к Бие, имеет крутой залесенный спуск со скальными отвесами.

Городище Курлап-2 размещается на той же террасе, что и городище Курлап (рис. 4). Оно занимает мысовидный участок восточного края террасы, обращенного к р. Сайлапка — правого притока Бии, протекающей в межгорном распадке. Городище подпрямоугольно-овальной формы, окружено рвами с въездами с западной напольной и восточной склоновой сторон. Внутри городища 8 западин диаметром 10 м и такой же западиной за пределами рва. Местность частью покрыта луговой растительностью и частично лесом. Со стороны восточного выхода имеются параллельные рвы, продолжающиеся до края террасы, стыкуются с участком с другими западинами. Сделаны сборы с аналогичной майминской керамикой.

Городище Сайлапский (Сайдыпский) Взвоз, или Сайлап (рис. 5) расположено на мысовидном выступе той же террасы, огибаемом реками Сайлапка и Белая, с поймой Бии. Жилищные западины и система укреплений были разрушены в 1928, 1965, 1983 гг. при строительстве автодороги Бийск — Турочак. Высота площадки поселения — около 80 м над уровнем поймы Бии. Склоны мыса покрыты смешенным лесом и кустарником. Рядом с городищем протекает ручей. В таких же условиях находится поселение Сайлап-1 (рис. 6).

Поселение Курлапский Ручей-1 находится к западу от городища Курлап также на высоком (40 м) правом берегу правого притока р. Бия. Поверхность залесена.

Городище Канонерская Гора занимает площадку выступа долиной террасы р. Бия высотой 40 м над уровнем поймы севернее с. Сайдып (рис. 7). В подножии террасы располагается бывшая пойма Бии с влажными заболоченными участками урочища Осинники. До современного русла Бии — 1,8 км. Севернее в 0,7 км в распадке террасы протекает ручей Учурга, к югу в 1,7 км русло р. Каменка. Юго-западный край террасы обращен к пойме. Вдоль края проходит широкий вал, возможно, позднего происхождения, связанный с форпостом (внизу на месте с. Сайдып размещался укрепленный казачий форпост XVIII в.).

А.П. Уманский упоминает городище Сайдып и древние выработки железа, возможно, имеющие отношение к этому городищу либо городищу Сайлап.

Особенности: у салаирской группы поселений (Сайлап, Курлап, Ушлѐп-5, Канонерская Гора) в основном простые обводные укрепления границ, за исключением поселения Ушлѐп-5, не имеющего ограждений. Западины от жилищ не обнаружены, архитектура поселков привязана к направлению рельефа террасы. Поселения располагаются в таежной зоне в глубине террасы на высоких участках, удалены от крупной водной артерии (Бии), но, возможно, близки дороге. Современная грунтовая дорога ведет на р. Лебедь и далее — на Телецкое озеро, выводит конным маршрутом в долину Чулышмана и затем в верховья Абакана. Поселение Ушлѐп-5 находится близ грунтового пути до верховьев Чумыша. Все поселения питались ручьем либо мелкой рекой.

Вторая группа (предгорная, или **катунская**) поселений майминской культуры и I-й пол. I тыс. н.э. находится в предгорьях и низкогорьях Алтая (Предалтайская предгорная равнина) в Красногорском и Майминском районах между реками Бия и Катунь.

Городище Усть-Иша-3а расположено на выступающем мысу высокой (18 м) для этой местности террасы левого берега р. Иша в 0,7 км к востоку от края надпойменного берега Катунь (рис. 31). По периметру окружено двойным рвом и тройным валом. Внутренняя площадь занята 58–60 жилищными западинами разных размеров. Часть из них имеет внутренний уступ. Вся местность покрыта смешенным густым лесом. Усть-Иша-3а — одно из самых укрепленных майминских городищ и поселений в предгорной области Алтая. Более полное описание представлено далее по тексту.

Поселение Егона занимает мыс коренного берега р. Иша, выделенный поймой рек Иша и Елтош (рис. 8). В настоящее время пойма заболочена. Городище по периметру окружено рвом, западины жилищ не прослежены.

Поселение Новозыково-3 занимает на левом берегу Иши мысовидный участок террасы, окруженной поймой этой реки. У керамики есть некоторые сходства с майминской керамикой и отличия. Часть поселения исследована.

Поселение Курлек находится на левом берегу Иши в ее верховьях на мысу террасы 15-метровой высоты. Более подробным описанием не располагаем. В разрушениях собрана майминская керамика.

Поселение Горный-11 расположено на мысу террасы, возвышающемся на 15 м над Ишой, окружен с востока и юго-востока ручьем, с юго-запада старицей Иши. Керамика имеет сходства с майминской.

Поселение Горный-3 выявлено и исследовано М.Т. Абдулганеевым на площади тюркского грунтового могильника Горный-10. Поселение многослойное, содержит слой с керамикой, близкой майминской.

Поселение Размашкин Лог занимает мыс, выделенный узкой грядой от подножия высокой террасы Иши, высотой до 3 м над уровнем низкой террасы и болотистой поймы ручья Размашкин, огибающего его с севера. Поверхность покрыта полевой растительностью, в пойме растут кустарники.

На коренной террасе р. Иша находятся также поселения *Верх-Иша-1*, *Верх-Иша-2*, *Верх-Иша-3*, *Новосуртайка-1*, *Горный-9*, *Горный-12*, *Харизовка-3*, по керамике близкие майминской группе (рис. 2).

Поселение (городище) Соусканиха расположено на выступе высокой левобережной террасы Бии, ограниченном оврагами и поймой реки. Оно находится напротив устья Нени в предгорном ландшафте. Керамика малочисленна, имеет сходство с майминской посудой.

Городище и поселение Солонцы-1, 2 также находятся на левом берегу Бии. В исследованных комплексах была встречена керамика, характерная для майминской культуры: чаши, мелкая посуда, банки и горшки, в том числе сосуды с высоким и средневысоким горлом и внешним краевым напылением на венчике. Орнамент включает ряды ямок, волнообразные мотивы, ряды наклонно поставленного штампа, образующие елочку, на одном сосуде нижний ряд составлял зигзаг (рис. 4).

Следующие поселения расположены в правобережье долины Катунь в 7–8 км выше городища Усть-Иша-3а.

В районе с. Долина Свободы обнаружена керамика, близкая майминской, на поселениях Долина Свободы-2, 3, Куросай.

Городище Куросай находится в 7,6 км выше по Катунь от городища Усть-Иша-3а перед с. Долина Свободы на левом берегу глубокого оврага с протекающим в нем ручьем Куросай. Городище прямоугольно-овальной формы, окружено двумя рвами и валами, с севера ограничено обрывом оврага, в котором течет ручей Куросай, впадающий в Катунь, с запада от городища — склон высокого правого берега Катунь со спуском. Поверхность городища изменена лесопосадкой и распахкой. Не исключено, что оно также может относиться к данной группе памятников. Городище обнаружено Ю.Т. Мамадаковым (Мамадаков, 2009, рис. 64). Керамики найдено мало, она без орнамента и с ямками, культурно-хронологическая принадлежность не установлена.

Поселение Майма-1 расположено в 14 км вверх по Катунь от городища Усть-Иша-3а, в 3 км к северу от с. Майма на террасе Катунь высотой до 15 м, на мысовидном участке, образованном ручьем и поймой Катунь, в 1,5 км от современного русла Катунь, в 0,5 км от Чуйского тракта (рис. 11.1, 11.2). Русло ручья находится у подножия южного склона террасы, с запада берег понижается к ныне заболоченной пойме. Растительность на поселении относится к степной группе, занимает пространство всех террас и горных массивов, их склонов.

Не исключено также, что поселение Майма-XIV может принадлежать к исследуемой группе памятников, как и некоторые из поселений на р. Улалинка. С этих поселений собраны фрагменты керамики, близкой по орнаменту майминской посуде. В общий анализ они не включены.

Поселение (городище) Черемшанка размещается на правом берегу Катуня в устье Черемшанки в 12,5 км к юго-западу от Горно-Алтайска. Располагается на выступе высокой террасы Катуня, по сведениям из БКМ, было защищено рвом и валом (план отсутствует). С востока участок поселения прорезан ручьем, с запада имеет крутой склон (Киреев, 1991, с. 86–89). Городище Черемшанка устроено в 0,9 км от основной дороги в Горный Алтай (Чуйского тракта).

Поселение Урлу-Аспак находится в 40 км к юго-востоку от Горно-Алтайска (в 25 км от его южной окраины), на северо-западной окраине с. Урлу-Аспак рядом с сельским кладбищем (Акимова, 2008, с. 37–39). Поселение расположено на площадке в 2,1 га второй надпойменной террасы правого берега р. Майма, в устьевой зоне ручья Тайташ, в 60 м от русла реки. Терраса имеет наклонную плоскость, опускающуюся к Майме (рис. 9). По описанию исследователя, поселение занимает самый возвышенный и ровный участок в северо-восточной части террасы. Поверхность поселения покрыта луговой растительностью. Местность принадлежит верховьям Маймы, которая, как и реки Куюм, Саракокша и Мал. Иша, берет начало в подножии горы Иша, достигающей высоты 1352 м над уровнем моря. Рельеф ее и природные особенности характерны для низких гор Алтая.

Особенности: катунские поселения и городища 1-й пол. I тыс. н.э. устраивались на высокой террасе вблизи старичного русла реки. В большинстве случаев рядом с поселением протекала река (например, Майма, Иша), родник или ручей. Городище Усть-Иша-За выделяется среди всех поселений сложной оборонительной системой и плотно расположенными западинами жилищ, близких по архитектуре поздним бийским городищам (Фоминское городище, 7-й км Смоленского тракта). Городище расположено у брода через Ишу вблизи основной дороги, проходящей вдоль Катуня из Центрального Алтая к верховьям Оби. Не исключено, что городище запирало вход в долину р. Иша, где располагалась группа поселений этого времени.

Городище Черемшанка, устроенное также вблизи основной дороги вдоль Катуня через Алтай, находилось на высокой террасе Катуня и было защищено рвом и валом (более точное количество неизвестно). Прочие городища, выстроенные вдоль дороги, описанные В.И. Соёновым и исследователями, располагались высоко на террасе Катуня и имели мощную защитную систему, состоящую из нескольких рвов и валов, например Нижний Чепош-3, 4, Манжерокское, Барангольское (Манжерок-3) (Соёнов и др., 2013, с. 243; Соёнов и др., 2016, с. 124–127; Шульга, 2015, рис. 25). При этом в отличие от них, поселения, находящиеся в глубине террасы Катуня и в удалении от пути, не имели ограждений либо ограждения не сохранились, например Майма-1, Урлу-Аспак, поселения на Улалинке, поселения на р. Иша (за исключением городища Егона). Может быть исключением участок Долины Свободы на основной дороге, который не изучен и сейчас изменен: здесь были поселения с западинами, возможно, раннего железного века, измененное современной застройкой, и городище у лога Куросай, обнесенное рвами и валами (изменено распашкой).

Дорога, идущая вдоль Катуня, ныне — Чуйский тракт, существовала очень длительный период. Она описана и нанесена в конце XVII — нач. XVIII в., называлась Джунгарской дорогой, Старой Татарской. В «рописях» к чертежам Годунова пишется, что «от устьев рек Бии и Катуня степью до Китайского царства ходу два месяца» (Исупов, 1999, с. 17). На юго-запад в Китайское царство, где сливался с Великим шелковым путем, скорее, описан обходивший Джунгарию (Горный Алтай) путь. Старожилы Бийска рассказывали о караванах, шедших из Монголии по Чуйскому пути, доставлявших стада и продукты, так необходимые России в голодные годы в начале XX в. и в Великую Отечественную войну, даже в зимнее время.

О том, что Чуйский тракт и дорога, ведущая через верховья Бии на верховья р. Абакан, существовали очень давно, говорит совпадение устройства бийских (переходных) укрепленных городищ 1-й пол. I тыс. н.э. и казачьей засечной линии из крепостей и острогов, растянутых вдоль правобережья Бии в XVII–XVIII вв. Точка смыкания тех и других находилась на переходе Чуйского (Джунгарского) пути через Вихоревский брод на Бие, состоящий из системы островов и отмелей, большого Иконниковского острова на слиянии Бии и Катунь. От этого места начинается комплекс фоминских бийских городищ III–IV вв. н.э.

Бийские городища 1-й пол. I тыс. н.э., растянутые вдоль русла Бии и Оби, стандартны по архитектуре: укреплены рвами и валами в центральной части, вокруг к ней пристроен поселок с жилищами, по площади иногда превышающий центральную часть, например в Фоминском городище. Устройство городищ обусловлено берегом крупной реки (Бии) или водоема (оз. Иткуль), густыми лесными пространствами на песчаных почвах и относительной близостью других поселений этого комплекса.

Если сравнивать особенности расположения и устройства фоминских бийских городищ и майминских поселений и городищ, то можно наблюдать большие архитектурные и функциональные различия.

Майминские поселения, в отличие от бийских городищ, располагаются в глубине террас крупных рек Неня, Иша, Майма, Бия в низкогорной области: одна группа занимала западный склон Салаирского кряжа — таежную зону, другая — слабозалесенные и незалесенные холмистые и низкогорные участки долины и притоков Катунь. Каждое из поселений устроено на незалесенном участке коренной террасы рядом с водным источником и вблизи открытых участков черноземов, удобных для распашки. Высота площадок поселений над поймой предотвращала атаки гнуса в салаирской зоне и, как правило, обеспечивала подветренное расположение и дальний обзор окружающей местности. Городища Салаира имели защитную линию, обращенную к дороге (Курлап, Канонерская Гора, Сайлап), либо окружены ею (Курлап-2), были поселки без защитной линии (Ушлѐп-5), поселения на Майме, Ише, Улалушке.

Территории распространения поселений майминской и фоминской культур не перекрывают друг друга и не совмещаются (рис. 2). Однако в планиграфии жилищ на городище Усть-Иша-3а и городище Фоминском имеется определенное сходство на фоне общего резкого отличия архитектуры фоминских (III–IV вв. н.э.) бийских городищ и майминских городищ Салаира и Средней Катунь (II–V вв. н.э.).

2. История исследования майминских памятников

Восточный Салаир, Солтонский район Алтайского края

Поселение Ушлѐп-5 открыто А.Л. Кунгуровым в 1989 г. при обследовании строящейся автодороги Сузоп — Солтонский угольный разрез в районе разработки карьера. В 1989–1991 гг. на разрушенном карьером участке поселения были проведены аварийные раскопки прилегающих разрушений, 65 кв. м (Кунгуров, 1993; Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 99–107). Тогда обнаружили жилище, обжиговую яму и погребение. Памятник был определен как средневековый и датирован 1-й пол. I тыс. н.э. в соответствии с радиоуглеродными датами и предметами. В 1995 г. на поселении провели раскопки под руководством Н.Ю. Кунгуровой и М.Т. Абдулганеева (Кунгурова, 1996) — 1000 кв. м, в ходе которых исследованы остатки жилищ и построек, хозяйственные ямы. В 2012 г. исследовались границы площади поселения, в том числе участок между раскопами, периферийные части на продолжении гривы, внутреннем склоне террасы и в истоках родника.

Городище Курлап обнаружено Б.Х. Кадиковым в 1965 г. — на пашне собрана керамика. Раскопки городища были начаты Бийским краеведческим музеем в 1984 г., продолжены в 1999–2001 гг. отрядом БГПИ (Г.В. Скопинцевой) на площади 1300 кв. м. При раскопках городища обнаружены жилище и ямы. В ходе мониторинга в 1999 г. и в 2001 г. НПЦ «Наследие» (М.Т. Абдулганеев) снят план и сделаны сборы артефактов.

Сайлапское городище и могильник Сайлапский Взвоз выявлены в 1928 г. сотрудниками Бийского краеведческого музея, в 1960-х и 1980-х гг. сборы керамики в разрушениях проводил Б.Х. Кадиков (БКМ). В Бийском краеведческом музее (БКМ) имеются коллекции и план, снятый Б.Х. Кадиковым в 1964 г. Городище периодически разрушалось в ходе строительства дороги и карьером, его площадь большей частью была разрушена. По сведениям Б.Х. Кадикова, тогда еще видны были жилищные западины, рвы и валы, но в 1982–1983 гг. городище срыли во время строительства дороги Бийск — Артыбаш. Отрядом Бийского краеведческого музея в конце 1980-х гг. в районе разрушений проведены исследования участка, собрана значительная коллекция артефактов, установлена стратиграфия залегания находок на глубине до 0,20–0,25 м, но планиграфия древнего слоя не была прослежена. Жилища и ямы тогда не выявлены. А.А. Казаков пишет, что, по словам одного из мастеров, во время строительства дороги в 1980-х гг. под ножом бульдозера в суглинке обнажились ямы с черным заполнением и керамическими сосудами, которые были оставлены непотревоженными (Казаков, 1995 г, с. 150). НПЦ «Наследие» проведен мониторинг (М.Т. Абдулганеев): снят план, собрана керамика.

Городище Канонерская Гора упоминается в описях и схемах, сделанных Б.Х. Кадиковым, хранящихся в БКМ. В 1999 г. участок исследовался Предгорным археологическим отрядом НПЦ «Наследие». В шурфе (16 кв. м) обнаружена керамика, орнаментированная ямками, мелкими угловыми и полукруглыми вдавлениями, близкая майминской.

В *Красногорском районе Алтайского края* отрядом НПЦ «Наследие» (рук. М.Т. Абдулганеев) в ходе сплошных разведочных работ по р. Иша (Д.В. Папин, Д.А. Пугачёв) велись поиски по выявлению материалов.

Поселение Новозыково-3 открыто А.А. Казаковым в 1990 г., в 1991 г. он провел раскопки 1100 кв. м с основным раскопом в 424 кв. м. На поселении выявлено два культурных слоя: скифского времени и эпохи средневековья (Казаков, Дёмин, 1992, с. 70). К средневековому слою относятся жилище и часть ям, развалы сосудов, изделия из кости и камня, железа, керамики. Культурный слой находился на глубине 0,4 м. Автор раскопок связывает керамику с одинцовской культурой и предлагает датировку слоя VII–VIII вв.

В 1960 г. между селами Новосуртайка и Усть-Иша на правом берегу р. Иша Б.Х. Кадиковым собрана керамика (кол. 221, БКМ). Позже выявленное поселение было обозначено как *Новосуртайка-4*. Поселение включает слои эпохи раннего железа и раннего средневековья. Для последнего характерна керамика с ямочными вдавлениями, гребенчатым штампом, орнаментацией по краю венчика.

Поселение Курлек представлено археологическим слоем без видимых признаков на поверхности, в связи с чем артефакты с него встречались только в береговых разрушениях р. Иша. В 1987 г. жителем с. Красногорского С.П. Дорофеевым собраны фрагменты блюд и горшков, пряслица, предметы переданы им в районный музей Красногорского. Орнаментация керамики, выполненная гладким и гребенчатым штампом, пальцевыми вдавлениями, ямками, с рядами оттисков, в том числе с сюжетом елочки, позволяет относить ее к майминской.

Материалы из разрушенного могильника *Горный-10* около пос. Горный в Красногорском районе поступали в Бийский краеведческий музей, но место находок не было осмотрено. Позже могильник тюркского времени Горный-10 исследовал М.Т. Абдулганеев (Абдулганеев и др., 2001),

но материалы он не успел опубликовать. В ходе раскопок грунтового могильника Горный-10 (Предгорный отряд НПЦ «Наследие», рук. М.Т. Абдулганеев) был выявлен материал с керамикой, близкой майминской. Поселение названо Горный-3. Такая же керамика собрана экспедицией М.Т. Абдулганеева в 2001 и 2006 гг. на поселениях Горный-9, Горный-11 (Отчет Д.А. Пугачёва, 2001, сборы А.Б. Бутина в 2001–2006 гг. на его усадьбе), Горный-12, на поселениях Верх-Иша-1, Верх-Иша-2 и Верх-Иша-3 (Абдулганеев, Кадиков, 1991; Абдулганеев и др., 1998).

Селище Егона фигурирует в отчете о полевых исследованиях Алтайского этнографического отряда ЛГУ 1969 г. Д.Г. Савинова (рис. 1, с. 4). Позже план городища был снят М.Т. Абдулганеевым. В ходе исследований собрана керамика с близкой майминской орнаментацией, обломок зернотерки.

Городище Усть-Иша-3а известно с 1930-х гг. из сведений БКМ. Во время экспедиции (М.Т. Абдулганеев) снят план городищ Усть-Иша-3а, б, относящихся к VII–VI вв. до н.э. и к нач. I тыс. н.э. Последнему присвоена нумерация Усть-Иша-3а. В 2000 г. отряд НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева провел раскопки разрушенных дорогой и прилегающих к ней участков городища Усть-Иша-3а общей площадью 240 кв. м. Исследовались три жилища, участок рвов, найдена керамика и предметы из обожженной глины, кости, железа, камня (Абдулганеев и др., 2001, с. 93).

Майминский район Республики Алтай

Поселение Майма-1 открыто в 1958 г. Б.Х. Кадиковым (Бийский краеведческий музей) в пункте разработок песчаного карьера. На краю 15–20-метровой террасы Катунь зафиксировано пять жилищных западин диаметром 5–7 м, в разрушениях карьера собрана керамика (кол. № 147, БКМ). На поселении раскопки впервые проведены А.С. Суразаковым в 1978 г. на площади 35 кв. м. В течение нескольких лет на пашне делались сборы керамики археологами г. Горно-Алтайска А.С. Суразаковым, В.А. Кочевым, С.М. Киреевым. В 1991 г. раскопки поселения были проведены под руководством М.Т. Абдулганеева (Абдулганеев, 1992б) в связи тем, что участок попадал в зону строительства автодороги, соединяющей 438-й км а/д Новосибирск — Бийск — Ташанта с 28-м км а/д Горно-Алтайск — Чоя. Была исследована площадь поселения в 836 кв. м, включающая слои раннего железного века и раннего средневековья.

Поселение Черемшанка обнаружено Б.Х. Кадиковым в 1958 г. в устье Черемшанки в связи с разработкой карьера. К тому времени большая часть селища была разрушена карьером. Собрана керамика (кол. № 152, БКМ). В 1989 г. во время разведки Горно-Алтайского педагогического института (Киреев, 1991) собраны материалы в разрушениях карьера и произведены исследования участка. С.М. Киреев констатировал, что большая часть поселения-городища была уничтожена карьером. Раскопаны две хозяйственные ямы: одна глубиной 1,85 м, диаметром 1,15 м; другая — глубиной 0,7 м удлиненно-овальной формы 3,30×1,42 м, получена коллекция керамики. Первоначально керамика была датирована VII–VI вв. до н.э. (там же, с. 88). После появления майминских материалов датировка была пересмотрена.

Поселение Урлу-Аспак-1 обнаружено в 2007 г. во время разведки АКИН Т.А. Акимовой (Акимова (Вдовина), 2008) на участке реконструкции дороги и в разрушениях правого берега р. Майма. Проведены раскопки площадью 51 кв. м и исследована часть жилища, получена большая коллекция керамики. По мнению Т.А. Акимовой (Вдовиной), образцы орнаментов соответствуют керамике поселений с Маймы: Майма-I, II, III, IX, XII, Кызыл-Озек-II, IV, VIII, Куташ-II; Улалушка-VI, VII (Киреев, 1988) и относятся к майминской культуре (подробнее — далее).

Единичные фрагменты керамики из поселений на реках Майма и Улалушка опубликованы П.И. Шульгой в монографии (Шульга, 2015).

IV. ПОСЕЛЕНИЯ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Поселение Майма-1

Поселение находилось в Майминском районе Республики Алтай у с. Майма на открытом участке (Алгаирский прилавок) Катунской (Майминской) террасы в месте выхода ручья в пойму Катунь (рис. 11–14). С двух сторон его площадь ограничивается береговыми склонами. С запада к террасе примыкает катунская пойма, с востока видны отроги гор, у подножия южного склона террасы протекает ручей (рис. 12.1, 12.2). С давних пор поверхность террасы интенсивно распахивается, и потому верхняя часть культурного слоя сильно нарушена. С 1991 г. южная часть поселения разрушалась строительством автодороги, проходящей через его территорию. На момент его обнаружения в 1966 г. Б.Х. Кадиков отмечал западины.

В 1977 г. А.С. Суразаковым в южной части пашни был заложен раскоп площадью 36 кв. м. В течение двух сезонов (1991 г. и 1994 г.) М.Т. Абдулганеев вел раскопки поселения (Абдулганеев, 1998). Общая площадь раскопов составила 836 кв. м (Абдулганеев, Отчет 1991; Абдулганеев, Отчет 1994). Для раскопа 1991 г. была выбрана юго-западная часть площадки террасы, ограниченная с юга современной дорогой, с запада — склоном второй террасы Катунь. Размеры раскопа по наибольшим параметрам: с запада на восток — 52 м, с севера на юг — 28 м, общая площадь — 696 кв. м. Как оказалось, земля была распахана на глубину до 20–35 см. В 1994 г. поселение исследовалось дальше. К предыдущему раскопу в северо-восточной части памятника дорезаны квадраты на север (раскоп 2) и восток (раскоп 1) площадью 140 кв. м. В целом раскоп охватил основную часть поселения, и на южной его части находилась периферия (рис. 11). Этот вывод подтверждают наблюдения за месторасположением хозяйственных ям, построек, очагов, выкладок и за различающейся мощностью и насыщенностью культурного слоя на участках раскопа.

Поселение включало невыраженный слой раннего железного века, основной слой — раннего Средневековья, 1-й пол. I тыс. н.э. Керамика и предметы позволяют выделять четыре культурно-хронологических комплекса (Киреев, 1986, с. 166; Абдулганеев, 1998): эпохи раннего железного века (бийского и березовского этапов большереченской культуры), эпохи Средневековья (майминская культура) и финальный палеолит. Четыре венчика относятся к бийскому этапу, 80 фрагментов венчиков — к березовскому большереченской культуры и основная масса керамики — I тыс. н.э. Один из бийских сосудов украшен гребенчатой сеткой, другой — двумя рядами жемчужника с разделителем. Березовские сосуды орнаментированы жемчужником с разделителем, иногда в сочетании с гребенчатой сеткой, насечками и валиком, ямками. Керамика этого периода найдена только в южной и центральной частях раскопа.

Из раскопанных объектов к березовскому времени могут относиться пять ям (№ 6, 8, 10а, 30, 38). Другие 10 ям (№ 7, 9, 10б, 14, 17, 21, 36, 37, 45, 49), все очаги и постройки, выкладки № 1 и № 4 соотносятся с найденной в них майминской керамикой (нач. I тыс. н.э.). Часть ям и две выкладки не содержат керамики и вещей. Керамика раннего железного века находилась лишь в виде локализованных скоплений или развалов сосудов.

В южной части раскопа максимальный уровень залегания майминского культурного слоя достигал 0,45–0,55 м, а в северо-западной — 0,70–0,80 м от современной поверхности. В суглинке на глубине от 0,55–0,65 м встречаются артефакты позднепалеолитического времени.

На всей площади поселения исследованы 48 ям разной величины (14 крупных ям и мелкие), остатки двух построек, 5 очагов, 5 выкладок из галек (рис. 11). Остатки жилищ не были выявлены, и структура поселения I тыс. н.э. осталась непонятной. Всего найдено более 6 тыс. артефактов: фрагментов керамики, костей животных, изделий из камня, кости и керамики.

Изделия финального палеолита в основном обнаружены в южной части площадки — ближе к устью ручья в западных квадратах раскопа. Они представляют собой 5 нуклеусов, рубящие орудия (чоппер, топор), 8 концевых и других скребков, 4 пластины, более 30 сколов и отщепов, в том числе с обработкой. Признаков объектов этого времени не выявлено.

На поселении Майма-1 при заборе глины для строительства дороги оказалось разрушено *погребение человека*. Погребенный лежал на спине головой на северо-восток. Глубина могилы — 1,5–2 м. Вещей не обнаружено.

Комплекс нач. I тыс. н.э. (майминская культура)

Ямы, очаги, постройки располагались по всей площади раскопа без определенного порядка (рис. 11–13). Цветность почвы, которая бы могла обозначить жилищные помещения и объединить между собой объекты, не читалась. При этом заполнения ям хорошо выделялись на уровне светлого суглинка. Вероятно, уровень наземных помещений мог залегать в слое гумуса, который долгое время распахивался и был поврежден и утрачен. К моменту начала раскопок упомянутые Б.Х. Кадиковым западины жилищ и прочие признаки поселения определить уже было невозможно. В первом горизонте на глубине 0,20–0,25 м найдены обломки курантов зернотерок, терочки, точильный брусок, литейная шишка, пест, каменный топор и керамика раннего железного века (в меньшей мере) и I тыс. н.э.

Культурный слой 1-й пол. I тыс. н.э. распространялся по всему раскопу на уровне второго горизонта в гумусированном суглинке на глубине от 0,35 до 0,55 м. В некоторых местах раскопа находки встречались и глубже, до глубины 0,7–0,8 м вместе с хозяйственными объектами. Глубина распашки достигала 0,35 м, что сильно повлияло на культурный слой (рис. 14). Во втором горизонте, ниже уровня распашки, были обнаружены все основные объекты комплекса I тыс. н.э. и преобладающая часть артефактов. Здесь найдено значительное количество целых и сломанных вещей из камня, керамики, кости; попадалась керамика — фрагментированная и развалы сосудов: горшков, кувшинов и блюд.

Основная часть культурного слоя поселения распространялась в центральных квадратах раскопа. Восточные и западные квадраты показали наименьшую насыщенность находками и ямами со слабым заполнением и довольно бедным по сравнению с центральным участком раскопа содержанием артефактов. В восточной прирезке 1994 г. к раскопу обнаружено только две ямы и мало находок. В северных квадратах прирезки 1994 г. к основному раскопу обнаружены наконечники стрел — 5 шт., два костяных скребка, подпружная пряжка, три скопления керамики, развал сосуда и семь скоплений костей животных.

Среди объектов, представленных ямами, каменными выкладками и постройками, не удалось проследить определенной системы в их размещении и группировке, не обнаружено связей этих объектов с какой-либо функциональной системой поселка. Наблюдается единство лишь в принципах выкладки очагов и их формах, направлении сторон, а также — сторон двух построек, форме галечных выкладок. Таким образом, архитектура и взаимосвязь объектов поселка остались не ясны.

Тем не менее поселение предоставило богатый вещественный материал.

Постройки. В черте раскопов обнаружено всего две постройки из жердей, располагавшиеся на расстоянии 13 м друг от друга (рис. 12.4; рис. 13.2). Обе — неправильной подквадратной формы. Размеры построек: № 1: 2,9×2,4 м; № 2: 1,8–2,3×1,9 м. Длинная ось обеих построек ориентирована в направлении север — юг с незначительными отклонениями. Обе постройки содержали обгоревшие остатки деревянной рамы с вертикальными столбовыми конструкциями. В конструкции построек сохранились жерди толщиной 7–10 см, в угловых соединениях которых находились вертикальные столбы диаметром 10–15 см. В постройке № 1 вдоль западной и южной стенок также отмечены столбовые ямки. Постройка заглублена на 0,85 м от уровня горизонта культурного слоя. В постройке № 2 многочисленные ямки от вертикальных столбов заполняли внутреннюю часть помещения, располагаясь вдоль стен. В центре вырыта квадратная яма (0,5×0,5 м), углубленная в пол постройки на 1,2 м. Ее окружали пять столбиков. Глубина постройки — 1 м от современного уровня.

В заполнениях построек встречались фрагменты керамики, кости животных, камни.

Судя по составу заполнения, постройки были сожжены.

Очаги располагались безотносительно к постройкам. Очаги № 1, 3, 5, 4 размещались по линии направления запад — восток на расстоянии 4 м и 6 м друг от друга (рис. 11; 12.3; 13.1, 13.3). Очаг № 1 находился в 2 м восточнее постройки № 1 на той же линии. Очаги — подпрямоугольно-овальной формы, ориентированы осью в направлении север — юг с небольшими отклонениями, между собой близки по размерам. Стенки укреплены камнями, поставленными вертикально. Внутри очага № 5 дно проложено мелкими камнями. Очаг № 1 размерами 1,2×0,8 м; очаг № 3 размерами 1,75×1,0 м; очаг № 5 размерами 1,1×0,8 м; очаг № 4 размерами 1,75×1,45 м. В заполнении очагов наблюдались прокаленная почва, уголь. В очаге № 4 найден развал сосуда.

Очаг № 2 находился в 7 м севернее очага № 1. Он прямоугольной формы, ориентирован в направлении запад — восток, размерами 0,8×0,6 м. Около очага № 2 находилось большое зольное пятно толщиной до 5 см, содержащее большое количество костей животных, развалы сосудов. Рядом лежали крупные камни.

Выкладки: всего обнаружено 5 близких по устройству выкладок из камня. Они не были связаны с какими-либо объектами комплекса, и назначение их неизвестно. Выкладка вытянутой формы, ориентация их различается. Выкладка № 1 размерами 1,7×0,65 м (длинная ось ЮЗЗ — СВВ) забутована камнями и гальками в два слоя (рис. 13.4). Аналогичная ей выкладка № 2 размерами 1,0×0,6 м с длинной осью, ориентированной север — юг. Выкладка № 3 (рис. 12.3) размерами 0,75×0,25 м забутована мелкими камнями в один слой, ориентирована в направлении З — В. Выкладка № 5 (рис. 13.5) размерами 0,5×0,9 м (длинная ось — С — Ю) забутована обломками камней, имеющих следы воздействия огня, в один-два слоя. В составе выкладок найдены фрагменты керамики, в некоторых из них — пряслица, каменные орудия и кости. Отмечено, что между очагом № 1 и выкладкой № 3 находилось большое количество костей животных, в том числе черепа и нижние челюсти. Выкладка № 4 (рис. 13.3) размерами 2,0×1,4 м ориентирована ЮВ — СЗ, состоит из крупных камней, уложенных без определенной системы, вразброс, и отличается от остальных. Среди камней найдены обломки терочников и пест, керамическое пряслице и керамика.

На поселении выявлены ямы разных размеров, плотно заполняющие пространство участка раскопа.

Ямы в основном были сосредоточены вдоль центра раскопа по линии квадратов запад — восток между постройкой № 1, постройкой № 2, очагом № 4 (рис. 11) на участке 20×32 м, а также

на западном участке раскопа (16×8 м). Ямы выделялись темным и черным цветом заполнения. Лишь в пяти ямах находился уголь в виде кусков и вмазок. Все ямы содержали артефакты: керамику нач. I тыс. н.э., часто кости животных, иногда вещи. Интерес представляют ямы № 7–9, 16, 17, 21, 22, 23, 46, одинаковые по устройству: они имеют кувшиновидный профиль — вертикальные стенки ко дну расширены по принципу горловины, переходящей в расширенное тулово (рис. 14). Так, яма № 7 в средней части имеет диаметр 1,3 м, в нижней — 1,6 м. Так же устроено большинство ям: яма № 8 — 0,75–1,3 м, глубина 0,5 м; яма № 9 — 0,75–1,3, глубина 0,6; яма № 16 в верхней части имела диаметр 1,5 м, в нижней — 1,2 м, глубина — 0,8 м; яма № 17 расширяется от 1 до 1,55 м, глубина 0,8 м; яма № 22 расширяется от 1,05 до 1,55 м, глубина 1,1 м. В плане ямы № 7 и 16 — круглой формы, а яма № 22 — самая крупная из всех, восьмерковидной формы размерами 3,4×1,9 м. Другие ямы — круглой, овальной — вытянутой форм. В яме № 16 на дне находилась выкладка из крупных плоских камней, один стоял вертикально у стенки. Яма № 8 перекрыта пятью крупными плоскими камнями (рис. 12.4).

Другие ямы мелкие, глубиной до 0,3 м, реже до 0,5 м. В ямах обнаружены фрагменты зернотерок, прочие предметы, керамика, в том числе — развалы сосудов.

В западной части раскопа находились довольно крупные ямы овально-вытянутой формы. Большая часть их пустая либо включает фрагменты керамики, камни и кости. Яма № 19 размерами 3,3×1,5 м содержала фрагменты майминской (нач. I тыс. н.э.) керамики и кости животных. Рядом с ней — яма № 5 вытянутой формы размерами 2,1×0,9 м такого же состава, что и предыдущая. В 5 м от них — аналогичная яма № 6 размерами 2×1,35 м содержала крупные камни и скребло. В этой же группе объектов были ямы диаметром до 0,7–1 м. В одной из них (№ 4) найдена нижняя челюсть крупного животного.

В основной части раскопа также находились овально-вытянутые ямы № 29 и 45. Яма № 29 размерами 3,6×1,5 м, яма № 45 размерами 2,4×0,65 м. В ней обнаружены развалы двух майминских сосудов, костяная застёжка и обломок накладки лука. Южнее ямы лежала челюсть крупного копытного животного. Такого же типа ямы № 41, 47, 48. Ямы № 47 и 48 — самые восточные в раскопе и находятся в периферийной части поселения. Длина их достигает 1,8–2 м. В них обнаружены керамика и развал сосуда, обломок железного ножа. Ямы № 36, 37, 41, 44, 43, и 42 находятся в единой пространственной группе с очагом № 4. В ямах № 41, 43 и 44 найдены черепа мелких хищников. Яма № 41 была перекрыта зернотеркой, рядом с которой лежало пряслице. В ямах № 36 и 37 найдены развал майминского сосуда, зернотерка, костяной наконечник стрелы, развалы двух сосудов и точильный брусок.

На всем пространстве участка поселения с ямами, очагами и постройками распространены фрагменты керамики, кости животных, а также их скопления, попадались развалы сосудов, каменные орудия — все, что характеризовало состав культурного слоя нач. I тыс. н.э.

Особенности объектов

На поселении можно выделить повторяющиеся объекты и присутствующие элементы их строительства. К таковым относятся две заглубленные постройки подпрямоугольной формы размерами 2×2 м из вертикально установленных и соединяющих их жердей. В обоих случаях столбы вбиты в углах, рядом с некоторыми из них и вдоль стороны — дополнительные столбы. А во второй постройке вертикальные столбы располагаются не только в углах, но и внутри в большом количестве. Эти постройки сожжены. Признаков, говоривших об их назначении, не выявлено.

Другая группа объектов — выкладки, плотно выложенные камнем, или забутовки. Назначение их также не ясно.

Третья группа — очаги прямоугольной либо овальной формы с установленными по периметру камнями.

Четвертая группа — ямы с расширяющимся ко дну кувшиновидным профилем. При этом особой системы в расположении ям, соблюдении единства в планиграфии, форме нет, большая часть ям пуста.

2. Поселение Ушлёп-5

Находится в Солтонском районе Алтайского края у с. Новотроицкого на правом берегу Ушлёпа на террасе высотой до 15–40 м над уровнем поймы на мысовидном выступе, образованном выработанной долиной реки Нени (рис. 15). Терраса сложена многометровой толщиной аллювиальных суглинков позднего плейстоцена и обломками горных пород. В суглинках залегают культурные слои стоянок Ушлёп-6, относящихся к позднему палеолиту.

Культурный слой майминского поселения Ушлёп-5 распространен в длину 0,18 км по гриве шириной до 10–15 м, вытянутой с юго-запада-запада на северо-восток-восток, ограниченной со всех сторон склонами. С запада на восток грива становится более узкой, но в ходе поиска до наиболее узкого участка были встречены единичные артефакты. Северный склон горы крутой, с него обозревается долина Нени с руслом р. Ушлёп и с заболоченными обводненными низинами, обширной согрой. Южный склон пологий, опускающийся в одну из ложбин, расчленяющих западный склон всего горного хребта, распространенного вдоль правобережья Ушлёпа. В ложбине имеется родник, русло которого следует по внутреннему — юго-восточному склону. В месте выхода родника прослеживается, возможно, искусственная западина, заполнявшаяся водой. В ней обнаружены железный шиловидный предмет и пластина со шпильковым креплением (рис. 72.-10; рис. 73.-4). Размер площадки с поселением составляет 4 тыс. кв. м. С ней связана территория ложбины и склона как структурная составляющая ландшафта территории, входящей в область функционирования поселения.

В 1989 и в 1991 гг. А.Л. Кунгуров исследовал аварийный участок поселения площадью 65 кв. м (Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 99–107) (рис. 16, 18). Памятник был определен как средневековый и датирован 1-й пол. I тыс. н.э. В 1995 и в 2012 гг. на поселении проводились раскопки Н.Ю. Кунгуровой (состав экспедиции: АлтГУ, НПЦ «Наследие»). В экспедициях участвовали М.Т. Абдулганеев, А.А. Казаков, Д.А. Пугачёв, Г.В. Скопинцева, О.В. Алексанов, М.В. Карпов, В.А. Кунгуров, А.О. Колмыков. Раскопанная площадь поселения составила 1000 кв. м.

Поселение было повреждено вначале грунтовой дорогой, ведущей на угольный бассейн, разъезженной тяжелой техникой, а затем карьером.

Аварийные раскопки проводились двумя раскопами (Кунгурова, Отчет, 1996). Культурный слой залегал в гумусе и гумусированном суглинке на глубине от 0,20 до 0,40 м, в основном на уровне 0,35–0,40 м, включал остатки построек, в том числе жилищ и хозяйственных ям, очагов. Постройки располагались последовательно вдоль гряды террасы с северо-востока на юго-запад, плавно понижающейся в сторону поймы Ушлёпа. Культурный слой выделялся по цвету и включениями пятен прокалов, керамики, остаткам горелого дерева. Наиболее хорошо древесная органика сохранилась в восточной части жилищных помещений, где находились деревянные настилы из досок и жердей. В первом раскопе (в 1989 и 1991 гг.) обнаружено четыре жилища. Во втором раскопе — три жилищных комплекса (постройки № 1–3) с пристройками и межжилищными объектами: ямами-погребями, деревянными конструкциями.

Ряд жилищ и прилегающих объектов в первом раскопе, включая крайнее с запада жилище № 1 и промежуточный разрушенный карьером участок, составляет 38 м в длину (ЮЗ — СВ) и 10 м в ширину. С учетом параметров жилищ и расстояния между ними на разрушенном участке еще должно было находиться два жилища. Две хозяйственные ямы (№ 3 и 4), выявленные рядом с местом расположения жилищ, были исследованы.

На участке второго раскопа жилищные комплексы выстроены по линии с ЮЗ на СВ в длину 35 м с шириной от 3 до 5 м и до 11 м. Самый узкий, возможно, периферийный, участок культурного слоя находился на восточном окончании комплекса (рис. 23).

Раскоп 2012 г. был разбит в межжилищном пространстве, прилегающем к внутреннему склону террасы. В нем находились забутованная камнем площадка, прокал костровища (жаровни), керамика. Ближе к раскопу № 2 определился узкий прямоугольный прокаленный дымоход (кан) с жаровней и основанием выводной трубы, аналогичный таковому из жилища № 1 раскопа № 2. Керамика отсутствовала.

Первый раскоп

Постройки, расположенные в первом раскопе, отличаются по планировке от объектов во втором раскопе. В первом раскопе жилищные помещения и хозяйственные ямы-погребя располагаются в одинаковой последовательности (рис. 16, 17). Они представляют собой прямоугольные (квадратные) площадки с прямыми сторонами, ориентированными по сторонам света: север — юг, запад — восток с выходом на юг — в сторону пологого склона. С южной стороны от жилищ находятся круглые хозяйственные ямы-погребя (№ 1–6) с остатками хранений. С разных сторон от жилищ также находились неглубокие ямы-зольники с углями и развалы сосудов. В юго-западном секторе жилищ размещался очаг. В восточной части у восточной стенки был устроен настил из досок. На нем либо рядом с ним обычно лежала зернотерка с курантом, стояли сосуды и блюда. Во всех жилищах (№ 1–4) картина оставления предметов на месте деятельности выглядела отчетливо. Дерево горело, но в полностью выжженном пространстве жилищ сохранились угольно-черное заполнение, фрагменты досок, основание восточной стенки, столбовые ямки. Обычные размеры помещений жилищ на этом участке 4,4×3,6 м. В профиле почвенное заполнение жилищ мощностью в 10–16 см выделяется коричневым цветом либо в виде оранжевого прокала почвы.

Жилище № 1, исследованное А.Л. Кунгуровым (Кунгуров, Отчет, 1993), по параметрам, форме и структуре соответствует общим стандартам. В центре помещения находился прямоугольный очаг 1×1 м с обложенными камнем стенками (рис. 18). Автор работы отметил, что заполнение жилища не выделялось цветом в почве, но край жилищного котлована фиксировался по углистой прослойке, покрывавшей его стенки и дно, найден фрагмент доски. Северо-восточнее от очага обнаружена зернотерка, перевернутая рабочей стороной вниз, и под ней — курант. Рядом с жилищем находились ямы. В одной было керамическое тесто, завернутое в бересту, а в другой, расположенной у юго-восточного угла, — куски прокаленной глины и сосуд.

Необычной находкой в этом жилище было обнаружение погребения человека. Рядом с очагом на глубине 0,2 м от поверхности пола была устроена могила, синхронность которой с жилищем «невозможно определить». В могиле встречены фрагменты керамики из жилища, попавшие из культурного слоя (Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 99). В числе сопроводительного инвентаря — два железных трехгранных наконечника стрел (рис. 7.-4, 5). Авторами наконечники были сопоставлены с хуннскими, тесинскими и таштыкскими и прочими одновременными культурам комплексами, укладывающимися в период II в. до н.э. — V в. н.э. По радиоуглеродным датировкам найденное жилище было отнесено к I тыс. н.э.

В жилищах № 2–4 внутренние структурные объекты имели одинаковые размеры и направления. Очаги прямоугольной формы, по длинной оси ориентированы в направлении север — юг, размерами 0,9×0,7–0,8 м. Стенки очагов выложены крупными вертикально установленными каменными плитами шириной от 10 до 14 см, длиной до 60 см. Восточнее находился дощатый настил, состоявший из досок шириной от 12–14 до 18 см.

В жилище № 2 (кв. Н-Т/20–24) расположение структурных зон и параметры помещения имели свои особенности (рис. 19). Доски настила, как и в жилищах № 3, 4, простилали восточную сторону помещения — от камней очага до восточной стенки, и были смещены на много южнее очага. Их северное продолжение не прослежено. Ширина настила составляла 1,80 м, длина досок — 3,2 м. Северные границы жилища не читались, западная сторона была разрушена карьером. Очаг по его внутренним границам, размерами 0,9×0,8 м, укреплен каменными плитами, поставленными вертикально (рис. 40). Камни толщиной до 10–12 см, длиной до 0,6 м. Рядом с очагом и внутри находилось до 10 развалов сосудов (рис. 42.2) и рассыпанное зерно. На дощатом настиле у восточной стенки лежали крупная разбитая зернотерка и курант. В северной части помещения и за его пределами располагались развалы сосудов и крупные камни, разбросанные в беспорядке, два железных ножа, каменные орудия (терочники, точильные камни). К северу от жилища располагалась хозяйственная яма.

Жилище № 3 (кв. Т-Ц/26–30) прямоугольной формы размерами 4,4×3,6 м (рис. 20). В нем находился очаг прямоугольной формы размерами 0,70×0,90 м с оранжевым прокалом костровища толщиной до 8 см и с выложенными камнем стенками. У восточного края жилища сохранились остатки дощатого настила, сильно пострадавшие от огня. От досок остались фрагменты шириной от 12–14 до 18 см и угольная масса. Хорошо прослеживалось жженое дерево в основании прямой восточной стенки. Направление положения горелого дерева — север — юг. Ширина восточного сектора от стенки очага до восточной стенки помещения — 2 м. В 0,70 м восточнее очага, в районе деревянного настила, лежали крупная разбитая зернотерка (50×88 см) и камень-терочник. Севернее зернотерки в северо-восточном секторе жилища находилось три развала крупных сосудов и два развала мелких сосудов. Между ними, в кв. Х/28, 29, обнаружены площадка 1,10×0,60 м из крошки дробленого гранита и россыпь горелого зерна. Россыпь зерна распространялась до зернотерки и вокруг нее. Рядом с зернотеркой обнаружен слой разбитой керамики.

В северо-восточном углу жилья (кв. Ц/30) на боку лежал сосудик с зерном. Вдоль восточного края в кв. ХЦ/29–30 найдены обломки глиняных изделий (шишка, сопло?) с железистой массой. В кв. Ц/28 найден предмет из трубчатых костей (наподобие флейты). Он двуслоен: 3 кости сверху и 3 внизу. В северо-западном секторе помещения (и в кв. Х/27) обнаружены ямки от деревянных столбиков — 9 шт. (а) диаметром от 5 до 8 см, глубиной от уровня пола (0,5 м) 8–14 см. Ямки для столбиков от какого-то приспособления в кв. ФХ/29 (д-и) стандартны: диаметром 6 см. Рядом с ними найдены обломки жердей аналогичного сечения и керамическое пряслице. Столбик г, расположенный у северо-восточного угла помещения, имеет сечение 8 см, углублен на 30 см ниже уровня пола.

В юго-восточном углу при выходе из жилища почва была прокалена (рис. 44).

Жилище № 4 (кв. Ф-Ш/31–35) имеет подквадратную форму размерами 4,30 х 3,60 м с ориентацией стен по сторонам света (рис. 21). В южном секторе у входа был устроен прямоугольный очаг, выложенный крупными каменными плитами шириной по 14 см. Размеры очага по внутренней части 0,78×0,90 м. Толщина прокала — 16 см, цвет оранжевый. Внутри очага находок нет. Рядом с очагом — три развала сосудов.

В северо-восточном секторе хорошо сохранился настил шириной 1,60 м, длиной до 1,8 м, состоящий из пяти досок шириной до 20 см, толщиной 4 см. Часть его в юго-восточном секторе — ближе к очагу и печи-обогрева предположительно сгорела, превратившись в черный углесодержащий слой с линзами оранжевых прокалов. Благодаря сохранению органики и углю были четко видны очертания прямой вертикально врытой восточной стенки с углами (рис. 22 — бровки). В северо-восточном углу находились столбовые ямки (5 шт.) диаметрами до 8 см, заглубленные в пол на 18 см. Они располагались полукругом внутри угла. Центральный столбик диаметром 6 см был скошен под углом 80°. В районе этой конструкции виднелись круглые оранжевые прокалины выгоревшей почвы и плитки камня. В самом углу находилось скопление обломков плиточного камня.

Дощатый настил перекрывали фрагменты двух досок, здесь же были обломки глиняной литейной формы, керамическое пряслице, галечный терочник и длинный пест, около которого концентрировались россыпь зерна и обрывки бересты. Здесь же находились фрагменты керамического блюда, сосуд, лежащий на боку, и маленький сосудик под ним. Развалы двух крупных сосудов найдены в области углесодержащего слоя в юго-восточном секторе. На краю настила размещалась зернотерка с подложенными поперек под нее доской и курантом (верхним камнем), устанавливающими плиту зернотерки в наклонное положение. Под зернотерку был подостлан прямоугольный «лоскут», сохранившийся в виде черной органики. Под его краями по периметру видны рассыпавшиеся растительные зерна (злаковых), стоял развалившийся сосуд, лежали сломанный курант зернотерки, галечные орудия (точильные камни, ложило, пестики), а чуть в отдалении — керамическое блюдо.

У северной стенки выявлена подквадратная яма (кв. III/32) размерами 31×38 см глубиной до 30 см от пола жилища. Яму заполняла жирно-черная почва с единичными фрагментами керамики.

Юго-восточный угол жилища выступал за линию южной стенки на 1,40 м. В нем находилась жаровня — крупное прямоугольное пятно с оранжевой прокаленной почвой 0,50×0,90 м толщиной до 16 см (рис. 42).

В жилище во всех секторах обнаружено восемь развалов сосудов. Надо отметить, что пол жилища был выровнен и не содержал обломков костей и мелких фрагментов керамики или камней.

Секторное деление функциональных участков в жилищах № 3 и 4 не отличалось друг от друга. Уровень плоскости пола жилищ был выровнен и сnivelирован. При этом горизонтально срезан угол наклона поверхности горы так, что вдоль восточной стенки помещения образовывалась ступенька высотой от 10 см до 20 см, в нее упирались доски настила. Таким образом, все жилые помещения, расположенные последовательно друг за другом вдоль горы, были устроены способом ступенчатого террасирования (рис. 35–37).

Помещения жилищ расположены на близком расстоянии друг от друга — в одном метре, каждое — на лежащей ниже горизонтальной площадке.

Второй раскоп включал остатки построек жилищных комплексов (№ 1–3) с помещениями, отличающимися от жилищ из первого раскопа (рис. 23). Здесь не прослеживалось способов террасирования площадок для жилищ, поскольку участок располагался не на склоне, а на относительно ровной площадке горы. Распространены длинные наземные постройки с конструкциями из жердей, с прямоугольными рамами. На полу так же, как и на площадке раскопа № 1, сохранились остатки дощатых настилов. В помещениях устроены аналогичные прямоугольные очаги с каменными стенками. Рядом с жилищами находились ямы-погребки и другие объекты.

Площадки жилищ не содержали сплошных угольных заполнений от дерева, и их контуры определялись по пестроте и коричневатой цветности суглинка, включениям мелких частиц угля. При этом хорошо распознавались на светлом суглинке остатки органики и угля от деревянных конструкций, прокалы и столбовые ямки.

Жилищный комплекс № 1 — постройка прямоугольной формы (рис. 24) с прямыми сторонами, длинной осью ориентирован в направлении юго-запад — северо-восток, длиной 14 м, шириной — 3,5–4 м, объединяет три помещения (с первого по третье в последовательности — с северо-запада на юго-восток) с очагами и настилами. Выход находился в северо-западной стенке между помещениями. Размеры помещений — 3,5–4×3,5–5 м.

Ориентация функциональных секторов в помещениях та же, что и в первом раскопе. В центре либо ближе к западной стенке располагаются очаги, с восточной стороны от очагов вплотную к юго-восточной стенке устроены настилы из досок. Ширина настилов 1,20–1,50 м, длина: в третьем (южном) помещении — 2,4 м, во втором и первом — настил общей длиной до 4,60 м. Настилы состоят из досок шириной от 15 до 20 см.

Помещение № 1 (кв. А-Е/3–6) размерами 3,90×4,40 м содержало очаг, дощатый настил и прямоугольный прокал системы кана (рис. 24, 26). Очаг, располагавшийся в центре помещения (кв. В/6), — подквадратной формы размерами 0,90×1 м, выложен крупными блоками камня шириной 14 см, высотой 20 см. Стенки ориентированы в том же направлении, что и края жилого комплекса. Вокруг очага, в особенности у противоположных углов, находились столбовые ямки от жердей, составлявших надочаговую конструкцию. Вдоль северо-восточного края встроен прямоугольный кан — *прокал, жаровня* (кв. Г-Ж/4–5) с прямыми сторонами и углами, ориентированный в позиции СЗ — ЮВ. Его длина — 3 м, ширина — 0,6 м, мощность прокала — до 20 см. В северо-западном углу он заканчивался круглой конструкцией диаметром 30 см, состоящей из глиняных прокаленных брусков прямоугольной формы длиной от 6 до 14 см, оранжевым и коричневым цветом, лежащих по периметру. В прокале было желтое и оранжевое заполнение с включениями комочков прокаленной глины разной величины (рис. 43). В восточной части находились более крупные комки и бруски обожженной глины коричневого и черного цвета. Кан стыковался восточным углом с ямой № 4, они были связаны целью прогрева, отопления (рис. 28). Яма № 4 была предположительно обжиговая, и от нее передавалось тепло в помещение посредством канавы кана, дым выходил через трубу, основание которой сохранилось в виде круглой площадки с обмазкой.

Дощатый настил шириной до 1,2 м располагался в восточной части помещения между очагом и восточной стенкой. Доски настила шириной до 20 см определялись по очертаниям углистых пятен. В восточной стенке, примыкающей к настилу, с внешней стороны встроена яма № 3. На настиле и около ямы найдены развалы сосудов и целые сосуды (до шести штук), целая мелкая посуда. Очаг окружало заполнение с мелкими угольками, возможно, являвшееся остатками сгоревшего тонкого настила. Такое заполнение продолжалось по всему полу помещения и определяло стенку у входа. Ширина входа — 0,9 м.

Помещение № 2 (кв. 7–12/Б'–В) размерами 6×3,60 м включало прямоугольный очаг № 2 (кв. АА'/10, 11) (рис. 26, 30) с внутренними размерами 0,70×1,10 м (длина стороны — 1,20 м), выложенный крупными блоками камня длиной 0,30–0,35 м, шириной 0,08–0,10 м (рис. 26). Мощность прокала — 10 см. Восточнее и южнее очага располагались остатки настила из досок шириной 12–20 см, ориентированного с ССВ на ЮЮЗ. Ширина его от края очага к востоку — 1,40 м. В основании западной стенки этого помещения прослеживается сгоревшая длинная

жердь. Вдоль нее с внутренней стороны помещения следовали ямки для столбиков диаметром до 8 см. Между крайними столбиками расстояние 1,85 м.

Дощатый настил простилала прямоугольная рама 0,9×0,85 м, сложенная из поперечных жердей диаметром 4–5 см и досок. Под рамой было шесть ямок от столбовых опор диаметром 5 см, рассредоточенных вдоль краев либо близко к ним. Они заглублены в пол на 2–6 см. Рядом с рамой на настиле найдены обломки крупных терочников из плитчатого камня, сосуды. Два мелких кувшинообразных сосуда стояли за стенкой и настилом. Не исключено, что помещение продолжалось и за настилом, но его система определена не четко. Продолжение помещения ограничивается деревянной рамой конструкции № 2.

У входа в северо-западной стенке помещения № 2 находился прямоугольный *прокал* отопления, близкий по структуре кану из первого помещения (рис. 26). Он имеет прямоугольную форму с углами и ровными сторонами размерами 0,90×0,50 м, заполнен желтой и оранжевой прокаленной глиной с обожженными кусочками и брусками глины оранжевого и коричневого цвета.

Помещение № 3 размерами 3,60×4 м сохранилось не полностью (рис. 27). В нем не ясен юго-западный край. При этом четко обозначился юго-западный прямой край дощатого настила, продолженный в этом направлении стенкой очага. Настил прямоугольной формы вытянут с юго-запада на северо-восток, имеет прямые стенки с прямым углом. Доски настила определялись в виде полос мелкого угольного заполнения в длину 2,5 м. Ширина настила от очага до восточной стенки — 1,35 м. У восточной стенки наиболее четко видны были горелые доски и фрагмент бревна. Ширина некоторых сохранившихся досок — 10–16 см.

Под дощатым настилом были видны ямки от столбиков диаметром 8 см, глубиной 8–14 см, расположенных в ряд — вдоль направления досок. Такой ряд ямок в районе настила наблюдается практически во всех жилищах поселения, в том числе и в первом раскопе.

Очаг (кв. ВТ'/14–15) прямоугольной формы размерами 0,60×0,80 м по внутренней части выложен узкими каменными плитами. Оранжевое и желтое заполнение костровища толщиной 16 см. Внутри очага находился развал сосуда.

Таким образом, можно допустить, что очаг находился с юго-западного края помещения. Северо-западная половина этого помещения была пуста от находок и каких-либо объектов. Находки же сосредоточены только в районе настила: развал керамики — Б'/13; маленький судик — А'/15; терочник, точильный брусок, изделие из трубчатых костей типа флейты, аналогичное найденному в раскопе № 1, жилище № 3 и из раскопа № 2 в кв. К/4.

Жилищный комплекс № 2 исследован не полностью, а только в пределах одного помещения (рис. 27, 29). Это была постройка прямоугольной формы с прямыми краями стенок, располагавшихся параллельно стенкам постройки № 1, на расстоянии 3,5 м от нее и в двух метрах от стенки конструкции № 2 жилищного комплекса № 1, ориентирована в направлении ЮЗ — СВ. В северо-западной стенке находилась выемка 0,20×0,20 м, возможно, обозначающая вход.

Объекты в помещении были распределены стандартно для помещений комплекса № 1: посередине — очаг, у входа — прокал отопления с плотным оранжевым заполнением с кусочками обожженной глины. Юго-восточная сторона от очага, где должен быть дощатый настил, не исследована. Вдоль юго-восточной стенки располагалась длинная рама, аналогичная раме конструкции № 2. Предполагаемая ширина исследованной части помещения — 4,1 м, длина до выемки входа — 4,5 м. Рама состояла из продольных и семи поперечных соединяющихся жердей диаметром 8 см. Общая длина рамы — 4,10 м, ширина — 1,50 м. Сохранились жерди, стягивающие северо-восточный угол помещения, и остатки жерди в основании северо-вос-

точной стенки. Край юго-восточной стенки был нечетким, обозначен на переходе темного заполнения к светлому суглинку.

Очаг (№ 5) — прямоугольной формы размерами по внутренней части 1×0,80 м, ориентирован сторонами вдоль стенок помещения длинной осью с СЗ на ЮВ (рис. 41.1). Выложен длинными каменными плитами шириной от 8 до 10 см, длиной от 20 до 60 см. Мощность прокала — 0,14–0,16 м. С северо-западной стороны от стенки очага находились три столбовые ямки, совпадающие с направлением ЮВ стенки рамы. Их диаметр — 7–8 см, глубина от уровня пола — 6–9 см. Вдоль ЮВ стенки рамы расположены сдвоенные столбовые ямки на расстоянии 0,60 и 1,5 м от первой группы ямок, составлявшие одну линию. Столбовые ямки размещались также и по обе стороны от разделительной выемки в стене помещения, внутри рамы.

В северо-восточном (кв. Ж/13) углу помещения находилась *яма № 3* подпрямоугольно-овальной формы с черным заполнением глубиной до 0,5 м. Внутри нее — остатки горелого дерева от конструкции рамы, угли, дробленые кости, зубы животных. Размеры ямы 0,80×1 м. В районе очага и деревянной рамы стояли развалы сосудов (до 7 шт.), а в западном углу жилища, у выемки — блюдо диаметром 30 см. Под блюдом и под некоторыми сосудами сохранилась прослойка из бересты. Внутри помещения, в 0,5 м к западу от очага, были обнаружены заполнения слоя со спекшимися кусочками глины, углями. Единственная находка в южном и юго-западном секторе — обломок куранта зернотерки.

За пределами жилища, у его северо-восточного угла и ямы находился культурный слой, содержащий угли, жженую глину коричневого и желтого цвета и размятую глину с остатками бересты (глиняный замес).

Между жилищными комплексами № 1 и 2 располагалась хозяйственная площадка с вышеупомянутыми углями и размятыми кусками замеса, вымешанной пигментной глины белого и бордового цветов, кварцитово-гранитной крошки. Здесь лежали две большие зернотерки и развал большого сосуда. В эту площадку выдавалось помещение пристройки ко второму помещению первого жилищного комплекса, включавшее конструкцию из рам (конструкция № 2) (рис. 26). Темное органическое заполнение объединяло оба помещения, образуя своеобразный коридор с выделенной перемышкой. Юго-восточный край пристройки располагался на расстоянии 1,6–2 м от края жилого комплекса № 2.

Конструкция № 2 состояла из жердей (кв. А-В/11–14) и представляла собой раму прямоугольной формы размерами 2,40×1,50 м, аналогичную раме в жилищном комплексе № 2. Диаметр жердей от 7 до 10 см. Поперечная жердь разделяла раму на прямоугольники шириной 1 и 1,40 м. Заполнение рамы — черное угольное, до 2–3 см толщиной. Внутри рамы в беспорядке находились обломки плах, сланца, два обломка глиняных форм(?), скопление гранитной крошки. К восточному углу рамы примыкали фрагменты обожженных бревен диаметром 10 см. Стороны рамы размещаются параллельно сторонам первого и второго жилищных комплексов. Вдоль стенок конструкции отмечены ямки от столбиков диаметром 6–8 см, углубленных в пол на 4,5–8 см (9 шт.). Также в центре конструкции была одна ямка и с внешней стороны от северо-восточного края — две ямки. Ямки от столбов наблюдались на угловых скреплениях конструкции. У юго-восточного края находился овальный прокол костровища диаметром 0,22×0,43 м. Рядом лежал каменный терочник.

В центре рамы (В/12) и за СЗ ее стороной обнаружены развалы двух сосудов (рис. 37). На 30 см выше рамы под дерном найдена зернотерка, вывернутая из колесной борозды современной дороги.

Комплекс построек № 3 устроен в северо-восточном продолжении направления постройки № 1 (рис. 23, 24). Границы его нечетки, неровны, даже условны. Жилищных площадок с прямыми стенками или стандартной системы расположения хозяйственных объектов в нем не зафиксировано. Длина его 17 м, ширина в среднем 3 м. Площадки трех помещений отделялись друг от друга посредством перемычек. Юго-западным углом комплекс примыкал к северо-восточному углу жилищного комплекса № 1 в месте расположения ямы № 4 (кв. Ж/4–5). В нем распространялось скопление различных предметов: крупных камней, керамики, предположительно связанных с функциями ямы № 4.

В южном помещении № 1 размерами 5×3,9 м находились остатки дощатого настила, жердей, рамы, покрывавших участок шириной 1,40–1,5 м, длиной сохранившейся части 3–2,8 м (рис. 22). Сгоревшие доски были уложены в направлении ЮЗ — СВ, параллельно границам и оси комплекса. Зафиксировано 5–6 досок шириной 20–22 см, положенных параллельно друг другу на расстоянии 10 см. Здесь же найдены обломок горелого бревна диаметром 12 см, возможно, части опоры и прямоугольная рама какой-то рухнувшей конструкции из жердей размерами 2×1,20 м, от которой остались тонкие жженые фрагменты, лежавшая на настиле.

В помещении находились столбовые ямки, расположенные без определенного порядка, в пределах настила и сгоревшей рамы. На дощатом настиле стояли три развала сосудов и изделие из трубчатых костей длиной 25 см, шириной — 15 см, напоминающее флейту, аналогичное таковым из раскопа № 1, жилища № 3 и из раскопа № 2, жилищного комплекса № 2, помещения № 3. Очаг в помещении отсутствовал, и помещение не обогревалось, возможно, было не жилым, а производственным. Весь вещный материал сосредоточен в районе обжиговой ямы № 4. Не ясно отношение трубы кана в кв. ЕЖ/1'–2', найденного в 2 м в стороне от помещения № 1 (рис. 28).

С севера к помещению № 1 жилищного комплекса № 3 примыкает помещение № 2. Культурный его слой слабо читается, не содержит остатков деревянной конструкций и дощатого настила. Границы определялись условно по сохранившимся углистым участкам и цветовым переходам. Размеры помещения — 7,5×3 м, стороны параллельны друг другу. Основанием того, что это жилое помещение, служат очаг и прокал, различные изделия и развалы сосудов в районе очага. Очаг № 3 (кв. МН/4', 5') квадратной формы с внутренними размерами 0,80×0,80 м. Прокал прямоугольной формы с овальными углами, размерами 0,60×0,80 м, с заполнением желтого цвета мощностью в 8 см. У его восточного угла и у ЮВ края находилось два развала сосудов.

В 0,30 м от ЮЗ края очага находился прокал мощностью 10 см. Прокал прямоугольной формы с овальными углами, размерами 0,60×0,80 м, включал заполнение желтого цвета с комочками прокаленной глины без находок, близок составу прокалов отопления в других помещениях жилищного комплекса № 1.

Помещение № 3 отделено от предыдущего своеобразной горловиной коридора. Помещение аморфной формы 4,50×2,30 м с неровными краями заполняла коричневая почва (суглинок) с включениями угля (рис. 24). Напротив горловины-коридора между помещением № 2 и помещением № 3 на линии западного внешнего контура находились две столбовые ямки диаметром 8 см, глубиной 6 см. Вдоль восточного края помещения в кв. Р,С/8', 9' на участке 2,20×0,80 м, растянутом до северного конца помещения, в виде углистой пятнистости распространялся уголь, прокарины, фрагментированные остатки горелого дерева. В районе коридора между помещениями находилось аморфное пятно размером 1,1×0,40 м, мощностью в среднем 0,10 м прокаленной почвы желтого цвета с включением комочков прокаленной глины, по составу близких прокалам отоплений в жилищном комплексе № 1.

В помещении найдено большое количество различных предметов: лежали крупные камни от 30 до 45 см длиной, как и в южном помещении этого комплекса. В западном секторе локализируются разбросанные обломки плиток сланца. Среди камней и в северном секторе было сосредоточено большое количество керамики — развалы сосудов и скопления фрагментов. В 0,5 м к востоку от пятна прокала лежал рог плохой сохранности.

Не исключено, что жилищный комплекс № 3 имел иную конструкцию, чем все жилые помещения этого поселения, и был предназначен для подсобных целей. В нем отсутствовали признаки дощатого настила. При этом южное помещение, в котором был настил из досок, не содержало очага и систем обогрева, но в его южном окончании находилась обжиговая яма. В других помещениях были устроены очаг и открытые костровища обогревов.

Рядом с этим комплексом отсутствовали ямы-погреб. Как уже отмечалось, за пределами южного помещения и обжиговой ямы № 4 встречены куски глиняного замеса, часть которых завернута в бересту, минеральная краска и кварцево-гранитные рыхлые отошители для керамической массы. Здесь же лежали каменные терочники, песты. В северном помещении комплекса среди массы артефактов найдены крупные фрагменты древесины (для растопки?). Все это предполагает использование помещений комплекса для определенных хозяйственных нужд.

С западной стороны от жилищного комплекса № 3 прослеживались угольные остатки тонких стволов, а в двух метрах от западной стенки находилась круглая яма 8 с отходящим от нее желобом кана, заканчивающимся основанием трубы с брусками обмазки. Аналогичный коленообразный желоб кана с трубой встречен южнее жилищного комплекса № 1 и первого помещения комплекса № 3 (рис. 28).

С запада от северного угла жилищного комплекса № 1 находилась яма 7 — погреб, аналогичная ямам из раскопа № 1, заполненная керамической посудой и включениями органики (рис. 28).

Ямы и погреба

В раскопе № 1 находилось 5 ям-погребов и 10 вспомогательных ям и ям с прокаленной почвой (рис. 21). Ямы-погреба размещались с южной стороны перед жилищами, вспомогательные — с той же стороны и с севера — за жилищами.

Яма 2 была устроена напротив юго-восточного угла жилища № 1, исследованного А.Л. Кунгуровым. Контур ямы овальный размерами 1,16×0,75 м, глубиной 0,85 м от современной поверхности. В ней находились куски прокаленной глины, фрагменты керамических шлаков и «выброшенный сосуд с прокалом» (Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 99). За пределами северо-восточного угла жилища исследована яма, содержащая ком керамического теста, завернутого в бересту.

Яма 3 находилась в кв. ГД/11–12 на глубине 0,40 м. Диаметр верхнего контура заполнения ямы — 1 м. Яма расширялась книзу: у дна, на глубине 1,6 м от дневной поверхности, ее диаметр составлял 1,50 м. Заполнение ямы состояло из черной почвы с прокалом. Придонный слой был проложен двумя ярусами жердей диаметром 8 см. Между слоями — расстояние до 20 см. На дне и первом ярусе настила стояли три сосуда вверх дном, один из них лежал на боку, рядом с ними — трубчатые кости животного. Посуда сверху была перекрыта вторым ярусом жердей, выложенных поперек нижним жердям (рис. 21).

Яма 4 (кв. Ц/17). Контур ее обнаружены на глубине 0,12 м от дневной поверхности. Верхний контур ямы круглый диаметром 0,64 м. Яма ко дну расширялась в одну сторону, и на глубине 0,30 м от дневной поверхности ее диаметр достиг 1 м. В заполнении был темный гумус с углями без находок.

Ямы 5 и 6 находились южнее — напротив помещения жилища № 3 (рис. 21).

Яма 5 (кв. ПР/29, 30) — в 1,50 м южнее жилища № 3. На глубине 0,20–0,25 м было обнаружено скопление камней. Под ним на глубине 0,60 м под слоем глиняного наноса с углями и разводящими намыва определились контуры ямы круглой формы диаметром 0,92 м. Глубина ямы от глубинной отметки 0,60 м составила 0,90 м. Ко дну яма расширилась до диаметра 1,28 м. В заполнении ямы содержался уголь, а дно по периметру было выложено поленьями. Дно простилала черная угольная масса с остатками горелого дерева толщиной до 0,20 м. В центре находился развал сосуда.

Яма 6 (кв. О/30) устроена в 1 м южнее ямы 5. Она по форме аналогична предыдущей, перекрыта слоем глиноземно-гумусового наноса, так что ее контуры обнаружились лишь на глубине 0,66 м. Диаметр верхнего контура — 0,84 м, общая глубина — 1,44 м от дневной поверхности. На глубине 1,39 м диаметр ямы расширился до 1,14 м. Заполнение ямы составляла мешеная темная глина. На дне ее содержался угольный слой толщиной 0,36 м интенсивно черного цвета со следами прокала по стенкам. В яме находилось большое количество керамики, в том числе четыре относительно целых сосуда, блюдо и развалы сосудов. Дерево было выложено в два слоя: один — тонкий, из сильно сгоревших параллельно уложенных на дно жердей шириной до 6 см, верхние жерди (6 шт.) были выложены на 10 см выше — наперекрест нижним. Посуда размещалась на верхних жердях, от чего конструкция прогнулась в середине до нижнего слоя (рис.). Внутри сосудов и в заполнении черного слоя находилось зерно, встречались обрывки бересты. Рядом с ямой были выброшенные остатки сгоревшего дерева и фрагменты керамики.

Южнее жилищной камеры № 2 зафиксировано пять прокалов (№ 8–12). Все пустые и имеют одинаковый цвет заполнения — желтый с углистыми включениями и глиняными прокаленными комочками.

Прокал № 8: диаметр — 16 см, толщина — 4 см.

Прокал № 9: размеры — 60×16 см, толщина — 6 см.

Прокал № 10: размеры — 80×10 см, толщина — 4 см.

Прокал № 11: размеры — 60×30 см, толщина — 5 см.

Прокал № 12: размеры — 58×50 см, толщина — 6 см.

В раскопе № 2 найдено три ямы (5, 7, 8), размещенные севернее и южнее жилищных комплексов, и две ямы (3, 4), примыкающие к краям жилищ.

Яма 3 была врыта в восточную стенку жилищного комплекса № 1 между помещениями № 1 и 2. Верхние ее контуры были перекрыты почвой наноса. Яма прямоугольной формы глубиной от уровня пола 0,20–0,25 м, размерами 0,50×0,64 м, заполнена темно-коричневой почвой с углем. Дно простилали черный угольный слой с прокалинами мощностью от 8 до 10 см. В ней находились фрагменты керамики, обломки камня, комки замеса глинистой красной краски.

Яма 4 размещена в юго-западном углу помещения № 1 жилищного комплекса № 3 и на северо-восточном углу помещения № 1 жилищного комплекса № 1. Яма была обнаружена на глубине 0,30 м от современной поверхности под наносным слоем. Верхний диаметр ямы составлял 0,7 м, на уровне дна диаметр достигал 0,78 м. Яму заполняла коричневая почва, содержащая угли и горелое дерево. Верх ее перекрывали жерди диаметром до 8 см, на дне выложены горелые жерди, на которых стоял керамический сосуд, перекрытый плахами. Вокруг ямы лежали жженные фрагменты тонких бревен, битая керамика. Яма, возможно, использовалась в целях обжига керамических сосудов.

Яма 5 (кв. ИК/8) расположена в 4,5 м от восточного края первого комплекса и в 1,5 м от его пристройки. Яму перекрывал слой наноса мешеной глины, лишь ко дну ее на глубине 0,2 м от уровня суглинка заполнение стало интенсивно-черным, угольным за счет сгоревшей древесины. Дно ямы было выстлано сплошной массой горелого дерева толщиной 3 см. Отдельные фрагменты горелого дерева попадались лишь по краю. Диаметр ямы — 1 м. По дну размещались раздавленные сосуды. В 0,60 м западнее ямы находился сосуд, в 0,20 м восточнее — столбовая ямка диаметром 8 см, глубиной 16 см от уровня пола.

Яма 7 (кв. Б/1) располагалась в 1,8 м северо-западнее от СЗ угла жилищного комплекса № 1. Яма круглой формы, расширяющаяся ко дну, диаметром 0,96 м на уровне пола (-0,34 м) и 1,10 м на глубине 0,90 м. Общая глубина заполнения ямы — 0,60 м. Яму заполняла мешеная коричневатая почва с включениями угля. На глубине 0,60 м залегал слой с углем мощностью 0,10–0,16 м, перекрывавший слой горелого дерева с углем толщиной 14 см. Другой слой горелого дерева отстоял от дна на 10–12 см, изогнулся, в восточной части — провалился на дно (рис. 28, 37, 38). В яме находилась посуда: крупный сосуд (высота — до 60 см) стоял в центре ямы на сгоревшей древесине. Около него в наклонном положении — два сосуда, два блюда, разбитый сосуд и мелкий сосуд.

В 0,30–0,70 м восточнее ямы располагались развал и фрагменты керамики.

Яма 8 находилась в 1,5 м от СЗ края жилищного комплекса № 3. Контуры ее читались с глубины 0,25 м от дневной поверхности. Верхний диаметр — 0,70 м, у дна яма расширялась до 0,86 м. Общая глубина заполнения ямы — 0,70 м. Яма была перекрыта намытой глиной. В придонной части ямы, в 0,20 м от дна, залегал слой горелой древесины и угля толщиной 10–12 см. На дне находилась раздавленная керамика. К яме прилежали контуры желоба, заполненного желтоватой глиной и кусочками прокаленной глины. Форма желоба — коленчатая, изогнутая под прямым углом с длиной 0,70 и 1,10 м соответственно, шириной от 0,40 м — у ямы, до 0,20 м после изгиба, ствол желоба прямой. Желоб заканчивался круглой площадкой основания трубы диаметром 0,40 м с остатками обмазки в виде глиняных прокаленных брусьев шириной 10 см (глубина 0,35 м от дневной поверхности) (рис. 28).

Особенности поселения Ушлёп-5

Ушлёп-5 представляет собой долговременный поселок, состоящий из жилищ, выстроенных вдоль гряды по краю горы, возвышающейся над уровнем надпойменной террасы р. Ушлёп на 30–40 м (рис. 34). Постоянным источником для пополнения воды в поселке служил родник внутри террасы. Судя по углублению его ложа в месте выхода родника, оно могло заполняться водой. Старое болотистое русло реки находится в 0,1 км от западного края поселка.

Исходя из размеров жилищ и плотности застройки, по всей длине гривы могло располагаться 26–30 помещений. Это были отдельные постройки и длинные дома с помещениями. На склоновой части террасы дома строились способом террасирования, так что горизонтально подрубленные площадки ступенями спускались по пологому склону в западном направлении, вмещали дома с горизонтальным глиняным полом, ограничивающимся вертикальной ступенькой, к которой крепилась восточная стена следующего дома (рис. 35, 36).

В конструкциях домов использовались жерди диаметром от 8 до 10 см и более, листья бересты. Вертикальные жерди, судя по диаметру ямок, не были мощными и могли вынести невысокую легкую асимметричную двускатную кровлю, прикрытую по краям землей. Исходя из встречаемости в помещениях бересты, она была наиболее оптимальна для перекрытий внутренних конструкций и крыши. Помещения домов прямоугольной формы размерами 4×4 м, 6–7×4–5 м. В большинстве помещений в юго-западном секторе или в центре западно-

го сектора находился очаг, обставленный по периметру камнями. Вдоль восточной стенки уложен дощатый настил либо низкие нары, примыкавшие к вертикальной ступеньке и стене дома. Настил состоял из досок шириной до 18–20 см, уложенных на расстоянии 10–15 см друг от друга и скрепленных между собой вдоль края северной стенки жилища, возможно, перекрывался берестой. В центре стенки помещения могла находиться небольшая подквадратная пустая яма.

Жилье отапливалось с помощью вырытых желобов-дымоходов типа канов и прямоугольных жаровен, иногда соединенных с костром либо обжиговой ямой. В окончании канов была встроена труба, в основании которой прослеживается прокаленная глиняная обмазка, сохранившаяся в виде брусков. Небольшие по размерам жаровни находились у входа, заходя за пределы стены наружу. В отличие от прокалов в кострищах, в заполнениях жаровен и канов попадают мелкие и крупные плитки прокаленной глиняной обмазки. Напротив входа, а также рядом с жилищем устраивалась большая яма-хранилище. Как показало исследование таких ям, в них содержались запасы зерна и прочих продуктов, помещенных в глиняные сосуды. В ямах устанавливались деревянные настилы из плах и берестяные перекрытия. Внутри всех ям прослежены остатки мелкого угля и сожженных веток. В этнографических материалах хворостом периодически прожигались ямы-хранилища с целью избавления от грызунов и насекомых.

Элементы поселения имеют характерные структурные особенности, касающиеся внутреннего функционального устройства помещений. Восточную половину дома занимал дощатый настил, в юго-западном секторе располагался очаг. Восточная половина с дощатым настилом была самой используемой в доме. Ее функциональность видится в том, что на настиле обнаружены многие виды предметов: посуда, ножи, пряслица, зернотерки с курантами, каменные пестики и другие орудия труда. За пределами настила пол жилища вычищался, что было хорошо заметно по профильным срезам и уровню пола, и соблюдался порядок — пол был очищен от различных остатков пищи и предметов.

Что касается остатков рам, встречающихся в помещениях раскопа 2, например в помещении № 2 первого жилищного комплекса, они могли быть как бытовыми приспособлениями одинаковой конструкции, так и частью обвалившейся конструкции этого дома. В помещении второго жилищного комплекса из раскопа 2 вдоль северо-западной стены располагалась рама, аналогичная раме в пристройке к первому жилищному комплексу. В районе рам, так же как и на дощатых настилах, сосредоточены бытовые предметы: керамика, зернотерки и терочки. По углам, иногда по сторонам очагов находились ямки от вкопанных противоположно столбов надкостровой деревянной конструкции.

Наиболее близкие для сравнения жилищные постройки известны у кумандинцев, проживавших на Нене и Бии. Во второй половине XIX в. Н.М. Ядринцев характеризовал вариант полуземлянок плетнево-каркасной конструкции с двускатной или плоской крышей (кыспа уг), распространенный у кумандинцев Солтонского района. Немного углубленные жилища состояли из дощатых щитов или плетня, обкладывались дерном от основания до перекрытия. В основе каркаса жилища находились три столба на передней и задней стене. Пол в таком жилище был земляным, но покрыт слоем глины, которая периодически подновлялась. Обычно настилали два слоя глины, между которыми укладывалась береста. Потолок жилища также выкладывался плетеными перекрытиями, которые сверху перекрывались берестой и глиной. В крыше жилища имелось окно из переплетенных прутьев (Славнин, 1991, с. 92, 93; Назаров, 2008, с. 158).

Дом ориентирован длинными сторонами на север и юг, как и стены домов на поселении Ушлѣп-5. Дощатая дверь располагалась в центре длинной стены, обращенной на юг (Назаров, 2008, 159–162). Одним из подтипов срубного четырехугольного жилища у кумандинцев, распространенного также у челканцев, тубаларов, алтай-кижи, является дом с «костровой крышей», отапливавшийся при помощи кострового — дымового устройства по типу канов или суфы (Славнин, 1991, с. 94.).

Но это не свидетельствует в пользу преемственности культуры. Применение дымовых подземных труб и канов, обогревавших нары, в позднем Средневековье было распространено по всей территории тунгусо-маньчжурских народов и у монголоязычных народов (Кызласов, 2009, с. 100–101).

В.И. Вербицкий писал, что в юртах северных алтайцев правую сторону от входа занимали братья, сестры, мать хозяина, в переднем углу размещались жернова. Пол застилался досками с оставлением места около очага. Над очагом делалось приспособление из жердей, на котором сушили одежду, мясо, подвешивали котел. По левой стороне от входа размещался хозяин с женой и детьми (Вербицкий, 1893, с. 29).

Подобная поселению Ушлѣп-5 система устройства жилья до этого в Верхнем Приобье не встречалась. Возможно, она была принесена вместе с воспринятыми элементами культуры хунну и закрепилась в быту, войдя в культуру населения вплоть до XX в. По описанному А.В. Давыдовой (Давыдова, 1995, с. 15, 17, 20, 21) устройству жилищ Иволгинского городища, жилье хунну отапливались печью и отопительным каналом, идущим от печи под нарами, заканчивающимся трубой с глиняной обмазкой. Населением Салаира принята лишь общая система устройства обогрева, но не печь, сложенная из плит, и не обкладка самого кана и стен каменным плитняком или саманом.

При этом в майминской культуре по аналогии с постройками хунну строились прямоугольные помещения, с разноуровневыми сnivelированными площадками пола, с выходом в юго-восточном углу, с кровлей из брусьев, жердей и бересты, лежащей краями на ступеньке врезки. Как и в Иволгинском городище, на майминских поселениях между и перед домами размещались большие и малые ямы-погребки глубиной от 0,7 до 1,4 м для хранения продуктов, в том числе в них содержали зерно. По устройству они одинаковы, имели вертикальную стенку, их закрывали деревом, берестой. Отличие лишь в том, что майминские в плане круглые, расширенные ко дну, а иволгинские — прямоугольные со скругленными углами и такие же округлые, с вертикальной стенкой.

По наблюдениям за погодными условиями в данной местности, в летний сезон перепады температуры дня и вечера доходят до 8–10°. На горе преобладают северные и западные потоки ветра, усиливающиеся в вечернее время и ослабевающие к ночи. Причем смена направлений ветра в разное время суток настолько упорядочена и систематична, что, вполне возможно, это использовалось в бытовых целях, в том числе при устройстве жилых помещений. Было также отмечено, что низина реки, в особенности залесенная и заболоченная согра, кишит гнусом (слепнями, комарами и мошкой), сменяющим видовую активность в разное время суток. На горе зона их действия значительно ослабляется за счет активных воздушных масс. Современное местное население, проживающее в низине распадки гор, в суточные периоды активности насекомых применяет открытые дымящие очаги, оберегающие от укусов домашний скот.

Климат в здешних местах отличается большим количеством осадков. В летнее время часто идут проливные дожди, не прекращающиеся по нескольку дней. Во время дождей сильно обводняются пойменные пространства, где любые западины от остаточных русел и водоемов

наполняются водой, и местность, за исключением лесов, становится плохо проходимой. Здесь после дождей стоят низкие тяжелые туманы, затягивающие огромные пространства ненинской поймы. Потоки воды, стекающие со склонов горы, влекут за собой глинистую жижу, и любой раскопанный участок наполняется водой, затягивается глинистыми массами. Это подтверждают наблюдения за планиграфией древних ям и границ помещений в поселении, где незакрепленные западные и северные их стороны не имеют четких границ из-за стекания воды с крыш, а верхний уровень внешних ям-погребов затянут глиноземно-гумусовыми наносами толщиной до 0,4–0,6 м.

3. Поселение Урлу-Аспак-1

На Урлу-Аспак-1 в раскопе площадью 51 кв. м Т.А. Акимовой была исследована часть жилища без признаков деревянных конструкций. В жилище находились очаг, две хозяйственные ямы и система канавок-рукавов, соединенных с очагом и прокалом (Акимова, 2008, с 38, рис. 2), ямки (рис. 9). Очаг округлой формы размерами 1×1,1 м оформлен по периметру десятью камнями. Толщина прокаленной почвы красно-оранжевого цвета с включениями угля в нем достигает 15 см. Прокал ярко-оранжевого цвета мощностью 5–10 см овальной формы размерами 0,70×0,40 м находился в 3 м от очага. Очаг с прокалом соединены системой канавок отопительной системы, в заполнении которых встречены угли и фрагменты керамики. Хозяйственные ямы были расположены в 2 м от очага. Яма 1, неправильно округлая в плане, размерами 0,95×0,90 м, с вертикальными стенками, заглублена на 0,45 м от уровня пола жилища. В ней найден крупный горшок. Аналогичная яма 2 размерами 1,05×0,95 м, заглубленная в материк на 0,35 м, содержала крупные фрагменты посуды, нижний камень зернотерки и обломок куранта.

Культурный слой поселения содержал фрагменты керамических сосудов: горшков, банок, чаш — общим количеством 2210 шт. Среди прочих находок исследователем отмечены точильный камень с отверстием, изделие из плитки камня с недосверленным с двух сторон отверстием, керамическое пряслице без орнамента, фрагмент пряслица, орнаментированного наколами, керамический шарик с ногтевыми вдавлениями. Кости в слое представлены очень скудно.

4. Городище Усть-Иша-3а

Городище овально-пятиугольной формы окружено двойным рвом и тройным валом, усиленным с южной и западной сторон, с бастионным укреплением по обрывистому северному краю — в сторону р. Иша. С севера и востока мыс с городищем окружает пойма Иши. С востока она делала петлю, и теперь под террасой и выше по руслу сохранились старичные водоемы. С запада городище ограничено оврагом, с севера — крутой склон к Ише, с юга прилегает напольная сторона, защищенная укреплениями. С запада и севера находятся крутые склоны террасы Иши высотой до 15 м. Западная сторона проходит вдоль Чуйского тракта, отделена от дороги широким оврагом.

Внутри городища выделяются улицы, идущие параллельно направлению дороги. В восточном напольном углу и в северо-восточной стороне организованы въезды, а с востока открыт спуск к старичной протоке. Рвы и валы шириной 17–20 м, их глубина достигает 1–1,2 м. В юго-восточном углу в склоне террасы укрепление прерывается на 35 м, оформляя спуск

к протоке (старице Иши). На северо-западной линии укрепления, примыкающей к крутому склону р. Иша, выделены дополнительные «фланговые» выступ и площадки.

Всего насчитывается 60 жилищных западин, установленных в 7 рядов, направленных юго-восток — северо-запад (рис. 31). Жилища удалены от линии укрепления со стороны дороги (Чуйского тракта) и углового выступа на 30 и 45 м, от дороги — на 100 м, что связывается с усилением и уязвимостью именно этой стороны. Во время раскопок участков на городище в 2000 г. (Абдулганеев, 2000) исследована поперечная стратиграфия линии укрепления на северной стороне вблизи проема-спуска к протоке (рис. 33.-4). Ширина рвов составила 4–4,5 м, глубина в материке — до 1,2 м, у рвов прослеживаются 2–3 ступени (Абдулганеев и др., 2001, с. 93). В заполнении найдены жженое дерево, уголь, остатки столба диаметром до 30 см, установленного вертикально.

Жилища подквадратной и подпрямоугольной формы размерами от 17×15 м до 5×5 м, 10×11 м, в основном — 8×8 м, 9×9 м, размеры городища — 196×180 м. Отмечены мелкие западины 5×5 м, расположенные между рядами более крупных. В большинстве жилищ наблюдается внутренняя выступающая площадка-вход, примыкающая в основном к юго-западной стороне. В ходе исследований одного жилища выяснено, что площадка на самом деле представляет собой вход со ступенькой (рис. 32). Справа от него — очаг, слева — остатки двух или трех жердей длиной 1,25 м, распространенных участком в ширину 0,6 м. Жилище — подпрямоугольной формы размерами 7,5×4,5 м, длинной осью ориентированное в направлении ЮЮЗ — ССВ, углубленное в землю материка на 0,2–0,3 м, т.е. жилище было полуназемным.

Очаг прямоугольной формы 1×0,8 м, вдоль стенок его установлены камни. Напротив входа длина жилища выложена камнями в беспорядке. Камни разной величины распределялись вдоль оси жилища, разделяли помещение на правую и левую неравные части. В левой части — юго-восточном углу, находилась неглубокая сдвоенная яма в плане овальной формы длиной 1,2 м, шириной 0,8 м, глубиной 0,28 м и 0,20 м, содержала черное заполнение с углями, фрагментами керамики и развалом сосуда. Среди камней найдены развалы сосудов, каменные орудия: терочки, куранты, абразивы, пряслица, железный нож. В южном секторе находились развалы сосудов.

Хозяйственные ямы в плане круглой формы находились вокруг жилища в 1,3–2 м от его границ: с севера — напротив входа, и с запада. Диаметр ям от 1–1,3 м до 0,8 м. Глубина ямы, расположенной напротив входа, — 1 м. Ее стенки и дно прямые (рис. 33.-1, 2). Дно простилал черный слой с углями и горелым деревом толщиной до 0,20 м. Остальные ямы, до 20 см глубиной, содержали фрагменты керамики и развал сосуда. На основе керамики, ям, очагов М.Т. Абдулганеев датировал городище предтюркским временем (III–V вв. н.э.), отнес к майминской культуре (Абдулганеев и др., 2001, с. 96).

5. Особенности структуры поселений

Общими для охарактеризованных поселений майминской культуры являются виды построек, детали бытовых приспособлений, хранилищ, структурные особенности архитектуры, важные для понимания единства культуры населения Предалтайской равнины и восточного Салаира. В первую очередь — это *очаги*. Очаги прямоугольной формы, с камнями по периметру, находились в жилищах всех майминских поселений, в том числе городищ Курлап (Скопинцева, 1993, рис. 1, 2), Сайлап, городища Усть-Иша-За (Абдулганеев и др., 2001, с. 93), поселения Урлу-Аспак-1 (Акимова (Вдовина), 2008, с. 38, рис. 2), поселения Майма-1. Нали-

чия очагов, обложенных камнями, на городищах Горного Алтая — Катунь: Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4, Манжерок-3 — не прослежено, исследовались небольшие фрагменты, примыкающие к фортификационной линии.

Традиция обкладывания очагов камнями и каменными плитами известна на поселениях бийского этапа большереченской культуры — Енисейское-2, зафиксирована П.И. Шульгой в поселениях раннего железного века Кастахта-3 и Элекмонар-4 (Шульга, 2015, рис. 98, 207), датируемых VII–II вв. до н.э. На прочих поселениях и городищах: Новозыково-3, иткульских фоминских городищах (№ 1–3), бийских городищах (№ 4, 6, 7, 8) — в рассматриваемой зоне найдены очаги открытого типа в виде прокала.

Хозяйственные ямы-погребя. В поселениях и городищах Сайлап, Курлап, Ушлѐп-5, Усть-Иша-3а, Майма-1, Урлу-Аспак-1, Черемшанка (Киреев, 1995) имеются круглые в плане ямы с черным заполнением, расширяющиеся ко дну. В них встречаются целые сосуды и сгоревшее дерево. Следует отметить, что в поселении Майма-1 также встречены и пустые неглубокие ямы. Некоторые из них — нехарактерной для майминских комплексов формы. В исследованном поселении на р. Иша (Новозыково-3) ямы отличаются от майминского комплекса. О наличии круглых ям-погребов в поселениях и городищах Горного Алтая сведений нет. Аналогичные ямы-погребя были исследованы в предалтайских поселениях быстринской культуры раннего железного века (Солонцы-2, поселения Точильное-10, Майма-2). Выкладки или забутовки из камня встречены в поселениях Ушлѐп-5, Майма-1, назначение их не ясно.

Конструкция жилищ и построек полностью представлена только в поселении Ушлѐп-5 как прямоугольное помещение с функциональной зональностью, системой отопления — обогрева. Сведениями о формах жилищ в городищах Курлап и Сайлап мы располагаем не полно, но они близки постройкам Ушлѐпа-5. Аналогичные прямоугольные помещения отмечены в городище Усть-Иша-3а. Рамчатые деревянные конструкции найдены на Усть-Ише-3а, Ушлѐпе-5, в Майме-1. Система отопления типа кана достоверно выявлена на Ушлѐпе-5, прослежена и на Урлу-Аспаке, в позднем — Новозыково-3.

Постройка прямоугольных помещений с хозяйственными ямами, *системой отопления* — дымоходом, ведущим от печи через земляные канавки (каны), заканчивающиеся трубой, практиковалась в Иволгинском городище хунну (Давыдова, 1995, с. 15, 17). На Ушлѐпе-5 использовалась близкая система отоплений: каны, жаровни.

Майминские жилища отличаются от бийских городищенских жилищ фоминского этапа, но имеют и похожие признаки. Раскопанные постройки на поселении Малый Иткуль-1, Городище-I–III (Большой Иткуль) II–IV вв. н.э. (Абдулганеев, Казаков, 1990; Абдулганеев, 1993; Казаков, 1998) чуть углубленные, прямоугольной формы с коридорным входом в угловой части, построены из жердей с легкой двускатной кровлей с берестой (Абдулганеев, 2001, с. 106–107), имеют открытые заглубленные очаги, но без каменных обкладок. Хозяйственных круглых ям не обнаружено. М.Т. Абдулганеев считает, что эти жилища — сезонные, предусмотренные для проживания в теплый период. Конструкции жилища переходного периода представлены на городище Сошниково-1 (Малый Иткуль) IV–V вв. (Казаков, 1998, с. 204), аналогичны прочим исследованным в Верхнем Приобье (II–IV вв.).

V. ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРОДИЩ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Керамика: формы, орнаментация

Методика анализа. Анализ керамики проводился на основании подсчета процентного соотношения следующих критериев: конфигурации профиля края венчика; формы сосудов в зависимости от высоты горла и профилированности; элементов орнаментации. В таблице 4, далее по тексту и в таблице 7 приложения 1 представлены условные обозначения: показаны схемы трех видов краев венчика с наплывами и без них; 13 видов форм сосудов, 25 видов элементов орнамента и трех видов семиотической конфигурации орнамента. Выделены формы сосудов с высоким, средневысоким горлом, с изогнутым венчиком, сосуды со слабопрофилированными и прямыми венчиками.

Элементы орнаментации включают разновидности ямочного и луночного оттисков штампов, прочие виды оттисков штампов, в том числе скобчатый, гребенчатый, пальцевые, ногтевые вдавления, двойные, гладкие прямые, каплевидные, концевые оттиски, также — реберчатые фактурные. Они под указанными номерами включены в однотипные сводные таблицы керамики (далее табл. 1–4), составленные по материалам Маймы-1, Ушлёпа-5, Усть-Иши-3а, Черемшанки, Курлека, Сайлапа (по материалам БКМ, сборов и публикаций). В таблицах учтены также радиус венчика, толщина стенок фрагмента, комбинация орнамента, орнаментация края. По результатам выписки произведен подсчет процентного и долевого соотношения.

1.1. Керамика из поселения Майма-1

На поселении Майма-1 найдено 6 тыс. артефактов: кости, камень, керамика. Посуда представлена двумя периодами: ранним железным веком и ранним Средневековьем. Посуда раннего железного века аналогична посуде бийского и березовского этапов. Основной керамический комплекс — раннее Средневековье.

Фрагменты стенок без орнамента насчитывают более 2 тыс. единиц вместе со сборами, при этом обломков донышек и целых днищ насчитывается 54 единицы. Из раскопа и сборов проанализировано 242 фрагмента венчиков, стенок горловин и целых сосудов, из которых у 16 экз. утрачен край венчика (рис. 44–47).

Среди сосудов наиболее распространены горшки слабопрофилированной формы, среди которых преобладают размеры диаметра венчика (2R) от 12 до 24 см (78,9 %). Мелкая посуда диаметром от 6 см до 12 см (19,5 %), крупные сосуды с диаметром более 24 см (1,6 %). К мелким формам относятся солонки, стопки, чашки, маленькие горшки и кувшины. В составе посуды среднего и мелкого диаметра различаются чаши, миски, блюда (плоская посуда), всего 23 ед. (11,5 %).

Кувшины с высоким и средневысоким горлом единичны (3 шт.). Форма сосудов, близкая форме 10 (табл. 4), — слабопрофилированная со слабо отогнутым краем венчика, составляет 33,5 %, форма 8, 9 со слабопрофилированным изгибом горловины составляет 11 %, с прямой верхней частью стенки-горловины (формы 12, 13) — 15 %, сосуды с выпуклыми стенками и с изогнутым краем венчика (формы 7 и 7а) составляют 13,5 %. Среди них выделяются сосуды с короткой горловиной, прямым или изогнутым краем венчика и округлым туловом, но они

редки, специфичны и отличаются от одинцовских сосудов (рис. 45.2.-6; 45.4.-1; 46.1.-3, 7; 46.2.-2; 46.3.-5). Нужно отметить, что в отличие от керамики Ушлёпа-5, на Майме-1 пологость профиля от венчика к тулову и профилированность горловины не выражены. Закрытые формы венчиков сосудов наблюдаются в 24,5 % от набора керамики. В основном это горшки и чаши (рис. 45.3).

Показательна серия керамики с выделенными гладкими поясами-ложбинами (рис. 45.1.-2; 45.3.-9; 46.1.-2). Такой элемент формовки выделен на пяти фрагментах, на двух из них сформирован бортик скоса профиля боков чаши и венчика горшка. Часть венчиков имеет характерные наплывы наружу и внутрь края, с нередко сформированными карнизами, срезанной плоскостью края (рис. 46.1.-3, 4, 8; 46.2.-1, 6; 46.3.-5, 6). В большей части присутствует оформление края венчика под изгиб, который варьирует с внешним наплывом, они отнесены к виду Б (рис. 44.1.-1, 3; 44.2.-2; 44.3.-1-3). Так, из 198 венчиков 87 экз. (40 %) — с выраженными наплывами и карнизами, из них 16 венчиков имеют сформированный карниз, большей частью — внешний. Венчики с равномерной поверхностью, без наплывов и карнизов (В), представлены в количестве 110 экз. (55,5 %).

Из 214 венчиков 28 экз. (14,1 %) — без орнамента; с ямками — 153 экз. (71,5 %); 35 экз. (16,3 %) украшены оттисками гладкого штампа и редко — гребенкой, составляющими ряды из вертикальных и наклонных в елочку линий. Одиннадцать венчиков украшены по краю насечками (5,5 %), остальные венчики — с неорнаментированными краями.

В разрушениях собраны венчики и горловины, орнаментированные гладким штампом или гребенкой, составляющие 53,5 % от числа собранных венчиков. Ямочный орнамент имеется на 50 % венчиков. Не исключено, что в сборах с поверхности отбиралась только орнаментированная керамика.

Особенностью орнаментации керамики Маймы-1 являются ямки: только на пяти фрагментах нанесены ямки в два ряда и больше, в том числе в составе композиции с рядами оттисков штампа (рис. 44.3.-1, 3; 45.4.-3; 46.4.-2). Разнообразят этот элемент крупные ямки диаметром до 0,9–1 см, ямки с язычками посередине, ямки с внутренними рисками (рис. 46.1.-8; 47.4.-9), циркульный штамп. Встречаются единичные фрагменты с фигурными композициями из ямок (рис. 44.3.-3; 45.3.-5, 7; 46.2) или циркульного штампа.

В орнаментации в основном использовался прямой гладкий штамп, образующий ряды из вертикально поставленных либо наклонных оттисков длиной до 1–1,5 см, образующих композиционную елочку или волны (рис. 46.3; 46.4; 47.1). Та же самая композиция — елочка и ряды — могла быть составлена линиями длиной до 5 см и более. Поле одного сосуда украшено плетеной композицией из длинных (длиной от 7 до 12 см) прямых и изогнутых линий (рис. 44.3.-3). Характерной композицией является ряд из зигзага (тип 27) (рис. 46.3; 46.4). Он дополняет композицию большинства нарядных сосудов малых и средних размеров. На одном горшке он образует нижний ряд орнаментации, собранной из пяти рядов вертикальных оттисков гладкого штампа, тогда как первый верхний ряд составлен ямками (рис. 46.4.-1). На другом сосуде зигзаг также образует нижний ряд, расположенный под поясом из вертикальных оттисков, верхний ряд составлен ямками (рис. 46.3.-5).

На третьем сосуде зигзаг выстраивает верхний ряд над двумя рядами вертикального штампа, образующими встречные волны, — на нем ямки отсутствуют (рис. 46.3.-4). На четвертом горшке зигзаг находится в нижнем ряду под рядами гладкого штампа. Ряд ямок проходит между рядами гладкого штампа (рис. 46.3.-1). На пятом горшке зигзаг пущен под двумя рядами гребенчатого штампа (рис. 46.4.-3). Для нарядных сосудов характерна и более простая

композиция, состоящая из рядов вертикальных и скошенных оттисков гладкого штампа, в том числе елочки, украшающих от 1/3 до 2/3 сосуда. В нескольких вариантах через этот орнамент пущены ряды ямок. Основная часть сосудов орнаментирована гладким прямым штампом.

Пальцевые вдавления в орнаменте не распространены, встречены как результат формовки венчика. Но ими украшены единичные фрагменты придонной части в соединении дна с туловом и один венчик с краевым бортиком-наплывом (рис. 45.3.-1; 46.1.-2-5, 8).

В сборах получена была керамика, орнаментированная прямыми и изогнутыми линиями гладких штампов, гребенчатым штампом с крупными зубцами и плотной, реберчатой гребенкой (рис. 47.2; 47.3). В орнаменте присутствуют композиции из елочки, рядов из скошенных и прямых оттисков, зигзага, сочетающихся с ямками разной величины. Наиболее крупные ямки диаметром 0,8–1 см. Встречены оттиски циркульного штампа. Края венчиков в основном не орнаментированы. На некоторых экземплярах по краю — насечки, на одном сформирован карниз-воротничок. Один фрагмент орнаментирован по венчику рядом ямок и пальцевыми вдавлениями. Орнаментация керамики Маймы-1 близка видам керамики с поселений Улалинка, Черемшанка, Урлу-Аспак (рис. 56.4.-10-15; 58.2; 58.3; 58.4).

Орнаментация поселения Майма-1 отличается от орнаментации Ушлэпа-5 нераспространенностью мягких вдавлений — лунок и гребенчатого и реберчатого штампа. Орнамент керамики Маймы-1 менее вариабелен, чем на Ушлэпе-5. В отличие от Ушлэпа-5, внутренний выступ ямок на большей части сосудов выровнен.

В тесте видны примеси шамота и камня. Техника крепления дна к тулову идентична ушлепской. В результате крепления образуются круговая выемка и внешний выступ дна.

1.2. Керамика из поселения Ушлэп-5

В слое поселения Ушлэп-5 обнаружено 13 тыс. фрагментов керамики, в том числе от 98 целых и реконструируемых керамических сосудов. Подборкой для анализа формы керамики послужили 272 фрагмента посуды с выраженными венчиками, горловинами и переходами к тулову (плечикам) (приложение 1, табл. 2) (рис. 48–53). За основные формы сосудов взяты 14 видов, сочетающих в себе соотношение высоты горловины, профилированность шейки — перехода горловины к тулову. Среди всех образцов выделены сосуды с высоким горлом: с вертикальной либо с отогнутой стенкой горловины; сосуды со средневысоким горлом (с вертикальной либо отогнутой стенкой горловины в сочетании с разной степенью выпуклости плечиков). Другой вид форм сосудов — слабопрофилированные и с прямыми стенками горловины.

В отдельные группы вынесены мелкие сосуды, кувшины, чашевидная низкая посуда. В наборе представлены горшки разной величины — 77,24 %, блюда (чаши, пиалы, блюда) — 14 %. Если анализировать количество сосудов по величине диаметра, то керамика большого диаметра, более 28 см, составляет 30,2 %, при этом 40 % керамики — чаши и блюда, остальное — горшки. Группа сосудов среднего диаметра — 14–27 см составляет 53,6 %, из них 16 % — чаши и пиалы. Группа керамики малого диаметра — от 5 до 12 см — 16,2 %. Из них — три пиалы, остальное — миниатюрные сосуды и другие миниатюрные формы сосудов: кружки, стопки-солонки диаметром до 6 см — 4 % (рис. 52.3). Все сосуды плоскодонные. В небольшом количестве встречаются сосуды с овальным у дна профилем и с уплощенным дном. По этому принципу сформированы и чаши. В наборе посуды среди сосудов малых и средних размеров имеются экземпляры с округлыми стенками, округлым уплощенным дном и профилированным венчиком, напоминающие формы одинцовской керамики (рис. 48.1; 48.2; 49.2.-4, 5; 51.2.-1, 5, 6).

Отличительной особенностью горшков является техника скрепления дна с туловом, в результате чего в месте скрепления по всему периметру образуется желобок, отжатый пальцами, с выступающим краем дна (рис. 52.1.-7). Нередко пальцевые вдавления придают вид декора. Встречаются доньшки с выступом по периметру со стороны плоскости дна, образующим бортик либо поддон (рис. 49.4.-2; 52.3.-1, 2, 3, 5, 11). Толщина стенок тулова у разных видов сосудов составляет 0,5 см, 0,7 см, 1–1,2 см. Наиболее распространена толщина стенки 0,7 см. Дно как отдельный строительный элемент сосуда, чаши бывает той же толщины, что и стенки, у крупных горшков оно может достигать 2,5–3 см.

Группа керамики с высоким прямым вертикальным либо отогнутым горлом (виды 1–3, табл. 4; приложение 1, табл. 7) составляет 4,78 % (13 шт.); форма с прямым средневысоким горлом и выпуклыми стенками (вид 4) — 5,89 %. Сосуды с низким горлом и разной степенью профилировки венчика и тулова представлены видами 5, 6, 7, 7а, насчитывают 35,69 % (97 экз.) от общего количества керамики. Из них в большем количестве выделяются виды 7 и 7а (29,80 % — 81 экз.).

Другая группа — виды керамики со слабопрофилированной формой горловины (8–13) составляет 30,88 %. В ней наиболее близки между собой виды 8, 9, 10 — со слабо изогнутым переходом от венчика к стенкам тулова. Таких сосудов насчитывается до 19,48% (53 экз.) от общего количества керамики. Вид 11 — стенки с закрытым венчиком — 5,8 % (16 экз.), вероятно, представляет собой горловины пиал, чаш, что определить с высокой долей вероятности не представляется возможным. Виды 12 и 13 — части сосудов с прямым венчиком и горловиной от вертикальных и от закрытых стенок горшков, выделено 5,6 % (15 экз.).

В единую группу включены фрагменты и развалы чаш, пиал, блюд. Они составляют 18,76 % (51 шт.) от общего количества керамики (рис. 50.1; 50.2). Часть их реконструируется полностью, а часть — фрагментирована, но идентифицирована по диаметру и профилю. Чаши и пиалы различаются между собой по диаметру и высоте стенок. Профиль может быть вертикальным и закрытым (вогнутым внутрь венчиком). Блюда в основном с вертикальными низкими стенками, выпукло переходящими ко дну.

В группу сосудов малых размеров включены мелкие солонки и стопки с вертикальными или отогнутыми стенками. Найдены фрагменты от маленького кувшина с округлой ручкой. Группы миниатюрных сосудов с высоким горлом и выпуклыми или округлыми стенками тулова, горшочки с прямыми или отогнутыми венчиками, с закрытыми стенками встречены в каждом жилище. Выделяются сосуды, по форме близкие кувшинам: с выпуклыми стенками и отогнутым венчиком либо с высоким горлом, украшенные орнаментом на две трети высоты всего сосуда.

Важной особенностью оформления края венчиков сосудов является своеобразный наплыв (рис. 49.3; 49.4; 50.3; 50.4).

Выделено три вида формы края: венчики с двусторонним наплывом (А), с односторонним наплывом (Б), равномерной формы (В) (приложение 1, табл. 7). Наплывы могли образовываться при орнаментации края венчика либо оформлены специально для выделения краевого карнизика. Карниз, или наплыв, с внешней стороны представлял собой своеобразный орнаментальный элемент, окаймляющий край сосуда. Карнизы наблюдаются на венчиках с отогнутым краем, встречаются и на слабопрофилированных венчиках. Двусторонние наплывы, либо карнизы, придают майминской керамике своеобразие, выделяющее эту керамику из числа раннесредневековой керамики и близкой керамики раннего железного века. Из общего количества рассматриваемой керамики 43 % имеют наплывы.

Орнамент рассматривается как набор разновидностей элементов орнаментации и мотива. Основная часть сосудов практически всех групп и форм украшена одним или двумя рядами ямок по венчику, горловине. Для вычисления видов орнаментации взяты целые сосуды и крупные фрагменты венчиков, горловин, на которых запечатлен полный орнаментальный мотив (композиция), общим количеством 386 фрагментов и сосудов. Орнамент располагается на стенках горловины и краях венчиков. Отдельно рассматриваются группы элементов орнамента и конфигурация. Среди элементов орнамента распространены три группы: группа I — ямки и лунки разной формы и величины; группа II — виды оттисков штампа, III — пальцевые и ногтевые вдавления.

Группа I: ямки круглой формы (I-1) до 0,5–0,7 см диаметром, подпрямоугольные, каплевидные (I-2, 3), мелкие (накольчатые), овальные ямки — вдавления (I-6); лунки (I-7–9) представляют собой неглубокие, иногда даже нечеткие мягкие вдавления в основном овальной формы (рис. 49.1; 49.2), нанесенные наклонно штампом в вертикальном либо скошенном положении (рис. 48.1; 48.2; 48.4; 51.1; 52.2.-5; 52.4.-1–3). Группа II включает оттиски гладкого штампа (II-16, 17) либо зубчатого/гребенчатого штампа (рис. 50.3; 52.1.-2, 3; 52.2.-4; 52.3.-1–5), короткого штампа, оставляющего изогнутые семечковидные оттиски (II-13) (рис. 48.3.-4; 51.1.-6), двойные семечковидные (II-15) (рис. 49.1-3), треугольно-овальные (II-14), рифлено-зубчатые оттиски (II-11, 12, 22). Встречается вид врезанных скобчатых оттисков (II-18 а-в) (рис. 51.1.-1). Группа III — пальцевые вдавления (III-24). Название условное, принятое как элемент орнаментации, оставленный вдавлениями пальцев либо с помощью орнамента близкой формы (рис. 50.4; 5.4). Таким же образом ногтевые вдавления (III-25) приняты условно как оттиски ногтя либо орнамента, оставляющего аналогичный узор (рис. 51.1.-1–4; 52.2.-1, 2; 52.4.-7).

Без орнамента насчитывается 3,9 % сосудов. С неорнаментированным краем венчика — 41 %.

Почти на всех сосудах присутствует ряд либо два ряда ямок (92,3 %) (рис. 53). Ямки являются основным мотивом в структуре орнаментации, могут сочетаться, дополняться поясами, выполненными разными видами штампа, находясь между ними, над ними. В двух случаях ямки были с внутренними насечками, в двух — с выступающими язычками. Ряды лунок в орнаментации керамики встречены в 6,3 %, тогда как на краях венчиков они составляют 12,7 %. Оттиски гребенчатого штампа встречены на 3,4 % сосудов. Гребенчатые штампы разнообразны: это мелкозубая плотная прямая гребенка из 8–9 зубцов (рис. 52.1.-2, 3; 52.3.-1–5) либо крупная гребенка из трех зубцов (рис. 49.2.-5, 6).

Встречен орнамент, выполненный двузубым и двустрочным штампом, образующим пояски (рис. 48.2.-1–5). Один горшок был украшен композицией из вертикальных и наклонных строчек зубчатых оттисков, образующих пояс с неритмичным заполнением (II-26, 28) (рис. 49.2.-1). Кувшинообразный сосуд, его верхняя половина орнаментирована скошенными дугообразными строчками из сдвоенных семечковидных зубцов (челюсти?) (рис. 49.2.-4). Зубчатым штампом нанесены треугольные зигзаги (II-27) (рис. 52.3.-1–5). Поясок, выполненный двустрочным гребенчатым штампом (II-23), имеется на двух горшках, между зубчатыми «строками» зажат узкий бортик, образующий непрерывную линию (рис. 48.2.-1–5). В орнаментации широко использовались оттиски конца зубчато-рубчатого штампа. Эти оттиски образовывали ряды — от двух до 6 рядов, например со встречающимися между ними волнами вдоль венчика и ряда ямок.

Пальцевыми вдавлениями (3,4 %) украшены горловины иногда с целью выделения краевого наплыва (бортика). Встречено сочетание пальцевых вдавлений и ямок в один ряд, на-

пример на чашах. Наиболее часто пальцевые вдавления используются для орнаментации края венчика (6,3 %) (рис. 48.1.-1-5; 48.2.-1-3; 48.4.-1, 5).

Характерной особенностью орнамента на керамике являются волнообразные композиции, составленные из ямок, луночных и пальцевых вдавлений или оттисков штампа (рис. 48.4.-1, 2; 49.1.-1, 3; 51.4; 53.1.-3).

Еще одна выразительная конфигурация — зигзаг, образующий нижний ярус основного пояса орнаментации сосудов. Всего в коллекции пять таких сосудов. В одном случае линия зигзага располагается под рядом ямок, нанесена прямым гладким штампом, на остальных зигзаг нанесен зубчатым штампом, как и весь орнамент (рис. 52.3.-1-5).

Выделяется группа из шести нарядных сосудов малых и средних размеров с купонным декором, заполняющим половину и две трети высоты от венчика до выпуклой части тулова (плечиков). Декор на этих сосудах состоял из нескольких рядов, выполненных гребенчатым штампом (в 3, 5, 8 рядов), часто по венчику или шейке дополненных рядом ямок. Снизу купонный пояс подчеркнут зигзагом либо тонким пояском из иначе наклоненных оттисков штампа (рис. 52.1.-2, 3; 51.3.-1-5; 48.3.-1-4). Часть сосудов имеет поддон. Широкий пояс из пяти рядов гребенчатого штампа, покрывающий треть сосуда, был отмечен лишь на одном крупном горшке (рис. 52.1.-3).

В большей части керамики отмечается хорошо вымученное плотное тесто с примесью шамота и дресвы. Дресва состоит из отдельностей камней местной породы, зерен кварца.

1.3. Керамика из городища Усть-Иша-За

В трех исследованных жилищах, ямах и в слое найден 1121 обломок стенок сосудов без орнамента, в том числе фрагменты плоских днищ придонных частей, 110 венчиков, в том числе реконструируемых сосудов. В сводную таблицу помещены 32 экземпляра с орнаментом. В связи с малым количеством можно было сделать определенные выводы о наличии видов посуды и орнамента и сравнить с майминскими коллекциями (рис. 56.1; 56.2; 56.3). Подавляющая часть посуды — горшки, чаши со слабопрофилированными венчиками (типы 9–13) (табл. 4). Среди мелкой посуды наиболее полно сохранились банка-чаша и две пиалы (рис. 56.1-3; 56.3.-1, 5). Две — с прямыми стенками без орнамента и верхняя часть открытого миниатюрного орнаментированного горшка-пиалы. У пиалы и чаши — прямые стенки, у горшка — профилированный венчик. Шесть горшков этой коллекции — с выпуклыми плечиками, плавно формирующими овальный профиль тулова (рис. 56.3).

Края венчиков относятся к группе А (с двусторонними наплывами) — 2 экз., Б (с односторонним внешним, реже — внутренним наплывом) — 11 экз.; В — 18 экз. с прямым овальным в профиле краем. С венчиками с устанавливаемым диаметром мелких горшков (диаметром до 12 см) — 5 экз., средних — 9 экз. и крупных — более 27–28 см — 2 экз. Толщина стенок — от 0,5 до 0,8 см. Вся посуда с плоским дном, сформированным по принципу, характерному для майминской посуды, а также с обычным угловым переходом стенки ко дну (рис. 56.3.-6, 9).

В орнаментации посуды преобладают ногтевые вдавления, ямки и лунки, используются зацепы, гребенчатый и гладкий прямой штамп. На пяти экземплярах венчиков нанесены оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Лунки и ямки — разной формы: круглые, каплевидные, крупные мягкие вдавления (лунки). Крупные лунки, составляющие пять рядов, заполняют верхнюю половину стенок одного из горшков (рис. 56.3.-6). Венчик другого горшка украшен неравномерной цепочкой подобных вдавлений (лунок) (рис. 56.3.-8). Горловина самого крупного горшка оформлена тремя рядами крупных вдавлений и двумя рядами зацепов (рис. 56.1.-1). В двух случаях использовался прямой гладкий штамп, поставленный вертикально (рис. 56.1.-8).

Орнаментация, ведущие формы характерны для майминской посуды, при этом орнамент довольно лаконичен и беден по сравнению с салаирской керамикой Ушлёпа-5, Курлапа и Сайлапа. Среди найденной здесь керамики не встречаются орнаментальные приемы в виде пальцевых вдавлений, отсутствуют сюжеты композиции (елочка, зигзаг, зональность), нет многообразия и сочетания элементов, украшающих майминскую посуду, что может быть связано со спецификой этого поселения. Вместе с тем необходимо отметить, что посуда городища по формам и орнаментации не характерна ни для фоминских, ни для одинцовских коллекций, ни для бийских переходных образцов. При этом, как и на прочей майминской керамике, имеются сходные элементы орнамента с бийскими переходными (фоминско-одинцовскими) видами орнаментации из вертикальных оттисков гладкого, гребенчатого штампов и ногтевых вдавлений (рис. 56.2).

1.4. Керамика из поселения (городища) Курлек

В сравнительной таблице использованы 31 орнаментированный венчик и фрагменты (приложение 1, табл. 4) (рис. 57.1-3, 57.4.-1-3). Распространена закрытая форма (вид 11) (табл. 4) сосудов — горшков (23 экз.). Закрытые слабопрофилированные (вид 9, 10 — 2 экз.) и прямые формы венчика (3 экз.) дополняют этот набор (табл. 11). Встречены также два фрагмента сосудов с короткой профилированной горловиной, переходящей в выпуклое тулово, и с невысокой горловиной. На 11 фрагментах венчиков имеется краевой наплыв, в четырех случаях мы видим наплыв, преобразованный в небольшой карнизик (рис. 57.1.-5; 57.2.-3, 4, 7). На остальной преобладающей доле керамики края венчиков без наплывов, равномерные. Но при этом на 12 образцах выражен внутренний скос, на трех венчиках — горизонтальный срез, остальные — овальные. Скос и срез края в большинстве случаев орнаментировался гребенчатым либо гладким штампом.

Преобладающая орнаментация — ряд ямок, часто в сочетании с рядами оттисков гребенчатого или гладкого штампа. Наклонные оттиски образуют елочку либо располагаются в одном порядке. На одном фрагменте использован зигзаг (вид 27) (рис. 57.2-3). Он помещен вдоль края — над основным орнаментальным поясом. В орнаментации также использовались мелкие треугольные и каплевидные ямки, двойные штампованные вдавления.

На одном сосуде верхний пояс орнамента нанесен на карнизе. Один фрагмент украшает ряд из оттисков волнистого штампа — псевдоуточки (рис. 57.2.-1). Имеются фрагменты с угловыми и краевыми вдавлениями палочки, сюжета с волнообразными рядами ямок и мягких вдавлений. Кроме нарядной керамики, реконструируемы блюда, высокие широкие пиалы и горшки, орнаментированные только ямками. На краевые срезы нанесены оттиски штампа. Керамика на этом поселении, судя по обнаруженным фрагментам, плоскодонная. Встречен один мелкий сосуд с дном, сформированным аналогично майминским образцам, с выступающими закраинами и отжатым поясом крепления к тулову (рис. 57.1.-2).

1.5. Керамика из Урлу-Аспака-1

Близка по форме сосудов Курлека и манере орнаментации опубликованной коллекции (Акимова, 2008). На поселении встречены горшки, низкая посуда (чаши) (рис. 58.2). Всего до 2210 экземпляров вместе с фрагментами керамики. Здесь в основном распространены венчики горшков формы 10 с прямым и слегка отогнутым краем и горшков с горловиной закрытого типа. У части сосудов имеется внутренний скос края, образующий внешний и иногда внутренний наплыв, найдены сосуды с горизонтальным срезом края, и в большей мере — в форме В (без наплывов и карнизов).

Орнаментация состоит из ряда или двух рядов ямок и установленных наклонно, реже вертикально оттисков штампа — гребенчатого и плоского, образующих параллельные ряды. В обнаруженной серии преобладают наклонные оттиски. Разнообразные виды орнаментации представлены рядами угловых вдавлений (горшок с тремя рядами вдавлений) и поясами из полукруглых наклонных вдавлений, скобчатых оттисков (вид 18в) либо коротких прямых оттисков, мелких наколов (вид I-4), лунок (вид I-9), сложных конфигураций из оттисков гребенчатого штампа. Присутствует фигура из ломаных линий — псевдоуточка (рис. 58.2.-23). Керамика плоскодонная, с прямым либо чуть отогнутым венчиком, в том числе закрытой формы, отличающаяся от одиновской (рис. 63, 64). Общим принципом орнаментации с переходной бийской керамикой являются ряды, составленные оттисками прямого гребенчатого штампа, композиция елочка, круглые ямки, орнаментация по срезу венчика.

1.6. Керамика из поселения (городища) Сайлап

Для анализа и сравнения были использованы материалы собранной на разрушениях поселения керамики Бийского краеведческого музея (1960-е, 1980-е гг.) и собственные сборы 1980-х гг. Незначительная часть керамики опубликована Г.В. Скопинцевой в 1993 г. (рис. 54). В сводную таблицу мы включили 63 образца орнаментированных венчиков и реконструируемой посуды (табл. 1–3; приложение 1, табл. 5). Среди всех образцов выделены профилированные сосуды с высоким горлом, с вертикальной либо с отогнутой стенкой горловины и выпуклыми плечиками (виды 2, 3) (табл. 4) — 3 экз.; горшки со средневысокой горловиной и выпуклыми плечиками (вид 4, 5) — 8 экз., горшки с низким горлом (вид 7, 7а) — 7 экз.

Другой вид форм сосудов — слабопрофилированные и с прямыми стенками горловины (виды 8–13). Их насчитывается 46 экз. (80 %), из них наибольшее количество (18 экз.) относится к закрытому типу. Виды посуды в большей части вычислены по фрагментам горшков, пиал и чаш. Широких и больших сосудов с диаметром более 28 см насчитывается 19 экз., в основном это чаши и блюда, затем горшки. Группа сосудов среднего диаметра — 14–27 см — насчитывает 7 экз. Группа керамики малого диаметра — от 5 см до 12 см — 3 экз. Найденные фрагменты днищ и придонных частей — от плоскодонных сосудов, есть экземпляры с низким поддоном. Венчики по профилю края распределяются как вид А — с двойными наплывами, 5 экз., вид Б — с односторонним наплывом, 17 экз., иногда образующим валик. Наплывы могут образовываться от орнаментальных вдавлений, украшающих край. Вид В без наплывов насчитывает 40 экз., из них на шести образцах оформлен горизонтальный либо скошенный срез. Скошенный срез орнаментировался.

Орнаментация сосудов разнообразна, выделяются нарядные большие и средние сосуды, на которых орнаментальный пояс занимает до верхней трети или четверти сосуда (рис. 54). Орнамент в основном состоит из рядов штампа. Обязательный элемент в орнаментации почти всей посуды — ямки в одну цепочку, выделяющие горловину. На четырех сосудах анализируемой коллекции вместо ямок используется жемчужник (рис. 54.1.-1; 54.2.-7). В орнаментации используются круглые ямки, вдавления, мелкие ямки, лунки. На отдельных сосудах весь орнаментальный пояс может состоять из нескольких рядов лунок (рис. 54.3.-2) или ямок. Могут использоваться в орнаментации полукруглые скобчатые или ногтевые отпечатки (один фрагмент).

Преобладает вид орнамента с использованием оттисков прямого гладкого штампа (вид II-17) — 19 экз., и оттисков гребенчатого штампа (виды II-19, 20, 21) — 14 экз. Они разной длины, ширины, некоторые отличаются от остальных видом окончаний, способом надавливания. Оттиски могут быть поставлены вертикально, наклонно, образовывать ряды, провисаю-

щие полукружья арок (рис. 54.1.-1), елочку. Из вертикально поставленных оттисков составляется один, два, три ряда. Они могут сочетаться с рядами наклонных оттисков. В елочке можно насчитать 4, 8 рядов оттисков. Используется в орнаменте также композиция зигзаг (рис. 54.3.-1; 54.4.-7). Она обычно подчеркивает орнаментальный пояс и является особым этническим показателем в декоре.

На семи сосудах орнамент образует волнообразные ряды из рубчатого штампа, гребенки, прямых оттисков, ямок. Края 19 венчиков орнаментированы лунками, рубчатыми оттисками, прямым штампом, полуовальными скобчатыми и ногтевыми отпечатками. В состав небольшой выборки не попала керамика, орнаментированная защипами, скобой, пальцевыми вдавлениями, двойным штампом, так как в нашем наборе таковой не было. Большая часть орнамента выполнена гребенчатым и прямым штампом, и этим определяется особенность сайлапской керамики.

1.7. Керамика из городища Курлап

Нами использовались подъемный материал из разрушений распахки и перекопов, ссылка на опубликованный в 1993 г. Г.В. Скопинцевой материал, а также сводная систематизация керамики О.В. Алексанова с корректировкой на выбранные критерии для сравнений и выявлений особенностей (Алексанов, 1995, с. 97–99). Этот материал показывает насыщенное многообразие видов орнаментации майминской посуды (рис. 55), содержит всевозможные формы керамических сосудов: блюда, чаши, мелкие изделия, сосуды баночной формы, средние и крупные горшки.

Основная часть керамики плоскодонная с майминской манерой крепления дна: с выделенным краем дна и выдавленным по периметру желобком; также сосуды с обычным переходом стенок ко дну без желобка и закраины. Отмечены формы с низкими поддонами (Скопинцева, 1993, с. 63). Посуда со слабопрофилированными венчиками составляет основную часть коллекции. Она представлена чашами, мисками, сосудами баночной формы. Вид 10 — 24,4 %, вид 11, закрытый, составляет 29,8%, виды 8, 9 — 9 %, виды 12, 13 — 1,4 % (табл. 1–3). Среди профилированной посуды есть образцы с высоким горлом и выпуклыми плечиками (вид 1, 2, 3 — 2 %), со средневысоким горлом и выпуклыми плечиками (вид 5 — 5,4 %), керамика с низким горлом и выпуклым туловом (виды 6, 7, 7а) составляет 14,4 %.

На большей части профилированной посуды выделяется краевая часть в виде наплыва, подчеркнутого изгибом или овальным карнизом. Она составляет 33,5 %. Кроме того, 7,7 % венчиков — с двойными (внутренними и внешними) наплывами. Однако слабопрофилированные венчики, преобладающие в коллекции керамики, в 62,8 % имеют равномерную форму без наплывов и утолщений.

В орнаментации на большей части посуды (70 %) используются ямки и лунки (овальные вдавления), они образуют самостоятельный орнамент для низкой посуды и горшков в виде рядов или орнаментальных поясов (Скопинцева, там же, с. 63). Ряд ямок сопровождает декорированный пояс, подчеркивая линию горловины. На 6,5 % украшенной керамики ямки заменены жемчужинами (рис. 55.1.-1; 55.2.-7). Ямки и лунки — разной формы и величины: прямоугольные, круглые, овальные, кунжутovidные, каплевидные, крупные овальные вдавления и в большей мере — круглые ямки. В орнаментации применялись П-19–22 — гребенчатый штамп (52,5 %) и П-17 прямой гладкий штамп (36,2 %) разной длины, ширины, нажимов, с вариациями окончаний, с разным количеством зубцов.

Орнаментальные композиции включали преимущественно ряды из наклонно поставленных оттисков штампа (34,4 %) либо вертикальных оттисков (23,2 %). Наклонные ряды

в виде елочки составляют 22,7 % от орнамента (табл. 2). Наклонные оттиски из гребенки или гладкого штампа в 3 раза превышали количество декора из композиции елочка. Отмеченные гребенчатые штампы отличаются разнообразием: с крупными зубцами, мелкими, неравномерными, двузубыми и т.д. Реконструирован сосуд, на котором изображено плетение из поясков, выполненных гребенчатым штампом (рис. 55.4.-6). Некоторые сосуды орнаментированы волной оттисков, нередко волна огибала ямки (рис. 55.1.-1, 2).

О полном наборе видов орнамента и процентном соотношении использующихся элементов можно судить только после полной публикации материалов городища. Пока можем отразить ведущие тенденции. В оформлении декора использовались ногтевые вдавления, скобчатый врезной штамп полуовальной формы типов 18а, б, в, прямоугольный, вильчатый, довольно редкий элемент — защипы. Защипами оформлялись горизонтальные и вертикальные ряды декора. Имеются образцы с фигурами из мелких ямок и наклонных концевых вдавлений реберчатого штампа. Не распространена, но присутствует керамика, в орнаменте которой отмечается пояс из пальцевых вдавлений (рис. 55.1.-15).

Для Курлапа уникальны композиции орнамента:

1. Ряд ямок между двумя рядами вдавлений или мелких оттисков (2,3 %) (рис. 55.1.-3).
2. Включения вертикальных поясков, выполненных гребенчатым штампом либо защипами (3,5 %).
3. На керамике и на пряслице встречен элемент уточка либо псевдоуточка (3,2 %) (рис. 80.-14). Штамп уточка обычный — z-образный, и с искаженной формой — волнообразный, скобовидной половинки символа.
4. Широко используется композиция зигзаг. Она составлена либо гладким штампом, либо разными видами гребенчатого штампа (9,4 %). В Курлапе эта композиция встречается чаще, чем в Сайлапе или на Ушлёпе-5.

1.8. Керамика из городища Черемшанка

В коллекции насчитывается 92 венчика и орнаментированных фрагментов сосудов, в том числе 35 фрагментов донышек (рис. 58.3; 58.4). В таблицу включено 32 фрагмента венчиков и стенок с орнаментом, относящихся и к реконструируемой посуде, и с неопределимым диаметром (табл. 1–3, приложение 1, табл. 6). В профиле венчиков преобладает тип В (равномерный, без наплывов), 9 фрагментов с наплывами и выраженным выпуклым карнизом.

Среди керамики распространены горшки и низкая посуда — чаши, блюда. Это сосуды со среднепрофилированными стенками с низким горлом вида 7, 7а (табл. 4) и непрофилированные закрытого типа и с прямыми стенками горловины. Орнамент: 19 фрагментов орнаментировано рядом ямок и лунок, часть венчиков — без орнамента (28 %). В орнаментации распространено использование оттисков прямого гладкого штампа, образующего ряды, — 18,7 %.

На реконструируемых горшках орнамент занимает четверть либо треть горловины. На одном горшке три ряда наклонно поставленных оттисков гладкого штампа образуют елочку. Между верхним и вторым рядом — ряд ямок, под всем поясом орнамента располагается ряд зигзага (рис. 58.4.-1). Другой горшок по горловине украшен наклонными оттисками гладкого штампа с наложенным на них рядом ямок (рис. 58.3.-1). Третий горшок орнаментирован рядом ямок и волнообразной композицией из двух рядов семечковидных вдавлений (рис. 58.3.-4). Край сосуда орнаментирован оттисками гладкого штампа. Еще один горшок украшен по горлу двумя рядами наклонных оттисков гладкого штампа, установленных елочкой (рис. 58.3.-2).

Встречены мелкие фрагменты керамики с орнаментом — рядами наклонных оттисков гладкого штампа, или рядами вертикально поставленных оттисков, или рядами вытянутых вдавлений. Найдены фрагменты с орнаментом из оттисков овальных скобчатых вдавлений. Преобладают фрагменты керамики с рядом ямок разной конфигурации: круглых, вытянутых, мелких, крупных. Орнаментированные по краю венчики составляют лишь 15,6 %, преобладают венчики с неорнаментированным краем. Все эти виды орнамента и признаки характерны для керамики Маймы-1.

2. Культурные особенности майминской керамики (общие выводы)

Общие выводы основаны на сводных количественных таблицах, отражающих формы венчиков и горловин, орнамента и орнаментальных композиций, и сравнительных таблицах общего процентного состава характерных признаков майминской посуды рассматриваемых поселений и городищ.

Таблица 1

Формы сосудов (номера 1–13)

Поселения/ кол., %	1, 2	3	4	5	6	7, 7а	8-9	10	11	12,13
Ушллёп-5	11	2	16	10	8	83	29	27	17	15
283	3,8	0,7	5,6	3,5	2,8	29,3	10,2	9,5	6	5,3
Майма-1	2	-	2	1	1	27	23	66	34	31
196	1,0		1,0	+	+	13,7	11,7	33,6	17,3	15,8
Майма-1 сб.	1	-	-	1	1	-	3	10	7	3
28	+	-	-	+	+	-	10,7	35,7	25,0	10,7
Курлап*	4	2	-	12	1	32	20	54	66	29
221	1,8	+		5,4	+	14,4	9,0	24,4	29,8	13,1
Усть-Иша-3а	-	-	-	-	-	5	4	8	7	1, 4
32	-	-	-	-	-	15,6	12,5	25,0	21,8	+
Черемшанка	-	-	1	2	-	6	-	4	12	1, 2
32	-	-	+	6,2	-	18,7	-	12,5	37,5	+
Сайлап	1	2	2	6	1	7	9	11	18	5
62	+	+	+	9,7	+	11,3	14,5	17,7	29	8
Курлек	-	-	-	2	-	1	1	1	19	3
27	-	-		7,4	-	+	+	+	70,3	11,7
Урлу-Аспак**	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Горный-3 (10)	1	-	-	-	-	2	1	1	79	9
93	+					2,1	+	+	85	9,6

Таблица 2

Орнаментация сосудов (номера групп I–III)

Поселения/ %	I- 1-6	I - 9, 10	III - 24	II - 19-21	II-16	II-17	II-22	II-18	II - 11-13	б/о
Ушлѐп-5	243	26	16	11	3	2	5	3	6	14
283	85,8	9,18	5,6	3,9	1,0	0,7	1,7	1,0	2,1	4,9
Майма-1	153	3	-	1	1	34	-	-	-	27
196	78,0	1,5		+	+	17,3				13,8
Майма-1 сб.	16	-	1	1	2	13	-	-	-	4
28	57,1		+	+	+	46,4				14,3
Курлап*	125+18'	10	-	46	-	76	3	8	4	8
228	54,8+7,8	4,3		20,1		33,3	1,3	3,5	1,7	3,5
Усть-Иша-3а	20	3	-	2	-	2	-	2	1	2
31	64,5	9,6		+		+		+	+	+
Черемшанка	18	1	-	-	-	6	-	1	-	9
32	56,2	+				18,7		+		28,1
Сайлап	44	3	-	14	-	19	-	-	-	3?
63	69,8	+		22,2		30,1				+
Курлек	25	-	-	8	-	3	-	-	-	-?
27	92,6			29		11				+
Урлу-Аспак**	++	+	?	++	?	+	?	+	?	+
Горный-3 (10)	81+9'	1	1	50	-	7	-	-	1	-
92	87+9,6			53,7		7,5				

Таблица 3

Края венчиков, орнамент

Поселения/ %	А 	Б 	Бв 	В 	Н 	б/о	I- 7-10	II- 17	II- 20-19	III- 24	II 22	II 18
Ушлѐп-5	45	91	16	128	-	147	48	22	5	26	5	3
280	16	32,5	5,7	45,7	-	52,5	17	7,8	1,7	9,2	1,7	1
Майма-1	11	72	4	117	-	188	-	15н	-	-	-	1
204	5,3	35,3	2	57,3	-	92	-	7,3	-	-	-	+
Майма-1 сб.	-	9	1	14	-	22	-	-	-	-	-	1
28	-	32	+	50	-	78,5	-	-	-	-	-	+
Курлап*	15	65	4	122	-	127	35	25	6	-	-	1
228 — 194	7,7	33,5	2	62,8	-	65,4	18	13	3	-	-	+
Усть-Иша-3а	2	9	2	18	-	26	-	4	1	-	-	-

Поселения/ %	А 	Б 	Бв 	В 	Н 	6/0	І- 7-10	ІІ- 17	ІІ- 20-19	ІІІ- 24	ІІ 22	ІІ 18
31	+	29		58	-	83,8	-	13	+	-	-	-
Черемшанка	4	3	2	19	-	22	-	5	-	-	-	-
32-28	14,3	10,7	+	68	-	78	-	18	-	-	-	-
Сайлап	5	16	1	40	-	33	3	3	-	-	-	2
62	+	26	+	64,5	-	78,5	+	+	-	-	-	+
Курлек	1	9	1	15	-	12	2	4	5	-	-	-
27	+	33,3	+	55,5	-	44,4	+	+	18	-	-	-
Горный-3 (10)	13	15	3	60	64	42	4	20	26	-	-	-
92	14	16,3	+	65	70	45	-	21,7	28,3	-	-	-

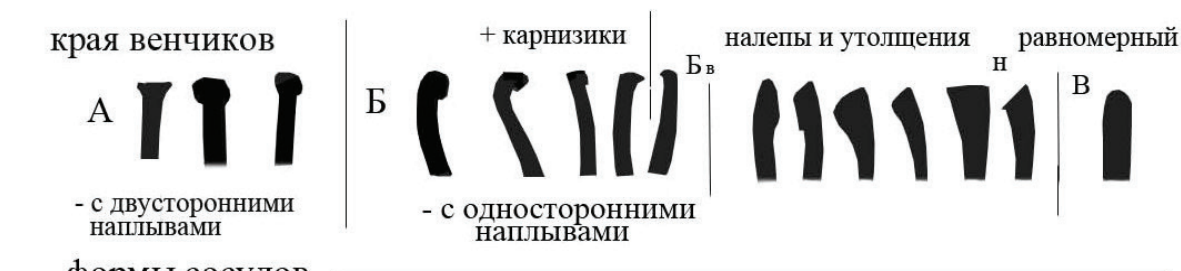
*Курлап — рассмотрены сборы БКМ, публикации материалов: Г.В. Скопинцевой. В тексте использованы подсчеты процентного соотношения Алексанова О.В. с корректировкой относительно выделенных здесь условных значений для всех памятников.

**Урлу-Аспак — рассмотрена публикация материалов: Вдовиной (Акимовой) Т.А.

• — жемчужины.

Таблица 4

Условные обозначения к таблицам по керамике

Элементы орнамента

2.1. Формы сосудов

В майминской керамике распространены плоскодонные горшки разной величины со средне- и слабовыраженным профилем венчика — плечиков. Среди низкой посуды широко использовались чаши, пиалы, блюда с прямой либо закрытой горловиной. Встречены мелкие сосуды формы стопок, кружек, солонок с невыраженным профилем и средние сосуды с высокой и средневысокой шейкой, подобные кувшинам. Отличается керамика *креплением дна* к стенкам, с выступающим краем, вдоль которого в месте скрепления часто образован желобок и иногда видны пальцевые вдавления. На дне некоторых сосудов по периметру оформлен бортик — *поддон*. Поддон чаще всего оформлял сосуды с высокой шейкой, относящиеся к «подарочным» образцам.

Блюда: дно изготовлялось отдельно с добавлением большого количества кварца и гранитной крошки.

Идентификационным показателем являются *края венчиков*. На 41–42 % венчиках керамики из Ушлёпа-5 и Маймы-1 присутствуют краевые наплывы с одной и двух сторон, иногда с внешним перехлестом, образующим карнизик. Такими краями выделяется майминская керамика на всех поселениях салаирской и катунской групп.

Майминскую керамику отличают *особенности ее изготовления*. Для теста использовались местные тяжелые жирные глины, дающие трещиноватость при обжиге. Во время экспериментальных наблюдений обжига изделий из такой глины было прослежено образование трещин. Это объясняло необходимость добавления отощителей. Во всей керамике присутствует кварц, а на гончарных площадках обнаружены прокаленные развалы кусков гранита и обилие гранитной крошки с большим содержанием кварца, замесы, включающие растительную органику, глинистые красители белого, желтого, бурого и бардового цветов.

2.2. Мотив орнаментации

Орнаментацию майминской посуды составляют несложные сочетания повторяющихся элементов, состоящих из горизонтальных рядов. В орнаменте всех видов сосудов используется ряд, реже два или три ряда ямок, пущенных по горловине. Процентное соотношение орнаментации посуды с разных поселений показало, что ямки как основной компонент орнаментации присутствуют на посуде всех поселений. Ямочная строка венчает орнаментальный пояс, чаще всего подчеркивая основание горловины, либо проходит по венчику под краевым наплывом или карнизиком.

Характерны для майминской керамики виды орнамента, выполненного гребенчатым либо гладким штампом, лунками разной конфигурации. В числе разных элементов орнамента на некоторых горшках использовались оттиски штампов: овальная скоба, ногтевые и пальцевые или имитирующие их вдавления, двузубчатый штамп или двойные вдавления, иногда с промежуточным зацепом, оттиски конца рубчатого штампа и варианты рубчатого либо гладкого штампа, двойные каплевидные оттиски (на Ушлёпе-5) и оттиски ряда зубов мелкого животного. Единичны, но присутствуют во всех коллекциях варианты ямок, которые могут дополняться такими деталями, как срединный выступ — язычок, ассоциирующийся со своеобразным стереотипом циркульного штампа, а также внутренние насечки. Выпуклость, образовавшаяся от ямок с внутренней стороны сосуда, выравнивалась либо была оставлена (не всегда) в зависимости от правил локальной специфики.

Наблюдается использование жемчужин в керамике Курлапа, Сайлапа, при этом принцип смежной с ним орнаментации оставался тем же, что и на керамике с ямками, хотя нередко выпуклости жемчужин вписывались сквозь ряд, составленный штампом. Наиболее богатая орнамен-

тация, покрывавшая верхнюю треть или половину поверхности сосудов во всех рассматриваемых поселениях, состояла из однообразных рядов, выполненных лунками, оттисками гребенчатого либо гладкого штампов, установленными вертикально или наклонно в едином порядке либо в виде елочки. На одних поселениях мотив елочки использован редко (Ушлѐп-5, Усть-Иша-3а, Черемшанка — до 1 % и менее), на других был в числе характерных приемов (Майма-1, Сайлап, Курлап, Курлек — от 6,5 до 22,7 %). На одних поселениях больше предпочитались вертикальные оттиски штампа, на других — скошенные, при обоюдной встречаемости тех и других на всех поселениях.

Ряды штампа часто образуют параллельные волны, иногда встречные двумя строками. Они являются маркирующим признаком майминской орнаментации во всех коллекциях. Волнообразные ряды, заполненные ямками, штампом, насчитываются в пропорциях 8,8 % на Ушлѐпе-5, 6,2 % — на Майме-1, 15,7 % — на Курлапе, на четверти коллекции посуды из Сайлапа.

Еще одна характерная семиотическая композиция — зигзаг, он обычно образует нижнюю линию орнаментального пояса. На одном сосуде из Маймы-1 зигзаг располагался в верхнем ярусе вместо ямок. Процентный состав его во всех коллекциях малочислен. В керамике Ушлѐпа-5, Маймы-1, Сайлапа, Черемшанки он составляет 2–2,5 % от общего количества венчиков. Самое большое его участие в композициях отмечено в материале поселения Курлап (9,4 %). Одна из примечательных композиций — вдавленный поясок (желобок). Он проходит по горловине единичных чашек, горшков и реже — по венчику керамики поселения Ушлѐп-5, в особенности на чашах, где внутри желобка пущен ряд ямок, а на горшках он может быть самостоятельным элементом узора.

Использование лунок в формировании орнаментальных зон прослеживается везде, но в разной степени. Самое большое их соотношение в орнаменте наблюдается на Ушлѐпе-5 (8,4 %), на Усть-Ише-3а, а на Майме-1, Курлапе, Черемшанке, Сайлапе, Урлу-Аспаке этот элемент малочислен (1–4,7 % от общего числа орнаментированной керамики). Особенность лунок на керамике из Ушлѐпа-5, где видится большое их разнообразие, состоит в том, что они нанесены способом неглубокого вдавления орнамента (палочки) с овальным профилем. В отличие от ямок или другого штампа, лунки имеют мягкие очертания с отлогими краями. Среди них — вдавления разных размеров: от мелких кунжутовидных, семечковидных до крупных округлой, овальной, узкой, геометрических форм.

Гладкий штамп применялся в орнаментации керамики всех поселений, но для Ушлѐпа-5 он не был характерен и заменялся другими довольно разнообразными видами элементов: гладкими изогнутыми или рубчатыми оттисками, лунками, пальцевыми вдавлениями, которые в других поселениях наблюдались редко.

На разных поселениях выделяется группа сосудов — горшков и кувшинов средних размеров — с богатым оформлением горловины горизонтальными строками штампов в одном стиле. Их можно было бы расценивать как нарядные или «подарочные» экземпляры.

Вертикально свисающие пояски на боках или на горловине нехарактерны для керамики Ушлѐпа-5 и других майминских поселений, но вероятны, поскольку они встречены в пяти случаях среди керамики Курлапа (вид 7) и на трех фрагментах из Сайлапа. Вероятен также орнамент в виде свисающих фигур арочной формы, как на горшке из Сайлапа. Подобные композиции имеют место также и в орнаментации позднеташтыкской посуды (Вадецкая, 1999, табл. 49.-3, табл. 57.-17, табл. 75, 78), в одинцовской посуде (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 29.-6, 7) (рис. 63) и, скорее, являются эпохальными для этих территорий сюжетами. К ним также относятся корзинные поперечно направленные переплетения из линий или поясков, например, на сосудах из Маймы-1, Курлапа, Сайлапа.

Основная часть керамики (от 90 до 50 %) на всех майминских поселениях по краю не орнаментирована. Обычно на края наносились насечки, оттиски гребенчатого и гладкого штампов, вдавления и лунки. Доля тех и других на поселениях различается. Например, пальцевые вдавления на краях венчиков встречаются только на Ушлёпе-5. Луночные вдавления по краю редки на керамике Маймы-1, Черемшанки и Усть-Иши-3а, тогда как на Ушлёпе-5 и Курлапе их 17–18 %.

Среди элементов, характерных для майминской керамики, выделяются две локальные группы: салаирская и катунская. Орнаментальные элементы и композиции культуры наиболее ярко выражены в салаирской группе памятников и могут встречаться в предгорной (предалтайской) группе населения. Катунская группа — смешенная, наблюдается на территории предгорной (предалтайской) группы поселений.

В салаирской группе присутствует полный и разнообразный набор признаков орнаментации и форм сосудов, близких фоминским и верхнеобским комплексам, сформированных в единой с ними самодийской культурной среде 1-й пол. I тыс. н.э.

Катунская группа отличается от салаирской более обедненным набором характерных для салаирской группы особенностей, затухающих в южном направлении.

Орнаментальные стереотипы композиций и формы сосудов сочетают в себе особенности, характерные для майминской керамики, включают ведущие и единичные для нее элементы как в целом для всего комплекса памятников, так и в локальных выражениях. Традиционный орнамент во все времена заключал изобразительные символы и их комбинации, маркирующие ту или иную культурную, родовую общность. Декор в майминской керамике состоит из ряда элементов, сближающих и отличающих ее от прочих культур II–V вв. н.э., и характерен в той или иной степени для обеих майминских групп.

Прежде чем понять природу заимствованных элементов, необходимо определить признаки, положенные в основу традиции форм и орнамента керамики майминской культуры, и проследить ее естественное продолжение (развитие). При этом понимание генезиса взаимосвязано с культурами, появившимися в период 1-й пол. I тыс. н.э. на территории Верхнего Приобья и Бии, а также с объяснением затухания компонентов майминской орнаментации в южном направлении по Катунь.

3. Связь культурных традиций майминской культуры по керамике

3.1. По мнению исследователей, на облике керамики майминской культуры отразилось влияние быстринской, кулайской (фоминской) и одинцовской культур.

Так, в формировании майминской культуры принимали участие традиции населения, проживавшего в предгорной области Предалтайской равнины в раннем железном веке, что прослеживается в виде элементов орнаментации и форм сосудов быстринской культуры. Чаши и горшки, орнаментированные ямками в сочетании со штампованным гребенчатым орнаментом, образующим ряды, елочку, наколы, резной зигзаг, жемчужник и оттиски угла лопаточки, остаются в керамике 1-й пол. I тыс. н.э. на территории, занимаемой *быстринской культурой*. Наиболее тесные связи пазырыкского населения Горного Алтая происходили с быстринцами (Бии — Катунь) как с близкими по территории и культуре соседями (Абдулганеев, 1992, с. 59–63). Эти связи фиксируются на памятниках элекмонарского типа и в комплексах поселений Точильное-1 и Точильное-8 на территории Предалтайской равнины.

Предполагается миграция пазырыкцев в предгорную зону со II в. до н.э. в связи с усилением и экспансией хунну — сяньби. В этот период происходит зарождение черт, присутствующих в майминской культуре (поселение Точильное-7). Авторы идеи указывают, что этот процесс был связан с новой миграцией с юга и юго-запада, в результате чего отдельные черты и приемы орнаментации керамики (староалейской, каменной, быстрианской) прослеживаются на посуде майминских городищ Сайлап и Курлап (жемчужник в сочетании с резными линиями и гребенчатым штампом) (Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 67–69). Ярким тому свидетельством является поселение Солонцы-2 (рис. 59.4) на левобережье Бии, сочетающее быстрианские, кулайские и майминские черты.

Остается добавить, что тенденция затухания основных орнаментальных индикаторов майминской культуры Салаира в сторону Горного Алтая к средней Катуни связана с социальными процессами, развивавшимися в раннем железном веке. Эти процессы затронули и другие территории.

На первом и втором этапах кулайской культуры в могильнике Каменный Мыс (III–II вв. до н.э. — I в. н.э.) Среднего Приобья встречаются единичные, не основные экземпляры нарядной посуды с высоким горлом и выпуклыми стенками с плоским дном, орнаментированные скошенными оттисками гребенчатого штампа, сосуды с высоким поддоном. Они не являются основной составляющей кулайского комплекса и могут расцениваться как результат влияния тагарской (Троицкая, 1979, табл. XVIII.-1–5, 8; XXXII.-16–19; XXI.-12–14) и быстрианской традиций.

Кулайская (фоминская) и одинцовская составляющие также в разной степени отражены в орнаменте майминских поселений. Влияние верхнеобских компонентов на майминский орнамент и формы видно на фактах опосредованного включения форм уменьшенных одинцовских стереотипов круглодонной профилированной посуды, а также на композициях орнамента, близких композициям из переходного бийского одинцовско-фоминского локального типа, в котором объединены кулайские (фоминские) орнаменты и орнаменты, украшающие одинцовскую группу керамики (см. далее по тексту).

Элементы и мотивы орнамента одинцовского и майминского комплексов могли быть принесены в Бийско-Барнаульское Приобье и северные предгорья Алтая населением, в чьей культуре содержалась основа, под влиянием которой позже сформировались традиции орнамента, например саровские компоненты. Или под влиянием орнаментальных композиций тимирязевского этапа, распространившихся с IV в. н.э. по VIII в. н.э. на зону Новосибирского Приобья.

Керамика Новосибирского Приобья (Троицкая, Новиков, 1998, с. 60–64) и II тип керамики Томского Приобья (Беликова, Плетнёва, 1983, с. 53–55; с. 70–71) периода V–VI вв., позже объединенные в одинцовские (Троицкая, Новиков, 1998, с. 83), близка майминской по стилю орнаментации и форме профилированности горловины сосудов. Для этой керамики, как и для майминской, были характерны горизонтальные орнаментальные ряды, в которых один ряд составлен ямками, другие — из однообразных оттисков штампа, преимущественно гребенчатого, нередко образующих композиции елочка или ряды из скошенных последовательных оттисков штампа. Встречается зигзаг, ограниченный горизонтальными поясками.

В майминской керамике — горизонтальные пояски, пущенные над зигзагом, в общем отсутствуют, но не исключены. Один сосудик-банка с двойным зигзагом, подчеркнутым двойной линией длинных оттисков гребенчатого штампа, с поселения Курлап, горшок с таким же орнаментом из поселения Ушлёп-5 (Кунгуров, Горбунов, 1993, рис. 6.-2) также находят ана-

логии во II типе керамики из ТКМ-1 (Беликова..., там же, с. 240, 241). Вертикальные пояски в стиле двух образцов с Курлапа встречаются на керамике Томского Приобья в ТКМ-II, Кисловка-II (Беликова, Плетнёва, 1983, рис. 58.-2, с. 193; рис. 93.-9), выделенной как II тип керамики, а также на сосуде из фоминского могильника Усть-Абинский (Ширин, табл. LXVI.-1) и на сосуде из Бийского городища № 4 (Казаков, Кунгуров, 1993, рис. 3.-6).

Для этого периода характерны сосуды слабо- и среднепрофилированные, часто — без выраженной шейки, а также с прямой и закрытой горловиной. Они близки таковым (группы 7, 7а, 11) майминским, но отличаются от майминской посуды утолщенным венчиком, карнизами, краевым срезом венчика и округлым дном. Исследователями (Беликова, Плетнёва, 1983, с. 100, 114, табл. 11) отмечено, что формы сосудов VI–VIII вв. Томского Приобья мало отличаются от сосудов предыдущего периода. Встречаются сосуды со среднепрофилированной шейкой, но «реже, чем в V–VI вв., присутствуют оттиски печатной гребенки».

Однако авторы оговаривают, что вариации признаков для памятников локальны. Эти признаки поступили в Верхнее Приобье с миграционными волнами (Троицкая, 1979, с. 44, 47), возможно, на стадии позднефоминских (1-я пол. I тыс. н.э.) и повлияли на формирование орнаментации, в частности, одинцовской посуды. По наблюдениям, одинцовские характеристики в отношении Верхнего Приобья четко не контрастируют с позднефоминскими в переходном варианте, а имеют симбиотический характер, возможно, выражающийся в отдельных группах посуды, например на бийских городищах.

У двух баночных сосудов из фоминского могильника Усть-Абинский на Верхней Томи было уплощенное дно, одно из них — с высоким поддоном (Ширин, 2003, с. 93). На части керамики Новосибирского Приобья поддон наблюдается до I–III вв. н.э. Другая особенность — скос профиля плечиков, встречающийся на посуде фоминского и майминского комплексов. На некоторых банках Ирмень-1 имеется скошенный под углом переход от плечиков к придонной части (Троицкая, 1979, табл. XXXVI.-8). Угловой скос от плечиков к придонной части сосудов также присутствует на единичных образцах майминской посуды (Курлап).

В Горном Алтае элементы орнаментации керамики оставались мало измененными в течение II в. до н.э. — 1-й пол. I тыс. н.э. При сравнении майминской керамики с керамикой поселений и городищ катунской группы *Горного Алтая*, расположенных в долине Катунь и в Центральном Алтае, наблюдается сходство форм только части посуды из Чепоша-2, Партизанской Катущки — первый слой, Кара-Тенеша, Кастахты-3, опубликованных П.И. Шульгой (Шульга, 2015, рис. 35; 36; 54; 55; 66.-8, 9; 96а; 96б) (приложение 2, рис. 94, 95).

Принципы майминского декора соблюдаются в очень лаконичном варианте орнаментации керамики городищ Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4 (Соёнов и др., 2011, рис. 11, 137), Манжерокское лишь на малом количестве керамики. Во всех южных (горных) комплексах преобладает керамика без орнамента либо только с ямками. Самый северный во всей катунской группе пример — это городище Куросай (рис. 57.4.-6–8).

Сходство между майминской керамикой и южными (горными) комплексами состоит в плоскодонной форме посуды, распространении открытых сосудов баночной формы, низкой посуды — чаш, пиал. Своеобразна профилированная керамика, соотносимая с формами 4, 5 и 7 — со средним и низким горлом и выпуклыми, даже округлыми стенками майминской посуды (табл. 1–3) (Соёнов и др., 2011, рис. 137–142). При оформлении края венчика на керамике Нижнего Чепоша-3 и Нижнего Чепоша-4 используется наплыв, часто преобразованный в карнизик, как и в майминской керамике.

В отличие от керамики салаирской группы и даже керамики долин Маймы и Улалинка — катунской группы, край венчика на большинстве сосудов неорнаментирован, редко встречаются насечки (штамп). На Нижнем Чепоше-3, Нижнем Чепоше-4, Манжероке очень малая доля керамики все же орнаментирована ямками и прямыми оттисками штампа. На одном сосуде оттиски штампа размещены волнообразными рядами (там же, рис. 137.-6), другой украшен рядами ямок либо ямками (там же, рис. 17.-1, 12; 139.-7; 140.-3–5).

На поселениях Катуня встречаются сосуды, украшенные рядами наклонно поставленного гладкого или гребенчатого штампа, образующими елочку или зигзаг, сочетающимися с рядом ямок, например, в Верх-Еланде-2, Чепоше-2 (Шульга, 1996), средневековом слое Партизанской Катушки, Узнезе-4, Тыткескене-3, Кастахте-3 (Шульга, 2015, рис. 36; 37.-3, 5, 7, 9, 10; 55; 70.-6, 12; 966.-1, 3, 16, 17). Наиболее разнообразен и показателен орнамент, представленный в средневековом слое поселения Партизанская Катушка (р. Узнезя) (Шульга, 1998; Шульга, 2015, рис. 54, 55) (приложение 2, рис. 95.-12–15). Здесь края многих фрагментов керамики орнаментированы вдавлениями, оттисками штампа, в результате чего края волнистые, с выделяющимся внешним наплывом. В штампе присутствуют вариации видов гребенки, гладкие оттиски, расположенные рядами, елочкой, зигзагом, продольными и пересекающимися линиями.

В катунской группе керамики из Кастахты-3, Башадара-2 встречена искаженная конфигурация, близкая псевдоуточке (Шульга, 2015, рис. 96а.-1; 83.-1), подобная обнаруженной на поселениях Урлу-Аспак (Акимова, 2008, рис. 3.-23) и Узнезя-4 (Шульга, 2015, рис. 57.-17). На поселении Кара-Тенеш выделяются фрагмент керамики (там же, рис. 66, 9) с орнаментом, близким фоминскому (рис. 64, 36), и орнаментированные фрагменты мелких сосудов (там же, рис. 57.-3, 4), аналогичные посуде бийских городищ (приложение 2, рис. 95.-1–4).

Во всем полученном материале по правобережью Катуня (керамике), близком майминской культуре, можно выделить две группы:

1. Средневековые слои поселений Партизанская Катушка, Чепош-2, Узнезя-4, Манжерокское городище: с наибольшим составом элементов, характерных для майминской керамики.
2. Городища Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4, возможно, Кастахта-3: с признаками сходства, при этом локальными и эпохальными отличиями от майминской керамики.

Таким образом, керамическая орнаментальная традиция майминской культуры сохраняет свои характерные особенности в пределах территории нижнего течения Катуня в Горном Алтае до р. Узнези и верховьев Маймы. К югу по этой территории майминские особенности ослабевают, теряется варибельность декора, и далее к югу от границы рек Узнезя — верхняя Майма они проявляются лишь в деталях. При этом могут выделяться поселения и с наиболее выраженными признаками культуры, как, например, Урлу-Аспак-1. Ослабление майминских традиций связано с основами местной культуры, заложенными в раннем железном веке, и распространением со II в. до н.э. — IV–V вв. н.э. и влиянием булан-кобинской культуры, зона которой пока определяется по погребениям на средней Катуня — Центральном Алтае. Возможно, будут найдены критерии доказательства принадлежности к ней поселений, на жизнь которых могла влиять майминская культура. Надо сказать, что и в салаирской, и в катунской группах майминской культуры, и даже в южных провинциях ее области присутствуют предметы и особенности, которые помещают памятники в один хронологический диапазон II–V вв. н.э.

Следовательно, различие групп связывается с преобладанием определенных этнических доминант. В данной хронологической нише, конечно, существуют более поздние и более ранние памятники. На позднем этапе (2-я пол. IV–V вв.) на Ише и Майме в материалах поселений

появляются предметы тюркской — кудыргинской культуры и другие особенности, например, *горновский* тип керамики (см. далее).

3.2. С последующей судьбой майминской культуры связаны поселения тюркского времени, сконцентрированные в долине Иши.

Определяя культурную связь или верхние хронологические рамки майминской керамики, мы обратились к материалам **поселения Горный-3** и аналогичных ему поселений на Ише. Серия керамики взята из этого поселения как наиболее полная и многочисленная. На поселении Горный-3, расположенном на территории грунтового могильника тюркского времени (VI–VIII вв. н.э.) Горный-10, находилось два комплекса с разновременной керамикой: скифского времени (VI–II вв. до н.э.) (Абдулганеев и др., 2001б, с. 93; Абдулганеев, 2001б, с. 377; Абдулганеев, Степанова, 2001а, с. 216; Степанова, Абдулганеев, 2002, с. 408) и Средневековья (VI–VIII вв. н.э.).

Средневековая керамика близка форме закрытого типа 11 и орнаменту керамики майминской культуры видов II–17, II–19, но не в полном составе признаков, имела отличительные детали (рис. 59.1–3). Надо отметить, что эта керамика упрощена во всех значениях: в ней преобладает посуда непрофилированного закрытого типа — плоскодонные горшки и чаши, составляющие 85 % от всей посуды, и она же дополняется горшками и блюдами с прямыми вертикальными стенками (9,6 %) (табл. 1–3). Большое количество посуды закрытого типа известно только на майминских поселениях Курлек и Сайлап среди небольшой общей выборки находок. В полных майминских коллекциях такая форма посуды составляет лишь 6, 17 и 29,8 % соответственно.

Края посуды из Горного-3 имеют внутренний срез либо скос, что нехарактерно для майминской посуды. Напльвы, отмечаемые у большого числа майминской керамики, нехарактерны для коллекции Горного-3. Имеющиеся на керамике Горного-3 напльвы на краях сосудов, включенные в таблицу как формы А и Б (табл. 11), отличаются от майминских, так как являются результатом формовки: срезания края либо орнаментации. Поэтому на 60 % венчиков Горного-3 формовочные напльвы совсем отсутствуют или сняты формовкой.

Отличительной особенностью посуды Горного-3 являются преднамеренные утолщения венчиков: в разрезе иногда видны напльвы (рис. 59.3.-7–9). Они отчетливо прослеживаются на 70 % керамики. Утолщения увеличивают толщину стенки от плечика к краю венчика нередко от 0,5 до 1 см или до 1,5 см. Этого признака нет на майминской керамике даже при сходстве видов орнаментации обоих комплексов. У 50 % посуды по срезу края венчика пущен орнамент, нанесенный гребенчатым и гладким штампом в равных долях, в результате чего кромка края мелковолнистая. Утолщение края, срез, орнаментация сближают керамику с одинцовской керамикой Новосибирского Приобья (V–VI вв. н.э.) (рис. 63) и отчасти с керамикой более позднего тимиразевского этапа верхнеобской культуры (VII–VIII вв. н.э.) (Троицкая, Новиков, 1998, с. 83), что дает основание для отнесения керамики Горного-3 к тюркскому времени. Оговоримся, что могильник Горный-10 датирован на основе монет и радиоуглеродного анализа в рамках VI–VII вв. н.э., имеет аналогии с материалами кудыргинских комплексов одинцовского этапа.

Различия посуды Горного-3 и одинцовской керамики состоят в форме сосудов, т.е. отсутствии на керамике Горного-3 выраженной профилированности шейки и плечиков, круглого дна. Авторы, выделившие особенности этапов верхнеобской культуры, отметили, что, в отличие от одинцовского этапа, керамика тимиразевского этапа — в основном с прямым горлом, без шейки (Троицкая, Новиков, 1998, с. 83). Характеристики посуды Горного-3 наиболее близ-

ки форме посуды тимирязевского этапа, но отличаются от нее плоским дном и однообразием мотивов орнаментации, в которой преобладает печатная гребенка.

Орнаментация посуды в Горном-3 в основном состоит из горизонтальных рядов гребенчатого (53,7 %) и в меньшей степени гладкого штампа (7,5 %), установленных скошенно (реже вертикально). Конфигурация елочка составляет 17,4 % от всей керамики. Вдоль венчика проходит ряд ямок (87 %) либо жемчужин (9,6 %). Штампы могут быть длинными, средними, короткими, большей частью установлены скошенно и образуют елочку. Встречается немного изогнутая форма гребенки (гусеничный штамп) как вариант овального шага. При сходстве именно такой орнаментации с майминской есть еще и единичные близкие ей элементы, такие как желобчатый пояс из вдавлений, неправильная (искаженная) волна строки, внешний краевой карнизик.

У формы 11 (таблица) для горшков и чаш не наблюдается специфического для майминской керамики крепления дна к тулову. В Горном-3 переход от стенки ко дну равномерный, толщина стенок и дна однородна. О культурно-хронологической принадлежности ряда памятников с керамикой, аналогичной Горному-3, может быть создана отдельная тема, включающая культурную специфику поселений северных предгорий Алтая тюркского периода.

Керамика, подобная средневековому комплексу Горного-3 (*горновский тип керамики*), присутствует в поселениях Горный-9, Харизовка-3, Верх-Иша-2, Верх-Иша-3, Новосуртайка-1, Новозыково-3, возможно, Егона (рис. 60.1; 60.2.-5, 7–10). Она имеет выраженное утолщение венчика, внутренние срезы и скосы края, орнаментированные плотными оттисками штампа, орнаментацию с рядом ямок либо жемчужин, рядами гребенки в комбинации елочка. В этих коллекциях встречаются единичные сильнопрофилированные сосуды с зауженной шейкой и округлым туловом, плоским дном. При этом заметим, что орнаментальная традиция с близкими майминской керамике элементами существовала в тюркское время в той же территориальной области, что и майминская, — в северных предгорьях Алтая (Красногорский район), вобрала в себя особенности предыдущей.

М.Т. Абдулганеев относит эти памятники к середине — 2-й пол. I тыс. н.э. Авторы раскопок поселения Новозыково-3 также считают, что майминская керамика находит аналогии в поселении Новозыково-3, относящемся к VII–VIII вв. н.э. (Казаков, Дёмин, 1992, с. 70, рис. на с. 71). Несмотря на сходство горновской керамики с одинцовской посудой за счет того, что они близки эпохально, первая отличается от второй плоским дном и гусеничным штампом и вышеуказанными особенностями формы и орнамента. При этом отмечалось, что на городище Усть-Иша-2 встречена «чисто одинцовская посуда» (Абдулганеев и др., 1998, с. 161), что также не противоречит возможному общению с населением верхнеобской культуры.

Связь поселения Горного-3 с тюркским грунтовым могильником Горный-10, датирующимся VI–VII вв., не имеет прямых подтверждений. Непосредственно в могилы сосуды не ставили, и сравнить керамику невозможно. Могильник находится на одной территории с поселением: основная его часть расположена на периферии поселения, там располагались хозяйственные ямы. Далее он распространился на участки скрытого под землей поселения раннего железного века. По мере распространения могильника крайние могилы оказались впущенными в жилища № 2 и № 5, что М.Т. Абдулганееву удалось проследить стратиграфически. В этих жилищах находились развалы посуды раннего железного века.

Средневековая керамика найдена в ямах № 95, 74, 67 и на окружающем их участке, фрагменты такой керамики распространены по площади поселения и могильника, также в районе могил № 14, 38. В районе могилы № 14 лежал фрагмент керамики с высоким прямым горлом

и овальными плечиками, стенками, орнаментированный жемчужником и рядами полулунных вдавлений с орнаментированным краем, близкий одинцовскому (рис. 59.3.-4). Автор раскопок считает, что ямы и керамика имели отношение к захоронениям, являясь остатками тризны (Абдулганеев и др., 2001, с. 96–97).

Таким образом, в предтюркское время (примерно V–VII вв. н.э.) материальные признаки майминской культуры продолжали существовать на территории долины Иши в предгорной области правобережья Катунь (Красногорский район), сдвинувшись от ее первоначального центра к югу — горам Алтая. Здесь известны могильники VII–VIII вв. н.э. (Горный-10 и др.), IV–V вв. н.э. (Ая-3 (4)) (Кунгурова, Отчет, 2016), отдельные тюркские погребения и курганы (Бирюзовая Катунь, Ая, Солонцы-3, Балыкса).

В процессе трансформации керамики можно рассматривать *горновский* тип поселений. Хронологические рамки его существования не определены. Могильник Горный-10, синхронный слою из поселения Горный-3, включает погребения с материалами древнетюркского периода, кудыргинского типа сер. VI — 1-й пол. VIII в. (Овчинникова, 1990, с. 129), отличающимися от майминской культуры. В связи с этим верхние хронологические границы майминской культуры определяются приходом на эту территорию тюркского населения (нач. VI в. н.э.). Четких обрывающихся границ культуры нет. Ее традиции продолжают в горновском типе материальной культуры.

В культурно-хронологической принадлежности майминской посуды обращают внимание черты сходства с фоминско-одинцовской керамикой *бийских городищ* с датами не ранее III–IV вв. н.э., притом что городища могли сосуществовать с майминской культурой как соседи (рис. 64, 66). Выше приводилась точка зрения авторов на то, что городища и майминские поселения могли быть единокультурны и что бийские городища, растянувшиеся вдоль северной границы майминской культуры, ощутили наиболее сильное влияние со стороны верхнеобской культуры. Следует поправить, что территория салаирской группы памятников майминской культуры простирается значительно севернее бийских городищ и отделена от них нейтральным ненинским коридором и Бией. Несмотря на то что выводы основаны на неполных данных, в них обозначена идея, имеющая право на проверку и требующая рассмотрения этого вопроса.

4. Бийские городища. Анализ сосуществования фоминской, одинцовской и майминской культур

Бийские городища представляли собой единый комплекс построек 1-й пол. I тыс. н.э., расположенный на соседней территории от салаирской группы майминской культуры. Многие авторы отмечали культурное сходство между ними в орнаментации керамики. Вопрос также стоял в датировании бийских городищ и отнесении их к фоминской либо одинцовской культурам. Исходя из идеи сходства отдельных экземпляров майминской посуды с одинцовскими образцами и стилями орнамента на керамике бийских городищ, появилась концепция их единокультурности либо культурных связей, нуждающаяся в анализе материалов из бийских городищ.

Область распространения бийских городищ — правый берег Бии и верховья Оби, включает также связанный с ними комплекс городищ и поселений на озере Иткуль (рис. 2; приложение 2, рис. 81). К ним относятся Бийские городища-2–8, ул. Прибыткова, Одинцовские городища-1, 2; Усть-Чемровка-4, Бехтемирское, Енисейское-17, Малоутренёвское, Фоминское

и другие (Абдулганеев, 1997а, с. 53; Кунгурова, 1997, с. 43; Кунгурова, 2005, с. 10–12; Казаков, Кунгуров, 1993, с. 219; Кунгурова, 2018, с. 44–52) — всего насчитывается более 20 шт. по реке Бия и в верховьях Оби.

Небольшие городища выявлены на левом берегу Бии в пределах зоны распространения комплексов и видимости с другого берега: Воробьевка, 7-й км Смоленского тракта. Городища и поселения растянулись группами и цепочками по всему берегу Бии на протяжении 56 км. Их территория отделена от салаирской группы майминских памятников обширной поймой Нени (рис. 2). Насчитывается до 5–6 групп городищ, при этом в горах и предгорьях Алтая и в Салаире их нет. Их объединяет однообразная структура, вписанная в ландшафт: центральная часть либо полностью все городище обнесены рвом и внешним валом, по склону продолжающимися эскарпом. Комплекс приурочен к лесному массиву и высокому берегу реки или озера Иткуль.

В отличие от защищенных городищ на Катунь и в Салаире (Курсай, Манжерокское, Нижний Чепош-3, 4, Барангольское, Курлап, Сайлап, Ушлёт-5, Майма-1), за исключением Усть-Иши-3а, бийские городища имеют западины от жилищ, распределенные вдоль рва (приложение 2, рис. 82, 83, 86.5). Более поздний вид городищ включает жилища, образующие участки или улицы, дополнительные валики, выделенный въезд. В некоторых из этих жилищ видна площадка-ступенька (Фоминское городище, 7-й км Смоленского тракта, Усть-Иша-3а, Енисейское-12, 14, Енисейское-17 (рис. 84.1; 85.2; 85.3; 86.1; 86.3). Территория распространения бийских городищ заключена между устьем р. Чемровка — Иткуль и устьем р. Бехтемир, от территории салаирской группы майминских поселений отделена долиной Нени (рис. 2, приложение 2, рис. 81).

Из большинства городищ получена керамика, по которой можно судить о формах и видовом составе орнамента. Самые многочисленные коллекции керамики происходят из Бийских городищ-4, 6, 7 (приложение 2, рис. 87–92). Исследования (раскопки) проводились на городищах Большой Иткуль-I–IV, Сошниково-1, Малый Иткуль-I (Абдулганеев, 2001а, с. 103; Казаков, 1998, с. 192), из которых получена керамика, аналогичная керамике из Бийских городищ-2, 4–8.

Интересующая нас керамика в плане *сравнения* с майминской и одинцовской характеризуется следующим образом.

Керамика, найденная в городищах вдоль правобережья Бии и оз. Иткуль: Бийских городищах-2–8, 7-й км Смоленского тракта, Воробьевка, Бехтемирское, Одинцовское-1, Усть-Чемровка-4, — в большей части низкая и средняя, открытая, с прямыми стенками, в отличие от майминской. В майминской преобладают средние и крупные плоскодонные горшки с толстыми стенками, некоторые в объеме подобны ведрям, блюда и чаши разных размеров.

Самую типологически выдержанную группу керамики представляют Бийские городища-2–8. Для нее характерна открытая посуда: открытые горшки с прямыми стенками, высокие чаши, низкие чаши и мелкие питьевые сосуды с венчиками — прямыми, немного отогнутыми, чуть вогнутыми внутрь. Толщина венчиков равномерна либо утолщена горловина. Профили края венчиков округлые и уплощенные. На уплощенных виден небольшой внешний краевой выступ, иногда — внутренний и внешний. На посуде нет напылав, характерных для майминской керамики. Небольшая часть всей посуды коллекций, примерно три четверти, представлена сосудами с выделенной профилированной шейкой, переходящей в выпуклые бока. По высоте шейки этих сосудов делятся на короткие, средние, высокие. Высокая шейка может достигать до пятой-шестой части высоты крупного сосуда или половины мелкого (рис. 88.-4, 8, 11, 12; 89.-1–6; 92.-1, 2, 4). С помощью короткой шейки выделена верхняя часть — венчик.

Таблица 5

Формы венчиков

Венчики, форма	Гор.4	Гор.6	Гор.7-8	Заречье	Малоут.	Одинц.	Фоминск.
Открытая или чуть скошена	21	42	24	5	5	3	3
С выделен. профилем:							
короткий	2	3	2		1		
средний	2		3	5		2	3
высокий		7	3		2		5

По найденным фрагментам придонных частей можно судить, что в бийских городищах использовалась плоскодонная и круглодонная посуда с плавным переходом от стенок ко дну. Крепление дна к тулову однородно, в отличие от майминских горшков и чаш, у которых плоское дно лепилось отдельно и прикреплялось к стенке особым способом с образованием выступа и желобка.

В составе плотного теста всех бийских сосудов виден просеянный песок — кварц и слюда (слюдяной песок слагает бийские боровые террасы). Эта особенность технологии изготовления керамики представляет собой довольно важное отличие фоминской посуды от майминской. В последней присутствуют тяжелые жирные глины, дающие трещиноватость при обжиге, в них вмешиваются местные — салаирские компоненты на основе гранита и глинистых красителей. Такая технология с использованием местного сырья наблюдается и в керамике Маймы-1 катунской группы.

Сосуды с выделенным профилем перехода шейки к выпуклыми боками идентичны сосудам одинцовской культуры. В сводной сравнительной таблице рис. 63 показана характерная одинцовская керамика из памятников Новосибирского Приобья с элементами, наиболее близкими к материалам из бийских городищ: края венчиков у одинцовской керамики, как правило, орнаментированы, в том числе с внутренней стороны, а наиболее часто встречаемый орнамент на горловине выполнен скобчатыми, полулунными, реже — овальными короткими вдавлениями и гребенкой в стиле одинцовского декора. Для керамики всего бийского комплекса наиболее характерна именно гребенка. Пояски в конфигурации елочка украшают керамику более позднего в бийской группе городища — Фоминского, а традиционный одинцовский стиль преобладает на городище 7-й км Смоленского тракта.

Орнамент. Для всех бийских городищ характерен элемент уточка либо псевдоуточка (рис. 87.-15-19; 88.-17-19; 89.-11; 93.-1). Уточка наносилась рубчатым либо гребенчатым фигурным штампом. К псевдоуточке относим орнамент ломаная уточка, выполненный оттисками короткого прямого штампа, также волнообразные или изогнутые оттиски, только напоминающие уточку (рис. 87.-16-19, 22; 88.-17-19; 91.-14, 15). В коллекциях Бийских городищ-4, 6, 7, 8, по нашим подсчетам, уточка участвует в 38,7, 12,8 и 10 процентов соответственно от всей орнаментации керамики. Эти соотношения с прочей орнаментацией довольно высоки, если сравнивать их с подсчетами Т.Н. Троицкой по кулайской керамике БЕ-VII, БЕ-IV I-II вв. н.э., где уточка представлена в 11,2 %, елочка — в 16-19 % (Троицкая, 1979, (?)42-44).

Таблица 6

Виды орнаментации керамики бийских городищ

Орнамент (количество)	Гор.4	Гор.6	Гор.7-8	Заречье	Малоуг.	Одинц.1	Фоминск.
Уточка	6	8	6		4	1	
Псевдоуточка (искажен.)	6	2	2	1			
Ногтевой штамп	6	6	4		1		1
Скобчатый штамп		3	9	4			
Гребенчатый штамп:							
чуть скошен	3	14	5			2к 1	2
елочка	4	12	7				5
вертикальный (ср., к.)		6	9к	1к	1		3 1к
крупные оттиски	1	1					
зигзаг поперечный	1	2	2				
Гладкий штамп (ср., к.)	1к	3	1к			1к	1к
Ямки наклонные	1			1зуб			
Ямки геометрические			1				
Ямки круглые	1	8	18	3		1	1
Защипы		2	2		1		
Горизонтальные оттиски	1	6	4	1			1
Мелкие оттиски зубч.		4	8				
Жемчужины		1					
Всего	31	78	79	11	7	6	15

Уточка как обязательный элемент орнаментации присутствует во всех городищах. Так, на Бийском городище-2, на городище Одинцовском-1 прослеживается уточка, близкая уточке из Бийского городища-4; на Малоугренёвском городище уточка крупная, выраженная. На одном сосуде уточка преобразована в лошадку с выделенной мордой и ушами (рис. 93.-1). Больше всего уточка присутствует на городищах иткульской группы (II–III вв. н.э.). На Фоминском городище элемент уточки не встречен, однако в могильнике возле с. Фоминского один из сосудов украшен рядами псевдоуточки (Грязнов, 1956, рис. 19.-2, с. 126). Материалы городища нельзя путать и с керамикой, поднятой в 1920-е гг. с дюн возле с. Фоминского, где уточка распространена в орнаментации приземистых горшков.

На майминской керамике уточка представлена как редкий редуцированный элемент. Самая большая встречаемость уточки и псевдоуточки отмечена на городище Курлап (3,2 %). На памятниках Катунь найдены единичные фрагменты керамики с псевдоуточкой, состоящей из ломаных оттисков, составляющих фигуру z (рис. 94.-39; 95.-7). Такая псевдоуточка в числе редких исключений прослеживается на памятниках катунской группы на реках Иша (Курлек) и Майма (Урлу-Аспак) (рис. 57.2.-1; 58.2.-23). Иначе говоря, наблюдается вырождение этого элемента орнаментации. Даже если принять во внимание, что катунские поселения сосуще-

ствовавали с бийскими городищами, ближе к горам прослеживается тенденция обезличивания символа и утрата его значения.

Еще одна немаловажная для угро-самодийской символики композиция — зигзаг. Он прослеживается на керамике Бийских городищ-4, 7, 8 в характерной для фоминского декора конфигурации (двойной зигзаг в середине орнаментального пояса с ямками и вертикальными оттисками). Комбинация известна в кулайской керамике городища Крохалёвка-19 (I–III вв. н.э.), Ирмень-1. Л.А. Чиндина отметила, что элемент зигзаг начинает включаться в орнаментацию на финальном этапе кулайской культуры (Чиндина, 1984, с. 94). По подсчетам Т.Н. Троицкой, зигзаг на кулайской керамике I–II вв. н.э. составляет 4,8–10 % (Троицкая, 1979, с. 39, 41, 42), а на первом этапе одинцовской культуры (V–VI вв. н.э.) насчитывается 2 % от орнаментированной керамики (Троицкая, Новиков, 1998, табл. 10, с. 61). Различие между ними не приводится.

Зигзаг широко используется на тимиразевском этапе, но уже изменен: на опубликованной керамике он в основном наносится в одну строку, укрупнен, представляет собой самостоятельный пояс (там же, рис. 28.-10; 29.-5, 6, 12; 32.-1, 10, 13–15; 33.-1–6; 36.-11, 13). На керамике из поселения Тимиразевское-1 (V–VIII вв. н.э.) близки майминским профили краев венчиков с наплывами и наличие зигзага. Эти признаки оказались выражены на майминской посуде, более ранней, чем тимиразевские и одинцовские материалы (рис. 61.-3б, 62.-3).

На Бийских городищах-4, 7–8 найдены фрагменты открытых сосудов, орнаментированные в одной манере с майминскими, фоминскими и одинцовскими стандартами: зигзагом (рис. 65.-3) в сочетании с елочкой либо рядами наклонного, вертикального гребенчатого штампа (рис. 64; 65.-2). В майминской керамике на Курлапе зигзаг использовали в 9,4 %, в других коллекциях — реже, на катунских материалах единично (рис. 95.-4, 9). Причем на фрагментах из Кара-Тенеша (рис. 95.-1–6) на Катуне зигзаг изображен в стиле комбинации на фоминских образцах из Бийского городища-7 (рис. 91.-1–5).

Другие виды орнамента на керамике бийских городищ: скобчатый в форме полумесяца и производный с ним ногтевидный штамп составляет 11,5, 16,4, 19 процентов. Гребенчатый штамп представлен как основной вид орнамента, украшает 29, 40–44 процентов керамики. На майминской посуде в Курлапе гребенчатый штамп использовался на 52,5 % орнаментированной керамики, на Ушлэпе-5 его только 1,7 % из всей орнаментированной посуды.

Гребенчатая орнаментация подразумевает ряды из оттисков чуть наклонного штампа и слагает конфигурацию елочка, реже встречаются вертикально поставленные оттиски короткого гребенчатого, рубчатого, плоского штампов. Этот орнамент объединяет майминскую и фоминскую бийскую керамику. Среди декора на керамике бийских городищ встречены зацепы, короткие мелкие оттиски зубчатого или лунчатого штампа, полулунные и скобчатые оттиски. В той же мере аналогичная орнаментация использовалась и в майминской культуре, но в целом характерна для одинцовской керамики.

На бийских городищах выделяется группа керамики, полностью аналогичная керамике из городища переходного времени Сошниково-1 (рис. 66.-1). Это серия открытых сосудов, орнаментированных в стиле елочка, с нижним пояском из двойных горизонтальных оттисков штампа, представляющая сошниковский тип керамики (Казаков, 1998, рис. 7–8). Подобные элементы орнамента, но в изначально ином виде, мы видим и на майминской посуде (рис. 61.-3а).

Еще одной особенностью декора является волнообразная конфигурация орнаментальных рядов и поясов. В майминском декоре (в большей степени на Ушлэпе-5) эта конфигурация характерна, и ее можно даже назвать маркирующим признаком. Волна используется и в одинцовских мотивах, но не как идеограмма, а, возможно, как следствие влияния со сторо-

ны майминской культуры. На керамике бийских городищ волнообразные пояса встречаются на единичных образцах (рис. 64) — сосудах с плечиками, близких к одинцовской форме. Этот элемент нехарактерен для всего бийского комплекса посуды и также может расцениваться как результат изначального или опосредованного влияния.

Таким образом, сходство орнаментации, ее стилей и конфигураций, форм определенных видов посуды в бийских городищах наблюдается на уровне синтезированных фоминско-одинцовских внесений, а не отдельных только одинцовских или только фоминских наборов. Такое смешение элементов представляется как продукт ассимиляции единовременных культурных групп, а не последовательного развития. Такие же фоминско-одинцовские смешения в декоре прослеживаются и в майминской керамике. Элементы декора, их сочетание, имеющие, возможно, даже исконно глубокое символическое значение, идущее от источника, были заложены в орнаментальную традицию обеих групп (майминской и бийско-фоминской) на каком-то хронологическом этапе. Ничего удивительного, ведь все эти комплексы продуцированы в поле огромной угро-самодийской общности.

Все же между майминским и бийским фоминско-одинцовскими комплексами, как мы отметили выше, существуют различия, которые не позволяют относить их к одной культуре. Это же подтверждается системой жизнеобеспечения с ориентацией на ресурсы, архитектурными особенностями поселков и жилья. Особо разнится видится в прочих предметах материальной культуры. Прямого взаимоотношения между майминской и фоминской группами и их интеграционных последствий в археологических материалах не подтверждается. Обе группы населения соблюдали нейтральную зону.

На архитектуре бийских городищ и поселений наблюдаются этапные изменения (поздние и ранние), как и на элементах дизайна посуды. То же самое происходит и с майминским комплексом. В майминской культуре также видны элементы в виде типов посуды, единичных сосудов и дидактического восприятия определенных техник, соединявшие в себе фоминско-одинцовские составляющие орнамента. Это влияние в направлении к Горному Алтаю осуществляется уже в опосредованном редуцированном виде через майминскую культуру.

Датировки слоев иткульских городищ значатся в пределах II–III вв. н.э. и IV — нач. V в. н.э. (последняя дата принята А.А. Казаковым по Сошниково-1). Образцы из поселения Сошниково-1 на Малом Иткуле дали датировки 515 ± 20 г. н.э., 310 ± 25 г. н.э., даты из городища Малый Иткуль-1 (260 ± 25 г. н.э.) — 2-я пол. III в. н.э., Городища-III на оз. Большой Иткуль по радиоуглероду (325 ± 20 г. н.э.) — 1-я пол. IV в. н.э. Кроме того, исследователи датируют фоминские погребения из Татарских могил (Степной Чумыш-2) и БЕ-VII не позднее IV в. (Ширин. 2003, с. 30). Окончание фоминского этапа (культуры) относят к концу IV в. н.э. (до этого времени используется в орнаментации уточка (Ширин, 2003, с. 110, 114; Чиндина, 1984, с. 105)).

Сходство структуры поселков, керамики Городищ-I–IV Большого Иткуля с Бийскими городищами-2–8 указывает на их однородность. Судя по устройству городищ и видов керамики, они существовали *во 2-й пол. III — 1-й пол. IV в. н.э. во второй половине фоминского этапа*. Вторая точная дата из Сошниково-1 также совпадает с этим периодом. Из характеристик формы, структуры Бийских городищ-2–8, отсутствия не связанных с ними пристроек можно заключить, что комплекс городищ единовременный, не разбитый и не нарушенный иными наслоениями, перестройками — городищами или поселениями.

Л.А. Чиндина пишет, что второй, позднекулайский период, охватывающий II–I вв. до н.э. — V в. н.э., характеризуется массовыми миграциями кулаев, занявшими таеж-

ные и лесные территории и лесные боры Верхнего Приобья, длившимися не менее 200 лет (Чиндина, 1984, с. 123). Тогда сложилась огромная кулайская — самодийская общность с локальными вариантами на юге (рис. 2). К этим локальным вариантам на юге относятся фоминские городища и поселения, растянувшиеся по правобережью (в основном) Верхней Оби и Бии.

Если в лесном и лесостепном Верхнем Приобье в тюркское время можно видеть дальнейшую смену культур (Грязнов, 1956, с. 99; Григоров, Казаков, 2018, с. 50, 54, 59), то в северных алтайских предгорьях (Предалтайская равнина) изменяется лишь сама майминская культура. Вопрос о тюркизации культуры может быть конкретизирован при изучении материалов могильников Горный-10, Ая-3 (4) и других связанных с ними по территории памятников, в которых признаки влияния и интеграции прослеживаются глубже, чем только по керамике.

Из анализа комплекса элементов бийских фоминских городищ можно сделать вывод, что культурные традиции в большей мере отличаются от майминских в следующем: архитектурной застройкой, устройством дома и жилых площадок, ориентацией на использование природной среды, обрядом захоронения.

Имеются конкретные различия хозяйства и объектов потребления. В бийских городищах нет прямых признаков практикования земледелия, тогда как земледелие в майминской салаирской группе составляет одну из основ хозяйства. Возможно, это привело к утилитарному изменению форм керамических сосудов, принципов их изготовления с позиции увеличения объемов и толщины стенок, разнообразию форм и использованию сковород-жаровен (блюд). При этом в орнаментации используются переработанные перестроенные, но одинаковые сюжеты, элементы, специфика построения декора, с применением одинаковых семантических образов, исходящих из угро-самодийской символики, что может найти объяснение в истоках формирования культур.

4.1. Предметный комплекс

На поселениях майминской культуры обнаружено большое количество предметов из кости, железа, камня и глины, дающих представление о материальной культуре населения. Предметы отражают систему традиций и потребностей жизнеобеспечения, являются теми элементами, по которым можно сделать выводы о культуре.

4.2. Костяные изделия

Практически на всех исследованных поселениях встречены наконечники стрел, фурнитура, единичные орудия труда или группы орудий, предметы быта, оружия, конской упряжи.

Наконечники стрел. Подавляющее количество наконечников, найденных на поселении Майма-1 (10 экз.) и городище Курлап, однотипной формы, характеризующейся наличием вырезанного черешка, трех (реже четырех) граней и плавного перехода от черешка к боковым граням без прямоугольных уступов в основании пера или шипов (рис. 71.-5–9, 13–16; 72.-2–7). На некоторых вырезаны симметричные проемы перехода. Наконечники стрел различаются лишь по размерам. Черешковая часть на стандартах составляет половину длины всего наконечника. На Майме-1 встречены также и наконечники с короткими черешками и без них (рис. 71.-2, 6; 72.-2). В наборе наконечников из Маймы-1 выделяются наконечники с симметричными срезами, оформляющими острие (рис. 71.-5, 10, 11). Размеры наконечников с Маймы-1: 8,8–9,5 см при ширине 1,1–1,3 см; укороченных — 5,3 см при ширине 1,2–1,3 см.

Черешковые наконечники, характерные для майминских поселений, отличаются от наконечников из погребений булан-кобинской культуры в могильнике Степушка-2 (Соёнов и др., 2018, фото 84, 117). Костяные черешковые наконечники из Усть-Эдигана (Худяков, 2014,

рис. 1.-13, 14, 16, 25, 27) и Степушки-2 (Соёнов и др., 2018, рис. 34.-2, 3; 70.-3; 73.-1-4; табл. 2) — другой формы, с глубоко профилированным прямоугольным основанием пера (рис. 96.-1-7).

Костяные черешковые наконечники стрел из позднекулайских и фоминских поселений отличаются от майминских размерами и формой (длина пера), наличием выделенных уступов упора (Чиндина, 1984, с. 65; Троицкая, 1979, с. 83, табл. VII, табл. XXVIII; Грязнов, 1956, табл. LI.-7-11; Горбунов, 1996, рис. 2, с. 157, 162) и не сходны со стандартами костяных черешковых наконечников из булан-кобинских погребений (рис. 96.-1-9).

На городище Нижний Чепош-3 нач. I тыс. н.э. в Горном Алтае найдены наконечники с плавным переходом к черешку и пропорциями, характерными для майминских (Соёнов и др., 2011, рис. 54, с. 141). Такие наконечники встречены в могильниках Кок-Паш и Кок-Эль (КЭ-4) (рис. 96.-11, 16-18) вместе с булан-кобинскими аналогами. Костяные наконечники с плавным переходом и черешком вместе с хуннскими наконечниками с расщепленным насадом отмечены в таштыкских материалах (Ташебинский Чаатас, Уйбат-1, Усть-Сыда) и в предметах тесинского этапа (II в. до н.э. — I в. н.э.). Это свидетельствует в пользу применения тех и других форм наконечников одновременно.

Абсолютные аналогии майминским костяным наконечникам находим в инвентаре одинцовской культуры в могильниках тюркского времени. Они отмечены в пункте одинцовских погребений могильников БЕ XIV (Грязнов, 1956, табл. XXXVIII.-5-11; XLI.-23, 24) и БЕ XII (там же, табл. XLVII.-4-6, 9-11), в одинцовских могильниках Новосибирского Приобья и Кемеровского Притомья: Крохалёвка-13 (Троицкая, Елагин, Семьянов, 1995, рис. 2.-10-12, 14, 30; 3.-1, 23-25), Умна-3, Красный Яр и др. (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 22), Сапогово (Илюшин и др., 1992, рис. 33.-3-5; Илюшин, 2009, с. 22), в Горный-10 на р. Иша. Также близки майминским костяные наконечники стрел из курганов КЭ-4 (Кок-Эль) (Ванштейн и др., 1966, табл. III.-1-4) (I-III вв. н.э.).

В общем составе майминских наконечников выделяются нестандартные формы. Так, на поселении Майма-1 — два одинаковых наконечника с раздвоенным насадом (длина 8,3 см и 6 см) (рис. 71.-10, 12); один — мелких пропорций с пулевидной головкой (рис. 72.-5) прямоугольно-овального сечения; один массивный трехгранный с круглым в сечении черешком и скрытой втулкой (рис. 72.-6).

Наконечники с раздвоенным насадом: на Курлапе найдены два однотипных наконечника стрел (рис. 71.-17). Они треугольной формы, ромбовидные в сечении, с выделенными боковыми упорами и шипами. Длина — 5,3 см, ширина — 1,2 см. Группы наконечников с раздвоенным насадом отличаются от суннских костяных наконечников с расщепленным насадом, известных по материалам комплексов Центральной Азии и провинций юга Сибири (Саяно-Алтай, Минусинская котловина) (Давыдова, 1996, табл. 48.-4, 5; 54.-6, 7; Вадецкая, 1986, с. 132, табл. IX, VIII.-1; Вадецкая, 1999, табл. 70, 88, 96), но близки группе булан-кобинских из Белого Боба (Глоба, 1982, табл. IV.-3, 4; V.-5, с. 124, 125) и из Улуг-Чолтух (Худяков, 2014, рис. 2.-25, 27). Два наконечника из поселения Майма-1 представляют другую группу, отличающуюся от предыдущей тем, что они вытянутой прямоугольной формы с симметрично вырезанным острием и с боковыми срезами, выделяющими уступы на основании насада (рис. 71.-10, 12). Такие наконечники не встречены в булан-кобинских погребениях.

Концевая накладка на лук найдена на поселении Майма-1 (рис. 71.-1). Также здесь найдены фрагменты таких накладок. Длина целой концевой накладки с Маймы-1 — 29 см, ширина — 1,1-1,0-0,8 см. На конце имеется округлое боковое отверстие для крепления тетивы. Обратная сторона — с поперечно-скошенными нарезками для сцепления с поверх-

ностью при наклеивании. Костяные накладки с боковым вырезом для тетивы стандартных пропорций распространяются на обширной территории Южной Сибири и наблюдаются практически во всех погребениях (Миняев, 2007, рис. 14, табл. 55.-57, 61, 63, 108, 112; Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. III, с. 280; Руденко, 1962, табл. IV.-2-4), принципиально отличаются от тюркских накладок, впрочем, как и системой усиления лука (могильник Горный-10).

Роговые накладки хуннского типа найдены в погребениях булан-кобинской культуры на всех этапах: кургане № 34 Булан-Кобы-IV (Мамадаков, 1985, рис. 6), в погребениях могильника Степушка-2 (Соёнов и др., 2018, рис. 70.-1, 2; 86; 89) — вместе со срединными накладками. Они известны также в могильнике Усть-Пустынка в Краснощёковском районе (Алёхин, Гельмел, 1991, с. 94-96). В могильнике Курайка длина накладок на лук составляет 23-25 см, форма та же (Соёнов, Эбель, 1998, рис. 15), аналогичные длинные накладки с боковым вырезом для тетивы находились в предтюркских погребениях могильника Кок-Паш (Васютин, 1997, рис. 1.-10) 1-й пол. I тыс. и предкудыргинского времени в Айрыдаш. Короткая утрированная концевая накладка найдена на городище Нижний Чепош-3 (Соёнов и др., 2011, рис. 34.-3, с. 131).

Костяная подвеска с резным орнаментом обнаружена на поселении Майма-1 (рис. 70.-15, 16). Предмет представляет собой обломок роговой пластины с отверстием для подвешивания и резными линиями, расположенными елочкой, имеет длину 4,8 см, ширину 1,7 см, толщину 0,5 см. Одна сторона плоская, другая выпуклая. Другая подвеска опубликована М.Т. Абдулганеевым. Она также имеет отверстие для подвешивания и украшена встречными зигзагами из тройных линий (Абдулганеев, 1998, рис. 1-7).

Аналогичные по орнаменту предметы обнаружены Г.Д. Глобой в булан-кобинских погребениях 1 и 4 кургана 10 могильника Белый Бом-II (Глоба, 1983, табл. V.-1, 2, с. 121, 125), они представляли собой подвески-щеточки. На одном из них (погр. 1) выделена зооморфная головка, а тулово сужается книзу. В нижней узкой части просверлены три поперечных сквозных отверстия для продевания тесьмы, волокон. Подвеска украшена резными скошенными встречными линиями в виде елочки. Посередине на уровне «груди» обозначена схема женского пола из двух кружков. Вторая подвеска орнаментирована резными встречными многослойными овалами.

Таким образом, в поисках аналогии орнаменту пришлось обратиться к предметам, встречающимся в булан-кобинских погребениях, так называемым косметическим (туалетным) *щеточкам* (Соёнов и др., 2014), имеющим сквозные отверстия в узком окончании. Близкий резной зигзагообразный орнамент использовался на моделях мечей из кокэльских курганов КЭ-32 (Ванштейн и др., 1966, табл. XI.-3, 4, 10).

Г.В. Скопинцевой в 2011 г. опубликована роговая подвеска-щеточка со сквозными отверстиями из поселения Курлап, навершие которой венчает зооморфная фигура (Соёнов, Константинов, Константинова, 2014, рис. 1.-1). Обломок концевой части щеточки с тремя отверстиями обнаружен на городище Нижний Чепош-3 (Соёнов и др., 2011, рис. 50.-2, с. 139). Фрагменты подобных по сути подвесок найдены на памятниках по всей территории хуннского — таштыкского влияния: Минусинской котловины (экспозиция Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова), Салаирских предгорий, Тувы и Горного Алтая.

По сведениям Э.Б. Вадецкой, такие подвески-щеточки с отверстиями аналогичного вида находят в таштыкских погребениях. В могиле 16 могильника Комаркова Песчаная, датированной I-II в. н.э., обнаружена щеточка, украшенная резными извилистыми узорами с завитками (Вадецкая, 1987, рис. 3, стр. 72), и автор идентифицирует их с фрагментами предметов из Хакасии и Горного Алтая.

В раннеташтыкских склепах Уйбатского чаатаса найдены узкие орнаментированные «палочки» со сквозными отверстиями — до 7 и 9 штук. Отверстия занимают до половины и большей части длины предметов (Киселёв, 1951, табл. XXXVIII.-12, 13). Орнамент на них характерен для таштыкских материалов с присутствием симметричных встречных завитков. Аналогичный предмет обнаружен в погребении могильника Туекта (Кубарев, 1981, с. 65, рис. 1, 2).

В одной из научных работ роговые предметы названы туалетными щеточками (Соёнов, Константинов, Константинова, 2014), при этом оговаривается, что их назначение не установлено. Авторы указывают на подобные материалы из булан-кобинских могильников Степушка-2, Айрыдаш-1, из кургана 13 могильника Верх-Уймон (Соёнов, Эбель, 1992) и еще из восьми пунктов Горного Алтая (Соёнов, Константинов, Константинова, 2014, рис. 1, с. 119, 120) и датируют их I–V вв. н.э. Изделия булан-кобинского круга украшены прочерченным узором, в котором преобладает сюжет встречных многослойных овалов.

Костяная фурнитура в основном обнаружена в поселении Майма-1. Найдены две подвески-костылька длиной 6,5–7,5 см и 2–4 см (рис. 72.-8, 9).

Цурки: одна крупная, с прорезной боковой петлей (длиной 9 см), другая — с центральным отверстием (4,6 см) (рис. 72.-10, 12). Цурки (крепления для пут либо для завязей) отличаются от цурок булан-кобинской культуры и более близки таковым из кок-пашских погребений (Бобров и др., 2003, рис. 6.-8–9) и тюркского времени (Овчинникова, 1990, рис. 21.-10; 49.-1–4).

Таким же образом следующие предметы встречаются в тюркской культуре: *распределитель* ремней цилиндрической формы с тремя выходами длиной 3,6 см (рис. 72.-13); две костяные *застежки* клеванты длиной 3,5 и 4 см (рис. 70.-5, 6); пуговица из зуба животного с двумя отверстиями длиной 2,8 см (рис. 70.-7). Не все изделия могут привлекаться для датировок или культурной принадлежности. Застежка клевант обычно изготавливалась из костяной, деревянной или металлической палочки-планки с отверстием или желобчатой выточкой посередине для привязывания. Использовалась для соединения полок эластичного изделия одежды, накидок, сумочек либо петель узла. Принцип изготовления формы застежек для изделий и узлов пут одинаков, но различаются размеры. Не исключено, что в качестве клеванта мог использоваться и роговой брусок с уплощенной стороной и без выточки длиной 6,5 см, шириной 2,1 см (рис. 70.-3).

Роговая подпружная *пряжка* (от вьючного седла) с Т-образной сквозной прорезью и проточенным пеналом для ремня с отверстием для стержня, закрепляющего подвижный язычок, обнаружена в Майме-1 (рис. 70.-4). Пряжка орнаментирована резными параллельными линиями, повторяющими профиль края сквозных прорезей. Размеры: 6,7×3,7 см. Передняя планка утрачена, но, судя по углам, она могла быть прямой, выпуклой.

Похожая сломанная пряжка обнаружена в поселении Курлап. Близкие по форме пряжки присутствовали в фурнитуре кудыргинских, одинцовских материалов VI–VII вв. н.э. без пенала для ремня. Пряжки с таким же орнаментом найдены в Кудыргэ-15 и ДА II-14 (Овчинникова, 1990, рис. 48.-20), обозначены как тип Б. В могильнике Горный-10 тюркского времени (кудыргинский этап, VI–VII вв.) найдена подобная пряжка. Кроме того, навершия псалий из погребения этого могильника украшены аналогичным резным орнаментом. Такой же орнамент вырезан на бабках из поселения Горный Елбан (р. Иша).

Похожие, но отличающиеся по форме отверстия и оформления пряжки найдены в могильнике Степушка-1 (2-я пол. III — 1-я пол. IV в. н.э.) (Тишкин, Матрёнин, 2013а, с. 67).

В поселении Майма-1 обнаружены *роговые предметы* из сечений рогового ствола (рис. 66.-5, 6). Их торцы тщательно подрублены долотом в радиальном направлении, а боковые стороны стесаны. Один длиной 5,5 см, диаметром 3,3 см, другой — 16,7 см, диаметром в широкой части — 3 см. Использование их не установлено. Аналогично обработана трубчатая кость длиной 10 см, диаметром 2,8 см.

В поселении Майма-1 хорошо представлены костяные *орудия производства*.

В кв. X/6' найден роговой наконечник предположительно *мотыги* либо кирки (рис. 70.-2). Длина предмета 12,3 см, средняя ширина — 2,6 см. Рабочая часть приострена наискось. Сработанный участок скруглен, с рабочей заполировкой, царапинами. Функция предмета трасологически не устанавливалась. Роговые сошники с приостренной рабочей частью найдены в Иволгинском городище (Давыдова, 1996, рис. VIII.-14, 15). Автор указывает, что на взрыхляемых в древности участках в области функционирования городища также находят подобные мотыги-сошники.

В слое поселения также найдены *скорняжные инструменты*, изготовленные из крупных костей животных (рис. 67; 68.-1-4).

Скребок с треугольным вырезом, сделанный из лопатки животного, размерами 19x13 см и крыло такого же скребка из кв. K/6, сл. 3 и в бровке X кв. УФ/3' (рис. 68.-1, 2). Треугольный рабочий край изношен. Еще два обломанных скребка такого же типа из лопаток животных из кв. C/5'-6', оба длиной 18 см. Рабочий край у всех скребков срезан под углом в 45°. Один скребок — с круглыми сверлеными отверстиями диаметром 0,3 см.

Другой скребок изготовлен из длинной трубчатой кости длиной 23 см со срезанным повдоль и наискось рабочим краем обнаружен в кв. H/1' и 2' (рис. 67.1.-1). Боковая сторона с более высокой стенкой, хорошо сработана, имеет интенсивный блеск и линейные следы, сконцентрированные к правому участку. Скребок использовался для срезания мездряных и жировых наслоений на коже.

Боковые скребки и их обломки, сделанные из длинных костей, ребер, найдены в районе выкладки в кв. П/6', H/1'-2' (как и первый из этой серии), кв. C/4 (рис. 67.1.-2; 67.2.-1; 67.-4). Их длина — 12,5, 14, 17 и 19 см. На всех имеется срез под углом 45–50° рабочего лезвия с неинтенсивным блеском от использования. В кв. 7 обнаружен боковой скребок из трубчатой кости животного с выделенным срезами рабочим краем вдоль кости. Длина его 21,5 см. Скребок имеет два приостренных лезвия. Поверхность рабочих сторон скребка вместе с губчатой массой кости стерта и отполирована до яркого блеска. На скребке определяются тонкие линейные следы, образовавшиеся от сдирания мездряного (сухого) слоя.

Скребок из нижней челюсти животного длиной 23 см найден в кв. У/4' (рис. 67.2.-2). Рабочий участок подготовлен путем срезания дорсальной кости наискось под углом в 25–30°, в результате чего был удален альвиолярный край. Основная нагрузка срабатывания приходилась на внутреннюю часть челюсти, срезанную под углом. На краях срезов и выступов образовался яркий блеск полировки. Тонкие линейные следы видны только под микроскопом, образовались как результат разминания кожи.

Такие скребки использовались населением Алтая в эпоху бронзы и раннего железного века, на Майме-1 могли относиться к слою средневековья, где кость сохранилась. Кость в остальных средневековых поселениях не сохранилась либо сохранилась плохо, и набор орудий полностью не представлен. О вполне возможном использовании крупных костяных скребков указывают находки в средневековом слое поселения Горный Елбан, в котором об-

наружены различные костяные изделия, в том числе крупный скребок. Подобные предметы быта не могут использоваться в определении датировки и культурной принадлежности.

Лопатки животных, целые и обломанные, с просверленными отверстиями длиной 15–16,5 см, без следов использования в каких-либо рабочих операциях обнаружены в кв. Р/1–2; Р/3, ямах № 8 и 10. В предостной ямке каждого изделия высверлено отверстие диаметром 0,3–0,4 см (рис. 69). Предположительно такие лопатки имели сакральное предназначение, как в этнографических параллелях Алтая, Хакасии, Тувы, и подвешивались через отверстие по несколько штук (экспозиция Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартынова. Этнография). Большое количество подобных лопаток с просверленными отверстиями найдено в Иволгинском городище.

На поселении Ушлѐп-5 обнаружены три предмета, состоящие из тонких трубчатых костей одного диаметра, срезанных на концах по определенной длине, называемые нами *флейтой*. Предметы из костяных трубочек сохранились благодаря цементации глины. Трубочки уложены вплотную друг к другу. Предполагается, что это части музыкальных свистковых инструментов. Вследствие лишь частичной сохранности воспроизвести их полную структуру невозможно.

4.3. Железные предметы

Основная часть железных предметов найдена на поселении Ушлѐп-5 (рис. 71, 72, 73).

Жатвенные ножи. На поселении Ушлѐп-5 найдено четыре жатвенных ножа (рис. 74.-3; 75.-1–3). Все они без черешка. Один нож — с небольшим отверстием в рукояточной части. Ножи имеют прямую форму с изогнутым окончанием и использовались как жатвенные орудия с функцией пучкового срезания стеблей растений. Длина ножей 16,5 и 15 см, ножа с отверстием — 18,5 см, ширина в серединной части — 1,4 см. Аналогичный нож с равномерно изогнутым волнистым лезвием с бородкой в основании и выделенным черешком длиной 18,5 см, шириной 1,5 см найден в слое поселения Тыткескень-3 (Кунгуров, 1994, рис. 4.-9, с. 45). Автор публикации по аналогии с такими же ножами из могильника Кудыргэ (Кляшторный, Савинов, 2005, рис. 13.-2) датирует находку тюркским временем (VI–VII вв.) (там же, с. 46).

Аналогичный нож с черешком найден в могильнике Кок-Паш 1-й пол. I тыс. н.э. (Бобров и др., 2003, рис. 35.-5). Набор одинаковых серповидных ножей прямой формы с изогнутым окончанием, но с черешком и односторонней бородкой обнаружен в Уйбатском кладе с поздне-тагарскими (тесинскими) вещами, датированном II в. до н.э. — II в. н.э. (Кунгурова, Оборин, 2013, с. 134, 135). Сходные по форме с Ушлѐп-5 жатвенные ножи обнаружены на хуннском Иволгинском городище (Давыдова, Шилов, 1953, рис. 4.-а, б, с. 196–198; Давыдова, 1996, рис. VIII.-24).

Ножи. На поселении Ушлѐп-5 найдено два черешковых ножа с прямым обушком, вытянутым клиновидным лезвием с односторонним уступом со стороны лезвия и черешками клиновидной формы (рис. 74.-1). Длина ножей: один — 9,8 см с чуть скошенными черешком и острием, другой — 15,5 см. Ножи разных размеров подобной формы найдены на поселении Курлап: аналогичный нож длиной до 12,8 см с уступом со стороны лезвия с прямым обушком и чуть скошенным клиновидным черешком; короткий нож той же серии и экземпляр с утраченной черешковой частью, изогнутой формы, близкой тагарским. Поскольку материалы не опубликованы, возможно, в дальнейшем автор раскопок даст более полные пояснения.

Публикация железного ножа из Сайлапа не содержит описания и пояснений, но, судя по рисунку, его длина довольно крупная, составляет 17 см (Скопинцева, 1993, рис. 1.-12). Он имеет прямой, чуть изогнутый на острие обушок, односторонний упор и, возможно, выступ

для упора со стороны обушка. Ножи являются условно маркирующим элементом культурной традиции и датировки, поскольку это необходимые предметы быта, могущие подвергаться несложной перековке. При этом следует отметить, что все же существуют некоторые особенности в форме обушка, черешка и лезвия, расположения упоров, которым следовали при изготовлении ножей.

Так, например, на саровском этапе кулайской культуры (II–I вв. до н.э. — V в. н.э.) бытуют в употреблении аналогичные ножи с прямым обушком, клиновидным черешком и упором со стороны лезвия (Чиндина, 1984, рис. 26.-6–7), притом формы ножей, найденных на Саровском городище, варьируют. Ножи из фоминских погребений могильника БЕ-7 и фоминского жилища из Казанково-5 (II–III–IV вв.) также близки ножам Ушлёпа-5. При этом обушок может быть чуть изогнут либо он прямой, но черешок чуть скошен (Ширин, 2003, табл. XIX.-3; СП.-1, 2; Ширин, 1999, с. 32, 33, рис. 4.-8, 9). Форма ножей с прямым обушком и выраженным уступом продолжает сохраняться в переходное время между кулайской и одинцовской культурами (III–IV–V вв.) (Горбунов, 1993, рис. 3.-8–12; с. 82, 90).

Ножи с прямым обушком, вытянутым клиновидным лезвием с односторонним уступом со стороны лезвия и клиновидным черешком встречены в хуннских погребениях Забайкалья из Ильмовой и Черёмуховой падей (Коновалов, 1976, табл. XVI.-3–5, 8, 9). Ножи, аналогичные майминским, находились в булан-кобинских погребениях Верх-Уймон (Соёнов, Константинова, 2015, рис. 5, с. 21).

Железные клинки. На поселении Ушлёп-5 были обнаружены компактно уложенные два одинаковых клинка с односторонним лезвием (рис. 74.-7, 8). Они имеют прямую симметричную форму с асимметричными упорами при переходе к рукояти — прямоугольному черешку. На одном клинке упоры вырезаны под прямым углом к черешку, на другом — в виде плавных переходов к черешку. Длина изделий — 24 см, ширина — 2 см. Клинки подобного типа неизвестны. Подобные формы ножей найдены в могильнике Кок-Паш 1-й пол. I тыс. н.э. (Бобров и др., 2003, рис. 25.-1, 34). Возможно, они нестандартной формы, однако известны в последующих эпохах развития тюркских культур — до XIII–XIV вв.

Железные тесла. На поселении Майма-1 в кв. Ф/6' обнаружено железное тесло прямоугольной формы с загнутыми по овалу закраинами разомкнутой втулки (рис. 70.-1). Размеры: 13,4×4,7 см. Аналогичное тесло из Саровского городища относится к саровскому этапу кулайской культуры (Чиндина, 1984, рис. 27.-8).

Тесло прямоугольной формы, но со скошенными закраинами втулки находилось среди топоров и сошников иного типа в Уйбатском кладе, относящемся к хуннскому времени (Кунгурова, Оборин, 2013, рис. 10.-1). Тесла, аналогичные майминским, фигурируют в булан-кобинском могильнике Горного Алтая Верх-Уймон (Соёнов, Константинова, 2015, рис. 6.-13–15). Прямая форма тесел встречена в фоминских погребениях могильников Карлык-1 и Усть-Абинский (Ширин, 2003, табл. XLIX.-3; L.-2; LI.-2; LXII.-26); в фоминской могиле № 71, БЕ-7 (там же, табл. XXVIII.-1). Соотношение ширины и длины колеблется между $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$. Прямоугольная форма тесел не изменилась и в тюркское время. Они отнесены Б.Б. Овчинниковой к типу 1 (Овчинникова, 1990, табл. 9, рис. 29, с. 56–58). Она отмечает, что тесла первого типа существуют на довольно обширной территории Южной Сибири в период VI–X вв. Тесла более ранних периодов тогда не учитывались, возможно, в связи с недостаточной источниковой базой. Начиная с X в. получают развитие формы тесел с плечиками.

Пинцеты. На поселении Ушлёп-5 были обнаружены два пинцета, сделанных из согнутых пополам пластин (рис. 73.-1, 12). Имеют петлеобразную узкую головку, зафиксированную

в одном случае шаровидной муфтой, в другом — муфта отсутствует. Рабочие лопасти расширены книзу — трапецевидной формы. Их размеры: длина 7,7 см и 7 см, ширина рабочего края — 1,5 см. Несомненно, в первоизданном виде пинцеты были изящны и среди археологического материала представляют большую редкость. Наиболее встречаемы на территории Минусинской котловины, где они бытуют с позднетагарского (хуннского) времени в течение периодов средневековья.

Е.Б. Баринаева отмечает находку пинцета с бронзовым зажимом в материалах раннего изыхского периода таштыкской культуры (I в. до н.э. — I в. н.э.) у деревни Анаш на Енисее, пинцетов с округлой головкой из таштыкских погребений, в том числе из могильников у с. Копёны и с. Батени, близких ханьским и танским пинцетам (Баринаева, 2011, с. 148). Н.Н. Николаев обращает внимание на то, что в хуннском погребении кургана 24 и в кокзельском погребении кургана 19 могильника Бай-Даг-II найдены одинаковые железные пинцеты (Николаев, 2003, с. 262). И.Л. Кызласов отмечает, что пинцеты являются свидетельством влияния китайской культурной традиции на культуру таштыкского населения (Кызласов, 1985, с. 111), использовали в косметических целях.

Витые цепочки. На поселении Ушлёт-5 найдены звенья цепочек (3 шт.) для подвешивания мелких предметов (ножей) и соединения подвижных конструкций (рис. 73.-11, 13; 74.-5). Звено состоит из скрученного стержня с кольцами на концах. У двух длина 5 см, диаметр колец — 1,4 и 0,9 см соответственно. Длина третьего — более 6 см (размер не полный), и кольцо диаметром 1,5 см, другое кольцо утрачено. Отдельно найдено кольцо диаметром 0,9 см. Стержни каждого из звеньев сделаны способом скручивания цельной металлической проволоки. Для них принято название «крученые восьмеркообразные цепочки» (Вадецкая, 1999, с. 124; Грязнов, 1956, с. 109, 114).

Цепочки сопутствуют погребениям таштыкской культуры: в склепах Уйбатского чаатаса, Луговское, Усть-Тесь, Кривинское, Тепсей, Ташеба. В Лугавском цепочки длиной 5,2 см с петлями диаметром 1,5–1,8 см и 2,5 см перевиты в три–четыре оборота; в Усть-Тесь длина найденной цепочки 5–6 см, в Кривинском ее длина 4,5 см с диаметром кольца 1,3 см, в Ташеба длина 3–5 см с кольцами диаметром 1 см. Цепочки также найдены в Изыхском склепе таштыкской культуры (Кызласов, 1960, рис. 30.-2, 8). Встречены в погребениях одинцовского этапа верхнеобской культуры (V–VI вв.) (Грязнов, 1956, табл. XXXII.-22; XL.-1, 10), в погребениях могильника Кок-Эль-4, датирующихся I в. до н.э. — V в. н.э. (III–IV вв.), в могильнике Кок-Паш 1-й пол. I тыс. (Елин, Васютин, 1984, с. 37; Бобров и др., 2003, рис. 35).

Э.Б. Вадецкая полагает, что даты распространения цепочек укладываются в период не ранее III–V–VI вв. н.э. (Вадецкая, 1999, с. 124–126), учитывая датировки сопроводительного инвентаря. Витые цепочки известны в тувинском могильнике Бай-Даг-II хуннского времени (до 2-й пол. IV в. н.э.), ранние витые цепочки обнаружены в Дырестуйском могильнике, например, в погребении 10 вместе с ажурными пряжками хуннского типа (Миняев, 2007, табл. 3.-2), в погребениях булан-кобинской культуры (Мамадаков, 1985, стр. 186, рис. 7.-1) (белобомовский этап — II — 1-я пол. IV в. н.э.). В кургане № 34 Булан-Кобы IV звенья цепочек находились вместе с ножами. Цепочки, как подвесы к поясу, располагались на креплении к ножу во впускной могиле Пазырыкского кургана № 6.

Таким образом, витые соединительные цепочки, подвесы находят аналогии в материалах от III в. н.э. — 1-й пол. I тыс. н.э., и тенденция развития витых изделий (цепочек, удил) позже развивается в тюркских культурах.

Железная фурнитура представлена на Ушлёт-5 ременными пряжками и частями пряжек.

Две одинаковые ременные подпружные пряжки с подвижным язычком имеют плоскую прямоугольную рамку с прямыми краями размерами 3×3,2 см и 3×2,5 см (рис. 73.-4, 5). Профиль рамки чуть изогнут. Плоские пряжки подобного типа наблюдаются у хунну в I–II вв. н.э., например, в Дырестуйском могильнике (Миняев, 2007, рис. 18.-26), в Изыхском чаатасе, склепе № 1 (Вадецкая, 1999, табл. 90). Ю.В. Тетерин помещает такие пряжки среди пряжек Алтая во II в. до н.э. — I в. н.э. (Усть-Эдиган) (Тетерин, 1995, с. 134). Прямоугольные пряжки с подвижным язычком найдены в булан-кобинских погребениях Булан-Кобы-IV (Мамадаков, 1985, рис. 4.-1), а также одна — в погребении могильника Степушка-1 (1-я пол. IV в. н.э.). Прямоугольные рамчатые пряжки встречены в таштыкских погребениях Усть-Тесь, Сырский чаатас (Вадецкая, 1999, табл. 95, 115).

Сломанный *щиток* удлиненно-трапециевидной формы 3,5×2–2,5 см, толщиной 0,2–0,3 см со срезанными на скос краями с лицевой стороны предположительно представляет собой часть щитковой поясной застежки (рис. 73.-15). Край соединения с рамкой либо осью шарнирного крепления сломан, однако толщина изделия и текстура близки предыдущим рамкам. Установить, какова была форма застежки, не представляется возможным. Если бы это была неразомкнутая щитковая пряжка, как пряжки из погребений тюркского времени БЕ-7 (мог. 107), Усть-Абинский (мог. 6, 7), анализируемых Б.Б. Овчинниковой, то она бы предполагала закрепление к ремню через шпенек. Но на щитке с Ушлэпа-5 застежка отсутствует. Прямоугольные щитки со срезанным краем из погребений Усть-Абинский, БЕ-7 Ю.В. Ширин относит к фоминским (Ширин, 2003, табл. LXVIII.-15; LX.-8–11).

В слое поселения также найден железный *стержень-ось* шарнирного крепления для сложных застежек (рис. 73.-3). Стержень длиной 5 см имеет посередине желобчатый перехват для язычка и округло-грибовидные окончания-ограничители. Цельных щитковых застежек на поселениях не найдено, но по наличию частей от таких застежек на Ушлэпе-5 можно предположить использование именно щитковых разомкнутых застежек. Такого рода застежки широко бытуют в тюркское время. Опубликована находка подобного стержня с перехватом с таштыкского комплекса поселения Унук (Вадецкая, 1999, рис. 16, с. 34). Металлические оси для язычка известны в находках могильника Кудыргэ, которые вставлялись в костяные подпружные пряжки и в сложные застежки. В том же могильнике в застежках используются подвижные щитковые соединения. В Южной Сибири (Минусинская котловина, Тува) в хунно-сарматское время наиболее распространены виды рамчатых застежек. На майминских поселениях характерные для этого времени виды рамчатых застежек пока не встречены.

Железная пластина грушевидной формы с короткой ручкой неясного назначения была найдена на поселении Ушлэп-5 (рис. 74.-9). Размеры пластины 6×6 см, толщина — 1,5–2 мм, немного измята, поверхность коррозирована. Пластины аналогичной формы из бересты, обнаруженные в хуннских погребениях Дырестуйского могильника вместе с характерными для хунну предметами, интерпретируются как нашивки (Миняев, табл. 12.-1–3, рис. 18.-9). На них видны скопления колотых точек. Поверхности железного предмета покрыты ржавчиной, при удалении которой наблюдается рельефная деформация. На одной из сторон видна точечная деформация и фрагмент поверхности со скоплением мелких лунок неясного генеза, поэтому определить первоначальный вид изделия невозможно, но и отрицать отсутствие нанесенных точек, а также шлифовки тоже нельзя. Предмет аналогичной формы из фоминского погребения могильника БЕ-7 (застежка) близок по форме, но имеет сгибы на ручке и отверстие.

Части железной посуды. На поселении Ушлэп-5 найдены два обломка грибовидной формы с ножкой, представляющих собой фигуры, используемые в качестве скульптурных *навер-*

ший ручек железных котлов (рис. 73.-16, 17). Один высотой 2,4 см, круглый в сечении: ножка диаметром 1,2 см, чуть выпуклая круглая шляпка диаметром 1,5 см. Второй — высотой 2,6 см, в его основании сохранилась часть напая ручки длиной 2,7 см. Ножка круглая в сечении диаметром 1,2 см, шляпка в плане овально-четырёхугольная с противоположными выемками. Диаметр шляпки — 1,7 см и 1,9 см. Кроме того, найдены были и фрагменты стенок железной посуды: один с прорезными линиями (3,6×1,5 см, толщиной 0,6–0,7 см), другой — без орнамента 5,5×5,5 см, толщиной 0,4–0,5 см, с изогнутым профилем.

Ручка от бокового ушка мелкого железного сосуда, круглая в сечении, диаметром 1,4–0,5 см, длина ушка — 4,1 см (рис. 73.-18).

Железные котлы с грибовидными (шпиньковыми) украшениями ручек встречаются на территории Южной Сибири в раннем железном веке и доживают до 1-й пол. I тыс. н.э. В публикации В.В. Боброва, Л.Ю. Бобровой и А.С. Савельева (Бобров и др., 2017) представлены котлы и миниатюрные котелки, найденные на территории Мариинской лесостепи в Кемеровской области (могильник Шестаково-1, Берёзовский могильник, оз. Шумилка, поселение Шабаново-6 и случайные находки). Среди миниатюризированных котлов из курганного могильника Шестаково — котелки с грибовидным навершием, чашки с петлеобразными ручками (Мартынов, 1976, рис. 6.-5–8, 25), эти погребения (таштыкские склепы) относятся к шестаковскому этапу лесостепной тагарской культуры с хуннскими предметами (II в. до н.э. — II в. н.э.).

Большая часть котлов из тесинских, таштыкских могил и схронов хуннского периода — с грибовидными навершиями на ручках. Отдельные железные петли от посуды близкой формы и железная чашка с округлыми ручками находились в кургане КЭ-4 могильника Кок-Эль в Туве (Ванштейн и др., 1966, табл. I.-1, 2, 6). Там же наблюдается керамическая и миниатюризированная имитация котлов с навершиями на ручках (III в. н.э.). По наблюдениям исследователей, минимализм в формах металлической посуды, видоизменения котлов происходит в хуннско-сяньбийский период на территории Северного Китая, Монголии и Тувы. Данные особенности наиболее характерны для кокэльских и синхронных таштыкских комплексов Минусинской котловины до II–III вв. н.э. Эти вещи поступали в соседние районы и наблюдаются в Шестаковском курганном могильнике на р. Кия в Кемеровской области.

Двухдырчатая тонкая металлическая псаля s-видной формы с овальными сплюснутыми окончаниями из городища Сайлап близка минусинским тесинским псалям (II в. н.э.) (Кунгурова, Оборин, 2013, рис. 2), но крылья последних уплощены.

Мелкие предметы. В слое поселения Ушлѐп-5 найдено железное кольцо, близкое по форме тюркским серьгам, но более крупное, неразомкнутое, без выемки для подвески, возможно, является ремennым распределителем (рис. 71.-2).

Среди не датруемых, но распространенных в быту мелких предметов — мелкие гвозди, игла (рис. 74.-2, 75.-6), обломанная косметическая ложечка (рис. 73.-6–9), шиловидный витой наконечник (рис. 74.-4).

В погребении из жилища № 1 раскопа № 1 находились трехлопастные железные наконечники стрел (Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 101) (рис. 75.-4, 5). Один — вытянуто-ромбической формы пера, другой — асимметрично ромбический. Наиболее точную форму установить не удастся. Такие наконечники широко распространены в хуннско-предтюркское (рис. 96.-23–28) и тюркское время в 1-й пол. I тыс. н.э. в таштыкских, кок-пашских переходных и одинцовских памятниках, известны в булан-кобинском погребении Белого-Бома-2 (Глоба, 1983, табл. IV.-8).

Выводы

Многие формы предметов, использовавшихся в быту, не претерпели изменений в течение нескольких веков. Например, железные тесла прямоугольной формы (с прямыми сторонами), клиновидные ножи с односторонним уступом, витые звенья цепочек для подвешивания мелких предметов (ножей), костяные наконечники с плавным переходом от черешка к перу, пинцеты наблюдаются в течение периода времени (III — 1-я пол. IV в.), они отмечаются в тюркское время с некоторыми изменениями. Как видим в сводной таблице 7, предметы, характерные для майминской культуры, встречаемы в булан-кобинских погребениях периода II–IV — 1-й пол. V в., в кокэльских и кок-пашских погребениях, тесинских и ранних таштыкских, близки вещам хуннского типа из погребений нач. I тыс. н.э. енисейской хуннской «провинции»; найдены в слое городища Нижний Чепош-3 Горного Алтая. На фоминских памятниках предметы, сходные с майминскими, мало известны, за исключением указанных в тексте (витые цепочки, вид щитковых пряжек). Также в фоминских погребениях находились таштыкские пряжки, виды орнаментации, указывающие на связь с таштыкской культурой, ярусные железные наконечники, распространившиеся в 1-й пол. I тыс. н.э. в том числе в булан-кобинской, кокэльской культурах, свидетельствующие об имевших место заимствованиях (Ширин, 2003, с. 68, 142).

Сведений по предметам из поселений и городищ именно переходного (фоминско-одиноцкого) периода (III–IV вв. н.э.) недостаточно для идентификации. Каменные зернотерки, терочники на исследованных памятниках не выявлены.

Состав предметного комплекса из майминских поселений соответствует интервалу II–IV вв. н.э., возможно — до начала V в. н.э., что предполагает некоторую разновременность поселений в рамках культуры.

В майминских поселениях (городищах) салаирской группы часть вещей характерна для хуннско-сяньбийско-жужаньского времени: накладки на луки, щётки, части от миниатюрных металлических котлов и чаш с кольцевыми ручками, трехлопастные наконечники стрел. Костяные черешковые наконечники отличаются от булан-кобинских, но близки кокэльским, а наконечники с раздвоенным насадом также близки булан-кобинским (Булан-Кобы-IV) (бело-бомовский этап), датируемым в интервале II в. н.э. — 1-й пол. IV в. н.э.

С этими памятниками близки прямоугольные рамчатые пряжки с подвижным язычком, но не найдены круглые рамчатые пряжки, наиболее характерные для фурнитуры хуннско-сяньбийских погребений (рис. 96.-22). Щетки и части миниатюризированных котлов и чаш, наконечники с раздвоенным насадом — самые ранние вещи комплекса — встречаются на сравниваемых памятниках и могут соответствовать времени II — 1-я пол. IV в. н.э. Хуннские накладки на лук характерны для хуннско-сяньбийско-жужаньского времени — до 1-й пол. V в. н.э., затем сменяются тюркскими. В течение этого периода концевые накладки в общем не меняются. Пинцеты, миниатюрные железные котлы и другая посуда могли быть доставлены в качестве общения теми, кто их имел, например, тувинскими кокэльскими племенами в период до III в. н.э. либо в ходе их инфильтрации в район Салаира и Кузнецкой котловины, последовавшей после карательных событий 2-й пол. II в. н.э., а также обменом через таштыкские связи населения Кузнецкой котловины этого же времени.

Форма майминских железных жатвенных ножей без черешка близка форме хуннских ножей Забайкалья, но с меньшей шириной; их форма также аналогична лезвийной части жатвенных ножей из тесинского Уйбатского клада. Только последние — черешковые. Кок-пашский нож и нож из Кудыргэ идентичны друг другу и ножу из средневекового слоя поселения Тыт-

кескень-3 (Кунгуров, 1994, рис. 4.-9) и отличаются от майминских тем, что они черешковые, дугообразной формы. Изменения морфотипа таких ножей могут привлекаться в качестве датирующего источника.

Наиболее поздний предмет из всего комплекса — Т-образная костяная пряжка с орнаментом, найденная в поселении Майма-1, аналогичная таким тюркским пряжкам и орнаменту. Более поздние верхние даты поселения по сравнению с салаирскими майминскими материалами могут указать застежки пут и завязей. В общем их комплексе и в установленных точных датировках они могут относиться к претюркскому времени предположительно до V в. н.э.

Приводим сводную сравнительную таблицу встречаемости предметов, характерных только для поселений/городищ майминской культуры.

Таблица 7

Характерные для майминской культуры предметы

Майминская	Булан-ко-бинская /Кок-Эль// Кок-Паш	Фомин-ская-пере-ходн.	Одинцовская/ Тюр.вр.//кудырг.	Горн.-Алт. поселен.	Тесинск., Таштык. ран. пер.
Костяные нако- нечники (череш- ковые)	— /+/-	— — -Иные	+ /+//+	+ ?	+
Накл. на лук	+ /+ //+	— — —	- / -// -	+	+
Щетки, подвес.	+ / ? //-	— — — ?	- / -//-	+	+
Пряжки Т-обр.	+ /+?//?	— — -	+ /+//+	?	-
Жатвен. ножи	- /+//+	— — —	— /-?//+	+	+
Пинцеты	- /+//-	— — -	-?	-?	+
Витые цепочки	+ /+//+	+	+ /+//+	-?	+
Мин. котлы, — с ушками	- /+//-	— — -	— /— //—	-?	+
Пряж. рамч.'	+ /+//+	— — —	+ /+//+	-	+

Знак ? обозначает возможность использования этих предметов.

4.3. Каменные орудия населения майминской культуры

На поселении Уилён-5 были обнаружены каменные предметы с признаками сработанности (81 экз.). В каждом жилище находились *зернотерки*: верхние (курантом) и нижние камни. Найдены они и за пределами жилищ, в пристройках на втором раскопе. Всего насчитывается 8 зернотерок и 6 курантов, а также обломки таких же орудий (28 шт.). Зернотерки большей частью были разломаны, возможно, под тяжестью техники, проезжавшей по дороге через поселение. Куранты в основном были сильно изношены и сломаны во время функционирования поселения. В жилищах зернотерки обычно лежали в районе деревянного настила или около очага.

Все зернотерки крупных размеров — от 50 до 70 см длиной, шириной от 20 до 30 см (рис. 76.1.-3). Глубина сработанности поверхности зернотерок колебалась от 0,9 до 4 см со средним показателем 1,6 см, глубина сработанности курантов — от 1,2 до 1,5 см со средним показателем 1,2 см. Некоторые экземпляры верхних и нижних камней были предельно изношены, в результате чего они сломались. Подтачивание рабочих поверхностей велось пикетажным (точеч-

ным) способом. На поверхности видны овальные лунки пикетажа диаметром до 0,3–0,5 см, нанесенные неглубоко и неравномерно. Центральная часть рабочей поверхности зернотерок подправлялась чаще, поэтому не подправлявшиеся края некоторых из них зашлифовались до блеска. Судя по форме лунок и рисок, а также найденным инструментам, пикетаж наносили углом отбойника, имеющим острый рубящий край.

Современные этнографические зернотерки до недавнего времени (90-е гг. XX в.) использовали кумандинцы для изготовления талкана из обжаренных зерен и для растирания трав и сухих ягод (черемухи) (Кунгурова, Назаров, 1999, с. 152–153), их поверхность «затачивают» или подбивают углом лезвия топора. По наблюдаемым у кумандинцев фактам, зернотерки в наше время используются нечасто, и углубление износа произошло еще во время жизни матери владелицы камня. Камни, по словам женщин, более всего стачивались в результате их подправки. Однако за период не менее 30 лет износ углубился на 2,5 см. Тяжелые камни при переходе на другое место не брали. Это означает, что при подсчете усредненной глубины износа орудий можно было проследить минимальную длительность функционирования поселка. Исходя из многочисленности полностью изработанных курантов и крупных зернотерок на Ушлэпе, поселок мог существовать от 10 лет до поколения.

На поселении найдены камни, использованные в качестве *терочников* (14 шт.) для истирания твердых, рыхлых, средне- и мелкодисперсных пород. Это гальки и плитки из скальной породы (рис. 76.1.-2, 3; 76.3.-4). В расчет взяты инструменты с хорошо выраженными признаками изношенности: рабочая поверхность стерта и выровнена, на ней видны поперечные борозды, заполированность.

Большая часть терочников встречена в основном во втором раскопе Ушлэпа-5: во втором помещении жилищного комплекса № 1, а также в районе ямы 4 в помещении № 1 жилищного комплекса № 3 и на производственных участках за пределами жилищ. Они находились на производственной площадке, прилегающей к комплексу с востока, между жилищными комплексами № 1 и № 2, в зоне распространения глиняных замесов, кварцевой крошки и вмазок глины и минеральной краски, дробленой дресвы из кварц-гранита, песчаника. Терочники обнаружены в раскопе 1 в северной части жилища № 2 среди камней и керамики. Полностью сохранившиеся терочники были размерами 30–38×20–30 см. Обломки и мелкие формы — размерами до 9–10×7–8 см.

Каменные *песты* (5 шт.). В качестве пестов применялись гальки, либо это были орудия, форма которых специально подготовлена пикетажной обивкой. Три орудия найдены в раскопе 1, во всех жилищах Ушлэпа-5. В жилище № 4 в районе дощатого настила в метре от зернотерки лежал длинный галечный пест размером до 30 см, рядом с ним находилась россыпь зерна.

Еще одна группа инструментов — мелкие галечные *отбойники* (их 16 шт.). Это небольшие, вмещающиеся в ладонь орудия из галек и галечных сколов, у которых сработаны выступы, углы, края: они забиты, стерты в результате оббивания и растирания минерального сырья. Их размеры — от 6–8×5–7 см, отдельные предметы расколоты, на поверхности одного отбойника видны царапины. Большая часть этих орудий найдена в районе производственных участков в раскопе 2 — около обжиговой ямы № 4 и глиняных замесов; в помещении № 2 жилищного комплекса № 1; в раскопе 1 в районе жилища № 1 и на его северном участке, связанном с керамическим производством (Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 99).

В жилищах поселения Ушлэп-5 встречены каменные инструменты, похожие на рубящие, с забитым рабочим краем. У одного из них сохранились остатки берестяной муфты-обертки

(рис. 75.-9). По краю инструментов отмечаются мелкие фасетки сколов, на кромке видна забитость от производимых ударов в качестве отбойников по твердому минералу.

Во всех раскопах обнаружены *точильные камни* (16 шт.) (рис. 76.2.-5, 6). Это одна из групп наиболее популярных орудий, использовавшихся на поселении. Обычно в качестве точильных камней применялись плитки песчаника, камней с зернистой структурой и сланец. Было также замечено, что в качестве точно-шлифовальных инструментов использовались нижние поверхности зернотерок. На поверхностях зернотерок можно видеть проточенные участки разной ширины, конфигурации и глубины. Например, прямые проточенные борозды шириной до 3–4 см оставлены при заточке прямого плоского изделия. В качестве точильных камней использовались обломки сломанных курантов. Можно видеть также заполированные участки, образовавшиеся в результате выравнивания плоских поверхностей крупных предметов. На плите величиной 27,2×20,8 см сильно сточена поверхность. Встречен один обломок плиты с заполированной до блеска поверхностью. Для заточки металла использовались небольшие брусковые точильные камни удлиненных пропорций: 10–13×1,5–3 см. Часто в качестве брусков применялись гальки и цельные бруски песчаника либо расколотые повдоль гальки. На одной сланцевой плитке видны узкие прямые борозды.

На поселении *Майма-1* найдено большое количество каменных орудий. Всего 153 изделия с признаками использования. Значительную долю составляют *песты* и *терочники* из галек (рис. 77.1.-1, 3; 77.4.-1, 5, 6), использованные для дробления и растирания мелко- и среднечастичных пород (глины, минералов, шамота), всего 42 экз. (рис. 77.1.-2; 77.3.-7), и грубочастичного сырья (кварца, руды) — 10 экз.

Выделяются определенные группы предметов, близких по величине и форме. Это длинные, округлые в сечении галечные песты с забитыми концами и признаками поперечной затертости от 18 до 22 см, средней длиной от 12 до 15 см, уплощенные, с аналогичным износом, и прочие гальки. Большинство этих орудий хорошо изношены в результате дробления и растирания минерального сырья. В заполнении бороздок царапин двух орудий сохранилась краска — охра. От дробления и растирания грубого сырья рабочая поверхность инструментов стерлась, сгладилась, в отдельных случаях стала вогнутой, приобрела огранку, а царапины, распространенные по всей поверхности, имели четкие края. На краях рабочих плоскостей пестов выражена замятость и пришлифована поверхность. На ней видны широкие царапины и деформационные желобки, огранка распространилась с плоскости на прилегающие стороны орудия. В большинстве случаев боковые плоскости и концевые-краевые участки галек были сработаны. Длина и форма заготовок позволяла комфортно использовать их как куранты для истирания зерновых культур.

Из орудий выделяется группа, применявшаяся в гончарном производстве для растирания глины до мелкой пылевидной массы. Среди них преобладают песты и терочники, на рабочих поверхностях которых образовались следы как от истирания и разбивания камней почвы, так и от растирания пылеватой массы. Похожий набор признаков на инструментах оставляет перетирание шамота, используемого для добавки в керамическое тесто. Эти признаки отличаются от следов изношенности, полученных в результате дробления и мельчения, растирания фракций гранитной дресвы и руды. Однако, как показывают этнографические примеры, одни и те же орудия могли использоваться при переработке разных продуктов, например зерна, черемухи, сушеных плодов. То же самое относится и к терочникам для мельчения минералов.

Близкую степень деформации поверхности к описанным орудиям имеют орудия, использовавшиеся для обработки камня (6 экз.). Это отбойники для пикетажной обработки поверх-

ности каменных изделий. Большое количество пестов, отбойников обнаружено на поселении Майма-1 (рис. 77). На Майме-1 одно орудие использовалось как пест и отбойник для дробления рыхлого материала породы (рис. 77.1.-2; 77.4.-1). В свою очередь, наличие отбойников и само пикетажное оформление изделий свидетельствуют о распространенном приеме пикетажа в обработке камня (рис. 77.3.-4–8). С помощью точечной обивки поверхности осуществлялась формообразующая доводка рабочих поверхностей терочников, зернотерок и пестов.

23 изделия коллекции отнесены нами к орудиям *обработки металлических изделий*. Прежде всего это камни для заточки, подправки поверхности изделий. Производимые с их помощью операции неоднородны. Среди них можно выделить выравнивание краев изделий, подтачивание лезвий, удаление неровностей и каверн с помощью шлифовки, полировки после прокаливания изделий, проковки. Как правило, точильные камни объединяют в себе по несколько функций одновременно (рис. 77.1.-4; 77.2.-4; 77.4.-2–4). Монофункциональными оказались лишь молоточки и наковальня для проковки и отдельные галечные и плитчатые орудия для активной шлифовки. Как правило, орудия сильно сработаны. На них невооруженным глазом видны локализованные пучки царапин, пропилов и борозд. Профиль активных плоскостей скошен, искривлен, вогнут. Для доводки поверхностей с помощью активной шлифовки применялись удлиненные уплощенные гальки с плотной (вязкой) структурой камня.

На поселении найдено 20 орудий, относящихся к переработке продуктов земледелия, в основном это *куранты* (13 шт.) и *зернотерки* (рис. 76.4; 7.1.-5; 77.2.-1, 2; 77.3.-14, 15). Зернотерки изготовлены из крупных плит. Их размеры варьируются от 50×24 до 60×20 см. Куранты — верхние камни, которые претерпевают наиболее сильное воздействие, приводящее к стиранию поверхности, в результате чего истончаются и ломаются. На поселении найдены расколотые части курантов и зернотерок. Поверхности плит зернотерок периодически подбивались с целью усиления рифлености, так называемой заточке. Зернотерки были изготовлены методами оббивки, пикетажа, шлифовки. Часто камни зернотерок использовали как наковальни, как точильные камни для крупных изделий. На них можно видеть проточенные широкие и узкие, иногда глубокие борозды, заметные царапины и выемки.

На Майме-1 хорошо представлены орудия для *обработки кожи* (20 шт.). В основном это орудия, изготовленные из костей, и они были охарактеризованы в числе костяных предметов. К этому же набору инструментов следует добавить выявленные по микропризнакам изношенности скребки из каменных отщепов (3 шт.) (рис. 77.3.-3, 9), использованные при мездрении кожи; лощила из плоских галек округлой и овальной формы. Все орудия имеют хорошо выраженный характерный износ рабочих краев и прилегающих поверхностей.

На городище *Усть-Иша-3а* найдено 36 костей животных, в том числе альчики, зубы, обломки трубчатых костей, лопатка; 55 обломков камня и отщепов; 36 каменных орудий либо их обломков. Признаки использования в качестве орудий определены на 26 предметах, в основном это речные гальки. Выявлено 14 терочников для растирания грубчастичной и среднedisперсной породы; 3 отбойника, из которых один использовался и как терочник; 6 пестов-дробильников для дробления и мельчения грубой породы с добавочными признаками растирания каменной крошки (рис. 78; 79.-1). Найдены камни, применявшиеся для заточки металлических инструментов.

На прочих поселениях: *Курлан, Сайлан, Черемшанка, Урлу-Аспак-1* — найдены зернотерки и куранты и их обломки (Скопинцева, 1993, с. 62; Акимова, 2008, с. 38).

По опубликованным данным, на городищах правобережной Катунь Нижний Чепеш-3 и Нижний Чепеш-4 не встречено орудий земледелия: серповидных ножей, зернотерок, не рас-

пространены терочники и песты. Возможно, получено недостаточно материалов, для того чтобы констатировать отсутствие земледелия. Среди материалов Улалушки, Кызыл-Озек-2, Чепош-2, Тыткескен-3, Куротинский Лог-1, Кучерла-1, Кастахта-3 были обнаружены зернотерки либо куранты зернотерок. Им сопутствовали ямы-хранилища на Кастахте-3, серповидный нож на Тыткескене-3.

5. Хозяйство населения майминской культуры

В результате исследования комплекса материалов Ушлөп-5 четко выделяется земледелие как один из основных видов жизнеобеспечения.

Зерновые продукты занимали одно из ведущих мест в рационе питания населения. В ямах-погребах и в трех жилищах найдены остатки зерна. В ямах-погребах хранились органические продукты, в том числе зерно, стояли горшки, блюда, сохранились остатки бересты и дерева. В одной из ям насчитывается от четырех до пяти крупных горшков вместимостью от 7 до 20 литров и по два-три мелких горшка или кувшина вместимостью по 0,5–1 литру, одно-два блюда (чаши). Крупные сосуды вмещали черную однородную массу органики. Зерно сохранилось как в горшках, так и вне их. По дну ям прослеживались древесные угли и остатки сгоревших плах, тонких ветвей, притом что на остатках сосудов в ямах нагар отсутствовал. Периодическое прожигание ветвей в ямах-погребах производилось в целях обезвреживания от мышей и прочих неблагоприятных для хранения продуктов факторов. Подобная защитная профилактика в земляных хранилищах применяется и в наши дни. Жатвенные железные ножи и наконечники сошников (тесла) также являются свидетельством земледелия, относятся к орудиям мотыжного земледелия. Однако на поселениях их найдено очень мало, и вполне возможно, что использовались деревянные инструменты.

Наглядно бытовые условия демонстрируют остатки предметов и органики в помещениях, где также находятся рассыпанные у очага зерна, зерна вокруг зернотерок и в горшках.

На дощатых настилах, в области которых найдены обрывки бересты, проходила основная жизнь людей, оставивших предметы занятий: прясла от веретен, зернотерки и посуду, терочники и песты. В жилищах Ушлөп-5 найдено пять пряслиц, три жатвенных железных ножа вогнутой формы, железный крюк, изделия из трубчатых костей (флейта), бруски для подтачивания металлических изделий, комки глиняного замеса, краска и дресва.

На Майме-1 занятие земледелием подтверждает роговой наконечник сошника либо мотыги-корнекопалки и зернотерки в наборе с курантами. Корнекопалки окуп использовались кумандинцами (Потапов, 1935, рис. 22). На поселении обрабатывались шкуры и кожи животных, о чем свидетельствуют костяные и каменные скорняжные орудия. На всех без исключения поселениях встречены керамические пряслица для веретен (в Майме-1 — 6 шт., несколько пряслиц из Усть-Иши-3а) и подобные диски без отверстий (2 шт.). Набор этих инструментов позволяет говорить о прядении и ткачестве.

На Майме-1 четкого распределения орудий в жилом пространстве и функций участков не наблюдается, как это мы видели на поселении Ушлөп-5. Здесь нет аналогичных ушлепским глубоких ям-хранилищ для продуктов, ям для обжига керамики. Однако прослежены остатки зерна. В Усть-Ише-3а, в Урлу-Аспак-1 и прочих майминских поселениях найдены обломки зернотерок, каменных терочников, встречены ямы-хранилища, аналогичные ушлепским. Даже хронологически в более поздних поселениях тюркского времени и в предшествующий майминскому период такие ямы-хранилища использовались.

Ямы, но отличающиеся от майминских-салаирских, обнаружены на катунских поселениях Горный-3, Кастахта-3, Чепош-2. Наиболее близки ямы-хранилища в поселении раннего железного века Солонцы-2 в левобережье Бии. О распространении земледелия в Горном Алтае опубликованы работы, в которых рассматриваются факты, подтверждающие земледелие в черноземных увлажненных местах. Исследованиями выяснено, что в Центральном Алтае суваки (каналы) вырыты в неперспективных для земледелия районах (Шульга, 2012; Вдовина, 2004; 2007) и, возможно, подпитывали пастбищные луга Горного Алтая, как это наблюдается в Хакасии. Что касается майминской культуры, земледелие у населения Салаира и предгорий бесспорно. Земледелию благоприятствуют мягкий увлажненный климат с продолжительными дождевыми периодами, насыщенные почвы с обильным травостоем. В период существования майминской культуры земледелие было довольно развито, о чем свидетельствуют орудия труда, остатки зерна не только в жилищах, сосудах, но и в ямах-хранилищах. Россыпи зерна ячменя и проса (Рябогина, Иванов, 2011, с. 103, 104), а также наконечники железных мотыг (и, возможно, лемехи) обнаружены на сrostкинских памятниках — городище Елбанка, могильнике Иня-1.

Керамический комплекс городища Елбанка близок майминской керамике, что предполагает преемственность выращивания одних и тех же злаковых культур. Однако в отличие от майминцев, носители сrostкинской культуры, вероятно, были знакомы с простейшим плугом, поэтому их земледелие можно трактовать как мотыжное и пашенное, тогда как майминское население занималось мотыжным земледелием (Абдулганеев, 1997б). Вместе с тем зернотерки на фоминских и одинцовских поселениях и городищах Бии и Верхней Оби не обнаружены — не нашли распространения вследствие иных приоритетов в жизнеобеспечении лесного населения.

В отличие от Ушлѣпа-5, в слое Маймы-1 сохранились кости животных, сочетающие домашнюю и дику фауну.

Таблица 8

Перечень видов фауны из поселения Майма-1,
по определениям А.В. Гальченко и В.И. Цалкина

Яма 19 27 н.к.о. ближе к крупным копытным 13 н.к.о. ближе к мелк. копытным КРС 18/1 Лошадь 16/1 Овца 19/1 Коза 9/1 Кулан 7/1 Косуля 29/1 Лиса 13/1 Лось 1/1 (А.В. Гальченко)	Из раскопок Кадикова КРС 7/1 МРС 1/1 Лошадь 5/1 Косуля 2/1 Бобр 1/1 (В.И. Цалкин)	Яма 46 КРС 7/1 Лошадь 3/1 Косуля 21/2 Яма 38 Лошадь 1/1 Коза 9/1 Лось 1/1 (А.В. Гальченко)
--	---	--

Состав видов фауны по костям из Маймы-1 определен А.В. Гальченко (по материалам раскопок М.Т. Абдулганеева) и В.И. Цалкиным (по материалам раскопок и сборов Б.Х. Кадикова). Представлены кости овцы (преимущественно), козы, крупного рогатого скота, лошади. По части костей крупного рогатого скота В.И. Цалкин диагностирует быка. Большинство костей А.В. Гальченко определяет как крупный рогатый скот, в числе которого бык, корова. Многочисленны и кости особей дикой фауны, в основном это косуля, встречены кости лоса, кулана, лисы, бобра. Косуля многие века на Алтае была основным объектом охоты. Кости од-

ной особи лисы могли быть свидетельством пушной добычи, но и обрядовой практики. К этому назначению животных в социуме относится и бобр.

Аналогичный состав видов животных представлен на поселениях раннего железного века и раннего Средневековья Горного Алтая (Катуни): Партизанская Катушка, Элекмонар-4, Аскат-2, Куротинский Лог-1, Кастахта-3 (Шульга, 2015, табл. 1.-5). Такой же состав стада поддерживали алтайцы.

В поселениях и городищах найдены остатки конской упряжи (псалии, подпружные пряжки, застежки и путлищные элементы). Как и в современном хозяйстве, население средневековых поселков содержало скот — коз, овец, крупных копытных, обслуживая его отгонной пастьбой, занималось земледелием и заготовкой зерновых (проса, ячменя), собирательством и охотой, рыболовством. На поселениях Солонцы-2, Ушлѐп-5 найдены железные ножи вогнутой формы для пучкового срезания стеблей. Они аналогичны жатвенным ножам и использовались в заготовке трав для зимней подкормки животных, а также сборе зерновых (Краснов, 1971, с. 68).

Такой же тип хозяйства существовал в этих местах у кумандинцев, шорцев как наиболее оптимальный при использовании сырьевой базы и природных условий. Еще в недавнем прошлом в каждом из бывших кумандинских поселков, расположенных в присалаирской долине Бии, находилась кузница, обслуживающая население, где велись перековка, ремонт, отливка металлических изделий (из наших бесед со старожилами и исследований БКМ (Б.Х. Кадиков) в нач. 1970-х и 1990-х гг. в с. Пильно, Красногорском, Фрунзе, Сайдып).

В каждом из исследованных средневековых поселений были найдены остатки бересты или берестяных изделий: полотна для простилиания кровли, жилья, покрытий. Шорцы и кумандинцы широко использовали бересту для изготовления посуды и обуви (туесов, обуток), у них были мастера по дереву и бересте. Некоторые ямы на поселении Ушлѐп-5 применялись как обжиговые. На месте поселка делали замес теста для керамики, смешивая глину с красителями, кварцевой крошкой гранита, лепили и обжигали керамику. В отжатых образцах на Ушлѐпе-5 мы видели глину белого, темно-красного цвета, куски гранита и крошку кварца. В замесе использовался местный суглинок, слагающий террасы.

Расположение поселков, в особенности это касается салаирской группы, было хорошо продумано и приспособлено к условиям климата и местным природным факторам. По жизни современных людей в ближайших поселках наблюдается забота о скоте, оберегаемом с помощью дымокуренов и выпаса в обдуваемых ветром местах на верхних террасах. Часто хлопоты доставляют медведи, заходящие в селения в поисках еды и лакомства. И эти посещения бывали по несколько раз в год, в особенности весной и осенью. Тогда медведи буквально разоряли поселки, ломая мелкие деревянные постройки, чаще при отсутствии хозяев. И ничего другого невозможно было придумать, кроме как обнести поселки высокой стеной, что и делали жители салаирских городищ и поселений, расположенных в тайге.

Единственным фактом, имеющим отношение к военным условиям и обороне, являются найденные в погребении на Ушлѐпе-5 железные наконечники стрел, какие обычно применялись в оснащении с костяными свистунками. В охотничьем промысле такие стрелы не использовались, и потому в большей мере на поселениях встречались костяные наконечники. Найденные на Ушлѐпе-5 ножи клинкового типа могли иметь охотничьи и оборонные функции. Наблюдаемые среди материалов поселений салаирской группы предметы более указывают на обменную опосредованную связь таштыкско-сяньбийского направления в III–IV вв. н.э., скорее, через восточные пути сообщения с Тувой и Хакасией через долину р. Абакан.

VI. ДАТИРОВКИ ПОСЕЛЕНИЙ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СОСЕДНИХ КОМПЛЕКСОВ

Рассмотренные предметы материальной культуры из поселений и городищ майминской культуры позволяют датировать памятники 1-й пол. I тыс. н.э. в пределах II–V вв. н.э. Этой же точки зрения придерживаются авторы первоначальной публикации материалов из поселений (Кунгуров, Горбунов, 1993; Абдулганеев, 1993; Абдулганеев и др., 1995). Костяные и железные изделия находят аналогии в культурах 1-й пол. I тыс. н.э. — кокэльской, булан-кобинской, кок-пашской, хуннских памятников Северной Монголии и Забайкалья, тесинских и таштыкских. Формы и элементы орнамента керамики близки материалам бийского фоминского комплекса, содержащего своеобразное сочетание в одних объектах фоминских и одиноцких признаков.

Получена серия точных дат образцов (угля и кости) из майминских поселений и городищ.

Таблица 9

Номер пробы		Объект	Проба	Дата	Возраст	Век
1	СОАН-2995	Ушлѐп-5	Уголь	1495±25	455±25	V в. н.э.
2	СОАН-3201	Ушлѐп-5	Уголь	1785±25	165±25	II в. н.э.
3	СОАН-3202	Ушлѐп-5	Уголь	1800±25	150±20	II в. н.э.
4	СОАН-3203	Ушлѐп-5	Уголь	2000±50	50±50	I в. н.э.
5	СОАН-3204	Ушлѐп-5	Уголь	1890±25	60±25	I в. н.э.
6	Ле-11653	Сайлап	Кость	1260±115	590±115	VI в. н.э.
7	Ле-11654	Курлап	Кость	1580±60	370±60	IV в. н.э.
8	Ле-11655	Курлап	Кость	1150±220	800±220	VI в. н.э.
9	NskA-01577	Майма-1	Кость	1047±128	903±128	VIII в. н.э.
10	NskA-01576	Майма-1	Кость	1371±86	579±86	V в. н.э.

Датирование 1–5 проб угля из поселения Ушлѐп-5 было подготовлено в лаборатории стратиграфии и палеоклиматологии кайнозоя (лаборатории четвертичной геологии) Института геологии и минералогии СО РАН Л.А. Орловой в 1992 г. и в 1994 г. из образцов, взятых в: 1. Жилище № 1; 2. Яма обжиговая, раскоп 1; 3. Жилище № 2, очаг, раскоп 1; 4. Жилище № 2, деревянная рама, раскоп 2; 5. Раскоп № 2, ж.к. № 3 обгорелое бревно рядом с ямой 4. Определение возраста проводилось по углю с достаточной очисткой и измерением остаточной активности радиоуглерода на двуканальной радиоуглеродной установке по бензолно-сцинтилляционному варианту и показало корректное расхождение дат для одного периода II–V вв. с наибольшим преобладанием I–II вв. н.э. Датирование образцов 6–8 сделано в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН в 2017 г. и показало результаты датировок в диапазоне IV–VI вв. н.э. При калибровочном разбросе дат принято уменьшенное значение поправки.

Датировки образцов 9, 10 выполнены в отделе геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН, Институте ядерной физики методом определения концентрации радиоуглерода на комплексе ускорительного масс-спектрометра с предварительной химической обработкой. Для расчета возраста использован период полураспада ^{14}C , равный 5568 годам. Дата 9 была откалибрована с помощью программы Calib со следующим результатом:

NskA-01577 Radiocarbon Age 1047 ± 128

One Sigma Ranges: [start:end] relative area

[cal AD 875: cal AD 1155] 0.97955

Two Sigma Ranges: [start:end] relative area

[cal AD 761: cal AD 1222] 0.954313

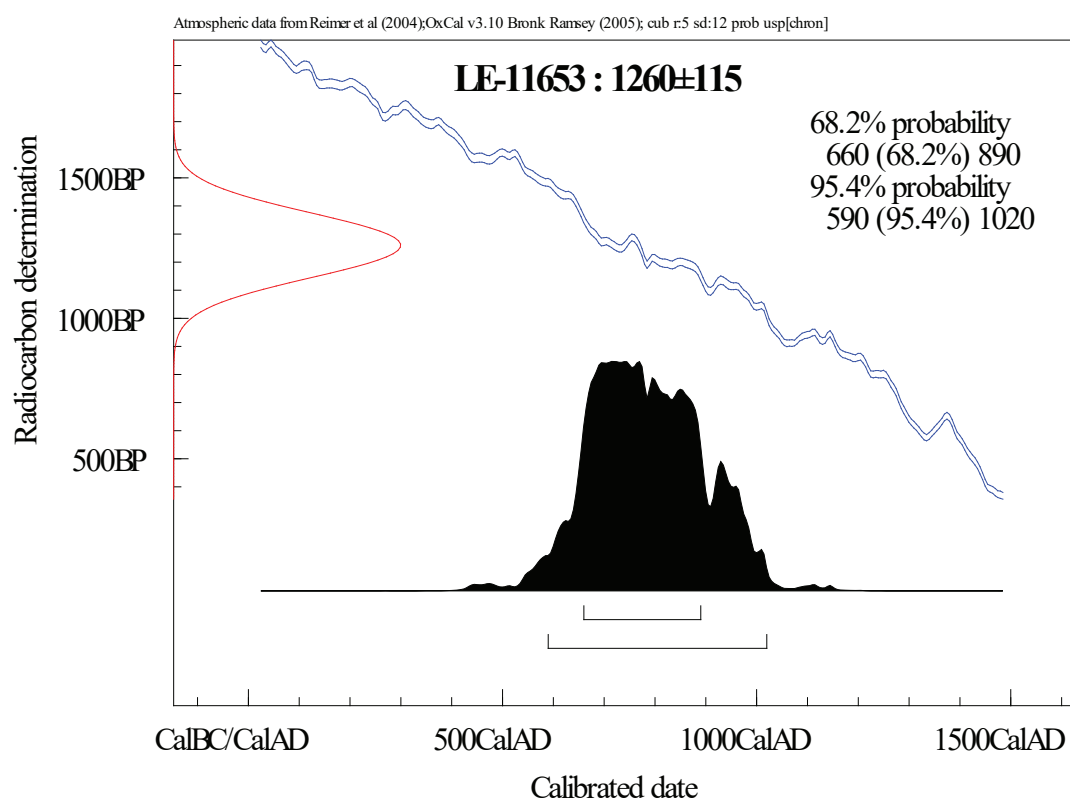

Рис. 1. Ле-11653. Обр. 1, Алтайский край, городище Сайлап, кость

Усредненный диапазон дат майминских поселений охватывает период II–V вв. н.э. в 1-й пол. I тыс. н.э. При этом на катунском поселении Майма-1 даты представляются несколько моложе салаирских. При самом близком соотношении элементов сходства в керамике салаирской группы датировка поселений различается, показывая самую раннюю дату для Ушлёпа-5. Она не согласуется с более поздней археологической датировкой железных предметов. Это дает возможность остановиться на усредненных датах в пределах III–IV вв. н.э. для салаирских материалов и крайней дате V в. н.э. для катунских (Майма-1). Однако нельзя не учитывать того, что датировка Маймы-1 сделана по двум образцам, но она не расходится с археологическим датированием материалов, доходящим до тюркских параллелей.

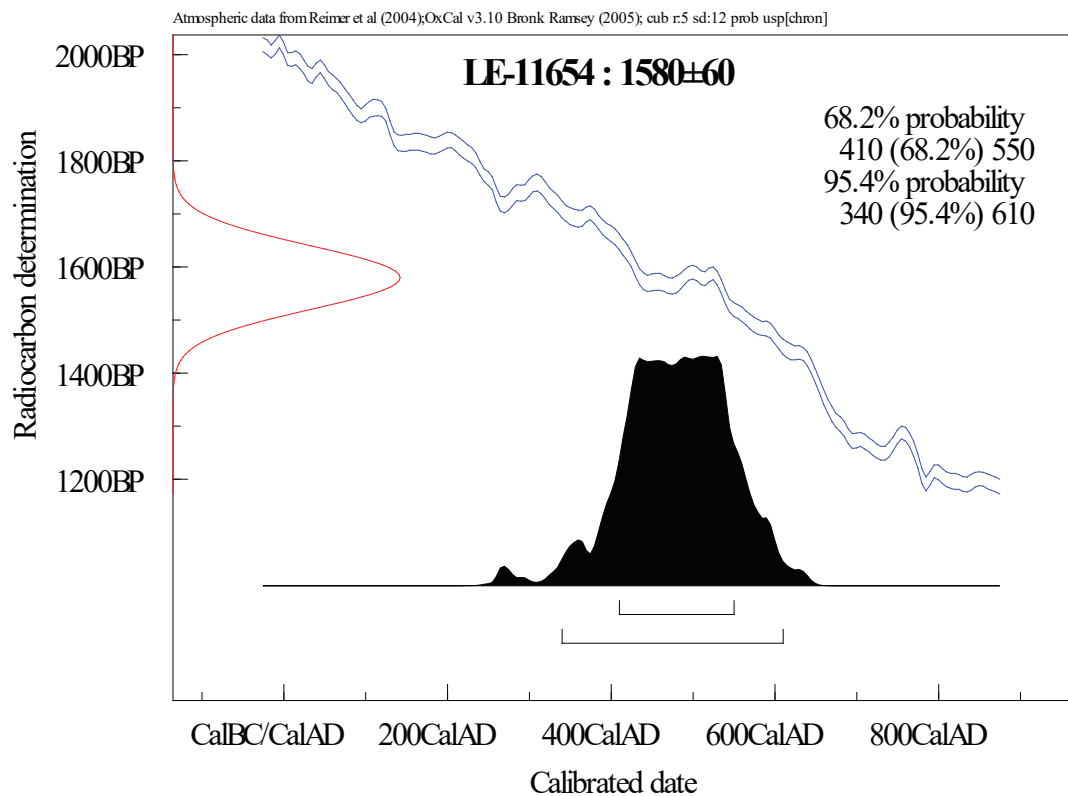

Рис. 2. Ле-11654. Обр. 2, Алтайский край, городище Курлан, кость

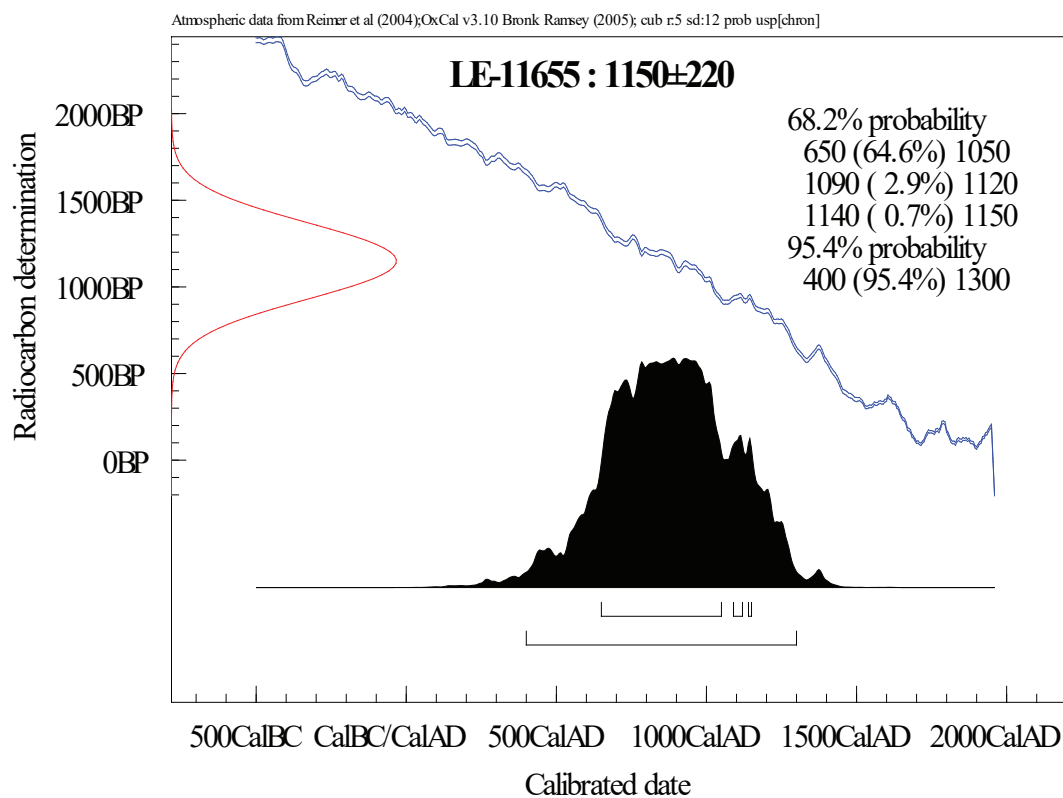

Рис. 3. Ле-11655. Обр. 3, Алтайский край, городище Курлан, кость

Для сравнения с датировками поселений соседей майминских памятников обратимся к опубликованным датам.

Таблица 10

Номер пробы		Объект	Проба	Дата	Возраст	Век
1	СОАН-2848	Сошниково-1	Уголь	1435±20	515±20	VI в. н.э.
2	СОАН-2997	Сошниково-1	Уголь	1640±25	310±25	IV в. н.э.
3	СОАН-2850	Мал.Иткуль-1	Уголь	1690±25	260±25	III в. н.э.
4	СОАН-2996	Городище-3 Иткуль	Уголь	1625±20	325±20	IV в.н.э.
5	СОАН-7852	Н. Чепош-4	Уголь	1940±60		I в. н.э.
6	СОАН -7855	Н.Чепош-4	Почва	1940±40		I в. н.э.
7	СОАН-7860	Н.Чепош-3	Почва	1820±80		I–II вв. н.э.
8	СОАН-7861	Н.Чепош-3	Уголь	1790±45		II в. н.э.
9	Ле-9435	Степушка-1	Кость	1560±80		IV в. н.э.
10	Ле-9438	Степушка-1	Кость	1630±80		IVв. н.э.
11	Ле-9438	Степушка-1	Кость	1790±100		II–III вв.
12	Ле-9437	Степушка-1	Кость	1500±75		IV–V вв.

Примечания:

1–4 — пробы из городищ озера Иткуль (Казаков, 1998, с. 195; Абдулганеев, 2001, с. 107);

5–8 — пробы из городищ Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4 (Соёнов и др., 2011, приложение 3, с. 82–86; Соёнов и др., 2016, с. 143–146);

9–12 — пробы из могильника Степушка-1 (Тишкин, Матрёнин, 2013б, с. 148–152).

Для катунских памятников использованы наиболее близкие эпохе даты.

Таким образом, даты иткульских городищ по материалам, соответствующим бийским городищам, определяющиеся в пределах III–IV вв. н.э. (фоминский этап), помещают их в один диапазон с салаирской группой майминских памятников. Вместе с тем датировки булан-кобинских погребений (этапов культуры во времени II — 1-й пол. V в. н.э.) и майминских поселений салаирской группы и Маймы-1, катунских городищ также свидетельствуют о сосуществовании групп населения.

ОБЩИЕ ВЫВОодЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящий момент поселения укрепленного и неукрепленного типов с майминской керамикой или с характерными ее особенностями насчитывают до 40 единиц. Территория майминской культуры распространяется вдоль предгорной зоны восточного Салаира и катунских предгорий и низкогорий с обширными лесными пространствами. Майминское население пришло в эту область и распространилось на юг в результате переселения одной из самодийских групп, вобравших в себя смещенные орнаменты, присутствующие в фоминской и одинцовской культурах, воспринявшие опосредованные тюркские и хуннско-сяньбийские культурные инновации. Организация поселков и устройство домов в салаирской группе резко отличается от фоминских бийских городищ. В майминской культуре прослеживаются элементы местного субстрата, заимствованного в предгорной бийско-катунской зоне (в большей мере — из быстринской культуры) (Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 68–69), и за счет влияния со стороны сяньбийских (булан-кобинской) культур.

При общем анализе майминских памятников и их материалов выявлено две группы: салаирская и катунская, в материальной культуре которых отразились культуuroобразующие основы и преобладающие включения. Территория, занимаемая салаирской группой, охватила таежную область правобережья Бии и левобережья долины Нени вплоть до русла Бии. Катунская группа освоила природные условия предгорий долины Катунь. Населением оставлены долговременные поселения со своеобразной архитектурой поселков и структурой жилья, объектов хозяйства. Хозяйство, основанное на земледелии, придомном скотоводстве, охоте и собирательстве, обеспечивало многолетнее пребывание на одном месте. Важный аспект в жизни населения занимал окружающий ландшафт с площадками размещения самого поселка, принципами террасирования и использования розы ветров, природными ресурсами с благоприятными почвами и лесами.

Состоятельность майминских групп подтверждает в первую очередь анализ керамики, предметов и датировки. По преобладающим датировкам и вещественным материалам салаирские памятники относятся к III–IV вв. н.э., катунские — разновременные, в пределах II–V вв. н.э. При этом катунская группа представляет собой довольно сложный конгломерат. В нем наблюдается ослабление майминских культурных особенностей к югу — в горном массиве, объясняющееся доминированием булан-кобинской культуры. Нельзя четко определить границу между территориями, занимаемыми населением Горного Алтая и населением с археологическими признаками майминской культуры, между ними не выделяется нейтральной зоны. Из-за лояльного сосуществования населения майминской культуры и населения Горного Алтая, использовавших булан-кобинские предметы, образовалась своеобразная культурная неоднородность: на одних поселениях более выражены в керамике майминские признаки (орнаментация с использованием самодийских мотивов), на других присутствует практически неорнаментированная керамика, с обедненным орнаментом. В салаирской группе представлена наиболее богатая палитра орнаментальных сюжетов, распространенных в керамике тимирязевского этапа.

В предметах обеих майминских групп, вплоть до верховий Маймы, выделяются признаки культурного сяньбийского направления, идентичного булан-кобинской культуре. При этом

сложно выявить принадлежность всех поселений Горного Алтая булан-кобинской культуре, поскольку погребальный инвентарь с отсутствием керамики включает в себя лишь функционально концентрированную часть предметов материальной культуры, встречаемую на поселениях лишь в виде отдельных образцов и фрагментов.

В катунской группе в долине рек Иша и Майма с притоками находится наибольшее количество поселений с майминской и подобной ей горновской керамикой. Вместе с тем на территории долины Иши отмечено более позднее сосредоточение памятников, связанных с тюркским этносом, внутри которых используется керамика (горновский тип) с несколько преобразованными майминскими мотивами орнаментации. В это время на территории к югу от Бии, в ее левобережье, включая долину Иши, появляются поселения, отдельные курганные погребения (КМ Солонцы-4, Балыкса) и могильники (Горный-10) тюркского времени (VI–VIII вв. н.э.). Предположительно с такой же обстановкой связано городище Усть-Иша-3а, в котором жилища имеют уступ, как на поздних бийских городищах (Фоминское, 7-й км Чуйского тракта, Енисейское-17), и близка архитектура поселков. В горновской керамике наблюдаются деградация майминского декора, обеднение и появление комбинаций, встречающихся в Новозыково-3, из которого получены предметы тюркского времени.

Салаирская майминская группа представляла собой единую территорию, простиравшуюся с севера на юг почти от левобережья долины Чумыша (точно не ясно) до Бии, вдоль восточного борта Салаира. Она отделялась от страны фоминских бийских городищ широким, до 30 км, нейтральным ненинским коридором. На орнаментальных традициях салаирской группы отразилась основа формирования культуры, включившая идею орнаментации и символику угро-самодийской общности, близкую фоминской, с признаками одинцовской. Майминская культура так же, как и фоминская на Бию, была привнесена в район восточного Салаира в уже вполне сформированном виде. Здесь в большей мере не наблюдается совмещения разных технических навыков, за исключением отдельных видов посуды с одинцовскими признаками. Эта же тенденция видна в материалах одновременных бийских городищ.

В целом декор уже сочетал сублимированные фоминские, в совокупности с одинцовскими, элементы и свойства. Предметы, обнаруженные на поселениях и городищах салаирской группы, встречаются в период II–V вв., в большей мере соответствуют периоду III — 1-й пол. IV в. н.э., встречаются в совпадающих по времени булан-кобинских, кокэльских, кок-пашских, тесинских и раннеташтыкских погребениях, в том числе — в Шестаковских таштыкских склепах. В поселении Ушлѐп-5 найдены предметы (пинцеты, обломки металлической посуды), связанные с синьцзяньским импортом, распространенным в пределах III — 1-й пол. IV в. н.э. Некоторые виды вещей (наконечники стрел с раздвоенным насадом, накладки на лук, косметические щеточки, прямоугольные рамчатые пряжки с подвижным язычком, короткие витые цепочки для ножей) аналогичны таковым из булан-кобинских погребений периода II–IV вв. н.э., использовались до начала V в. н.э.

Таким образом, датировки и периоды существования майминской культуры, бийских городищ и булан-кобинской культуры совпадают, и мы можем наблюдать на археологических материалах систему взаимосвязи групп населения на сравнительно небольшой территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. до н.э. — сер. I тыс. н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992а. С. 59–63.

Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992б. С. 52–53.

Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 3–5.

Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997а. Вып. 2. С. 53–61.

Абдулганеев М.Т. О наличии земледелия у населения лесостепного и предгорного Алтая в эпоху железа // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 138–141.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 165–171.

Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001а. С. 103–110.

Абдулганеев М.Т. Раскопки в предгорном и лесостепном Алтае // Археологические открытия 2000 г. М., 2001б. С. 193, 196.

Абдулганеев М.Т. Археологические раскопки в предгорьях Алтая // Археологические открытия 2001 г. М., 2002. С. 376–377.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VII–II вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 64–67.

Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 104–108.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачёв Д.А., Скопинцева Г.В. Раскопки и разведки в северных предгорьях Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 129–133.

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П. Картографирование археологических памятников Красногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 157–162.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001а. Т. VII. С. 216–219.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Раскопки у пос. Горный на Северном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 220–223.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.И. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001б. Вып. XII. С. 93–97.

Акимова (Вдовина) Т.А. Поселение Урлу-Аспак в Майминском районе Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 37–42.

Алексанов О.Г. Керамический комплекс поселения Ушлѐп-5 // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. в XXXV РАЭСК. Кемерово, 1995. С. 97–99.

Алѐхин Ю.П., Гельмелъ Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая : тез. докл. Барнаул, 1991. С. 94–96.

Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2014. 230 с.

Атлас. Алтайский край. М. ; Барнаул, 1980. Т. 1, 2. 236 с.

Барина Е.Б. Влияние культуры Китая на процессы инкультуризации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М., 2011. 450 с.

Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. 244 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003. 224 с.

Бобров В.В., Боброва Л.Ю., Савельева А.С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 01 (17). С. 104–122.

Вадецкая Ю.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б. Модели оружия таштыкской эпохи // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 67–75.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.

Ванштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца тыс. до н.э. — первых веков н.э. // Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960 : т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М. ; Л., 1966. С. 185–291.

Васютин А.С. Некоторые вопросы изучения одинцовского времени Верхнего Приобья // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 153–155.

Васютин А.С. Погребальные сооружения Восточного Алтая эпохи Великого переселения народов (типология и интерпретация) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 179–183.

Васютин А.С., Елин В.Н. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 35–39.

- Васютин А.С., Елин В.Н.** О хронологических границах кок-пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 85–90.
- Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н.** Археологические исследования в Восточном Алтае // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 99–101.
- Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А.** Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 29–50.
- Вдовина Т.А.** Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 г. // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 116–131.
- Вдовина Т.А.** Методические аспекты археологического изучения остатков ирригационных сооружений Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 144–153.
- Вербицкий В.И.** Алтайские инородцы. М., 1893. 221 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В.В.** Грунтовый могильник с обрядом кремации (Троицкий Елбан-1) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.
- Глоба Г.Д.** Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.
- Григорьев Е.В., Казаков А.А.** Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). Барнаул, 2018. 230 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 228 с.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. Т. 1 : Иволгинское городище (Археологические памятники сюнну. Вып. 1). СПб., 1995. 97 с. + 188 табл.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. : Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с.
- Давыдова А.В., Шилов В.П.** К вопросу о земледелии у гуннов // Вестник древней истории. М., 1953. Вып. 2. С. 193–201.
- Елин В.Н., Васютин А.С.** Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984. С. 35–39.
- Елин В.Н.** Кок-пашский тип памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 153–155.
- Елин В.Н.** О формировании населения гунно-сарматского времени на Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул, 1994. С. 132–134.
- Занин Г. В.** Геоморфология Алтайского края // Природное районирование Алтайского края: труды комплексной экспедиции по землям нового освоения. М., 1958. С. 62–98.

- Илюшин А.М.** К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации на стороне конца I тыс. н. э. в лесостепной зоне Западной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: по данным археологии. Омск, 1992. С. 52–56.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.** Могильник Сапогово — памятник тюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 128 с.
- Илюшин А.М.** Верхнеобская культурная общность: по материалам Кузнецкой котловины // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 74–77.
- Илюшин А.М.** Костяные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 32 (170). Вып. 35. С. 21–28.
- Исупов С.Ю.** Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999. 152 с.
- Казаков А.А., Дёмин М.А.** Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 70–71.
- Казаков А.А.** Поселение Сайлапский Взвоз // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 150–153.
- Казаков А.А.** Городище Сошниково-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 192–205.
- Казаков А.А., Кунгуров А.Л.** Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 219–231.
- Киреев С.М.** Поселение Майма-I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.
- Киреев С.М.** Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 161–182.
- Киреев С.М.** Поселение Черемшанка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая : тез. докл. и сообщен. к конф. Барнаул, 1991. С. 84–89.
- Киреев С.М.** Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 135–139.
- Киселёв С.В.** Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с. с илл.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
- Коновалов П.Б.** Хунну Забайкалья. Улан-Удэ, 1976. 248 с.
- Краснов Ю.А.** Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе восточной Европы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1971. № 174. 166 с.
- Кубарев В.Д.** К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана 1 памятника Туэкта (Горный Алтай) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 65.
- Кубарев В.Д., Журавлёва А.Д.** Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 101–119.
- Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М.** Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // АО, 1978. М., С. 238.

- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В.** Средневековое поселение Ушлѣп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 99–107.
- Кунгуров А.Л.** Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.
- Кунгурова Н.Ю.** Проблема городищ в районе г. Бийска // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 43–46.
- Кунгурова Н.Ю.** Древнейшее прошлое района // Бийский район: история и современность. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 6–40.
- Кунгурова Н.Ю.** Городища Бии и верховьев Оби // Древности Сибири и Центральной Азии. 2018. № 9 (21). С. 41–61.
- Кунгурова Н.Ю., Назаров И.И.** Материальная культура кумандинцев как объект историко-культурного наследия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 151–158.
- Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В.** Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2013. Т. 54. № 2. С. 126–136.
- Кызласов И.Л.** Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // СА. 1985. № 1. С. 108–114.
- Кызласов И.Л.** Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. № 1–2 (13–14). С. 95–130.
- Малолетко А.М.** Палеогеография Предалтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск, 1972. 230 с.
- Мамадаков Ю.Т.** О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул, 1994. С. 129–132.
- Мамадаков Ю.Т.** Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
- Мамадаков Ю.Т.** Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–191.
- Мартынов А.И.** Хронология и периодизация памятников лесостепной тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 3–29.
- Матрёнин С.С.** Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. — V в. н.э.) : Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 23 с.
- Миняев С.С.** Дырестуйский могильник. СПб., 2007. 233 с.
- Могильников В.А.** Формирование коренного населения Тюменского Обь-Иртышья // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. 2002. С. 81–97.
- Назаров И.И.** Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 125–180.
- Николаев Н.Н.** К вопросу о реконструкции социальных отношений племен Саяно-Алтая в претюркское время // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 1. С. 83.

- Николаев Н.Н.** Планиграфия могильника Бай-Даг II // Степи Евразии в древности и Средневековье. Кн. I : матер. конф. СПб., 2003. С. 260–263.
- Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.
- Панычев, В.А.** Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. Новосибирск, 1979. 103 с.
- Потапов Л.П.** Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 22–57.
- Радлов В.В.** Из Сибири. Страницы дневника. М., 1987. С. 9.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. ; Л., 1962. 206 с.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.** Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоботанические методы и анализ фактов // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. Т. 48. № 4. С. 96–106.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г.** Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 144–146.
- Савинов Д.Г.** Проблема хронологии кокзельской культуры в историческом аспекте // Проблемы истории России. Вып. 5 : На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003. С. 49–59.
- Савинов Д.Г.** Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 224 с.
- Сатлаев Ф.А.** Кумандинцы: историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в. Горно-Алтайск, 1974. С. 60; 109–110.
- Сатлаев Ф.А.** К вопросу о развитии плужного земледелия в Горном Алтае (XIX — начало XX в.) // Ученые записки. Горно-Алтайск, 1974. Вып. 11. С. 82.
- Серёгин Н.Н., Матрёнин С.С.** Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. — XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул, 2014. 230 с.
- Скопинцева Г.В.** Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая (по материалам Сайлапского и Курлапского городищ) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 62–71.
- Славнин В.Д.** Типы жилищ кумандинцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 92–93.
- Соёнов В.И., Константинова Е.А.** Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015. 248 с.
- Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В.** К вопросу о датировке Манжерокского городища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVII–XIX. С. 238–246.
- Соёнов В.И., Константинов Н.А., Константинова Е.А.** Туалетные щеточки в памятниках майминской и булан-кобинской культур Алтая (первая половина I тыс. н.э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : матер. V Междунар. науч. конф. Ч. I. Кызыл, 2014. С. 118–122.

- Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В.** Чепошские городища. Горно-Алтайск, 2011. 228 с.
- Соёнов В.И., Эбель А.В.** Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.
- Соёнов В.И., Эбель А.В.** Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 113–135.
- Соёнов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В.** Некрополь Степушка-2 — памятник гунно-сарматского времени (Алтай) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 2. С. 539–545.
- Соёнов В.И., Соёнов Д.В., Константинов Н.А.** Древние городища Алтая. Горно-Алтайск, 2016. 244 с.
- Соёнов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В.** Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.
- Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т.** Раскопки на Северном Алтае // АО, 2002 г. М., 2003. С. 407–408.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время** // Население Западной Сибири и Забайкалья в скифо-сарматское время. М., 1992. 493 с.
- Тетерин Ю.В.** Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 131–135.
- Тишкин А.А.** Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А.** Предметы торевтики хуннского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 40–45.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Комплекс археологических памятников в долине р. Бийка (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.
- Тишкин А.А., Матрёнин С.С.** Поясные бляхи сяньбийско-жужаньского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. № 4/1 (80). С. 204–213.
- Тишкин А.А., Матрёнин С.С.** Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. № 1 (7). С. 147–153.
- Тишкин А.А., Матрёнин С.С.** Воинское погребение раннежужаньского времени на могильнике Степушка-1 в Центральном Алтае // КСИА. М., 2013. Вып. 231. С. 59–71.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 128 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С., Семьянов И.В.** Крохалёвка-13 — могильник верхнеобской культуры // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 225–242.
- Уманский А.П.** Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Вып. 4 : Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974 г. С. 136–149.

- Усова И.А.** Нижние головные уборы у населения усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры Алтая (по материалам памятника Яломан-II) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 127–128.
- Худяков Ю.С.** Археология Южной Сибири II в. до н.э. — V в. н.э. Новосибирск, 1993. 89 с.
- Худяков Ю.С.** Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998а. № 3. С. 97–112.
- Худяков Ю.С.** Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998б. С. 206–211.
- Худяков Ю.С.** Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. № 4. С. 162.
- Худяков Ю.С.** Сравнительный анализ оружия дистанционного боя древних кочевников хунно-сяньбийской эпохи в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. № 7 (19). С. 141–153.
- Чижишева Т.А., Поздняков Д.В.** К особенностям морфологии населения гунно-сарматского времени центральных и восточных районов Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 154–159.
- Чижишева Т.А., Поздняков Д.В.** Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 3. С. 116–131.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.
- Шульга П.И.** Раскопки «скифского» поселения Аскат-2 на средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. Вып. 3. С. 64–65.
- Шульга П.И.** Поселение Элекмонар-4 на средней Катунь // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С. 59–75.
- Шульга П.И.** Поселение Чепеш-2 на средней Катунь // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.
- Шульга П.И.** Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 146–164.
- Шульга П.И.** О древнем земледелии в Горном Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 242–248.
- Шульга П.И.** Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 336 с.
- Ширин Ю.В.** Многослойное поселение Казанково V // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 25–44.
- Ширин Ю.В.** Поселения фоминской культуры в Кузнецкой котловине и в Горной Шории // Кузнецкая старина, Новокузнецк, 2005. Вып. 7. С. 28–45.
- Ширин Ю.В.** Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.
- Ядринцев Н.М.** Алтай и его инородческое царство. Очерки путешествия по Алтаю // Исторический вестник. СПб., 1885. Т. 20. С. 633.

ИСТОЧНИКИ

Абдулганеев М.Т. Отчет об археологических раскопках на Иткульских озерах Алтайского края летом 1991 г. // Архив музея археологии и этнографии (АГУ). Инв. № 110. Барнаул, 1992.

Абдулганеев М.Т. Отчет о раскопках поселения Майма-1 летом 1991 г. Горно-Алтайск, 1991. 81 с.

Карпов М.В. Отчет. Археологическое исследование в Бийском и Первомайском районах Алтайского края в 2014 г. Барнаул, 2015. 56 с. (Кислуха 24–29).

Кунгуров А.Л. Отчет по теме 19/93. «Раскопки аварийных археологических памятников в Алтайском крае». Ч. I. Раздел I. Раскопки в Солтонском районе. Раздел II. Раскопки в Топчихинском районе. Барнаул, 1993 г. Отчет подготовлен авторским коллективом АГУ.

Кунгурова Н.Ю. Отчет «Об обследовании предгорной археологической экспедицией поселения Усть-Кажа-1 в Красногорском районе Алтайского края летом 1996 г.». 1997 г. (Бийские городища-7, 8, Фоминское).

Кунгурова Н.Ю. Отчет «О работах предгорного археологического отряда НПЦ „Наследие“ в Красногорском, Бийском, Тальменском районах летом 2000 г.». Барнаул, 2001. 127 с. (Солонцы-2, Усть-Чумыш II–VI).

Кунгурова Н.Ю. Отчет «О работах предгорного археологического отряда НПЦ „Наследие“ в Красногорском, Бийском, Зональном районах летом 2001 г.». Барнаул, 2002. 92 с. (Солонцы 2).

Кунгурова Н.Ю. Отчет «О работах предгорного археологического отряда НПЦ „Наследие“ в Красногорском, Бийском районах летом 2002 г.». Барнаул, 2003. 92 с. (Енисейское-7, Усть-Балыкса, Рассветы над Бией, Сухая, Мокрый Яр).

Кунгурова Н.Ю. Научный отчет «Разведочные работы предгорного археологического отряда НПЦ „Наследие“ в Алтайском крае летом 2009 г.». Барнаул, 2010. с. 40 (Енисейское-12–13, 17).

Кунгурова Н.Ю. Отчет «Разведочные работы предгорного археологического отряда НПЦ „Наследие“ в Алтайском крае летом 2010 г.». Барнаул, 2011. (Енис.-14, Одинц.-2, У-Чемр.-4, Обск. Пл.-5, Утопша-2, Утопша-3, Рассказиха-школа). 40 с.

Кунгурова Н.Ю. Отчет об обследовании предгорным отрядом Алтайской археологической экспедиции АГУ поселения Ушлѣп-5 в Солтонском районе Алтайского края летом 1995 г. Барнаул, 1996. Архив ИА РАН. Р-1. № 19190 л. 410. 150 с.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых археологических работах на участке реконструкции автомобильной дороги М-52 «Чуйский тракт» от Новосибирска через Бийск до границы с Монголией в Бийском и Красногорском районах Алтайского края (км 374 — км 428). Барнаул, 2009 г. Архив НПЦ «Наследие».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКМ — Бийский краеведческий музей

ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет

ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, ныне — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Сурозакова

АлтГУ — Алтайский государственный университет

БГПИ — Барнаульский государственный педагогический институт

АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет

БПГУ — Бийский педагогический государственный университет имени В.М. Шукшина, ныне — Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина (АГГПУ)

НГУ — Новосибирский государственный университет

ТГУ — Томский государственный университет

НГПУ — Новосибирский государственный педагогический университет

ИА — Институт археологии

РАН — Российская академия наук

ОПИ — отдел полевых исследований

ПРИЛОЖЕНИЕ I

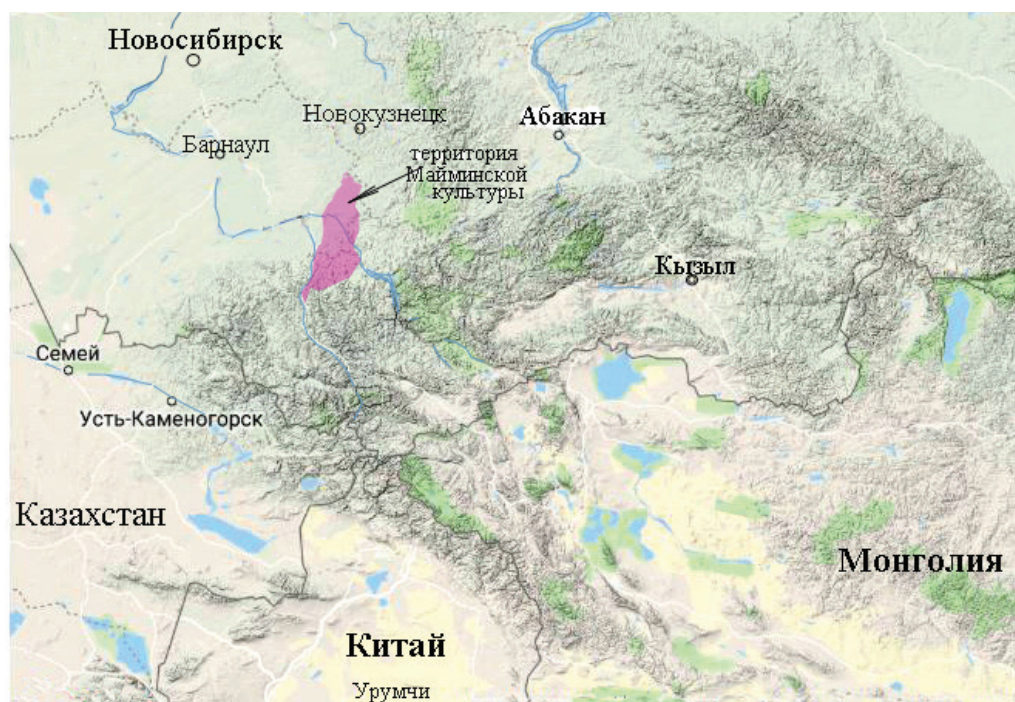

Рис. 1. Карта с территорией майминской культуры

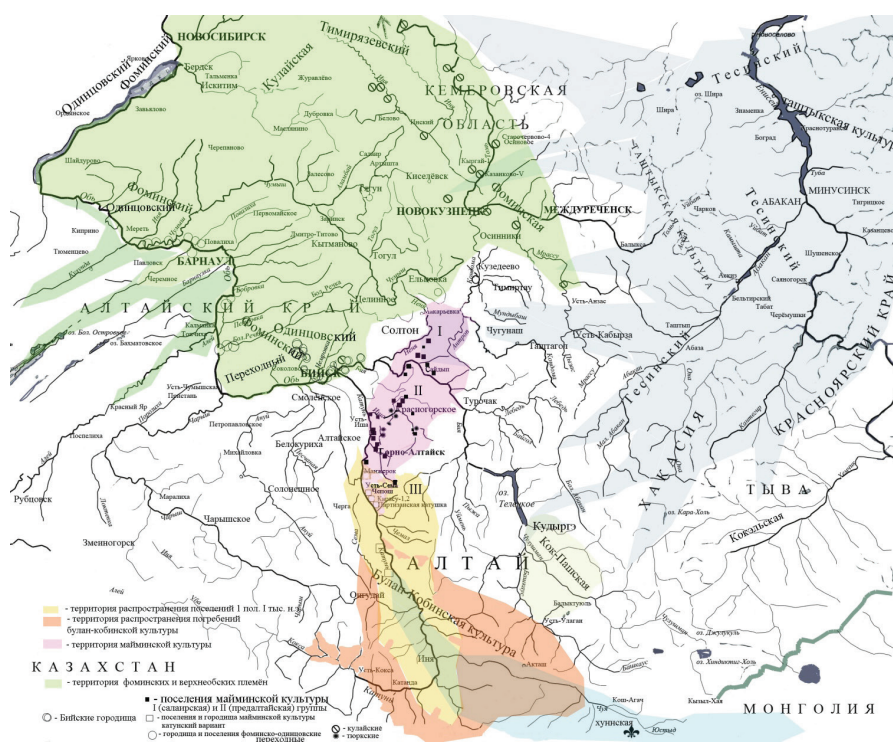

Рис. 2. Карта с территориями, занимаемыми культурами 1-й пол. I тыс. н.э.

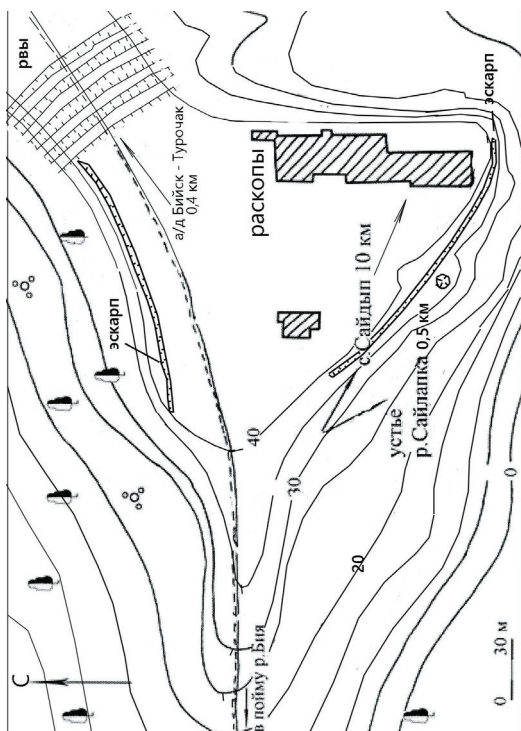

Рис. 3. Городище Курлап

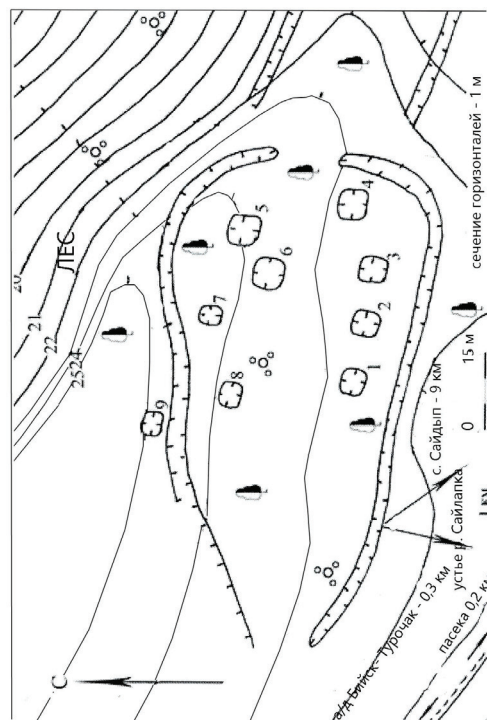

Рис. 4. Городище Курлап-2

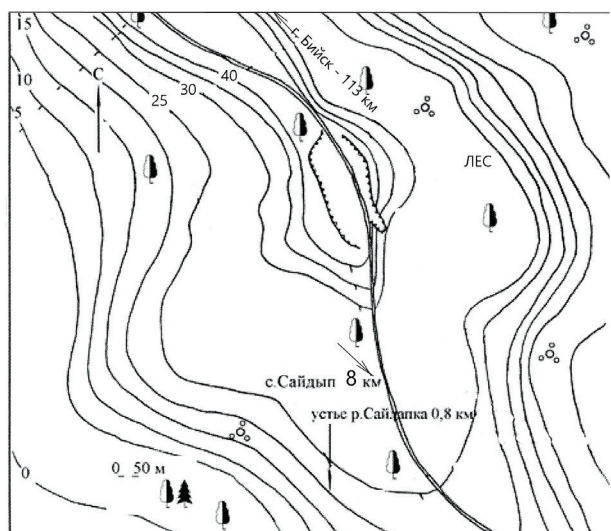

Рис. 5. Поселение, могильник Сайлан

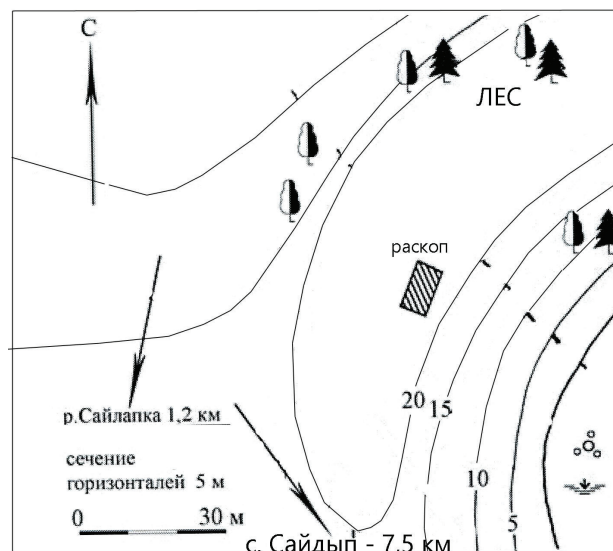

Рис. 6. Поселение Сайлан-1

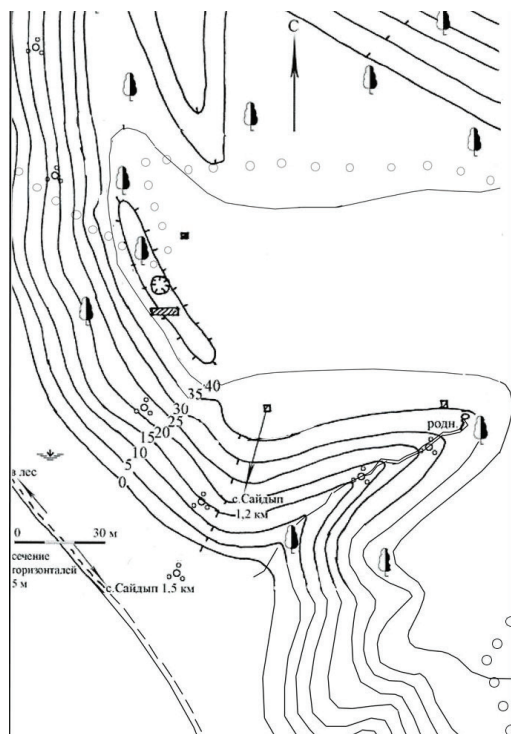

Рис. 7. Городище Канонерская Гора

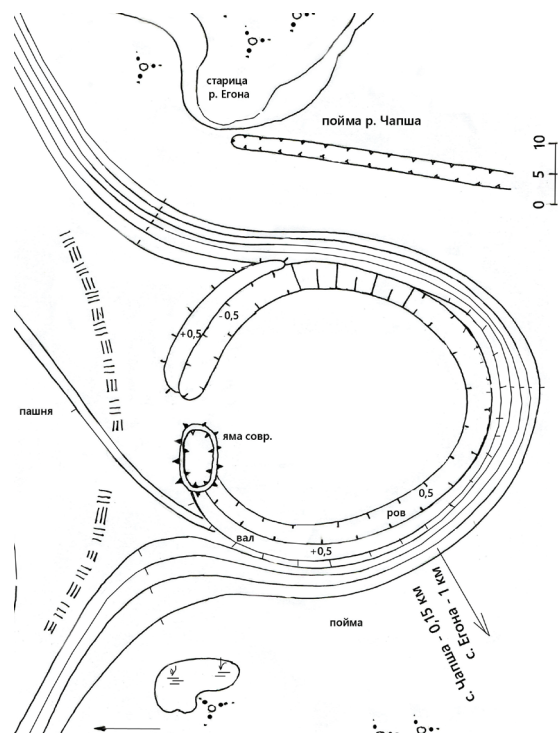

Рис. 8. Городище Егона

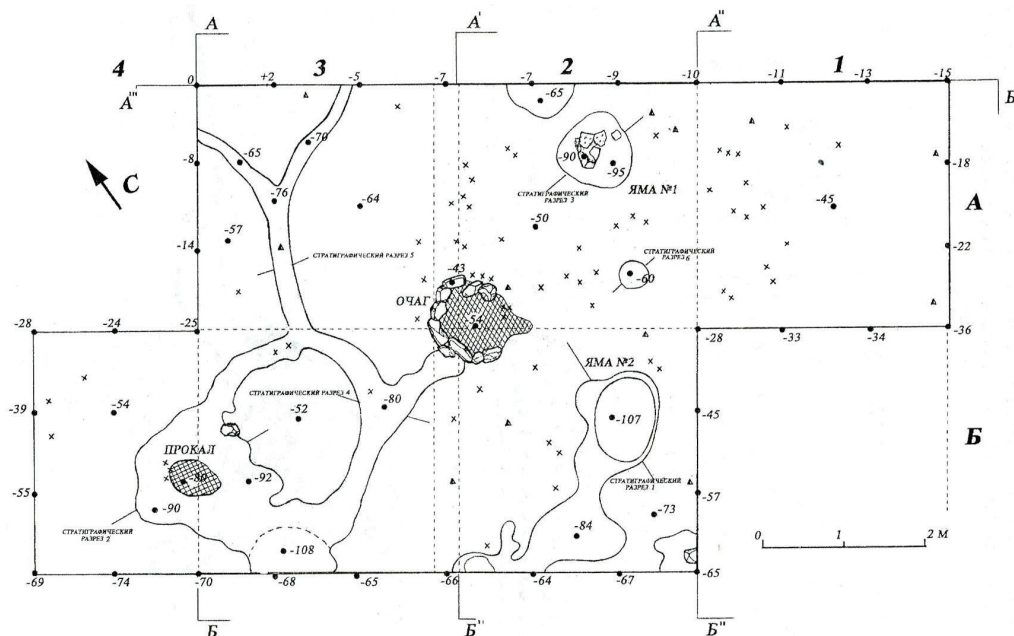

Рис. 9. Поселение Урлу-Аспак-1. Раскоп (по Т.А. Акимовой, 2008, рис. 2)

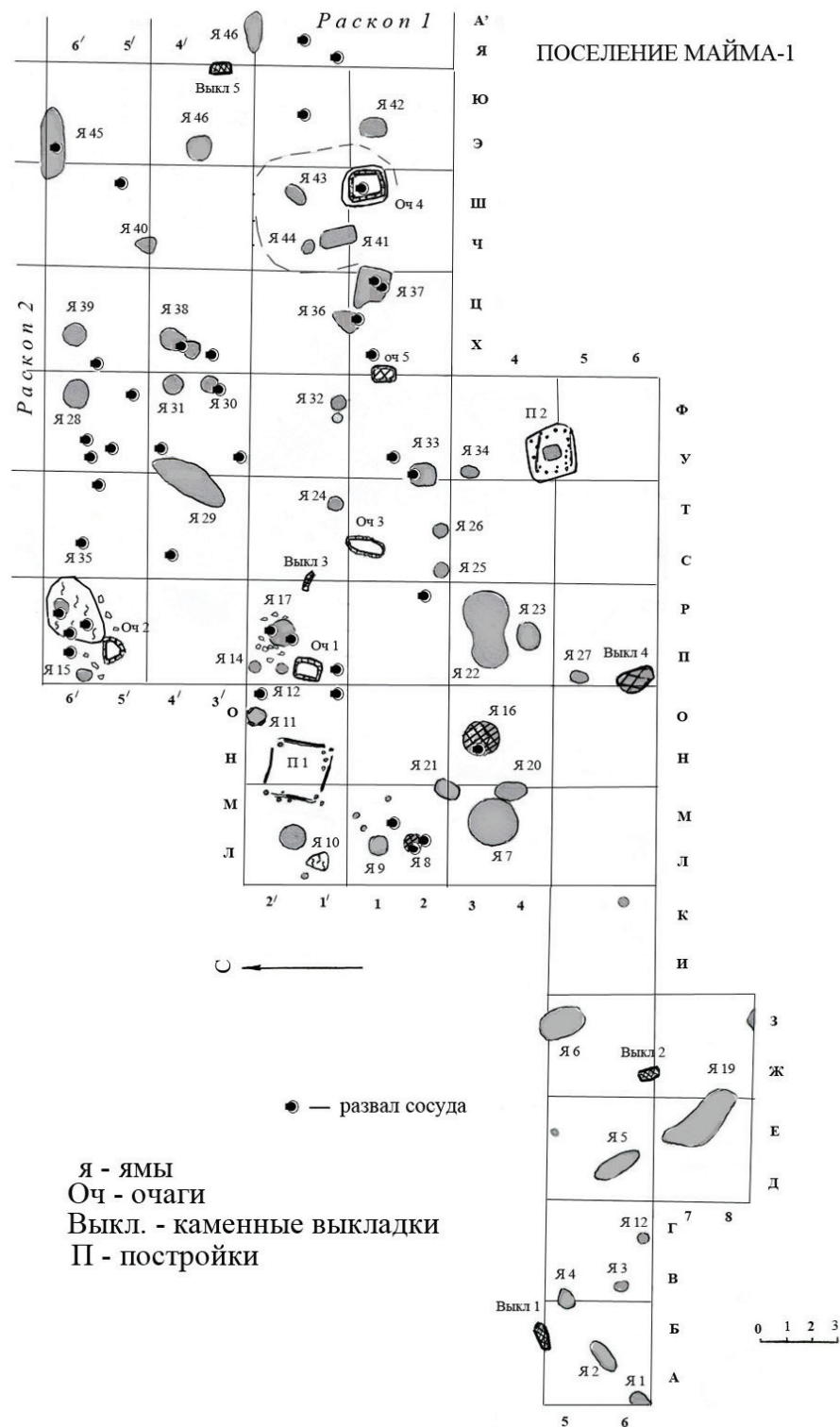
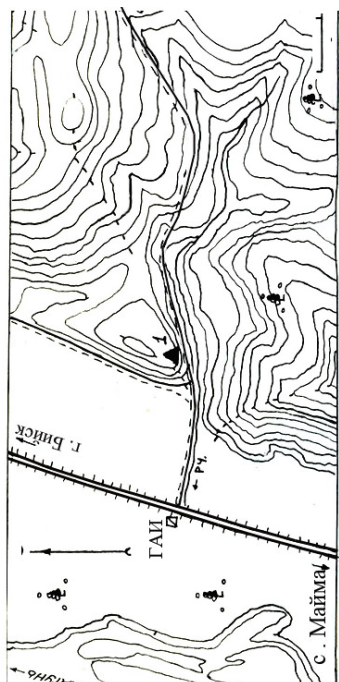
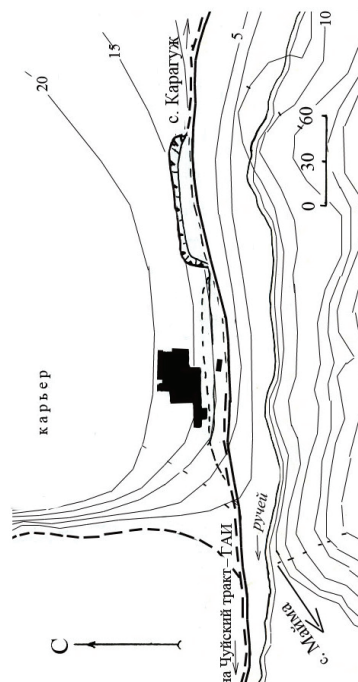

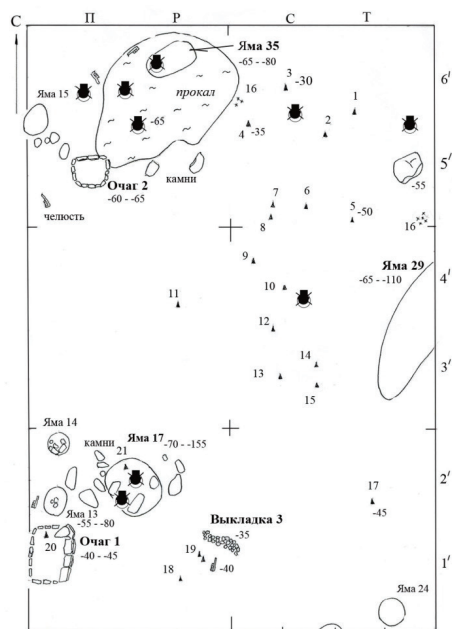
Рис. 10. Общий план раскопа на поселении Майма-1

1

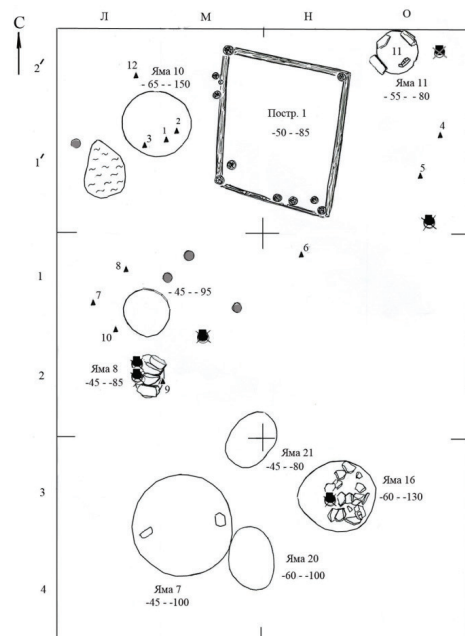

2

1, 2, 4, 5, 8, 10, 12, 18 - нак. стрелы 3, 7 - скребок 6 - подпругная пряжка
9 - лошито 11, 13-15 - терочник 16 - кости жив. 17 - абразив 19 - пест
20 - распределитель ремня 21 - пряслице

3

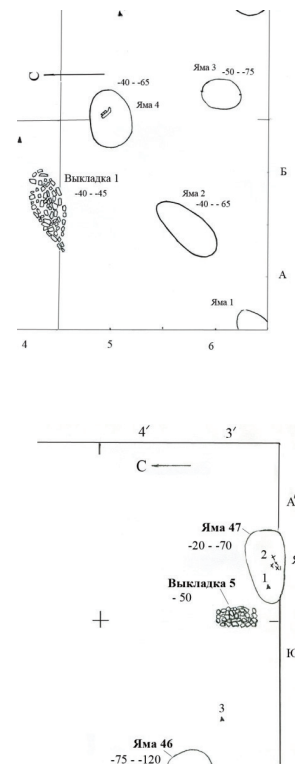
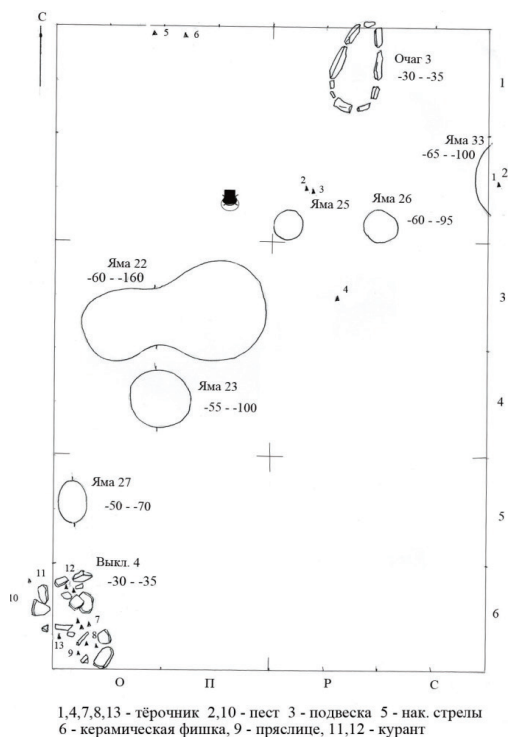
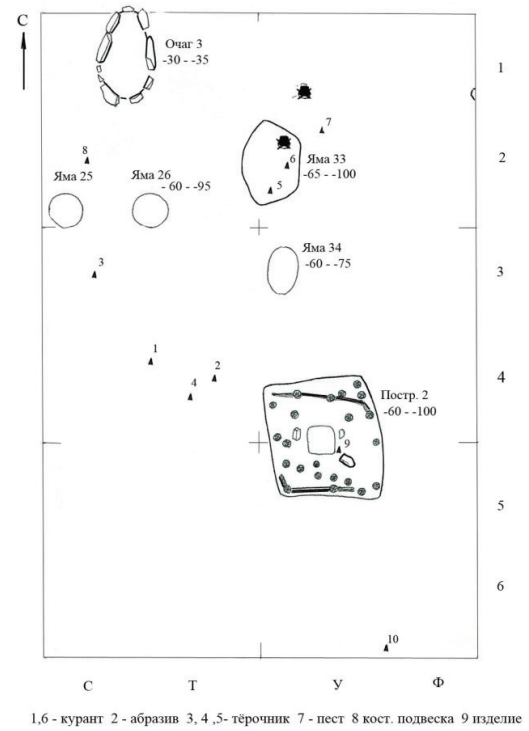
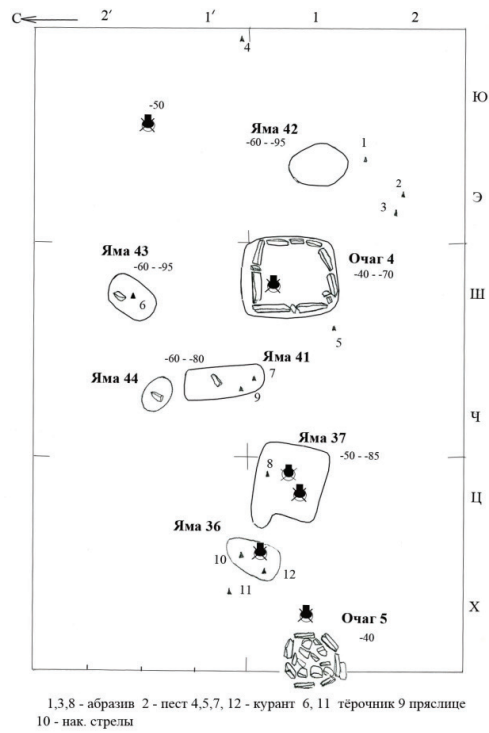

1 - курган 2 - абразив 3 - лошито 4 - накладка на лук 5 - абразив 6 - лошито
7, 8 - курган 9 - кост. застёжка 10 - курильница 11 - челюсть жив. 12 - пряслице

4

Рис. 11. План поселения Майма-1.

1, 2 – планы поселения. Планы квадратов: 3 – П – Т/1 – 6; 4 – Л – О/2 – 4

3

5

Рис. 12. Поселение Майма-1.

Планы квадратов: 1 - X-Ю/2-2», 2 - C-Ф/1-6; 3 - O-C/1 - 6; 4 - A-B/4 - 6; 5 - Э- A>/3> - 5»

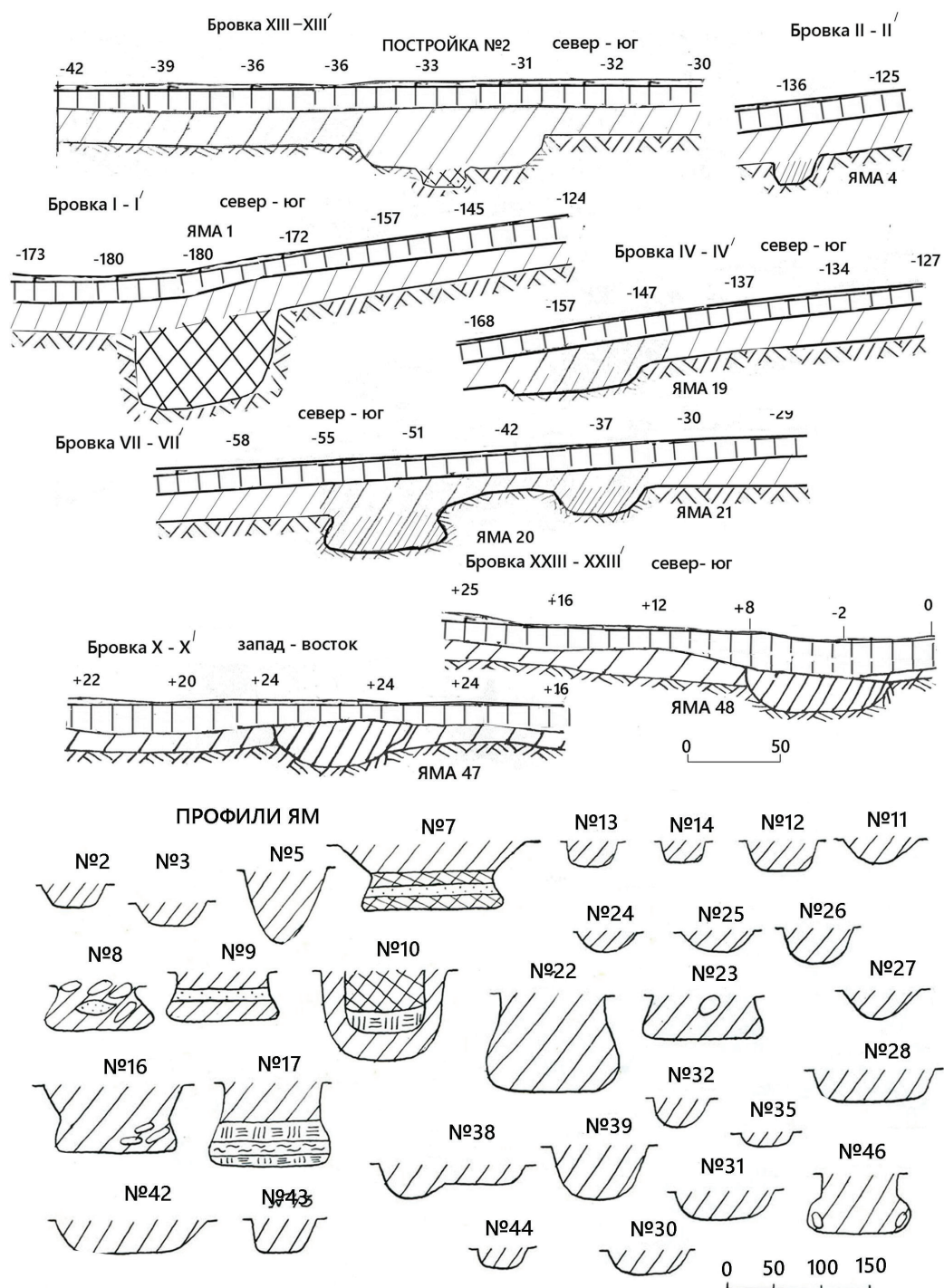

Рис. 13. Поселение Майма-1. Бровки (фрагменты с ямами) и профили ям

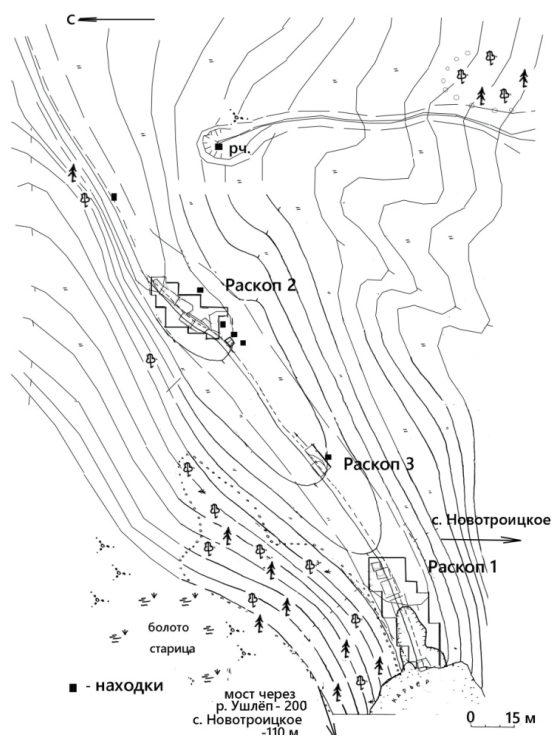

Рис. 14. План поселения Ушлѣп-5

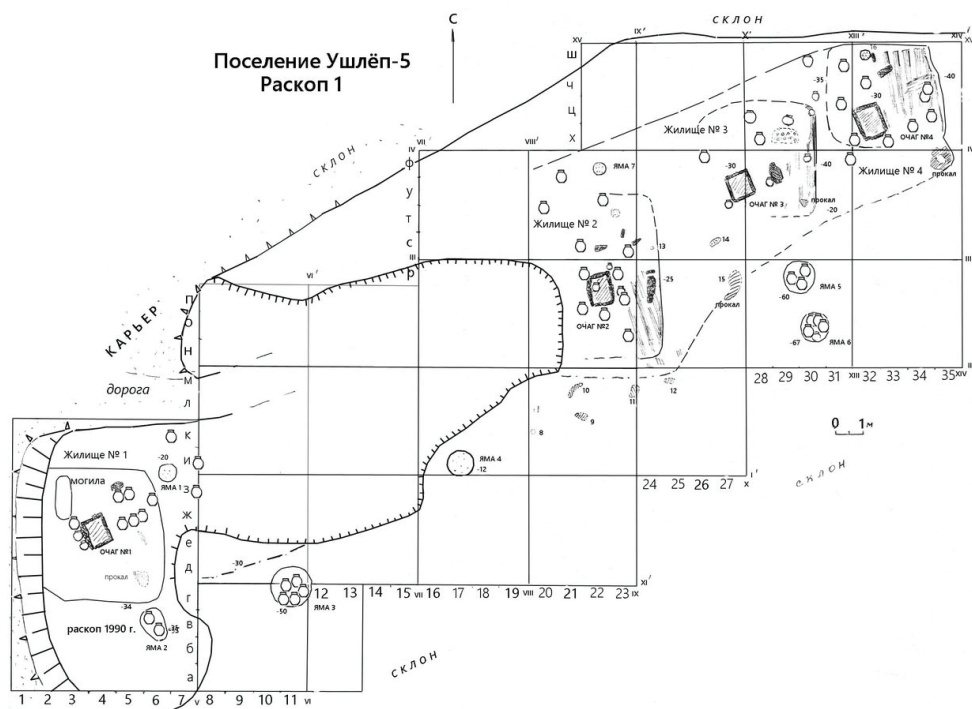

Рис. 15. Поселение Ушлѣп-5.
План раскопа 1 и структурных объектов поселения

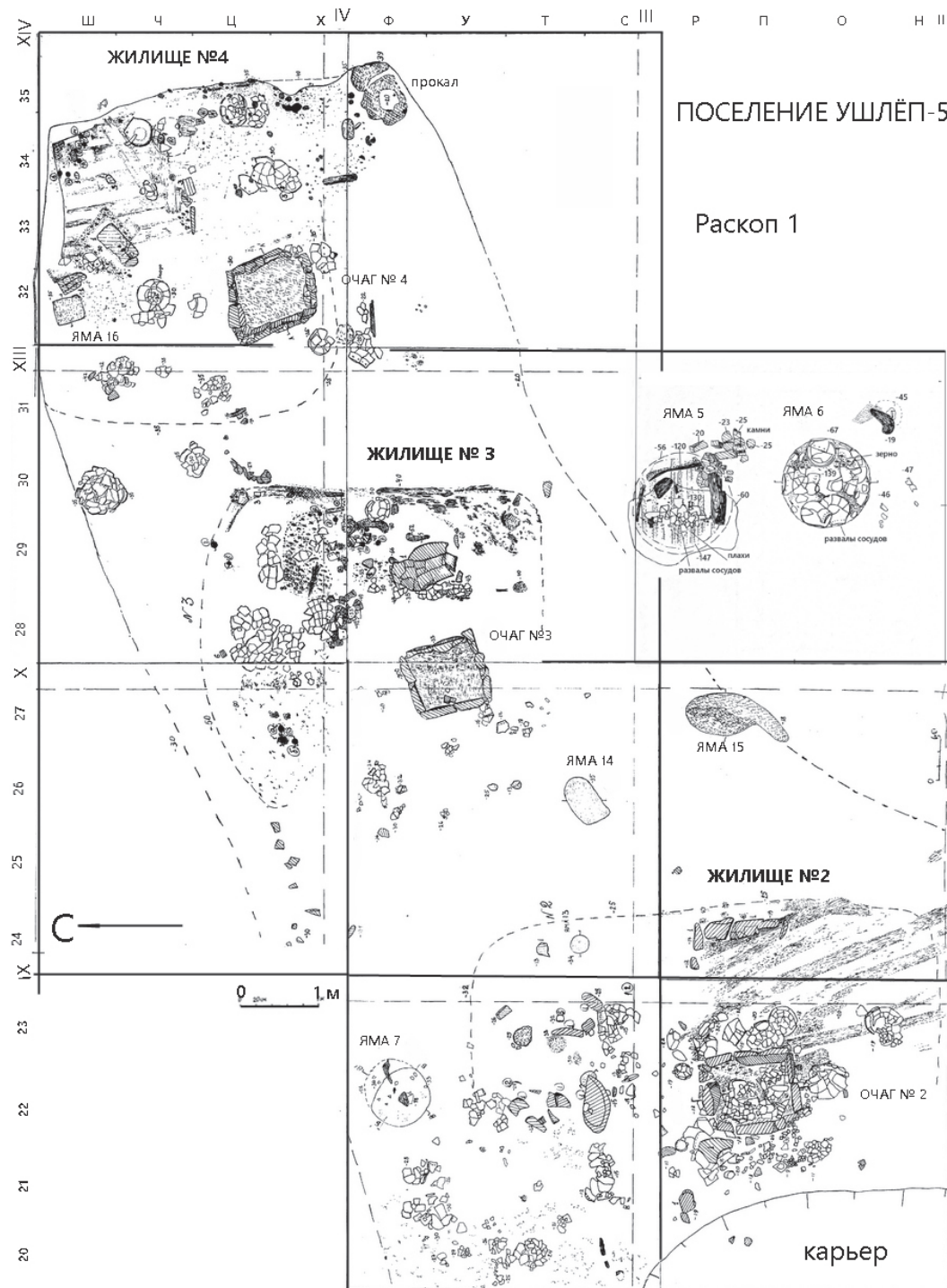

Рис. 16. Поселение Ушлёп-5. План структурных объектов

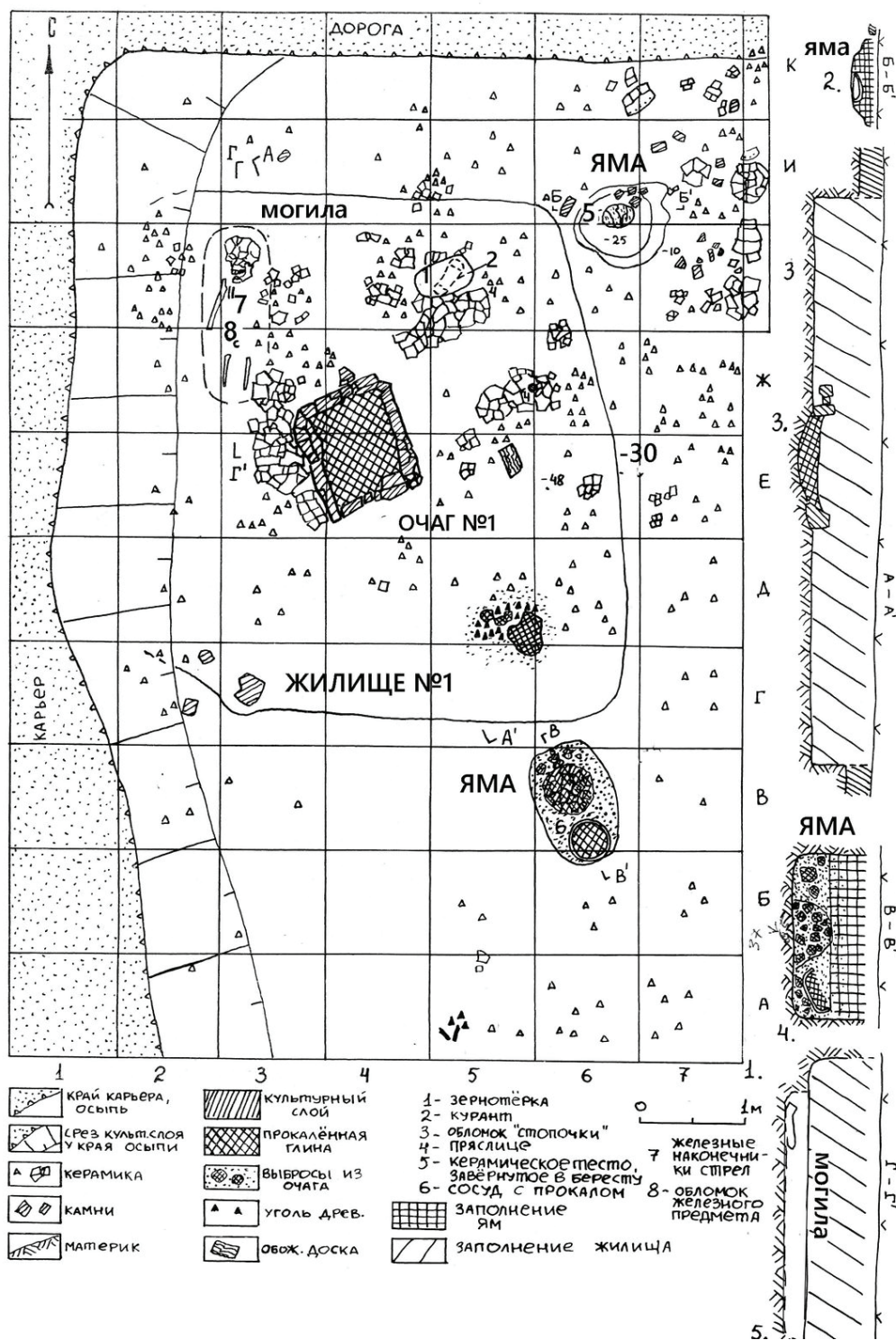

Рис. 17. Поселение Ушлëп-5. План жилища № 1, раскоп 1 (по Кунгурову А.Л., Горбунову В.В., 1993, рис. 1)

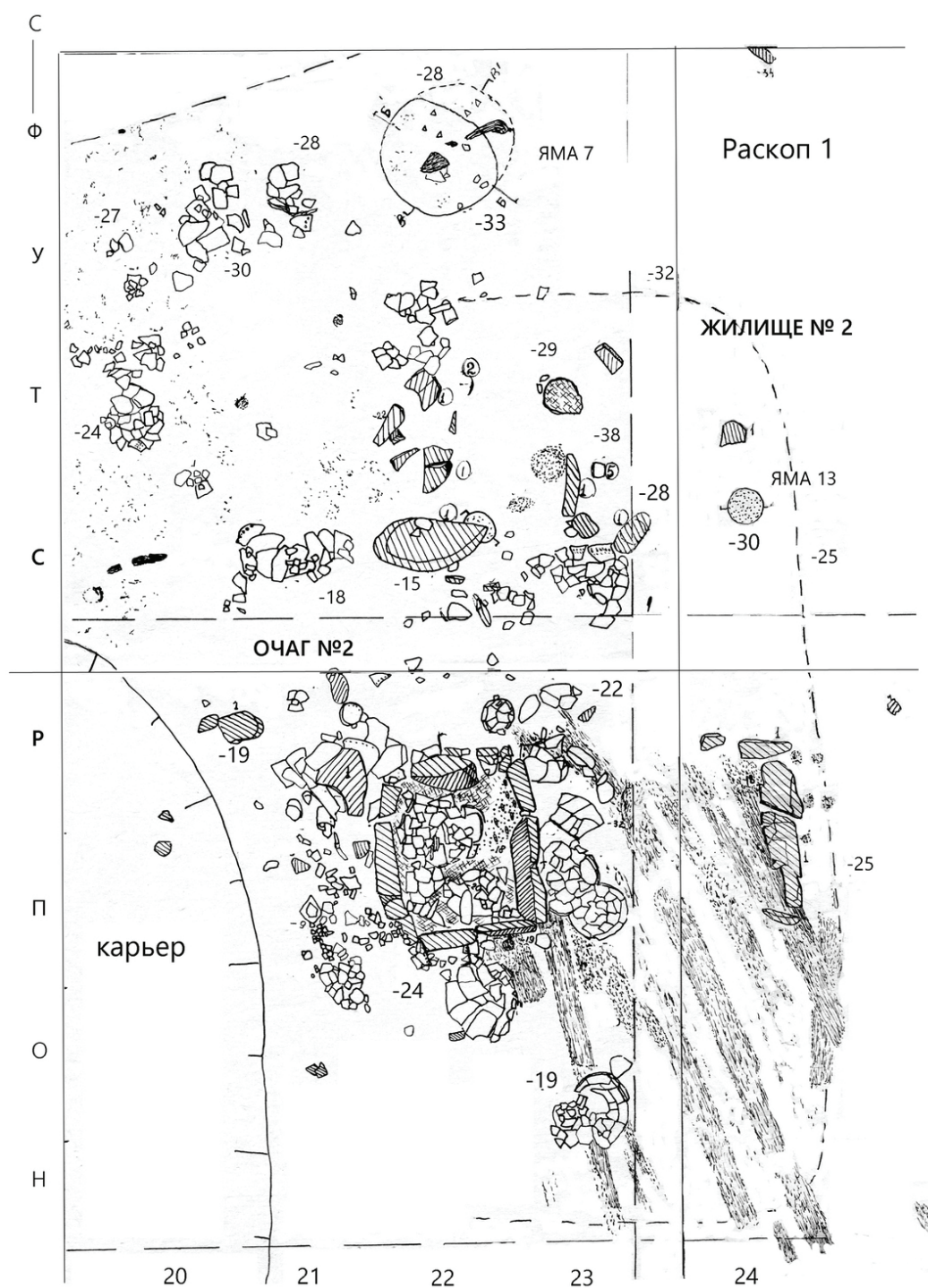

Рис. 18. Поселение Ушлён-5. Раскоп 1. План жилища № 2

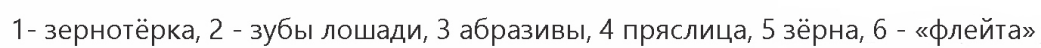

Рис. 19. Поселение Ушлён-5. Раскоп 1. План жилища № 3

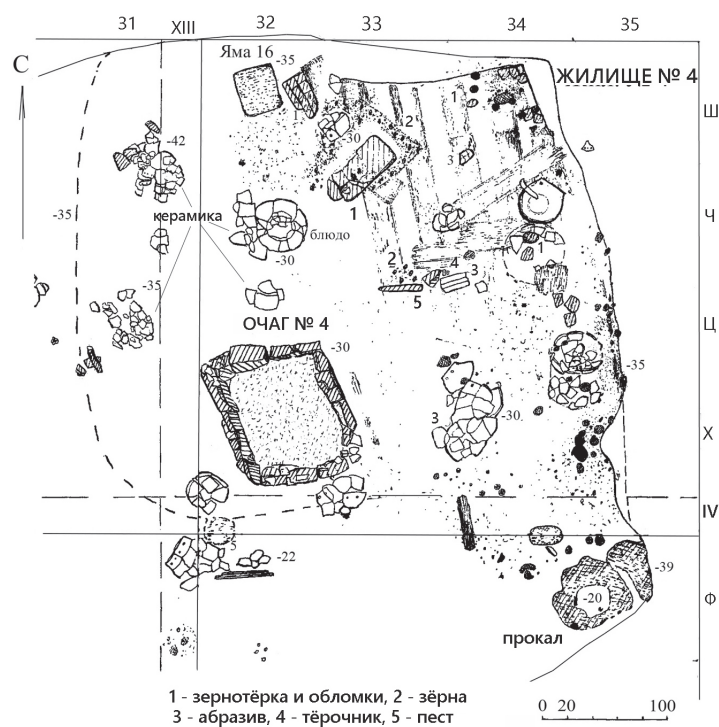
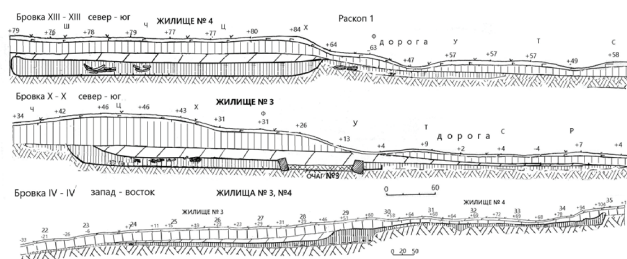
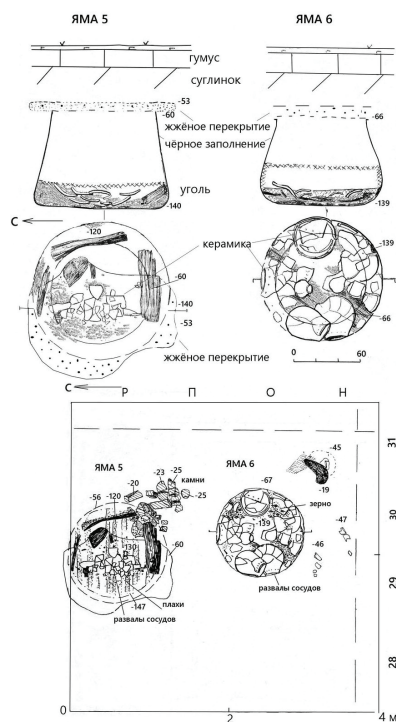

Рис. 20. Поселение Ушлëп-5. План жилища №4

Профиль очага №2

Бровки раскопа 1

Ямы, профили ям

Рис. 21. Поселение Ушлëп-5. Раскоп 1. Бровки и профили ям

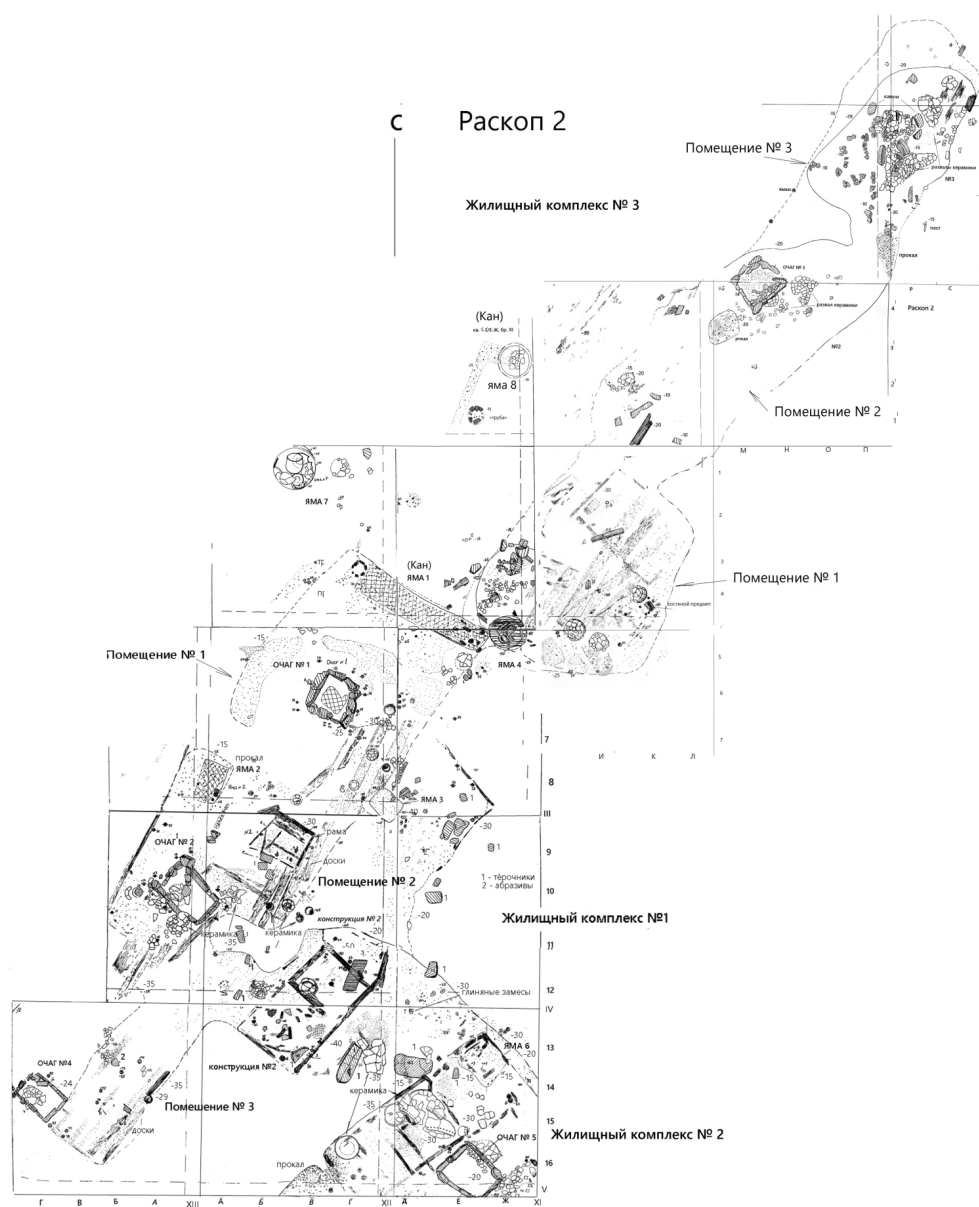

Рис. 22. Поселение Ушлëп-5. План раскопа 2

Рис. 23. Поселение Ушлёт-5. План раскопа 2. Южная часть

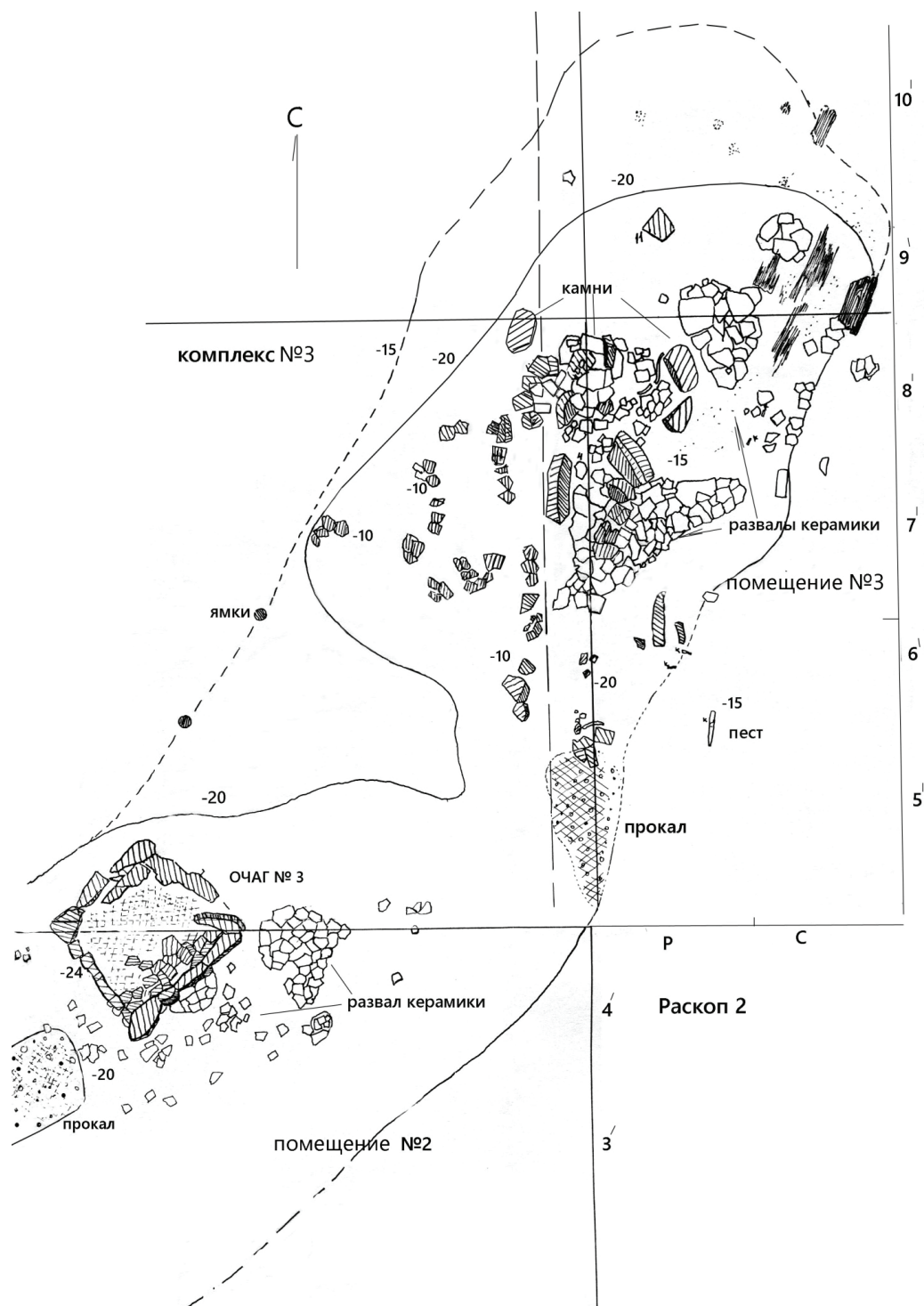

Рис. 24. Поселение Ушлëп-5. Раскоп 2. Северная часть

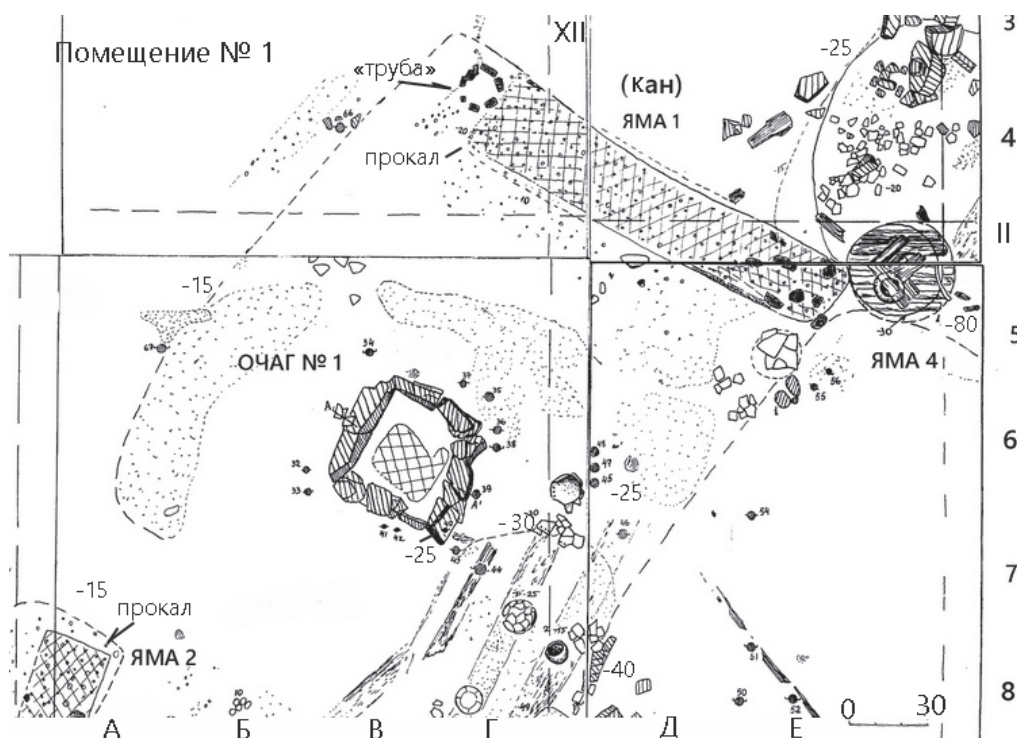

Рис. 25. Поселение Ушлëп-5. План помещения № 1 в комплексе № 1. Раскоп 2

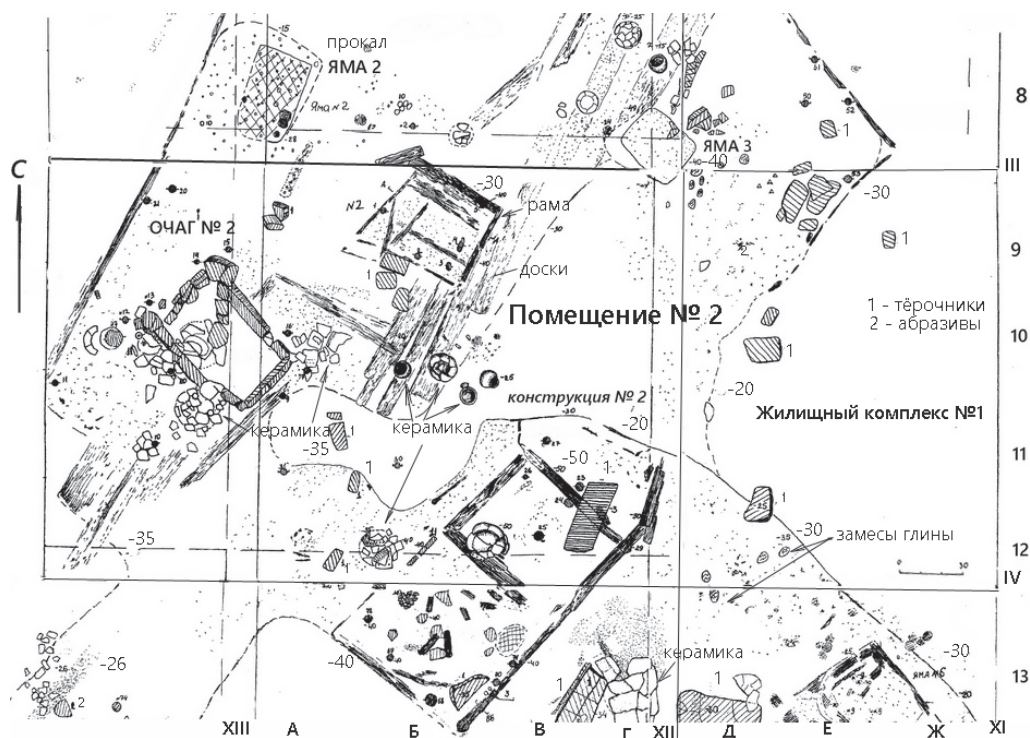

Рис. 26. Поселение Ушлëп-5. План помещения № 2 в комплексе № 1. Раскоп 2

Рис. 27. Поселение Ушлëп-5. План помещения № 3 в комплексе № 1 и комплекса № 2. Раскоп 2

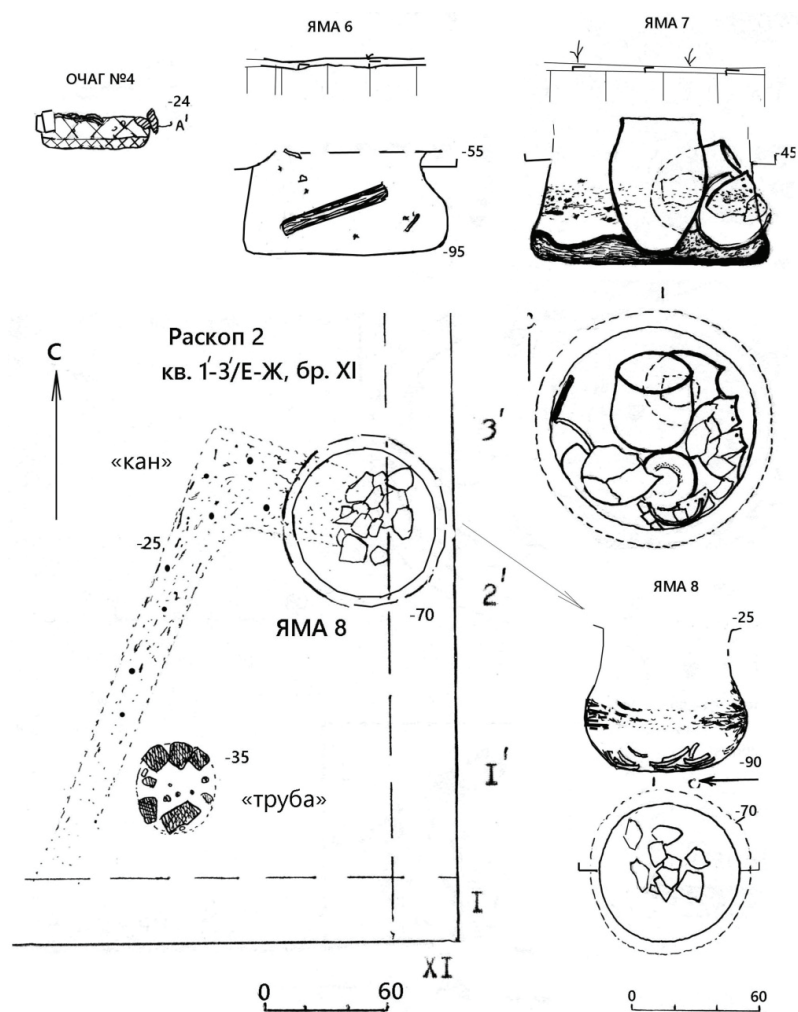

Рис. 28. Поселение Ушлëп-5. Раскоп 2. Ямы, профили; кан и яма 8

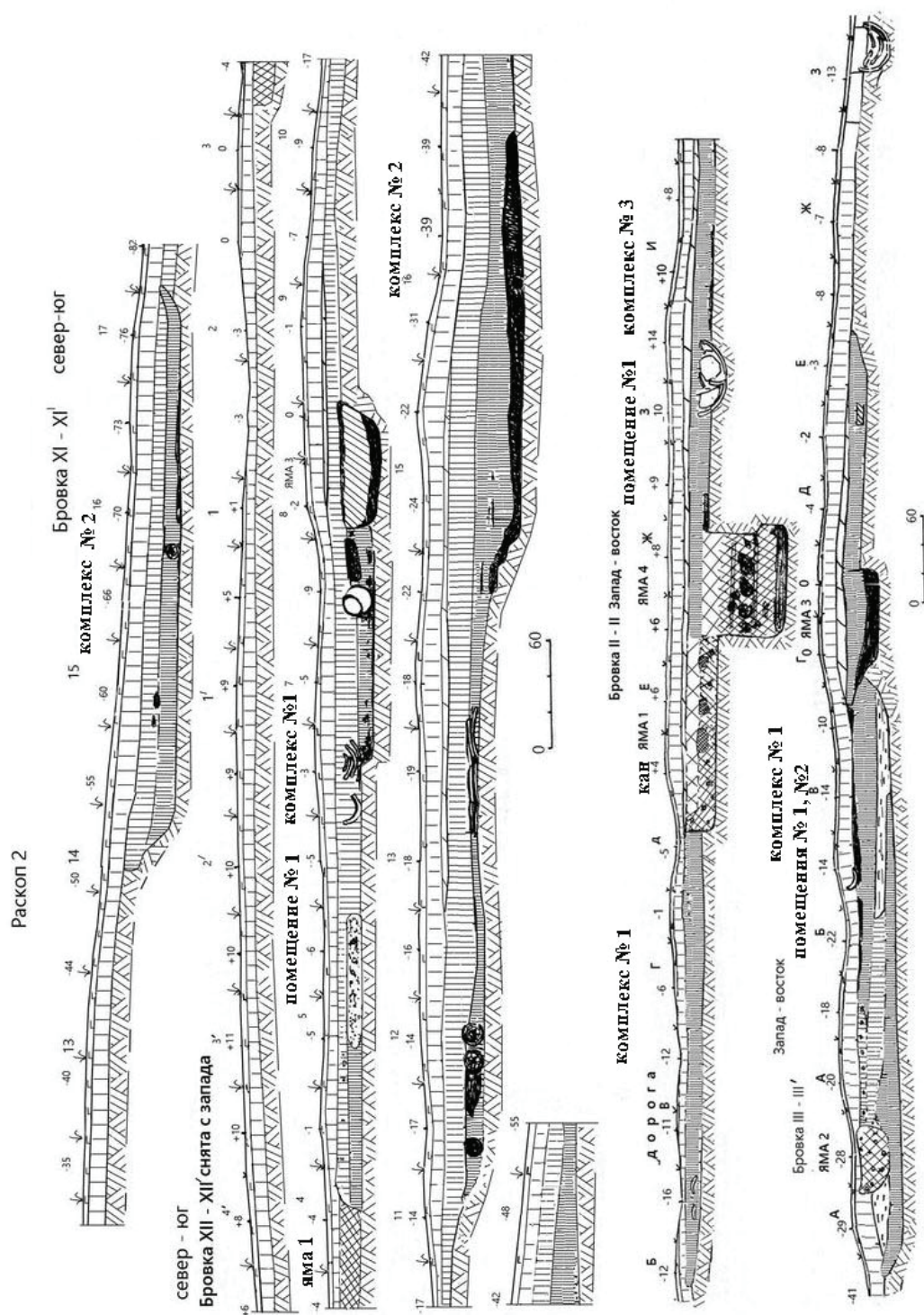

Рис. 29. Поселение Ушлёп-5. Раскоп 2. Бровки с жилищами и ямами (XII, XI, II, III)

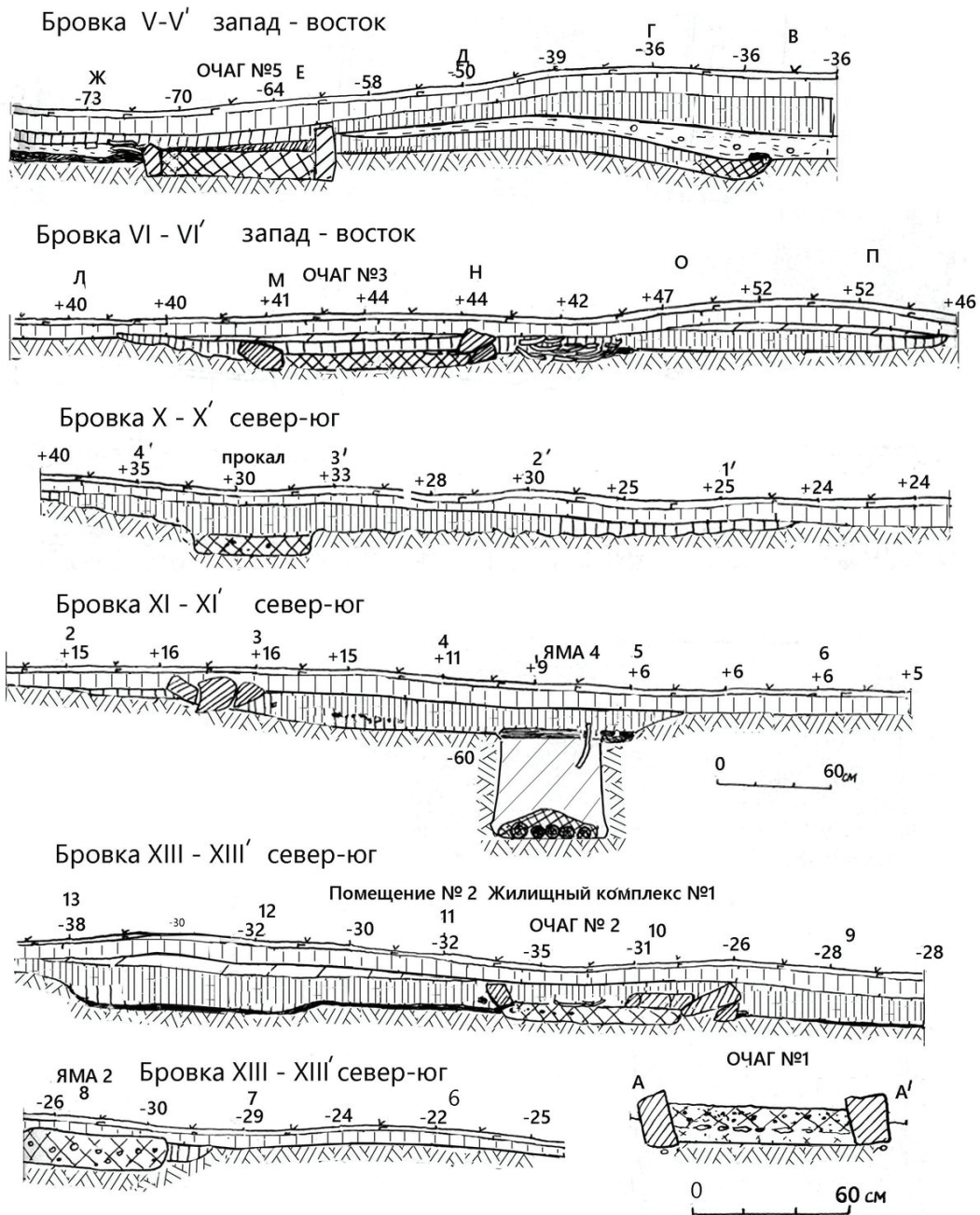

Рис. 30. Поселение Ушлёп-5. Раскоп 2. Бровки и профили с объектами

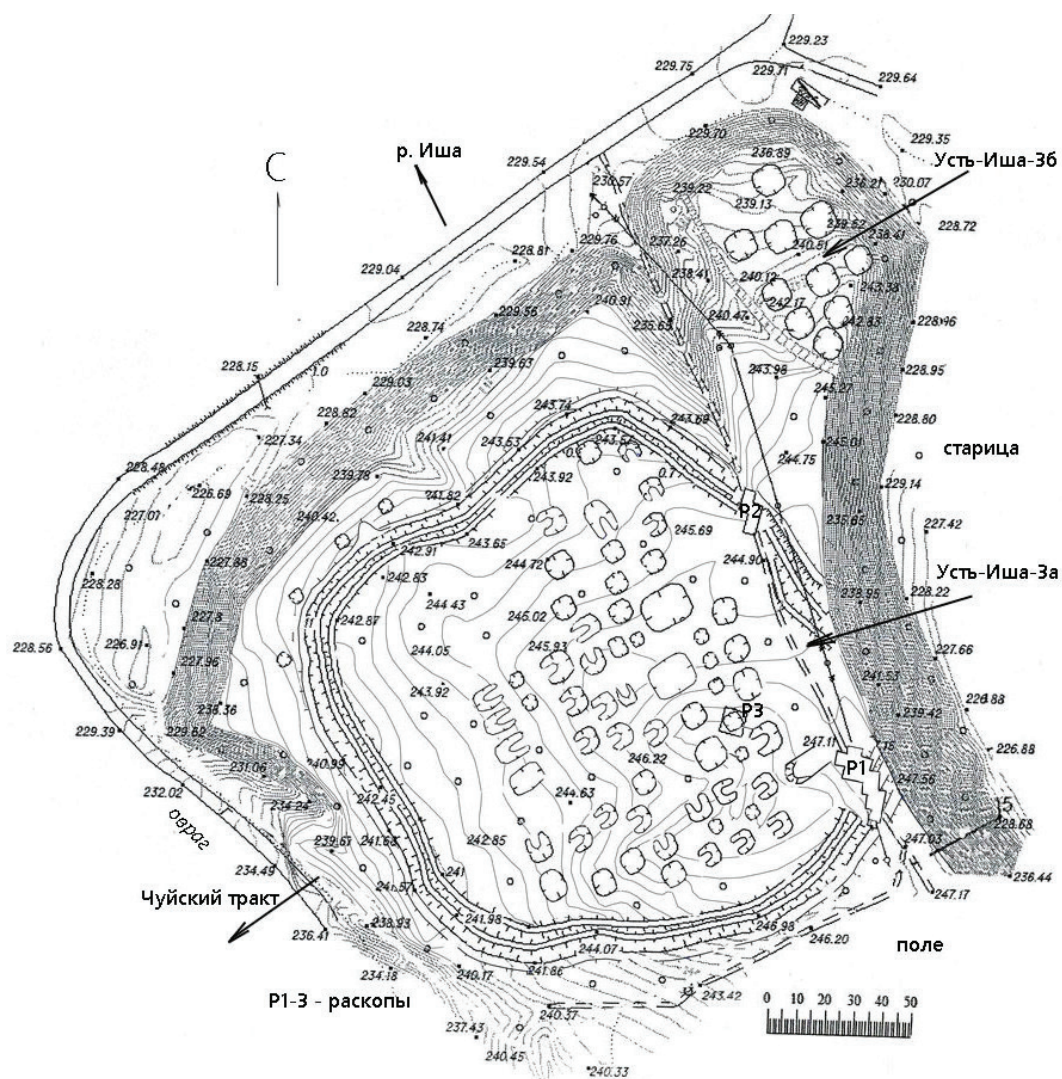

Рис. 31. План городищ Усть-Иша-3а, 3б; раскопы: P1 – P3

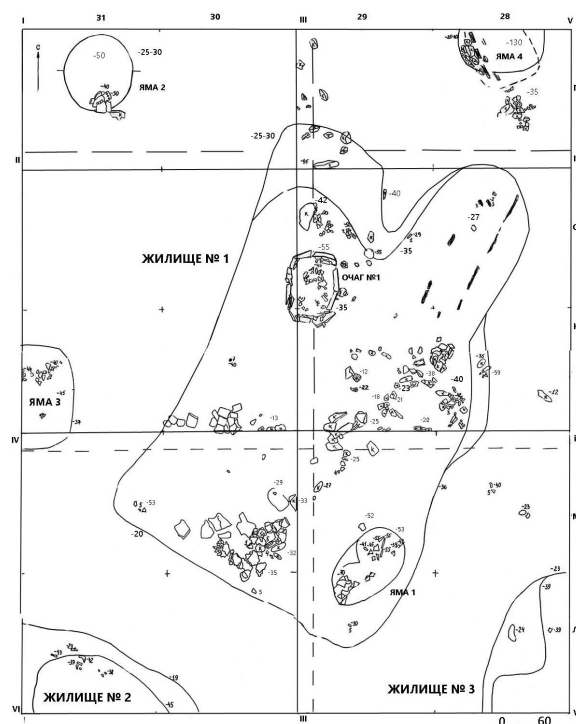

Рис. 32. Городище Усть-Иша-3а. Жилище. Ямы

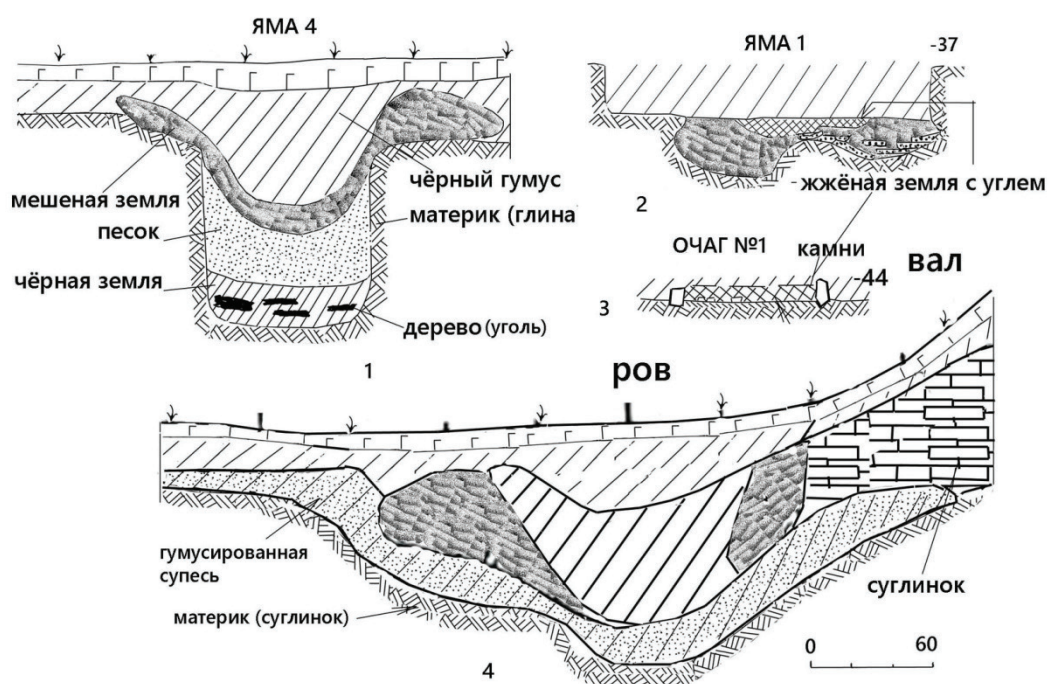

Рис. 33. Городище Усть-Иша-3а. Профили ям 1, 4, очага № 1, рва

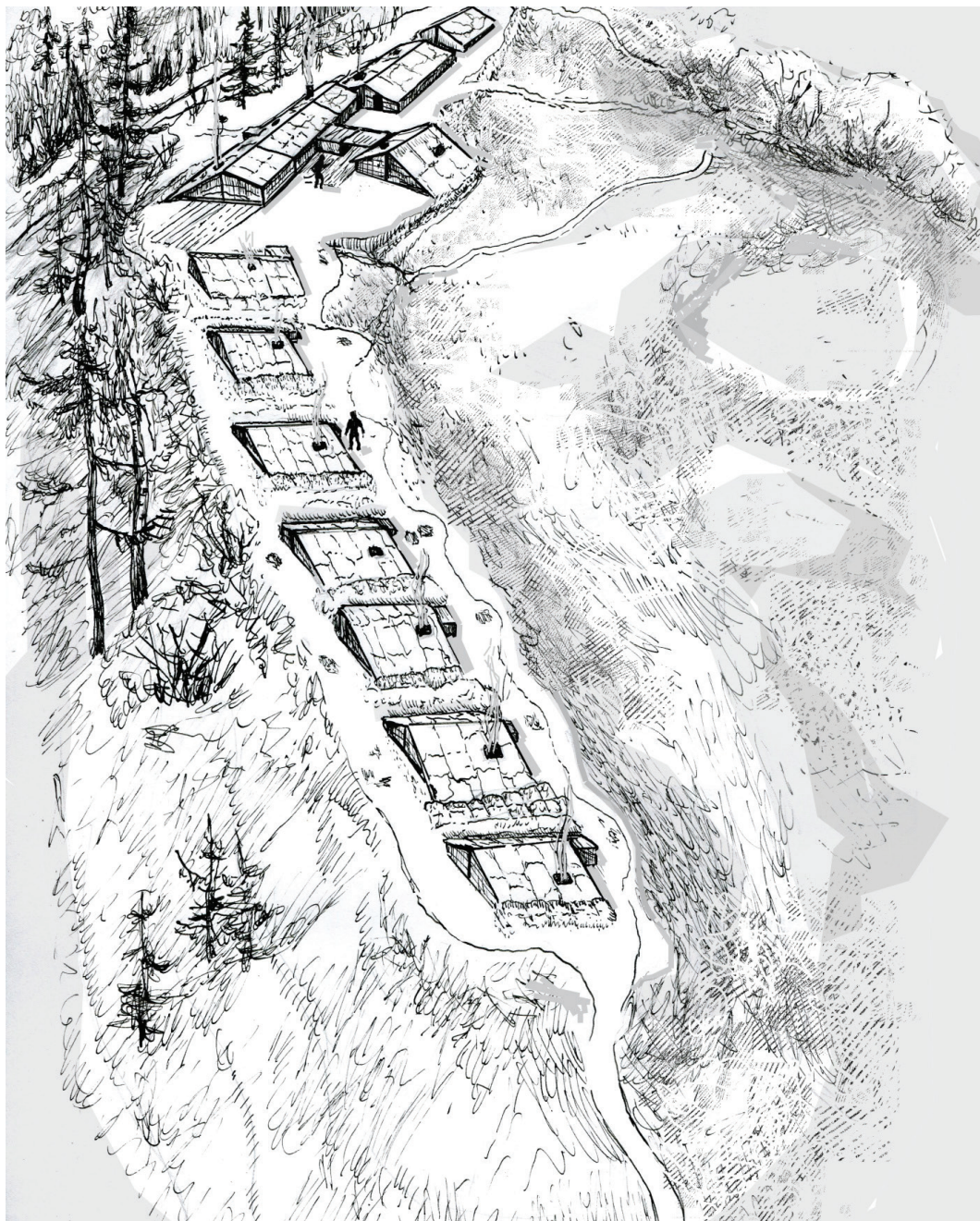

Рис. 34. Поселение Ушлѣн-5. Реконструкция архитектуры поселка

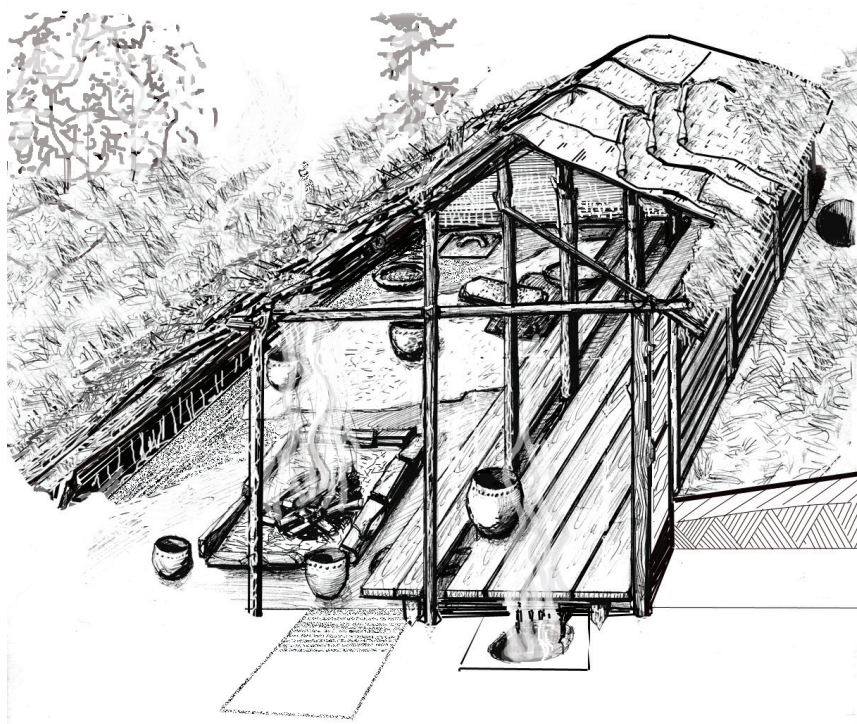

Рис. 35. Поселение Ушлѣп-5. Реконструкция жилища № 3. Раскоп 1

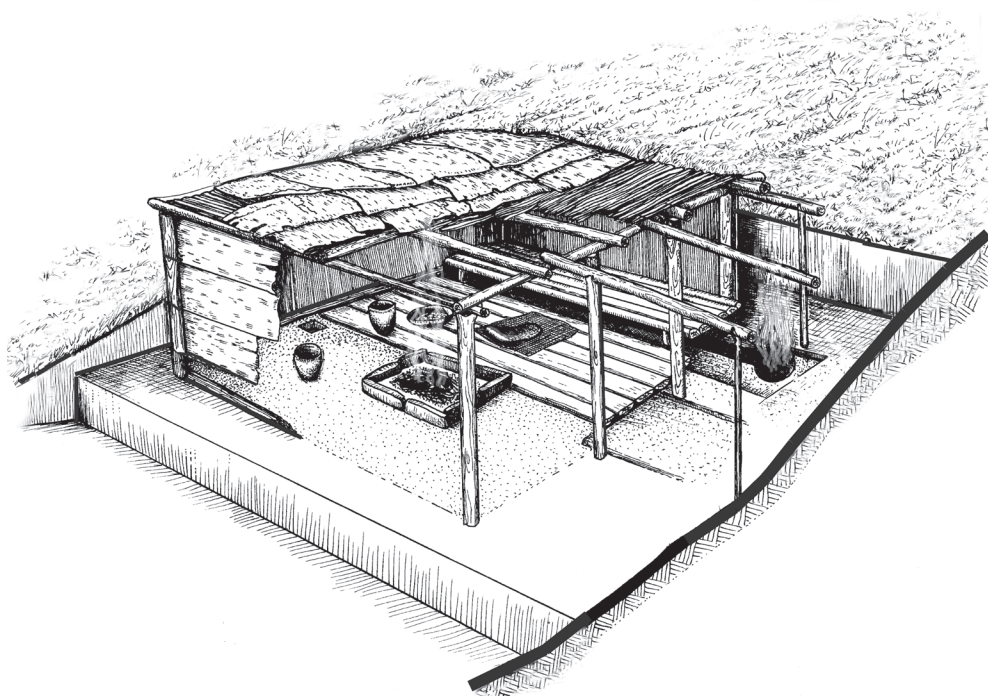

Рис. 36. Поселение Ушлѣп-5. Реконструкция жилища № 4. Раскоп 1

Яма 6

Вид сбоку яма 7

Рис. 37. Поселение Ушлѐн-5. Вид и реконструкция ямы 6, раскоп 1 и ямы 7, раскоп 2

Рис. 38. Поселение Ушлѐн-5. Яма 7, раскоп 2

Рис. 39. Поселение Ушлѐп-5. Очаг № 2, жилище № 2, раскоп 1

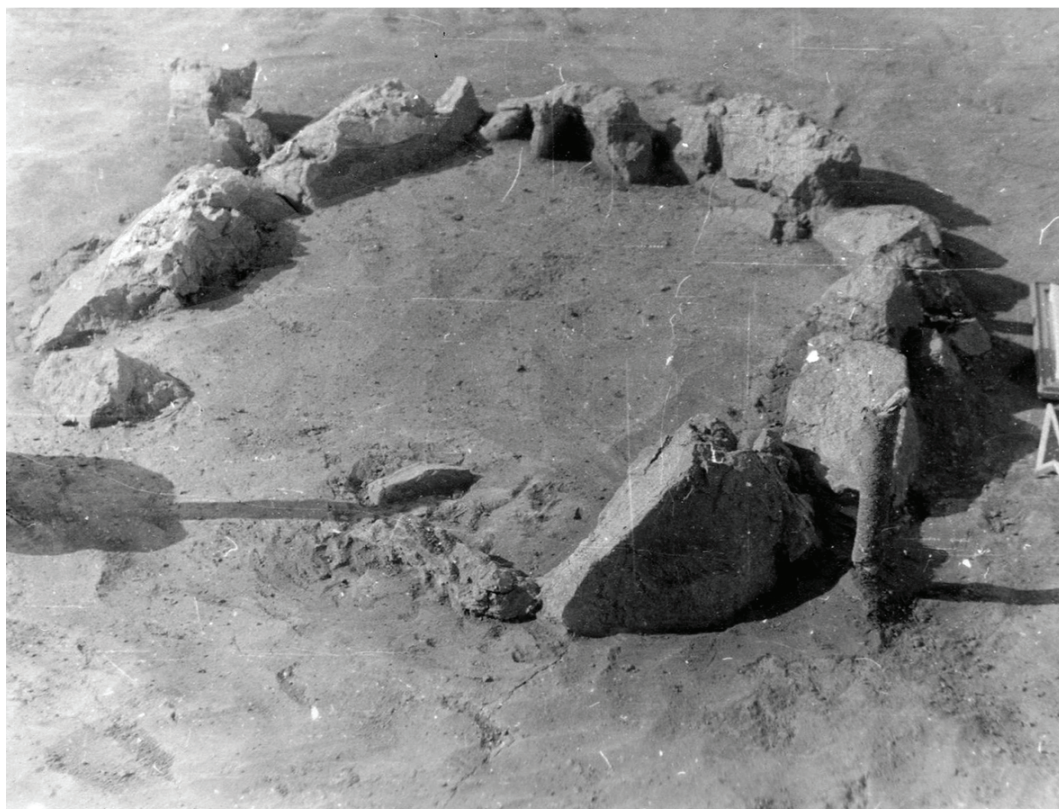

Рис. 40. Поселение Ушлѐп-5. Очаг № 1, помещение № 1, комплекс № 1. Раскоп 2

1. Очаг № 5, комплекс № 2. Раскоп 2

2. Керамика в жилище № 2, раскоп 1

3. Жаровня. Жилище № 4. Раскоп 1

Рис. 41. Поселение Ушлёп-5.

Очаг № 5 из комплекса № 2; керамика в жилище № 2; прокал-жаровня в жилище № 4

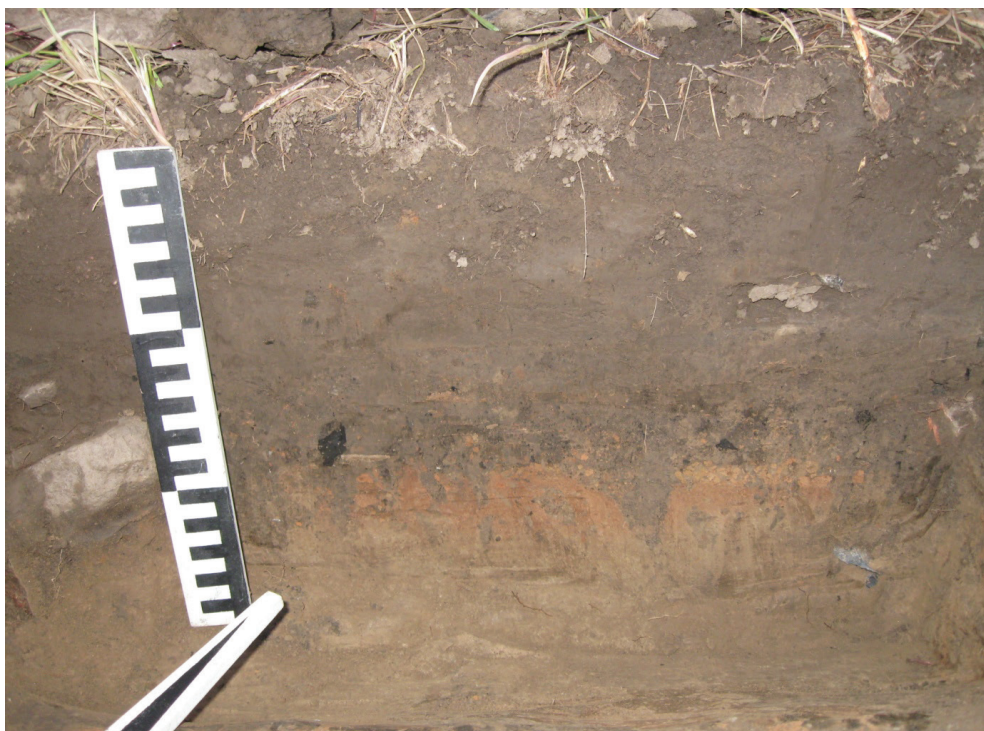
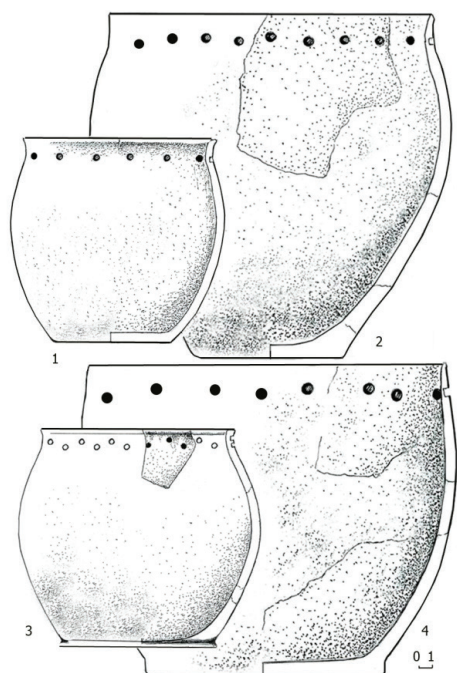

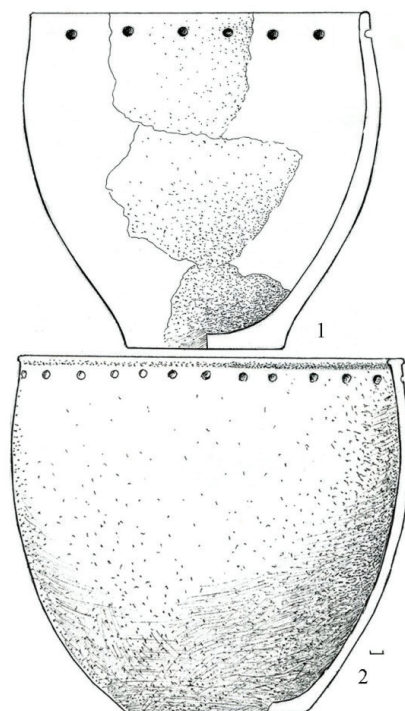
Рис. 42. Поселение Ушлёп-5. Профиль кана из помещения №1 в комплексе № 1. Раскоп 2

Рис. 43. Поселение Ушлёп-5. Профиль уровня пола и угла жилища № 3, раскоп 1

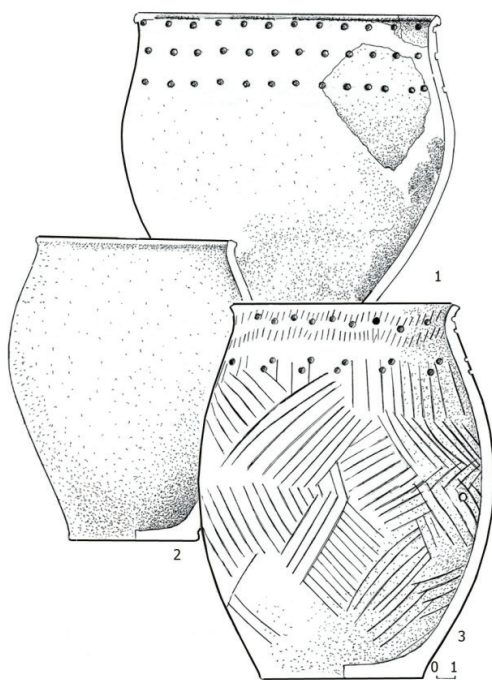

Поселение Майма-1. 1 - Э 6/2; 2 - СТ-2, кв.3; 3 - С/3' - 2;
4 - кв.9 развал

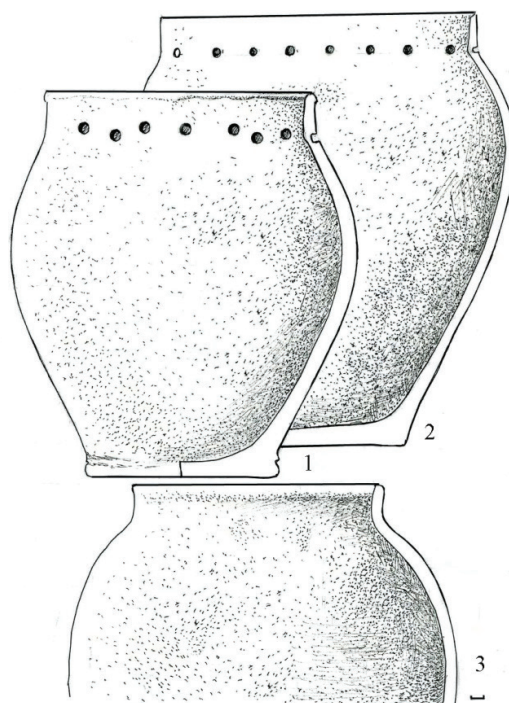

1

2

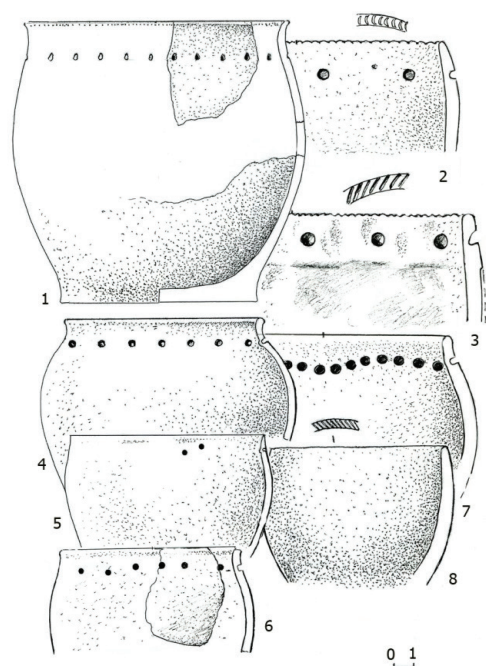
Поселение Майма-1. Керамика: 1,2 - У4/2; 3 - яма 35

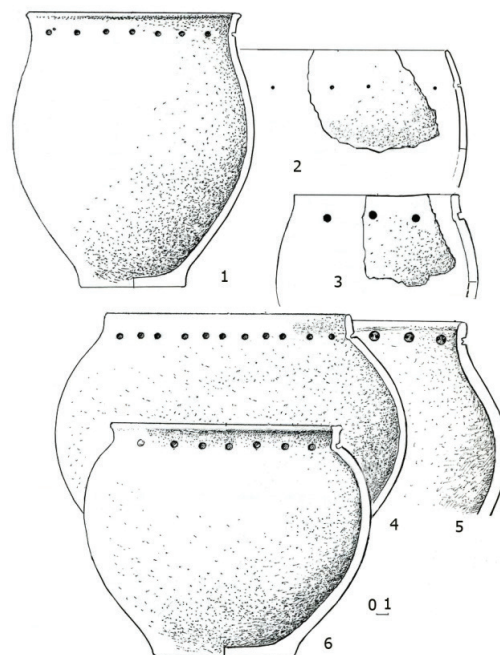
3

4

Рис. 44. Поселение Майма-1. Керамика

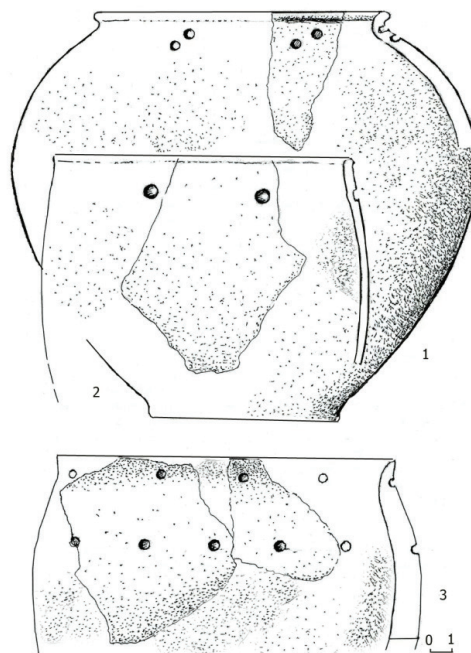
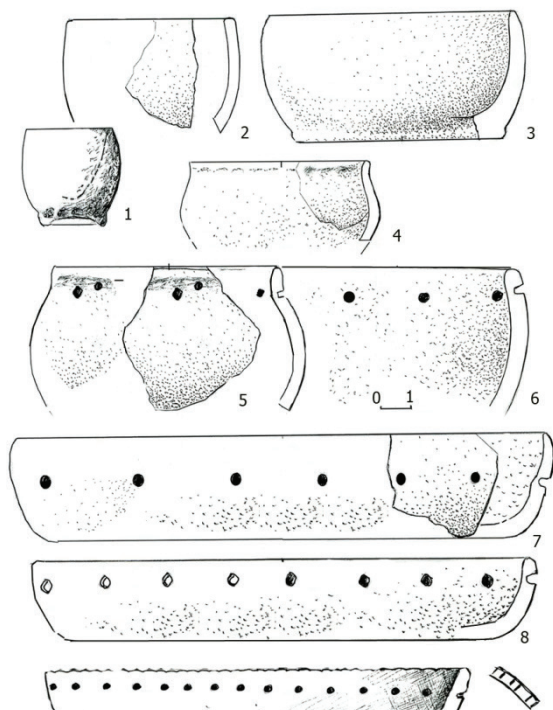
Поселение Майма-1. Керамика: 1-яма 32; 2 - X4'/2; 3 - X4'/1; 4-X1; 5 - C 4'/2; 6 - Y4'/2; 7 - яма 7; 8 - C 4'/2;

Поселение Майма-1. Керамика. 1 - 1 - Бр.X, УФ 3'; 2,3- яма 1; 4,6 - P1' - 2'/2; 5 - яма 33

1

2

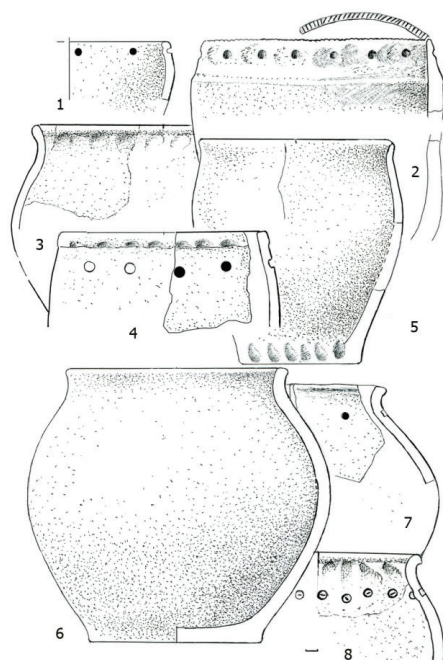

Поселение Майма-1. Керамика: 1, 2 - яма 10; 3 - Ц 6'/2

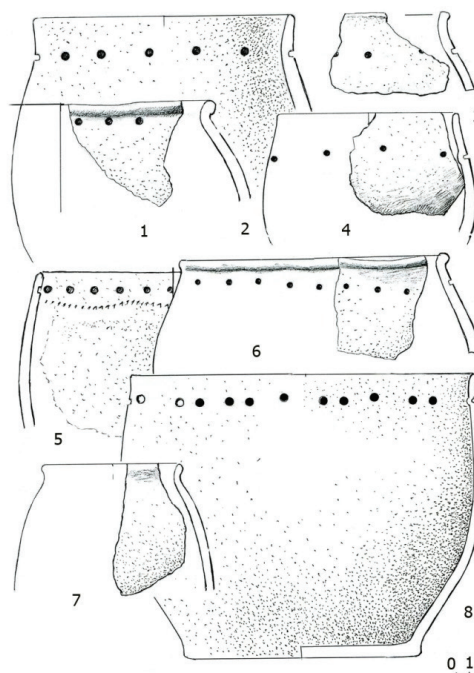
3

4

Рис. 45. Поселение Майма-1. Керамика

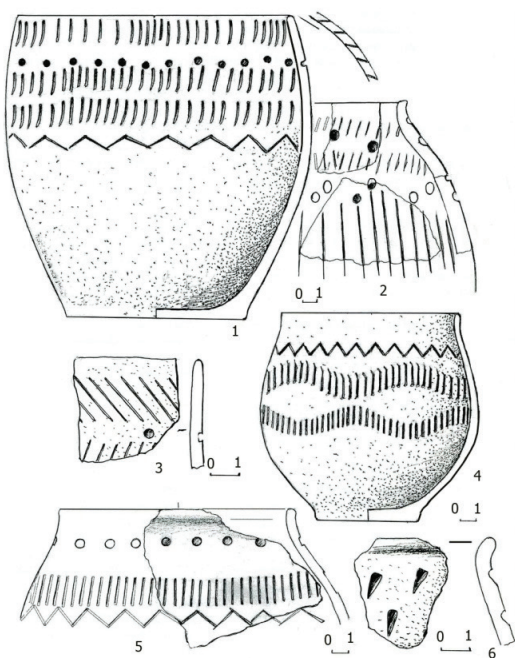
Поселение Майма-1. Керамика: 2 - Ф 7'/3; 3 - Ц 7'/2;
4 - кв.9/1; 5 - Ч 7'/1; 6 - яма 45; 7 - кв.8/2; 8 - Х4'/1;

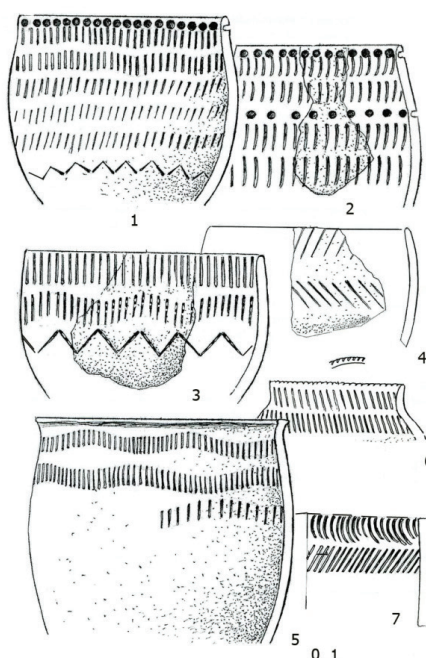
Поселение Майма-1. Керамика. 1-4 - Ш7'/3; 5 - яма 10;
6 - Т 3/1; 7,8 - кв.7/3;

1

2

Поселение Майма-1, керамика: 1 - кв.8; 2 - Ш2/2; 3 - бр. VII - VIII;
4 - Ш1 очаг; 5 - сборки; 6 - Х4'/2;

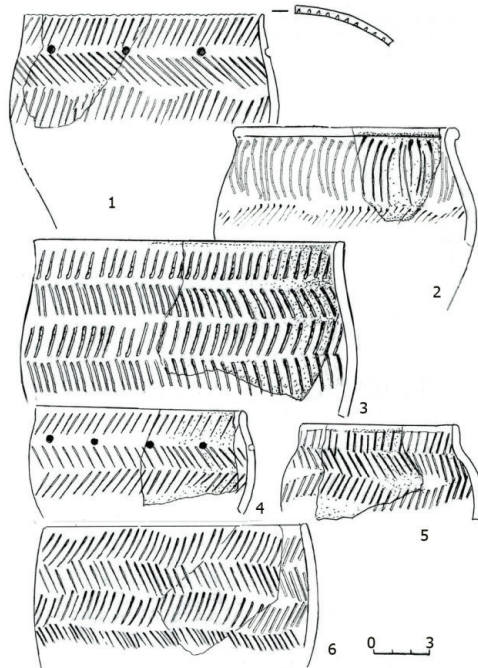

Поселение Майма-1. Керамика. 1 - Яма 7; 2 - кв.1, бр. VII;
3 - кв. 8/2; 5,7 - УФ, бр. XI; 6 - УФ/6'

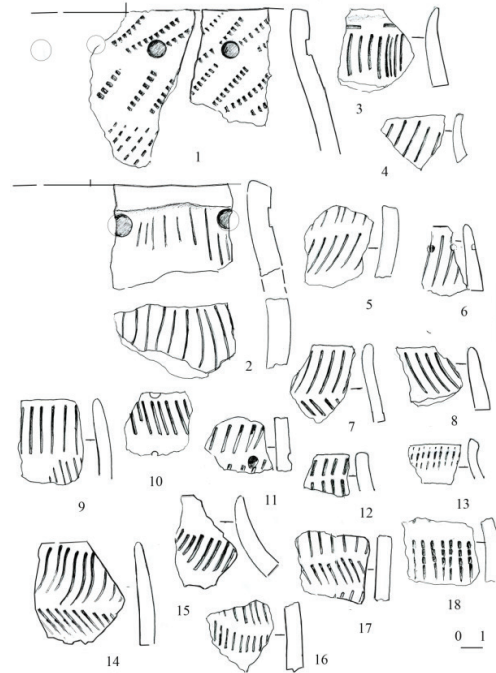
3

4

Рис. 46. Поселение Майма-1. Керамика

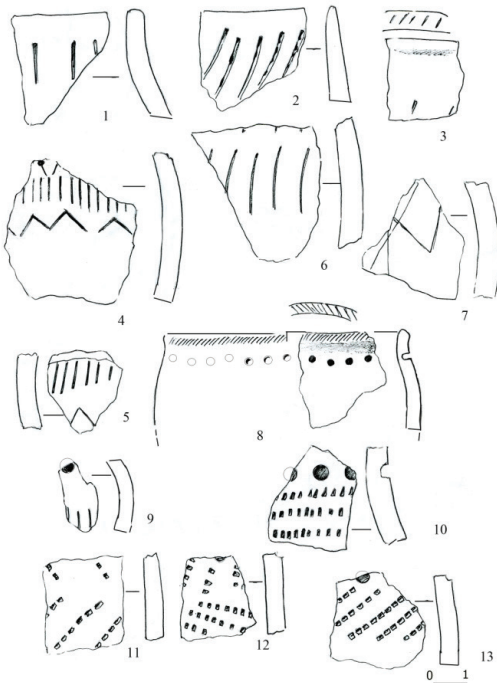
Поселение Майма-1. Керамика. 1-Х4'/2; 2 - А6/2; 3 - кв.8/3; 4,5 - Яма 45; 6 - Т6'/1;

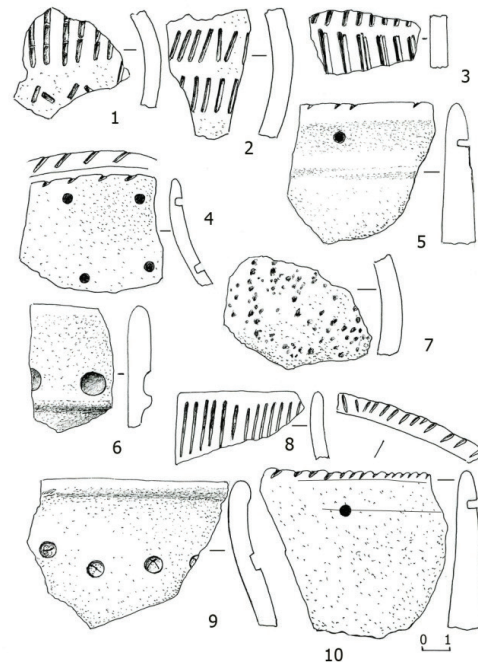
Поселение Майма-1, сборки.

1

2

Поселение Майма-1. Сборки.

Поселение Майма-1. Керамика. 1-3 - Ц6'/2; 4 - яма 45; 5 - У5/2; 6 - Т6'/1; 7 - Р2; 8 - Э5'/2; 9,10 - Х4'/2

3

4

Рис. 47. Поселение Майма-1. Керамика

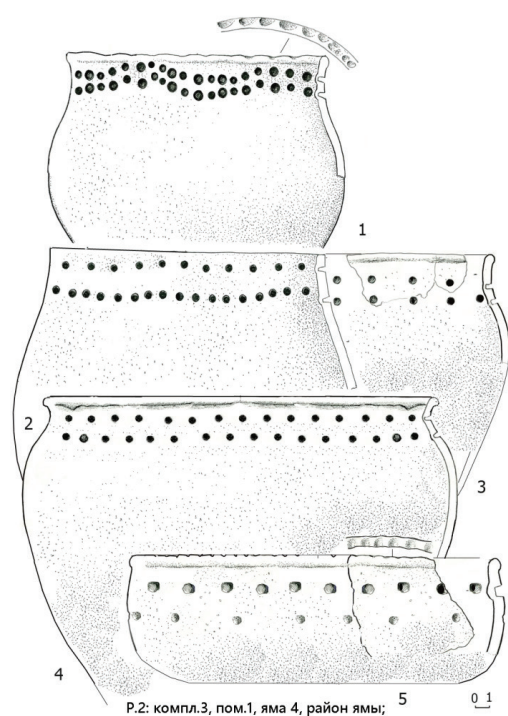
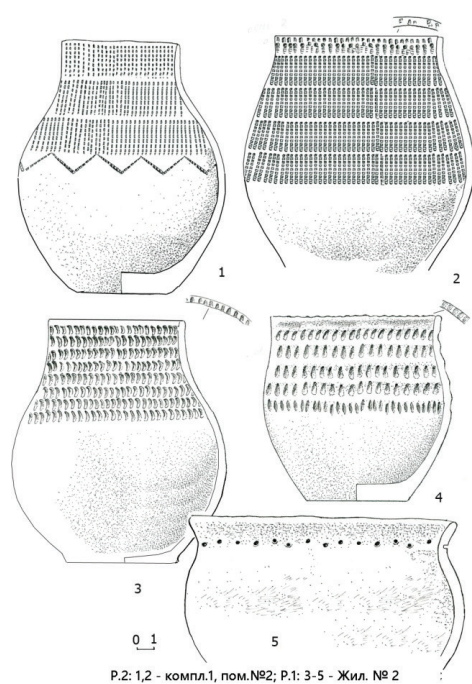
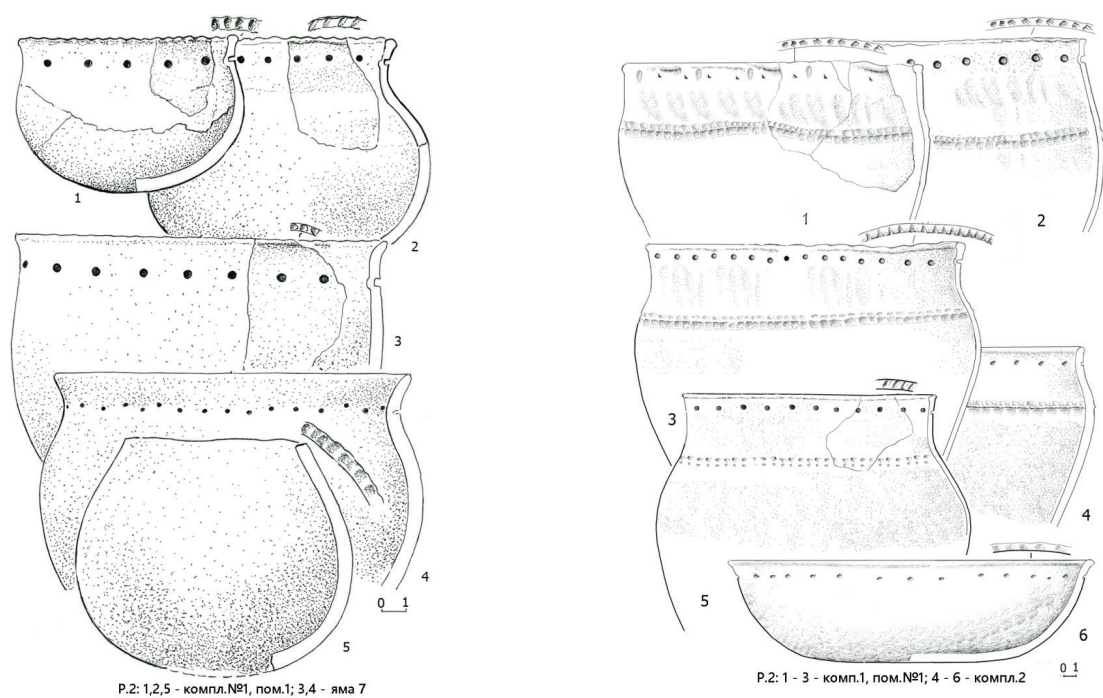
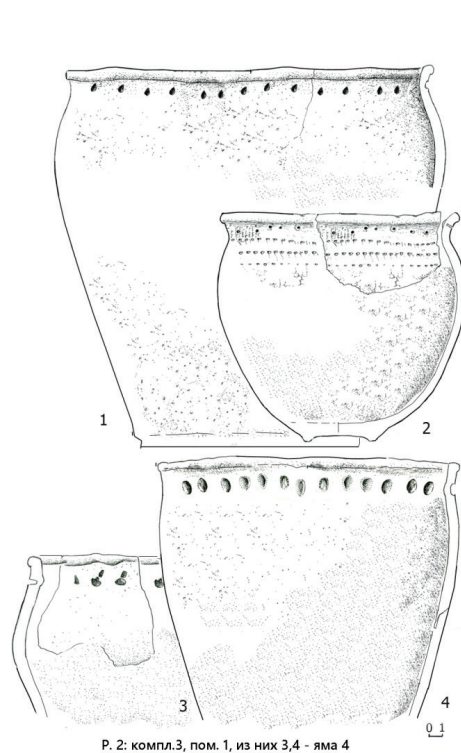
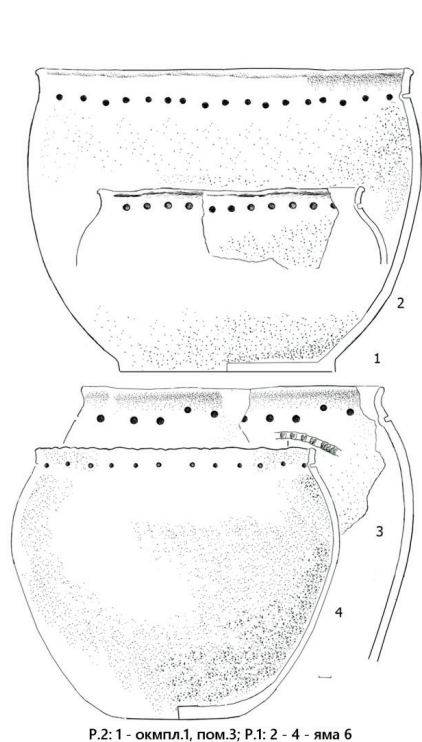
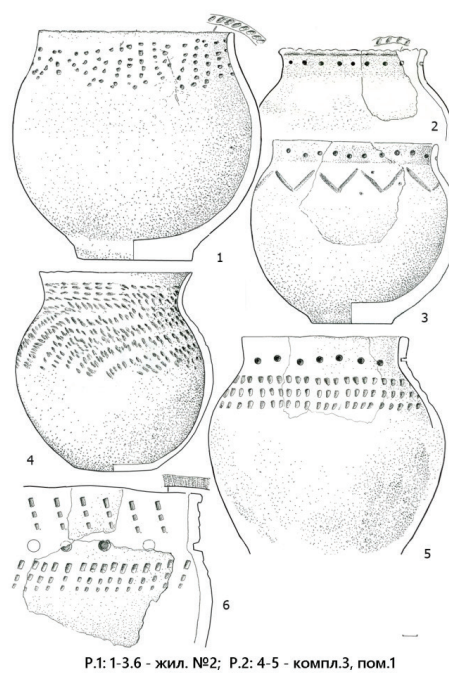
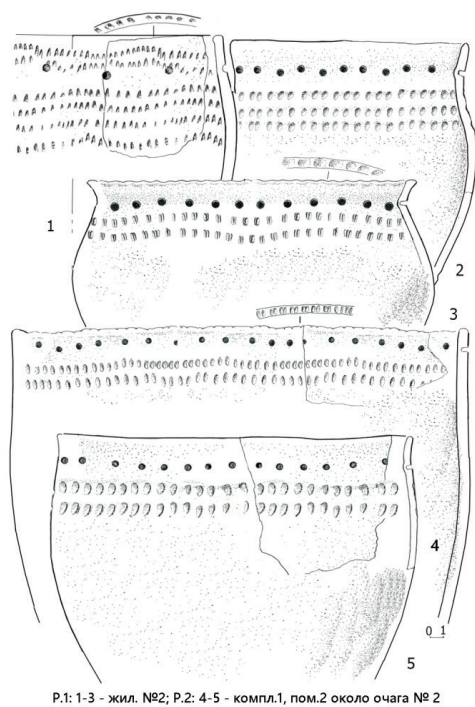

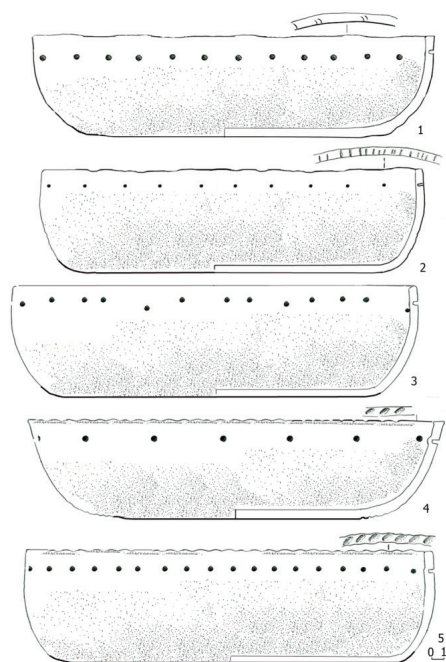
Рис. 48. Поселение Ушлёп-5. Керамика из помещения №1, К1, раскоп 2

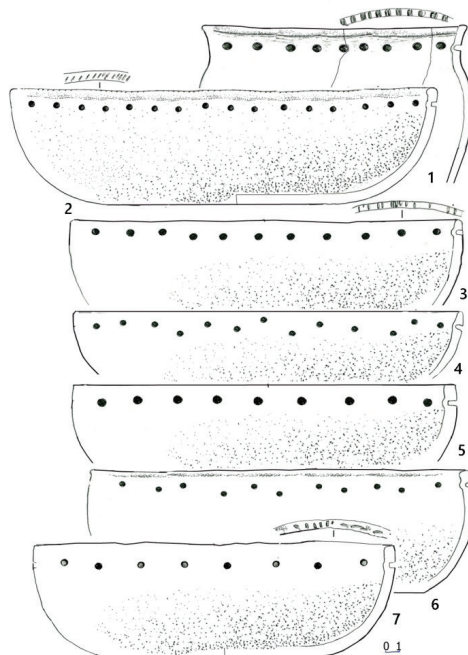
3

4

Рис. 49. Поселение Ушлѣп-5. Керамика из ЖК № 2, помещения № 3, К № 3, ямы 4. Раскоп 2

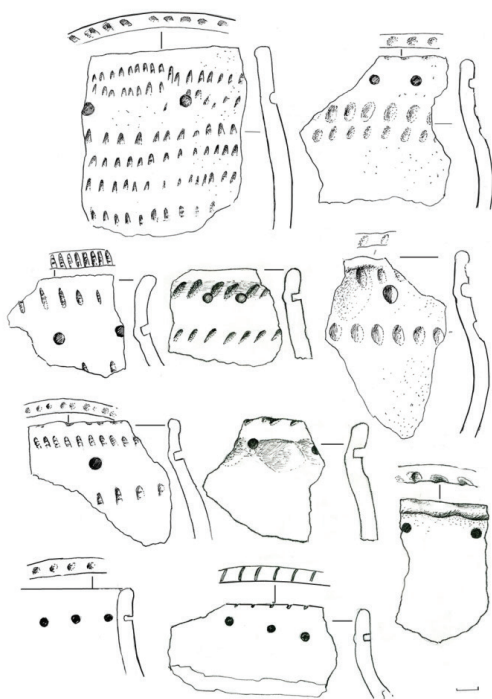
Р.2: 1 - компл.3, пом.1; 2-2 - яма 7; Р.1: 4 - яма 6; 5 - яма 5

Р.1: 1 - жил. №4; 2-3 - жил. №2; Р.2: 4-компл.1, констр.2; 5-6 - компл.2

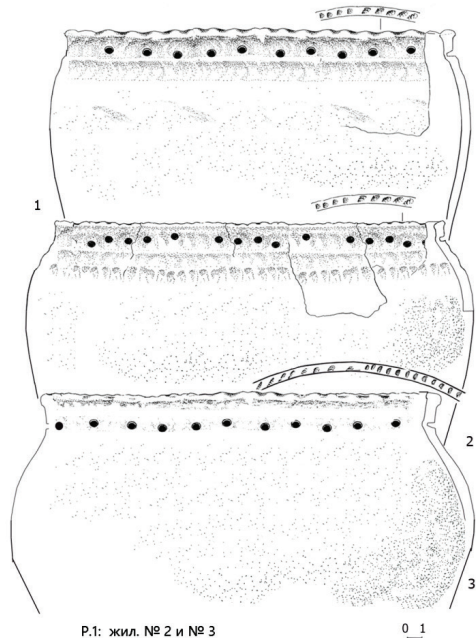
1

2

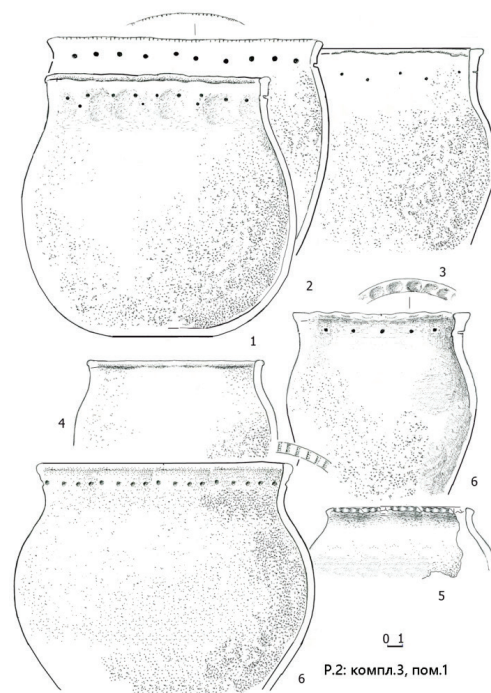
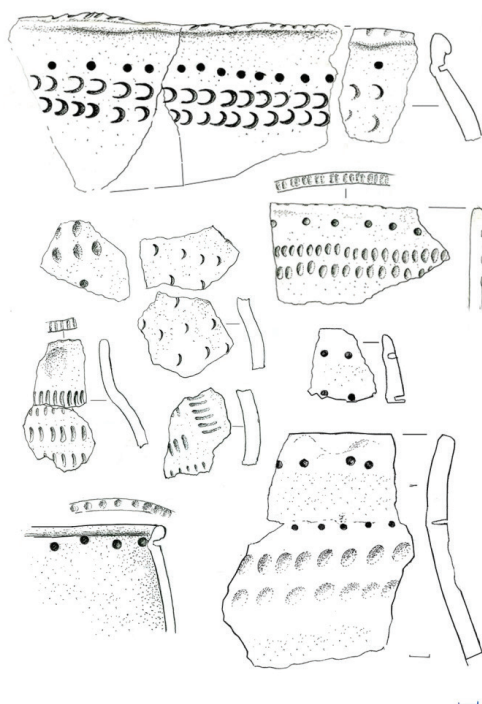
3

4

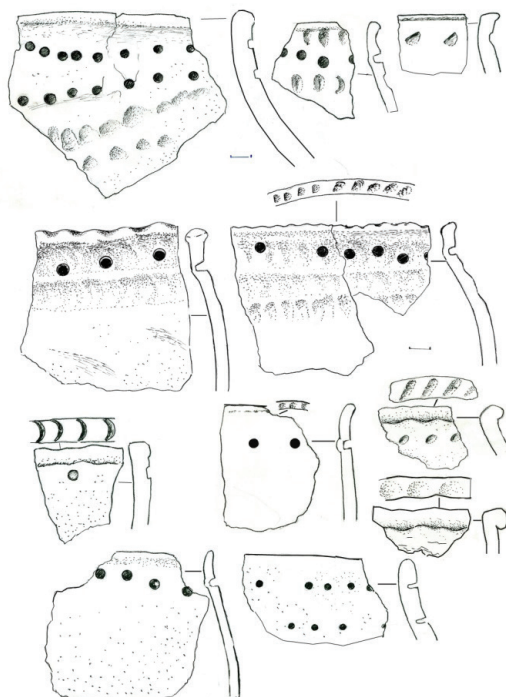
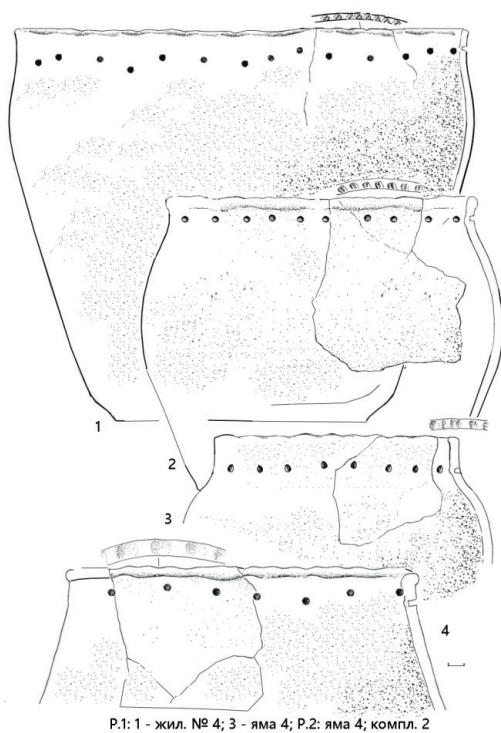
Р.1: жил. № 2 и № 3

Рис. 50. Поселение Ушлѣп-5. Керамика

1

2

3

4

Рис. 51. Поселение Ушлѣп-5. Керамика

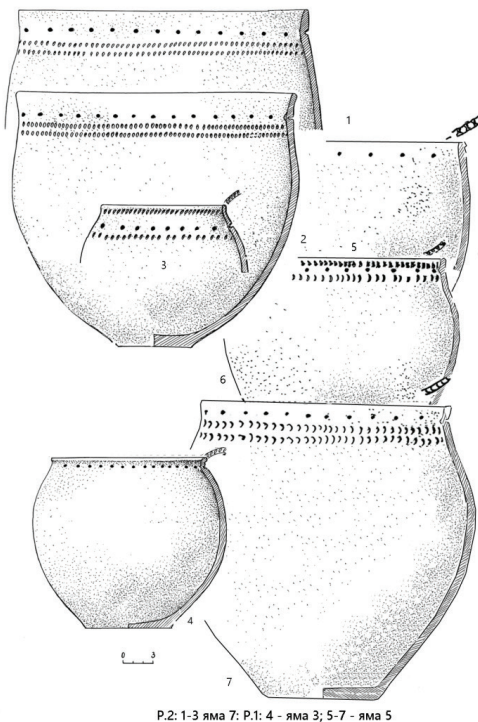
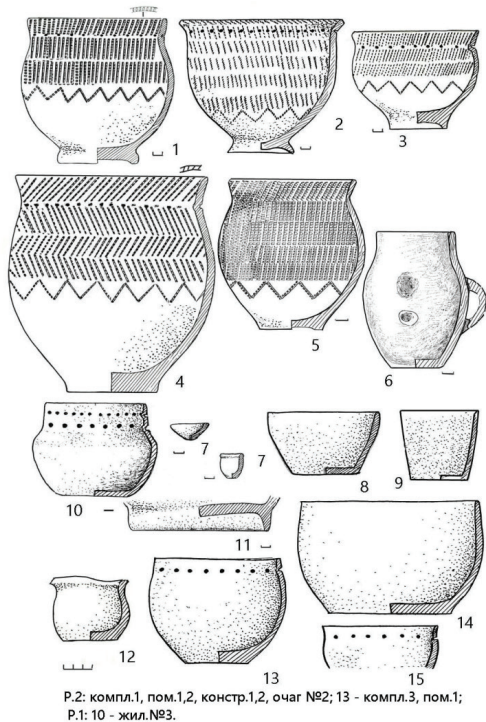
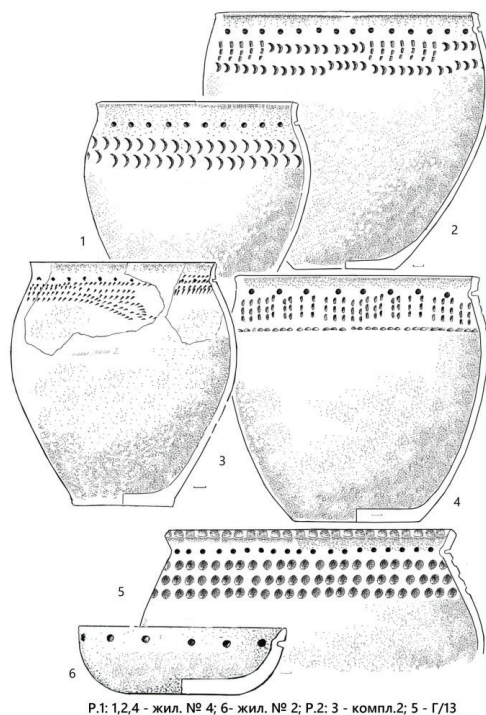
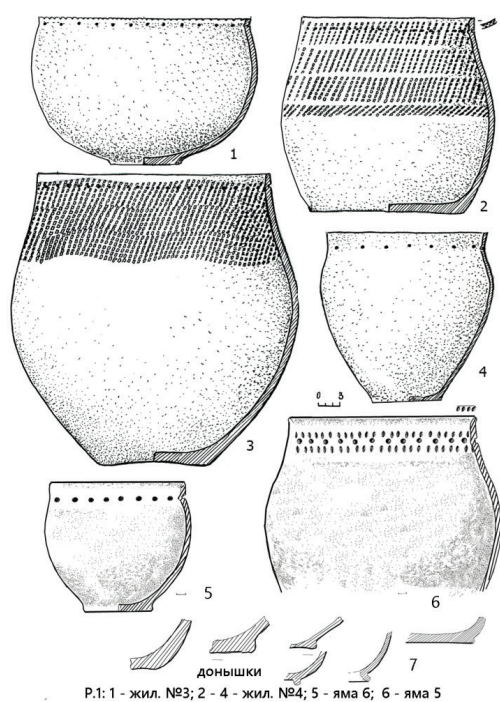
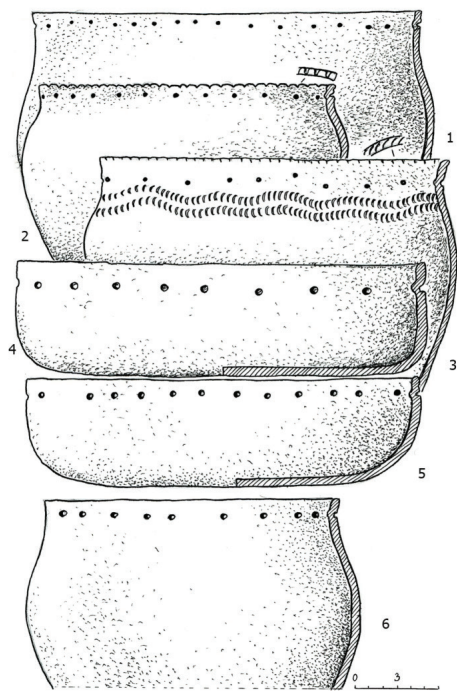
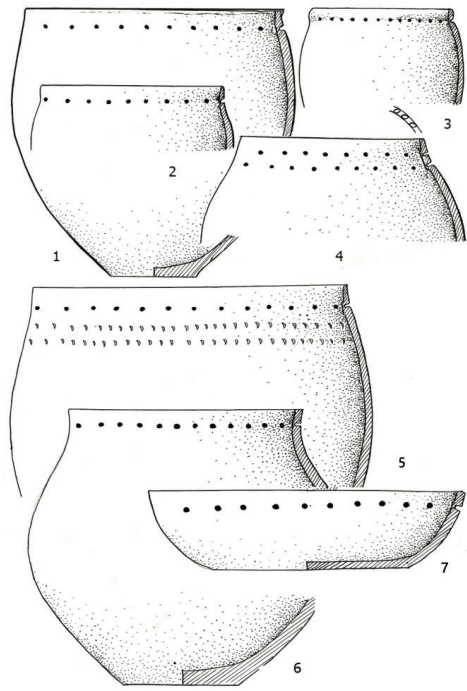

Рис. 52. Поселение Ушлѣп-5. Керамика

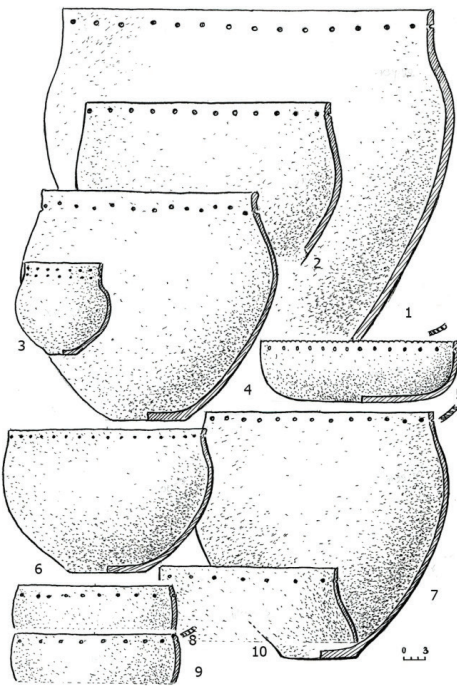
Р.1: Раскоп 1.1-4 - яма 6; 5,6 - жил. № 4

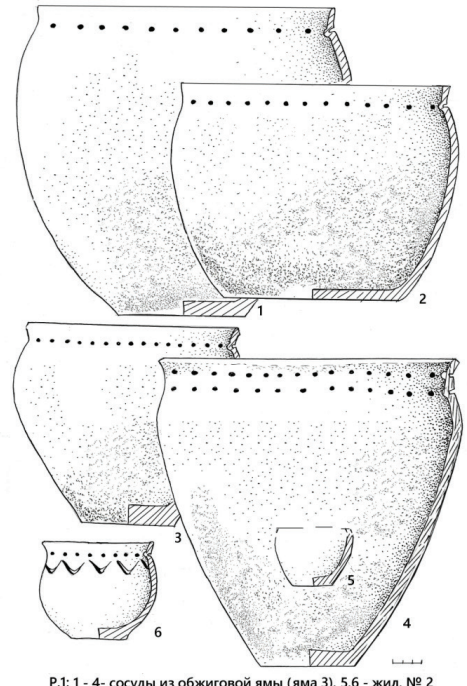
Р.2: 1-5,7 - компл.1; 6 - яма 4;

1

2

Р.1. Жил. № 3

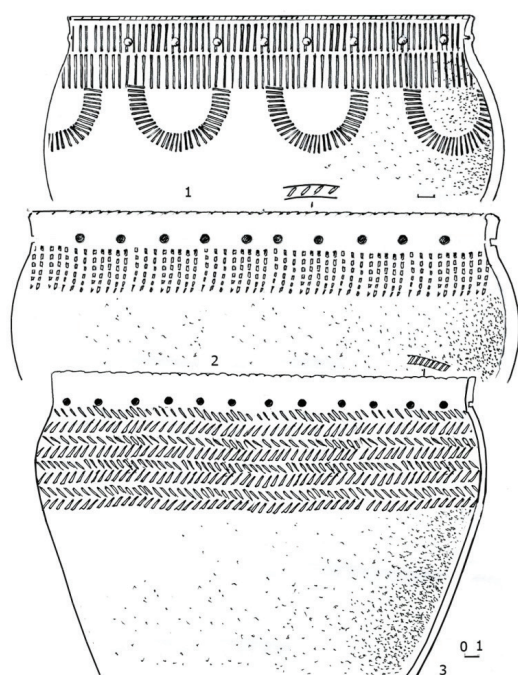

Р.1: 1 - 4- сосуды из обжиговой ямы (яма 3), 5,6 - жил. № 2

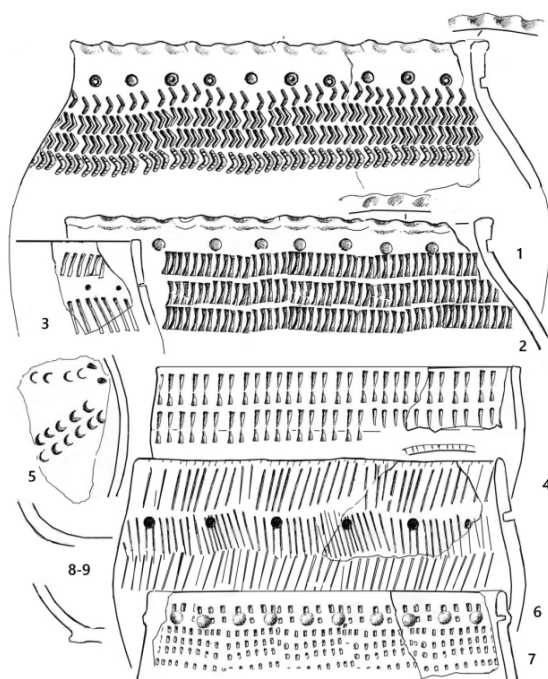
3

4

Рис. 53. Поселение Ушлѣп-5. Керамика

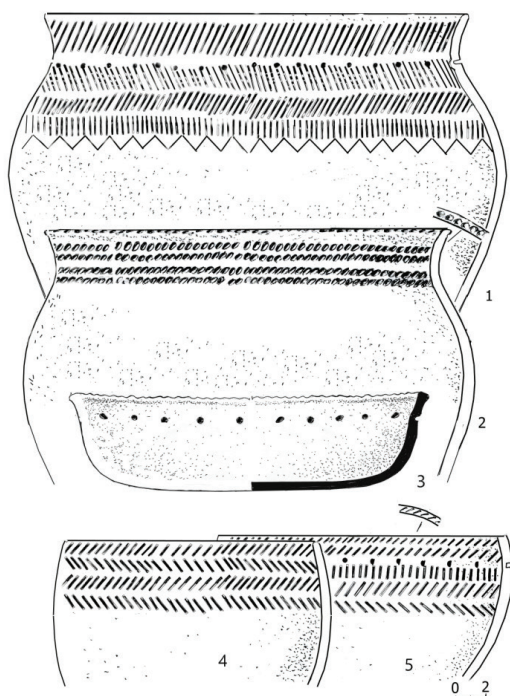
поселение Сайлап (Сайлапский Взвоз), сборы

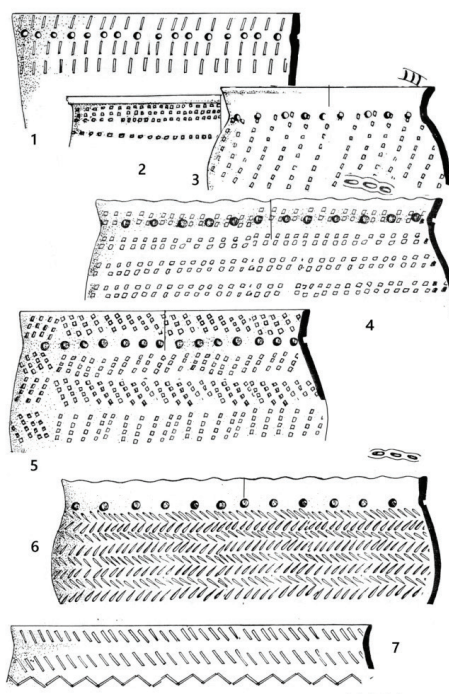
Поселение Сайлап (Сайлапский Взвоз)

1

2

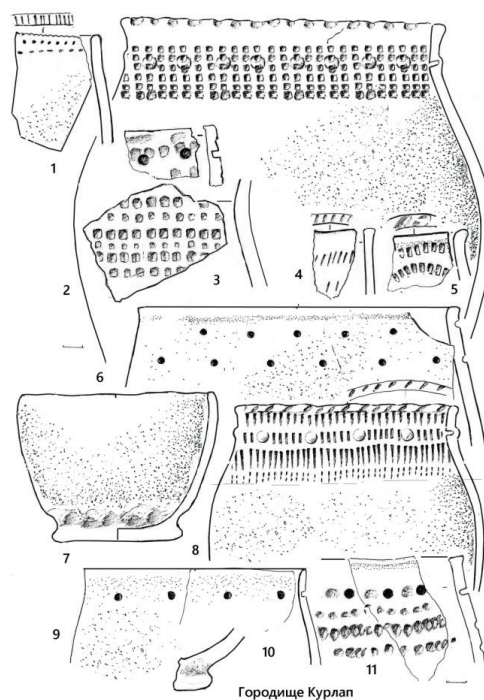
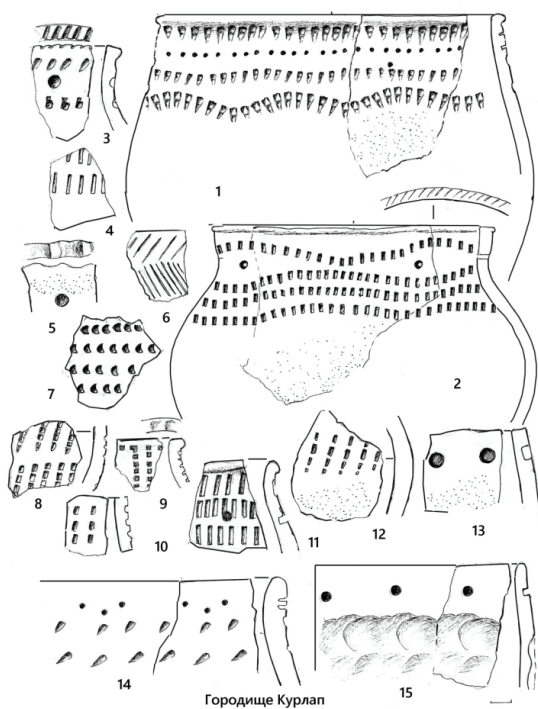

3

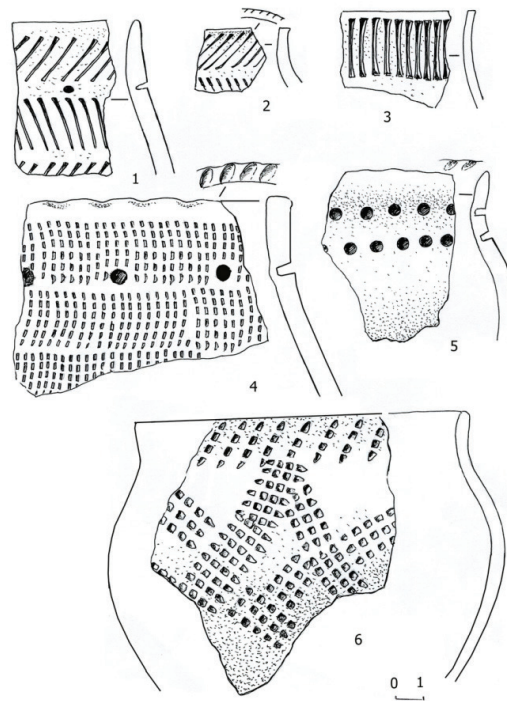
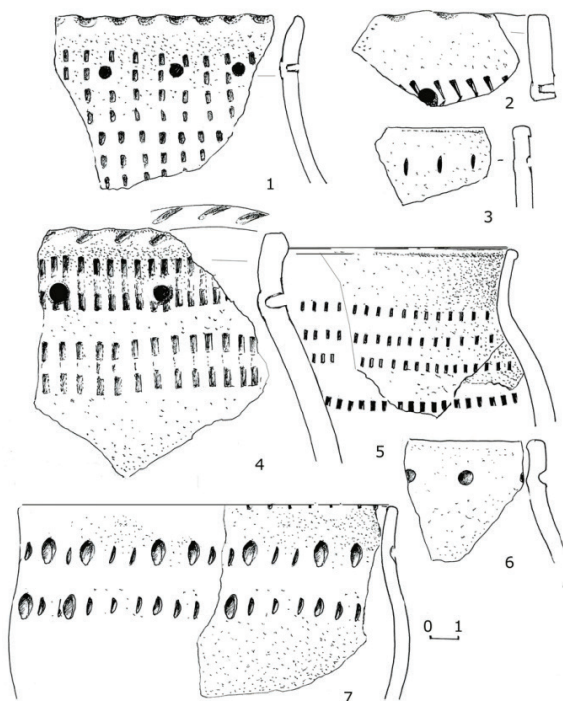
4

Рис. 54. Керамика из поселения (городища) Сайлап (Сайлапский Взвоз):
сборы из разрушений и публикации Г.В. Скопинцевой (4: Скопинцева, 1993, рис. 4, 5)

1

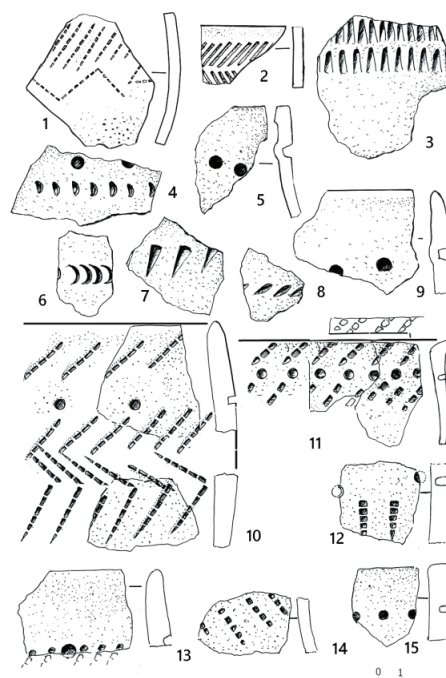
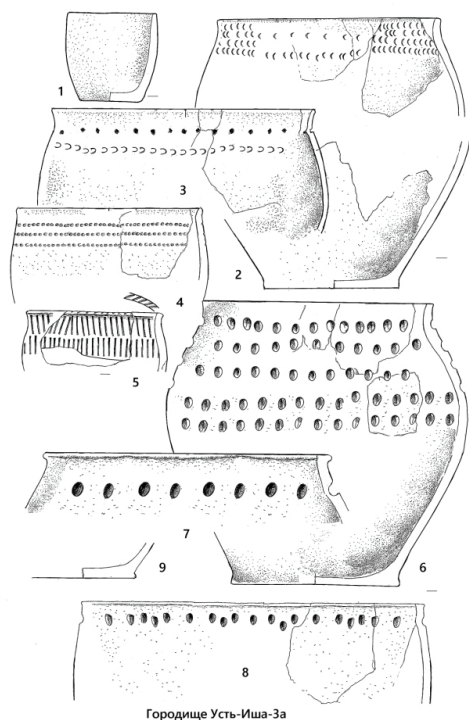
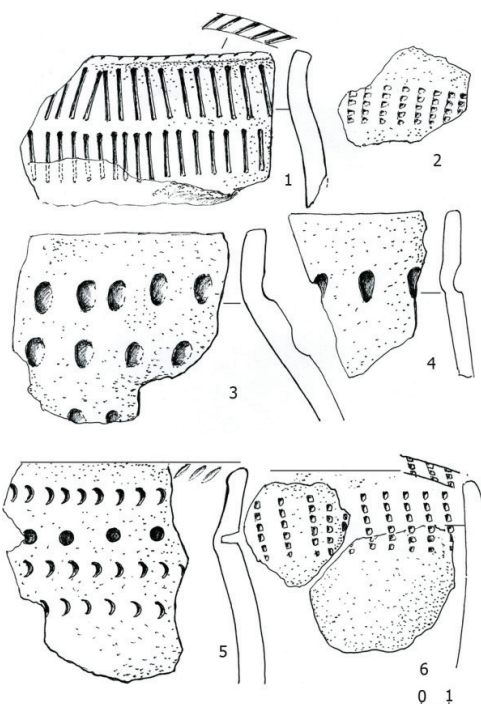
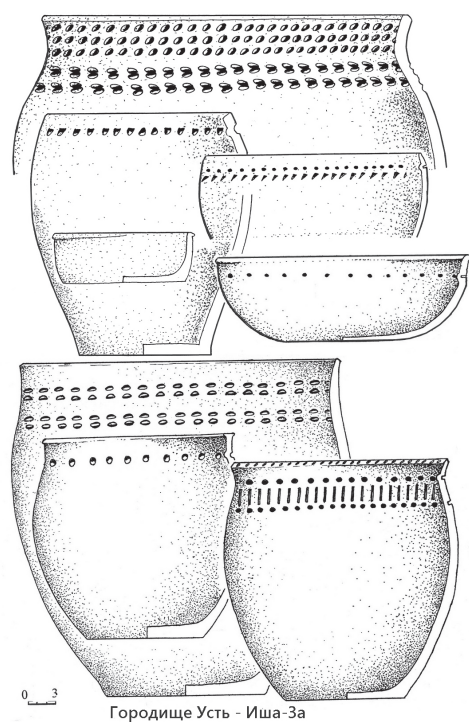
2

3

4

Рис. 55. Керамика из городища Курлап. Сборы

1,2 - городище Курлап-2; 3 - 9 - городище Канонерская Гора;
10 - 15 - поселение Уалинка

Рис. 56. Керамика:

1-3 — городище Усть-Иша-3а, 4 — городище Курлап-2 (1, 2), Канонерская Гора (3-9);
поселение Уалинка (10-15)

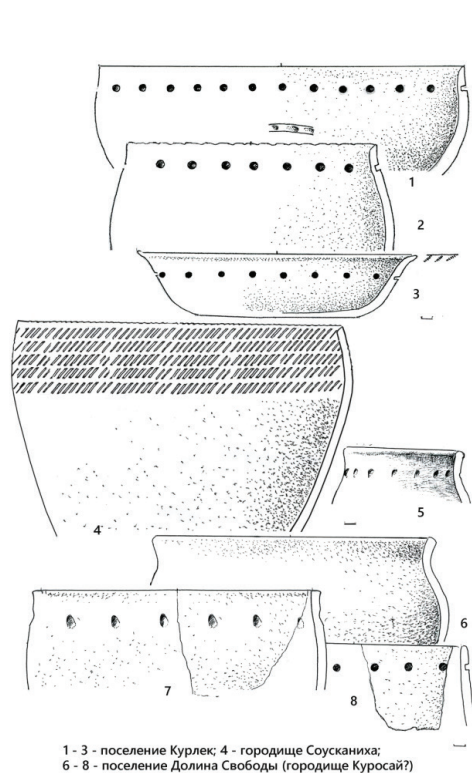
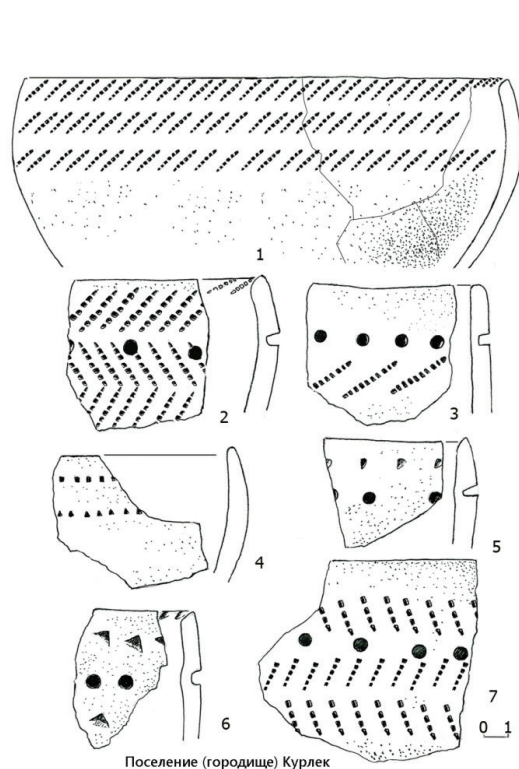
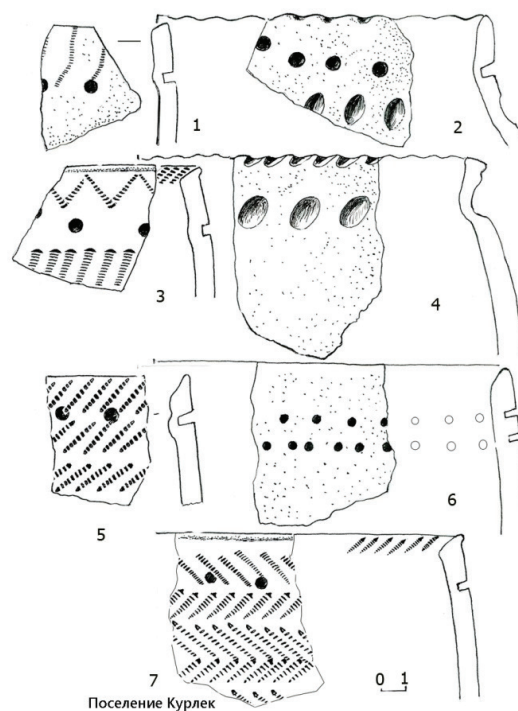
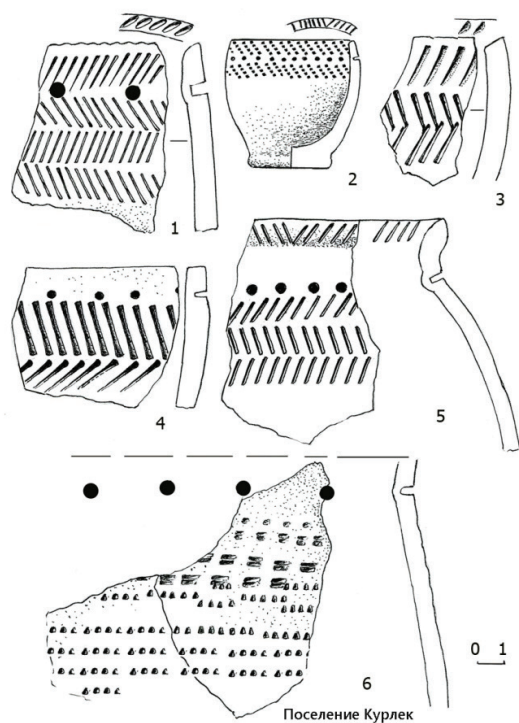
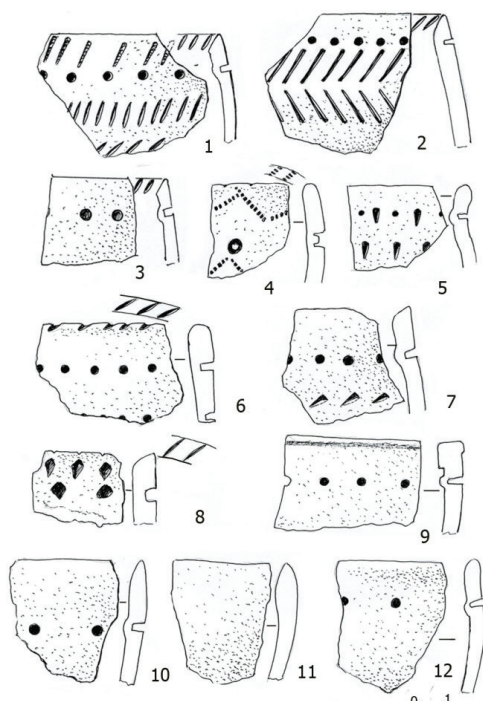
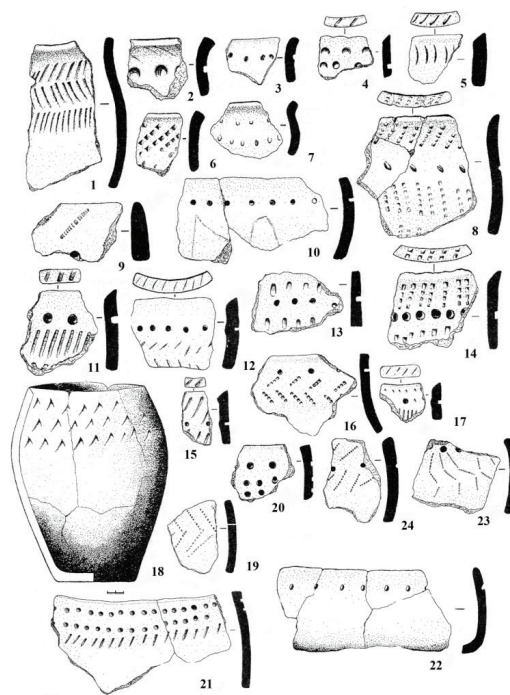

Рис. 57. Керамика: 1-3, 4.-1-3 — поселение (городище) Курлек;
4.-4 — городище Соусканиха, 4.- 6-8 — Долина Свободы (городище Куросай)

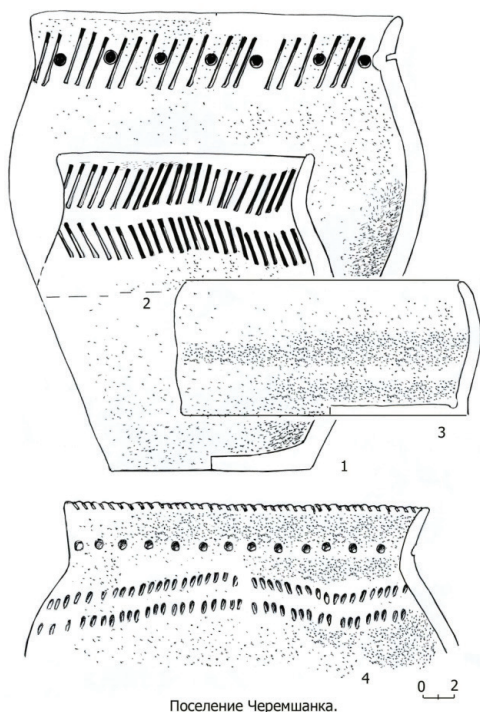
1-3 - городище Егона; 4-12 - поселение Улаинка - 5

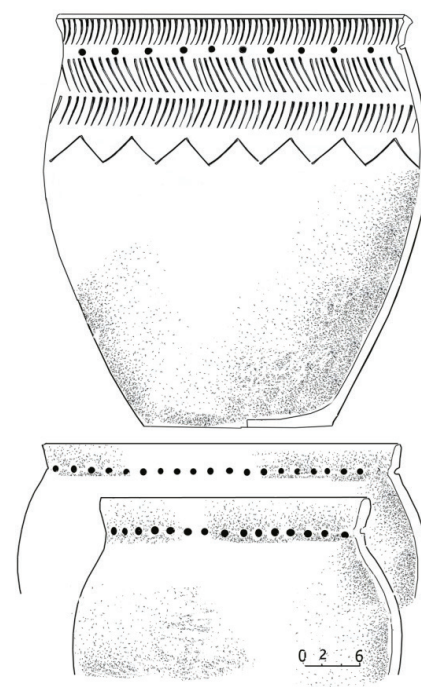
Поселение Урлу-Аспак-І. Жилище. (по Т.А. Акимовой, 2008, рис. 2,3)

1

2

Поселение Черемшанка.

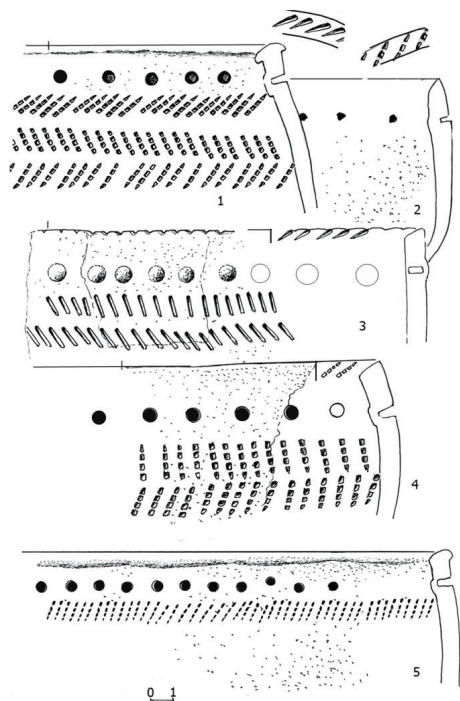

Поселение Черемшанка

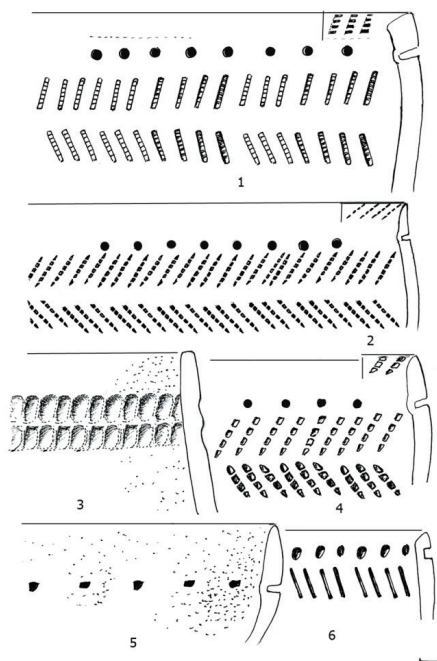
3

4

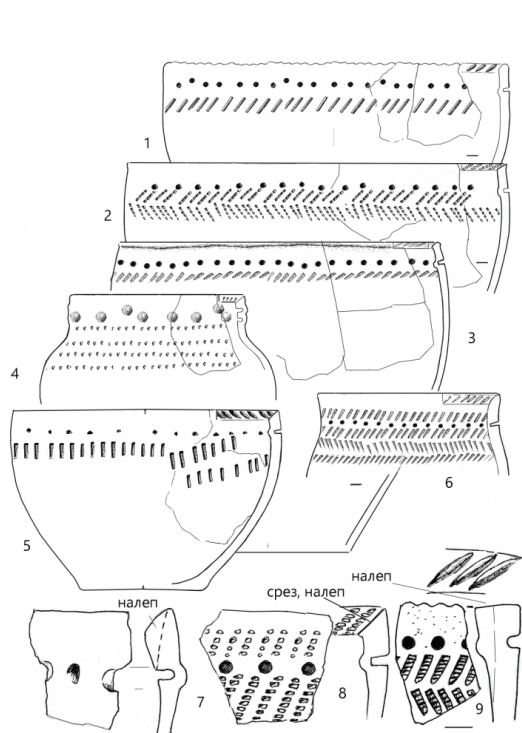
Рис. 58. Керамика: 1.- 1-3 — городище Егона, 1.- 4-12 — поселение Улаинка-5;
2 — Урлу-Аспак-1; 3, 4 — городище Черемшанка

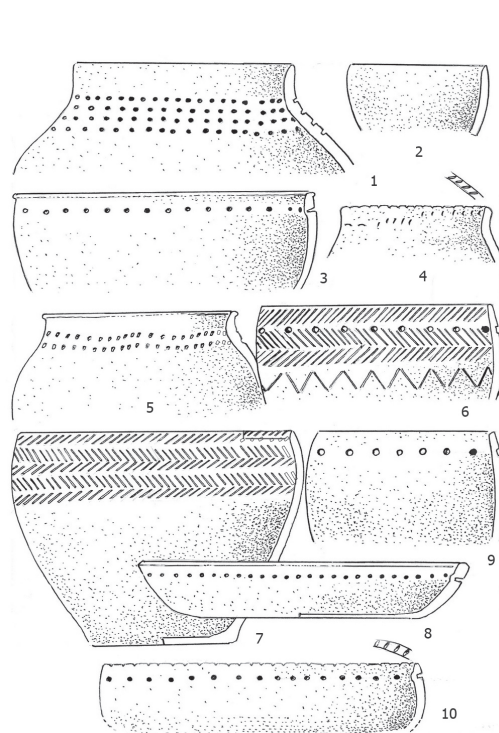
Керамика из поселения Горный-3: (2,3 - жил.№ 3, 1,4 - яма 74)

Поселение Горный-3. 1 - УЧ/56-57; 2 - яма 67; 3 - УЧ/53-54; 4 - ФХ/53; 5 - С/52; 6 - жил.1

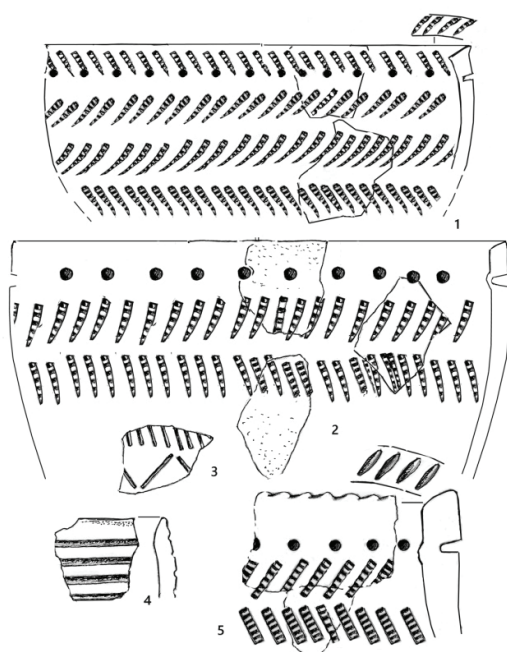

Поселение Горный-3
1 - 6 - реконструкции сосудов; 7 - 9 - виды венчиков

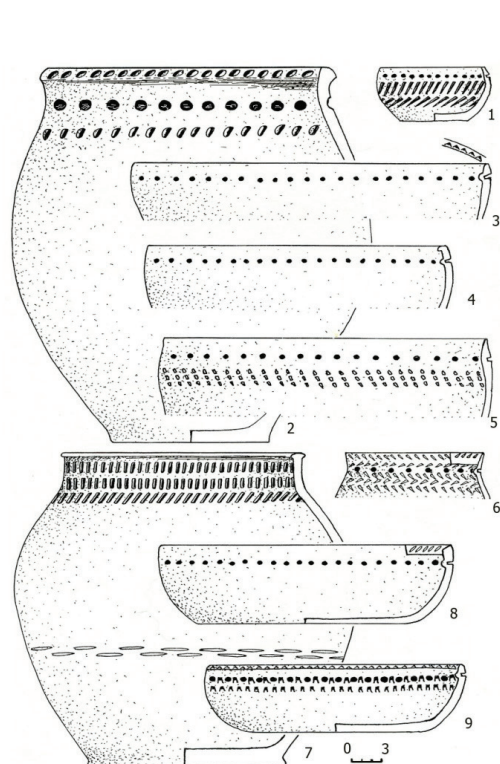
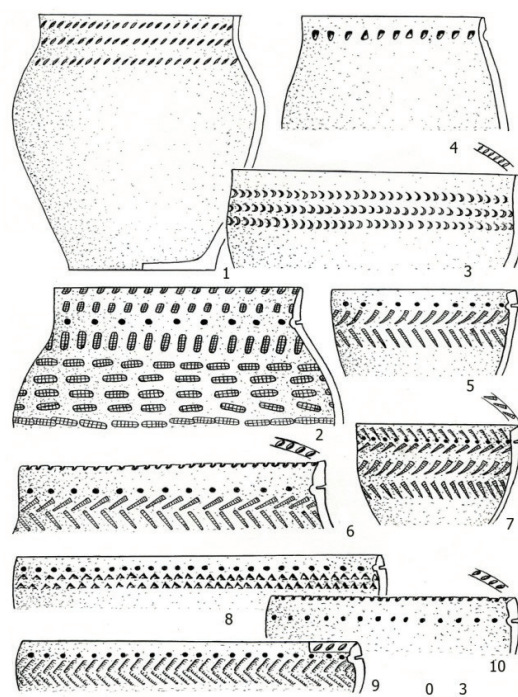

Поселение Солонцы - 1,2

Рис. 59. Керамика: 1-3 — поселение Горный-3; 4 — поселение и городище Солонцы-1, 2

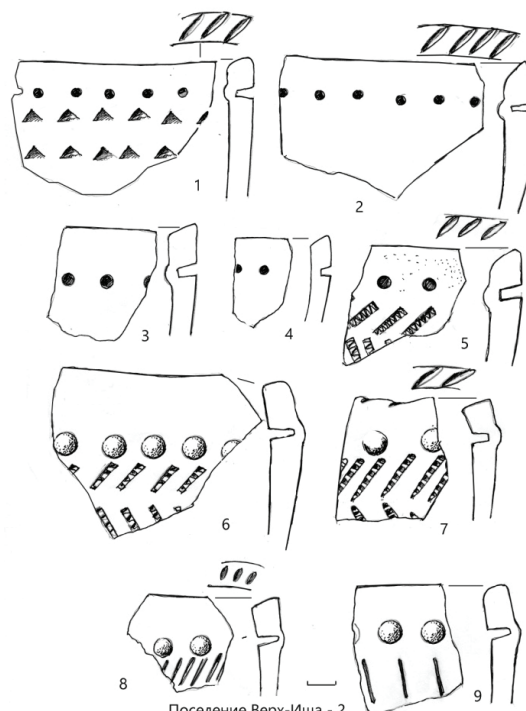

Поселения Горный - 9 (1); Новосуртайка-1 (2 - 4); Верх - Иша-3 (5)

1

2

Поселение Верх-Иша - 2

3

4

Рис. 60. Керамика с поселений на р. Иша: 1.-1 — Горный-9; 1.-2-4 — Новосуртайка-1; 1.-5 — Верх-Иша-3; 2.-1-3 — Верх-Иша-1, 2.-4 — Горный Елбан, 2.-5 — Новосуртайка-1, 2.-6 — Верх-Иша-3, 2.-7 — Горный-9, 2.-8-10 — Верх-Иша-2; 3 — Новозыково-3; 4 — Верх-Иша

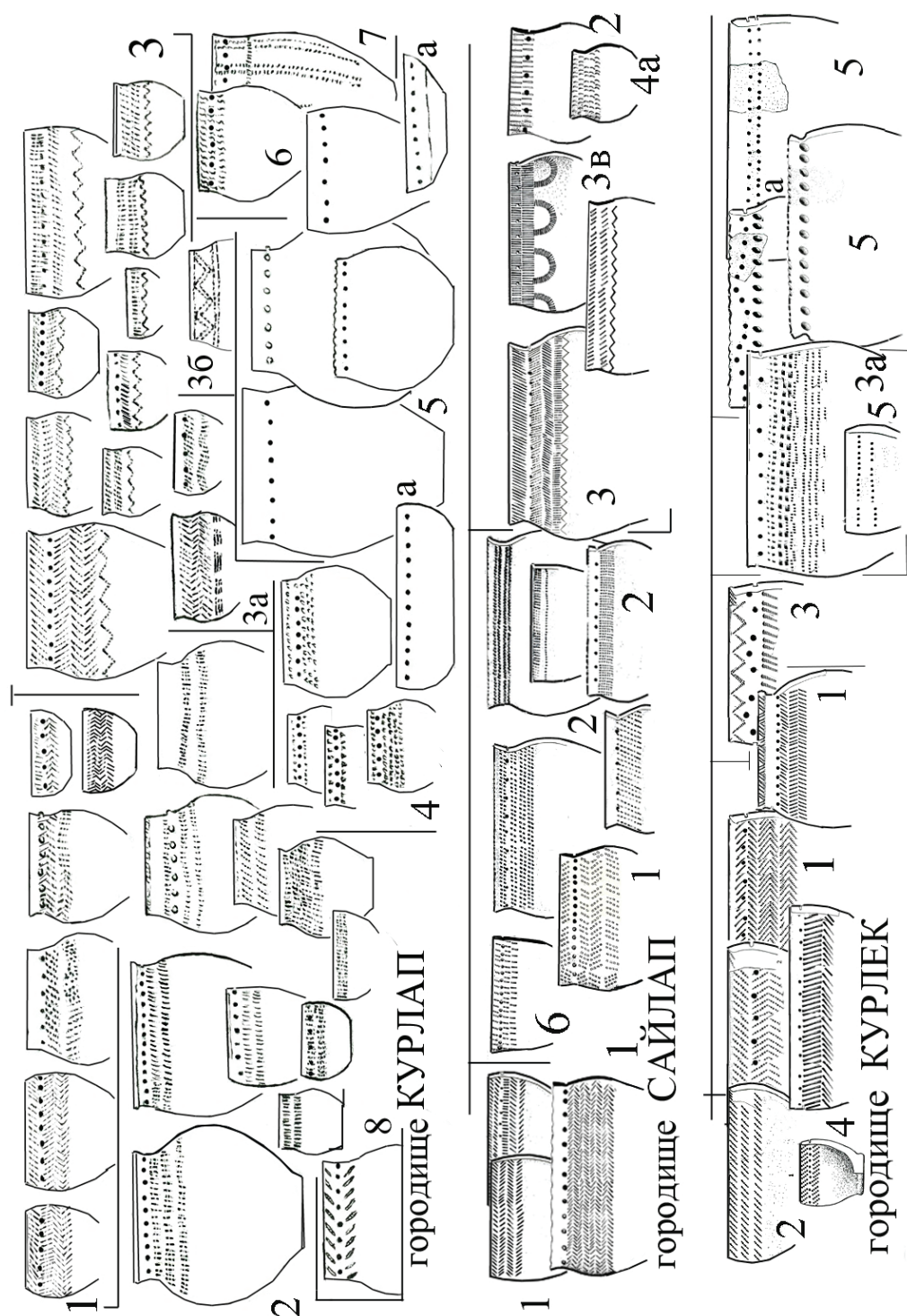

Рис. 61. Сравнительная таблица керамики из майминских городищ Курлап, Сайлап, Курлек

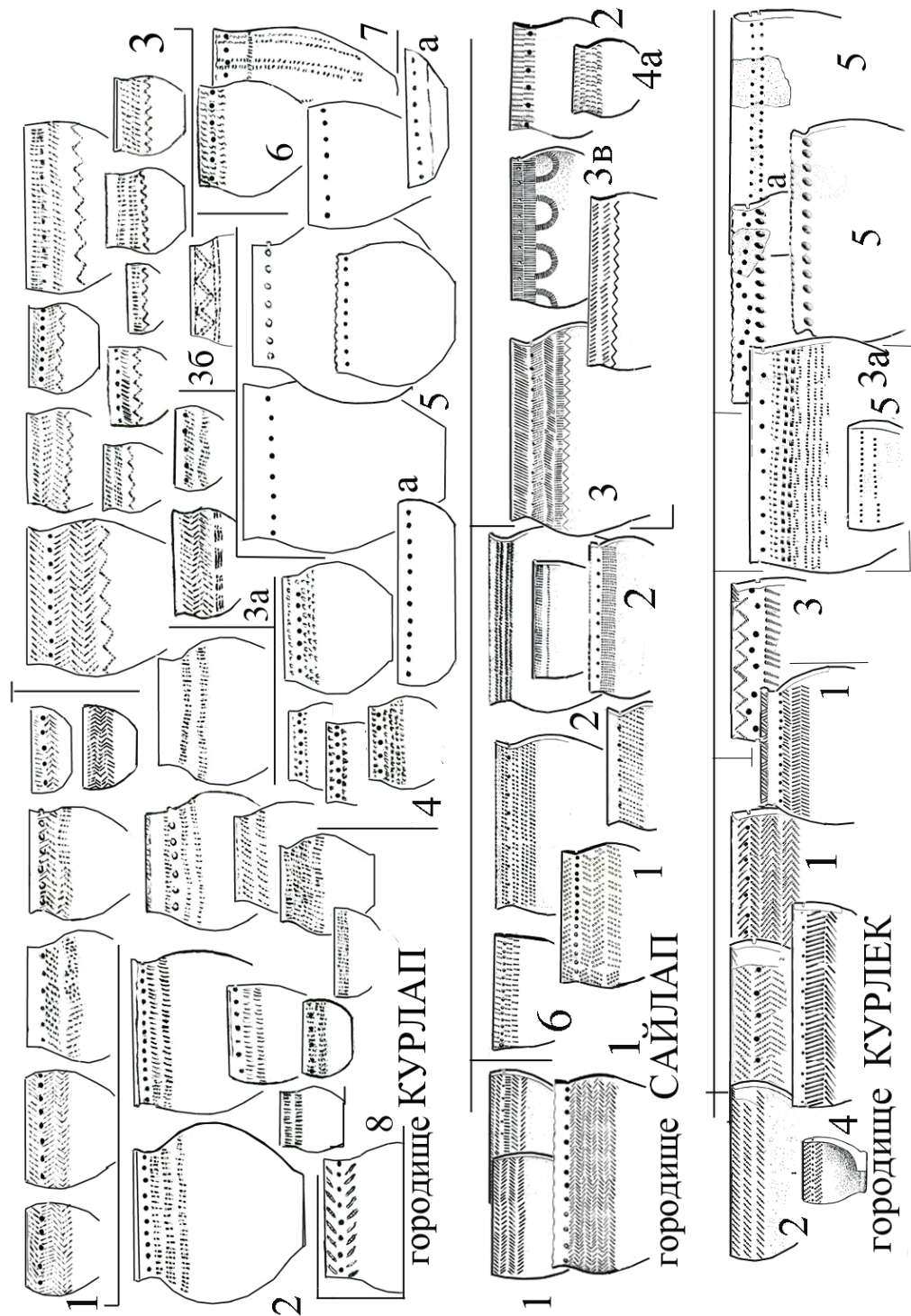
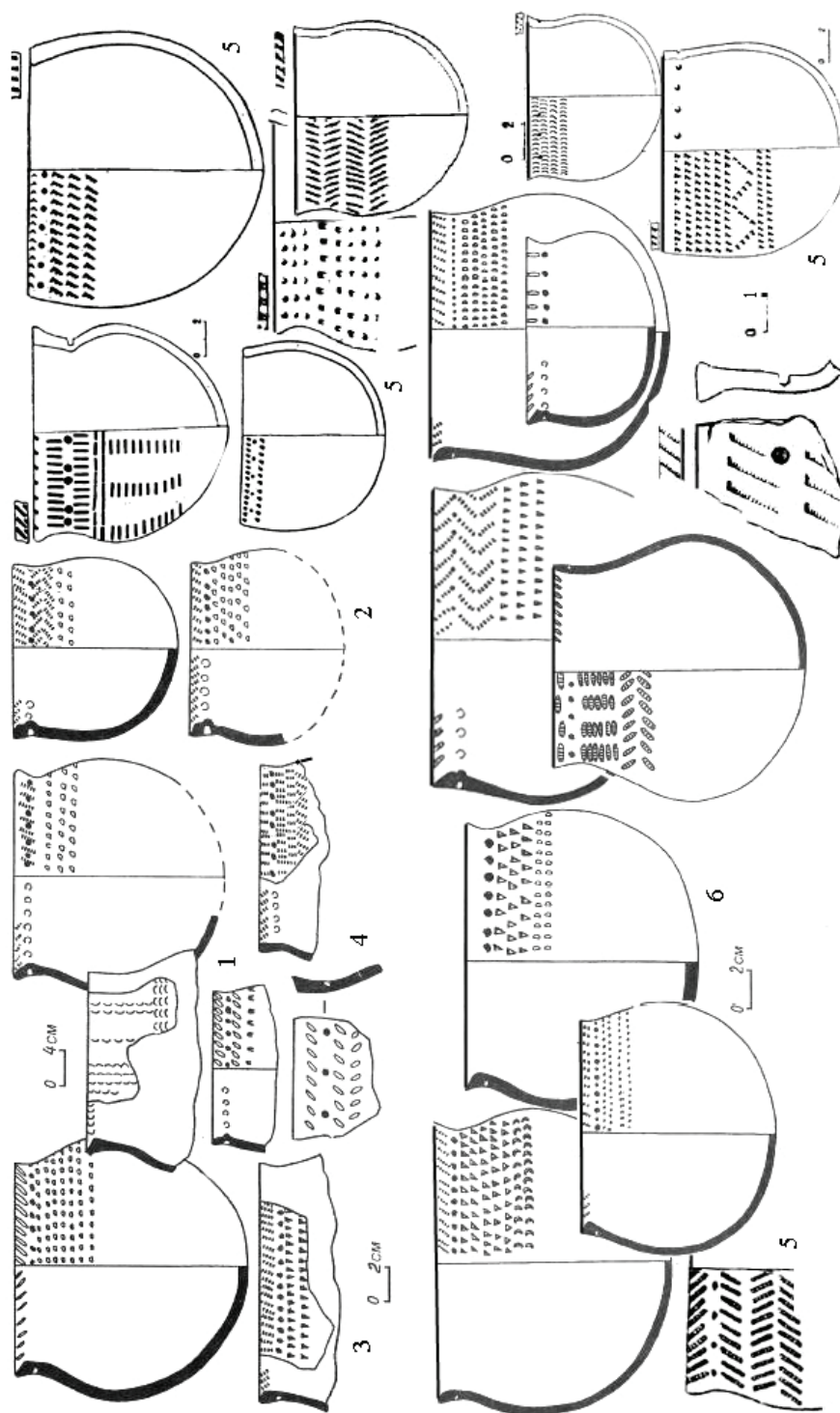

Рис. 62. Сравнительная таблица керамики из майминских поселений Ушлён-5, Майма-1

1 - Чёрный Мыс, 2 - Ирмень-3, 3 - Вьюны-11, 4 - Юрт-Абалык-5, 5 - ТКМ-1, 6 Крохалева-23, 7 - Чёрное Озеро-1

Рис. 63. Сравнительная таблица: керамика единичного этапа по Т.Н. Троицкой и А.В. Новикову (1998, рис. 27, 28, 30), О.Б. Беликовой, Л.М. Плетнёвой (1983, рис. 4, 6, 19, 23)

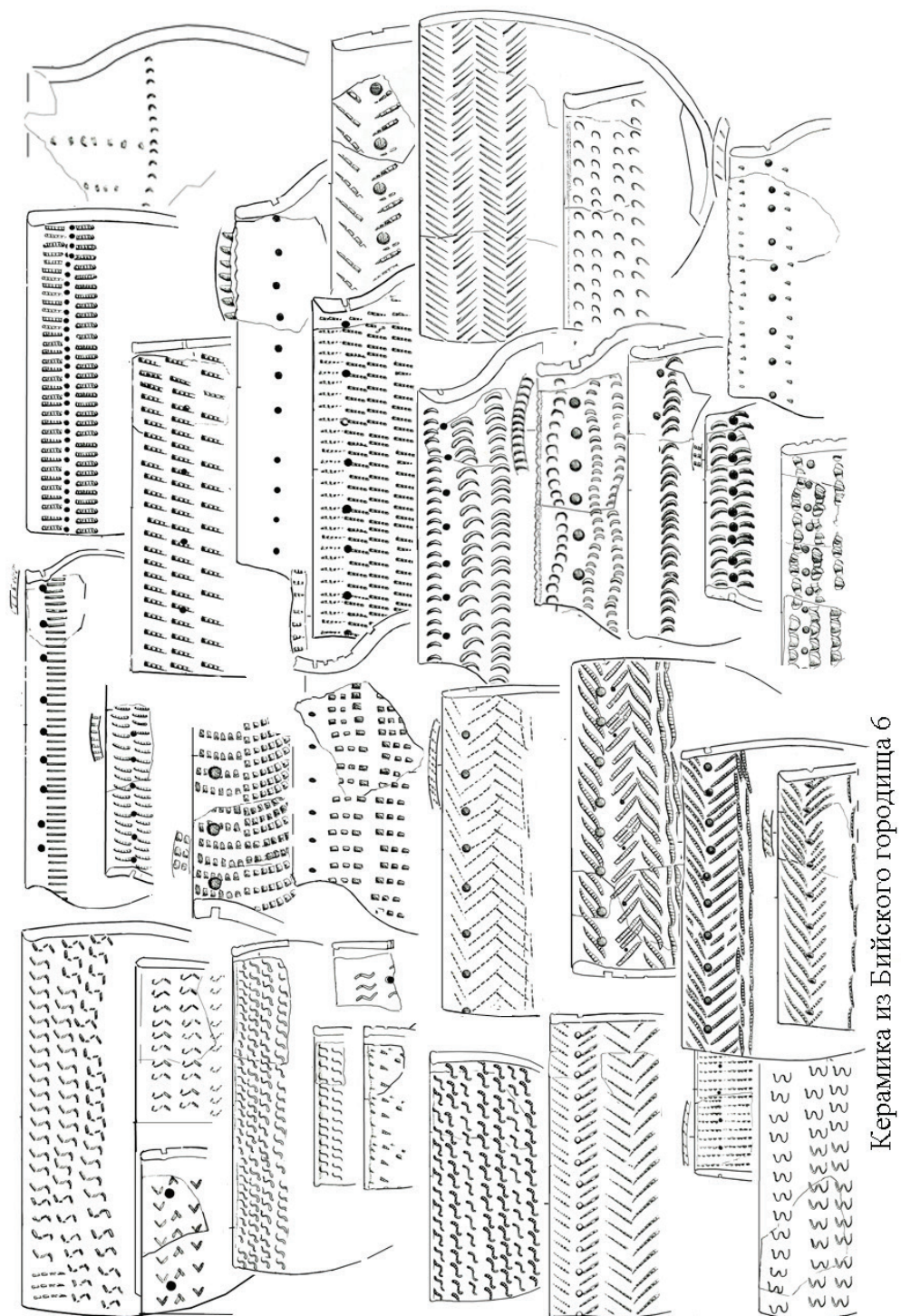
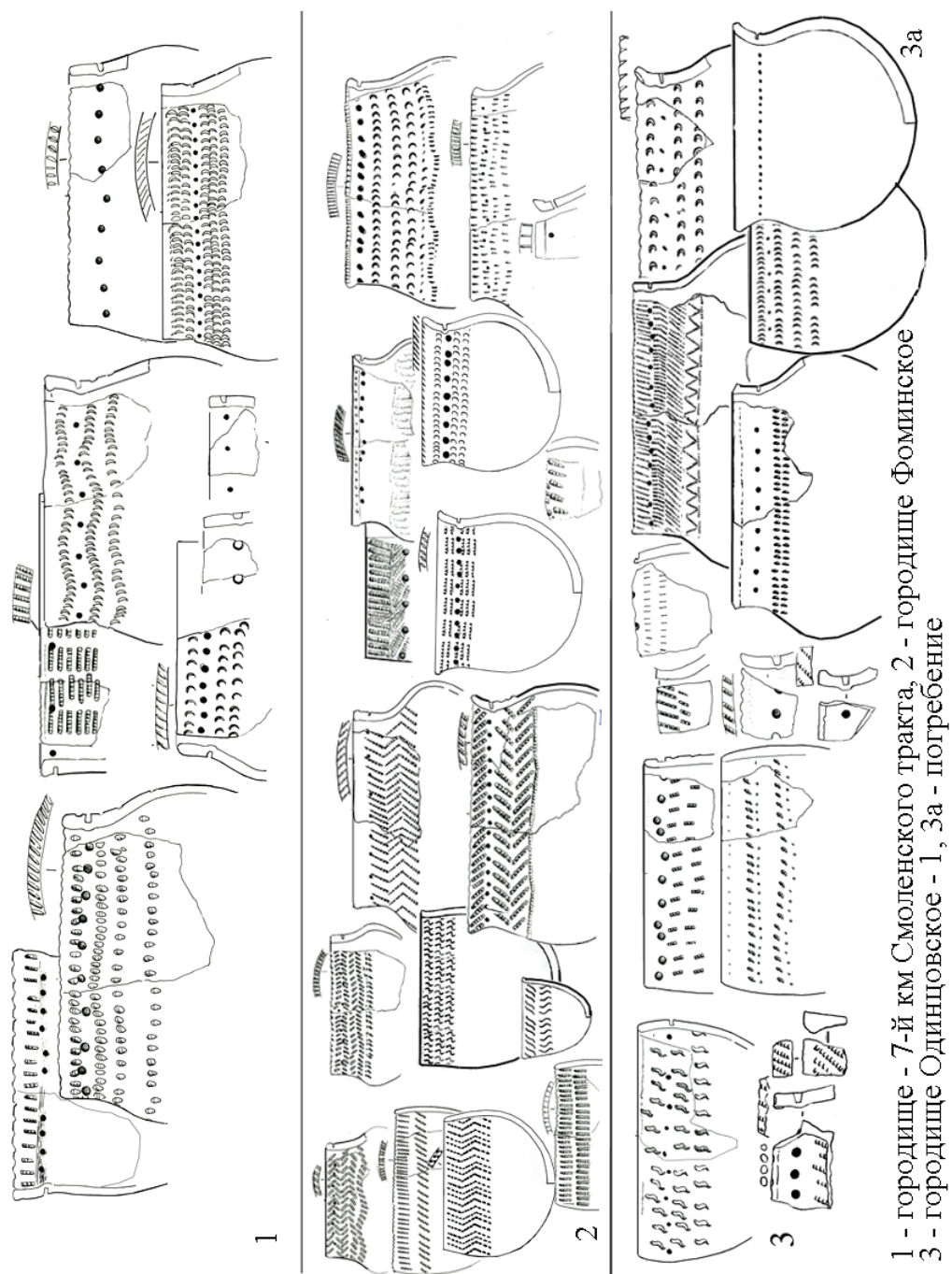

Рис. 64. Сравнительная таблица керамики из бийских городищ: Бийское городище-6

1 - городище - 7-й км Смоленского тракта, 2 - городище Фоминское
3 - городище Одинцовское - 1, 3а - погребение

Рис. 65. Сравнительная таблица керамики из бийских городищ, одинцовского (1, 2, 3а) и фоминского этапов (3)

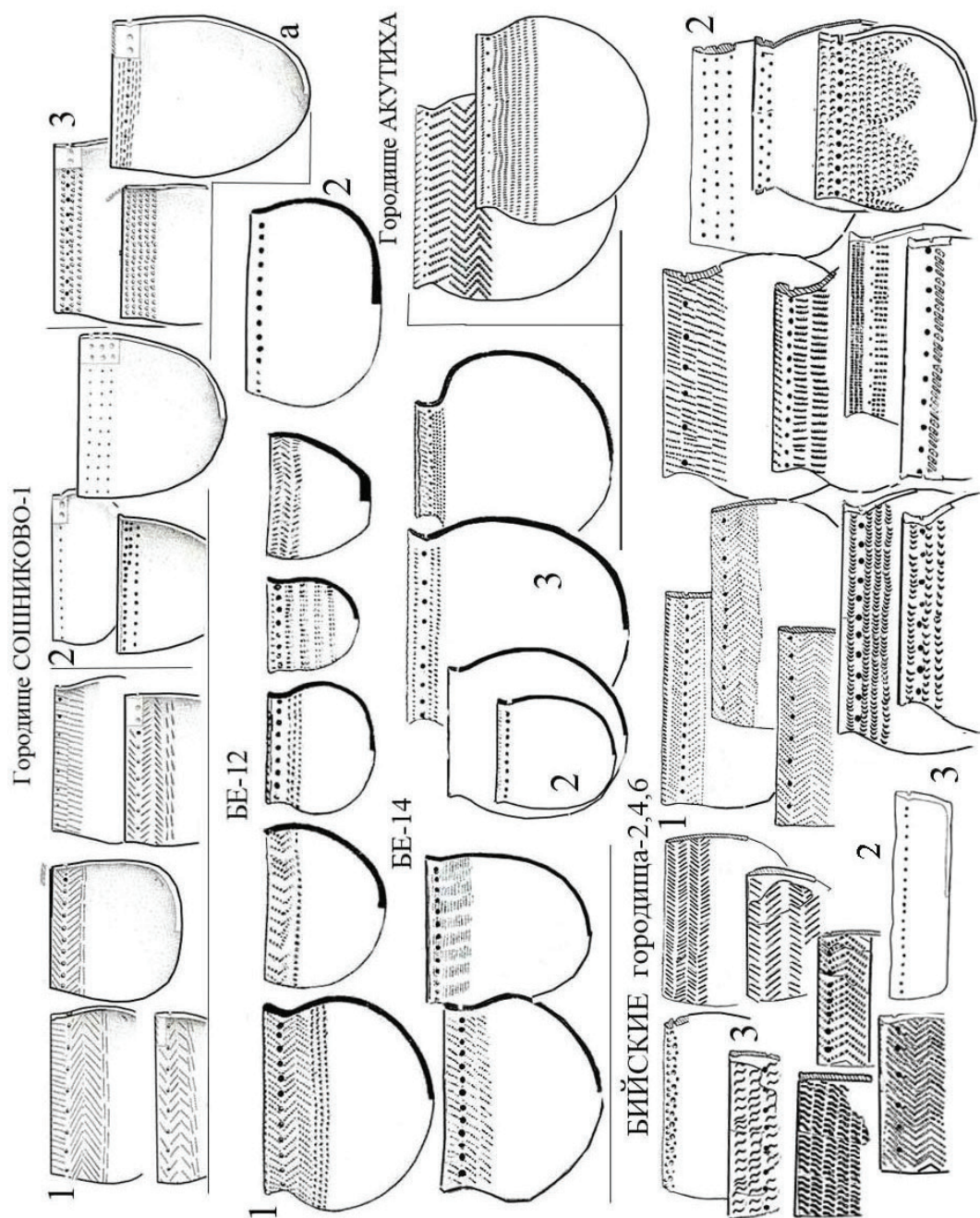
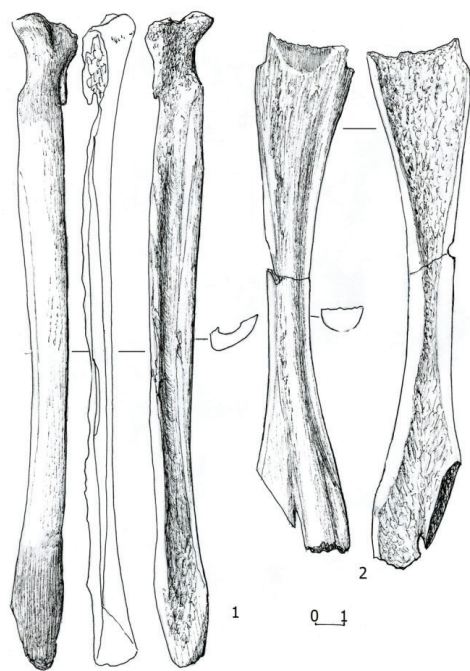
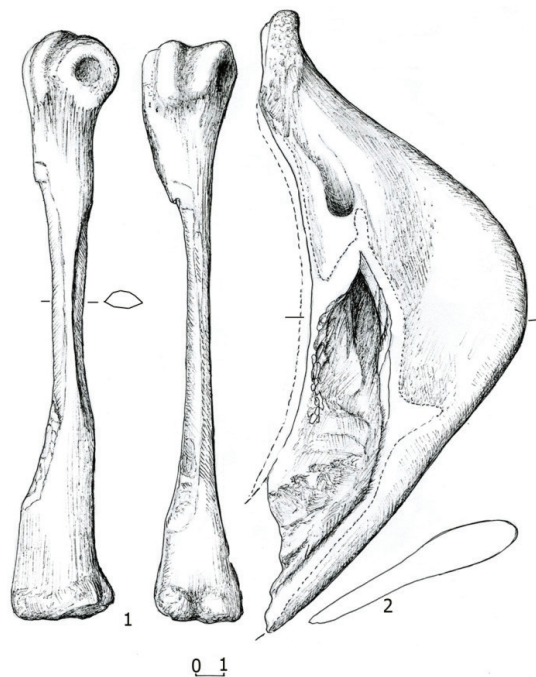

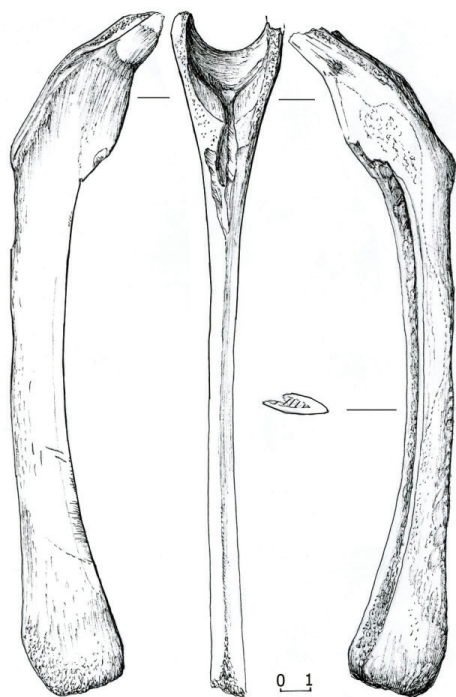
Рис. 66. Сравнительная таблица керамики: городище Сошниково-1, БЕ-12, БЕ-14, городище Акутиха, Бийских городищ-2, 4, 6

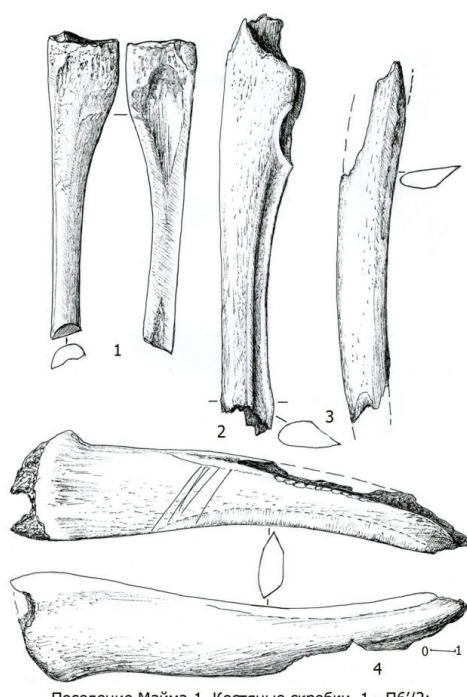
Поселение Майма-1. Костяные предметы. Скребки.
1 - Яма 17; 2 - кв. X2/1

Поселение Майма-1. Предметы. 1 - кв. 7, сл.2; 2 - У4/3 - скребки.

Поселение Майма-1. Костяной скребок. кв. Н1', 2', 2"

Поселение Майма-1. Костяные скребки. 1 - П6'/2;
2,3 - Н/1' - 2', 2"; 4 - С4/2

Рис. 67. Поселение Майма-1. Костяные скребки

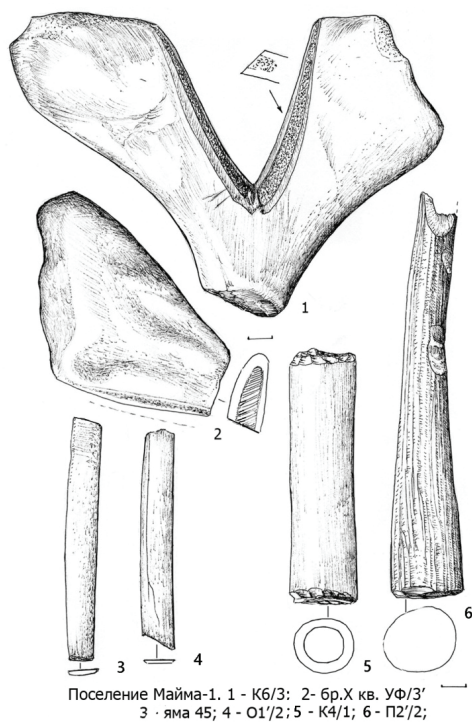

Рис. 68. Поселение Майма-1. Костяные предметы:
скребок и фрагмент скребка, 3–6 — изделия

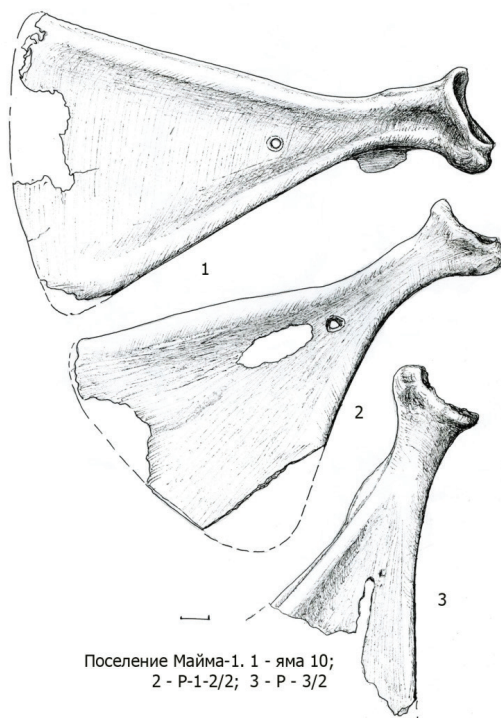
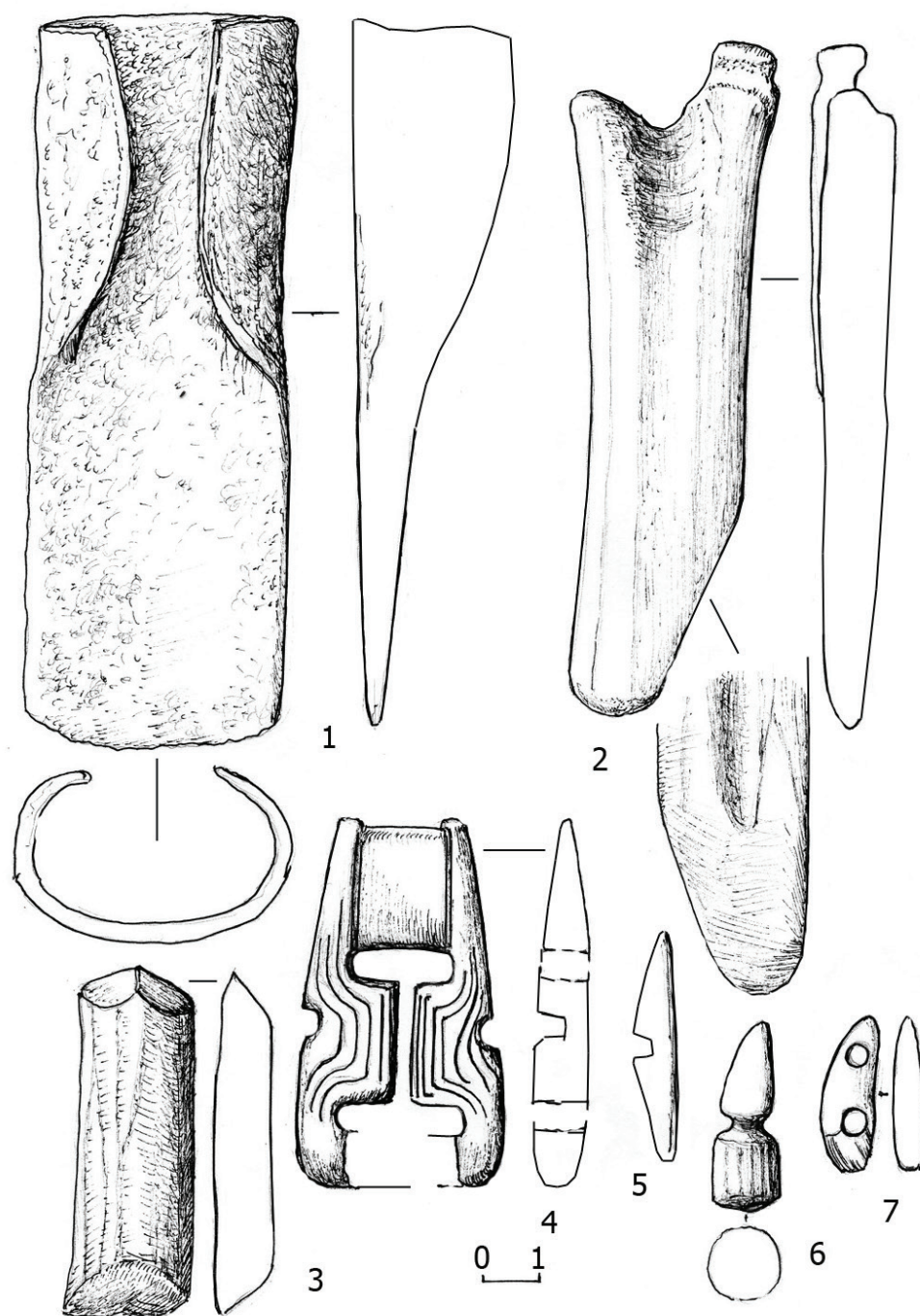

Рис. 69. Поселение Майма-1. Сверленные лопатки

Поселение Майма-1. 1 - Ф6'/2; 2,4 - Х6'/2; 3 - яма 10;
5 - яма 8; 6,7 - яма 45

Рис. 70. Поселение Майма-1.

1 — железный сошник; 2 — роговой сошник; 3-7 — роговая фурнитура

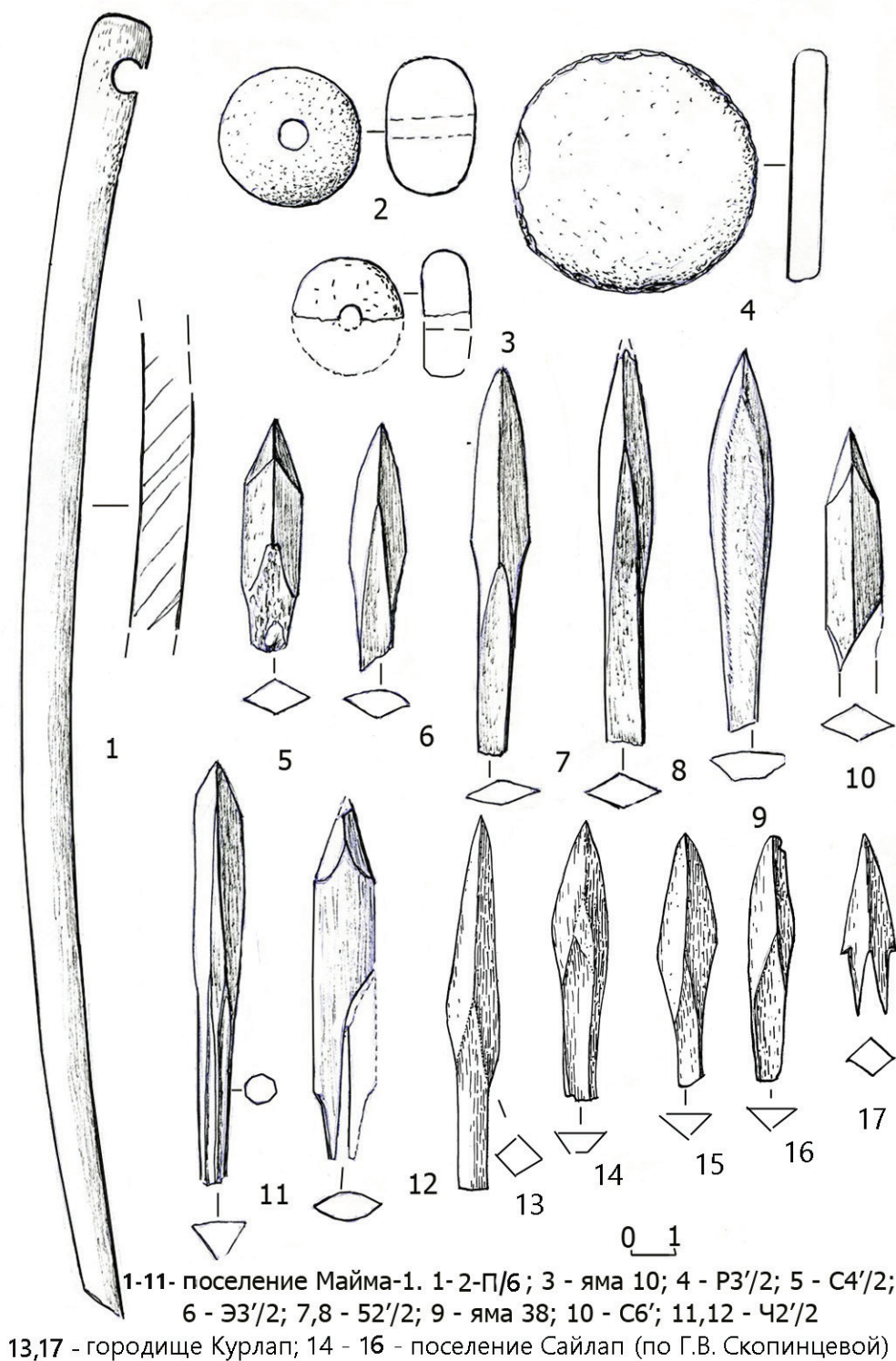
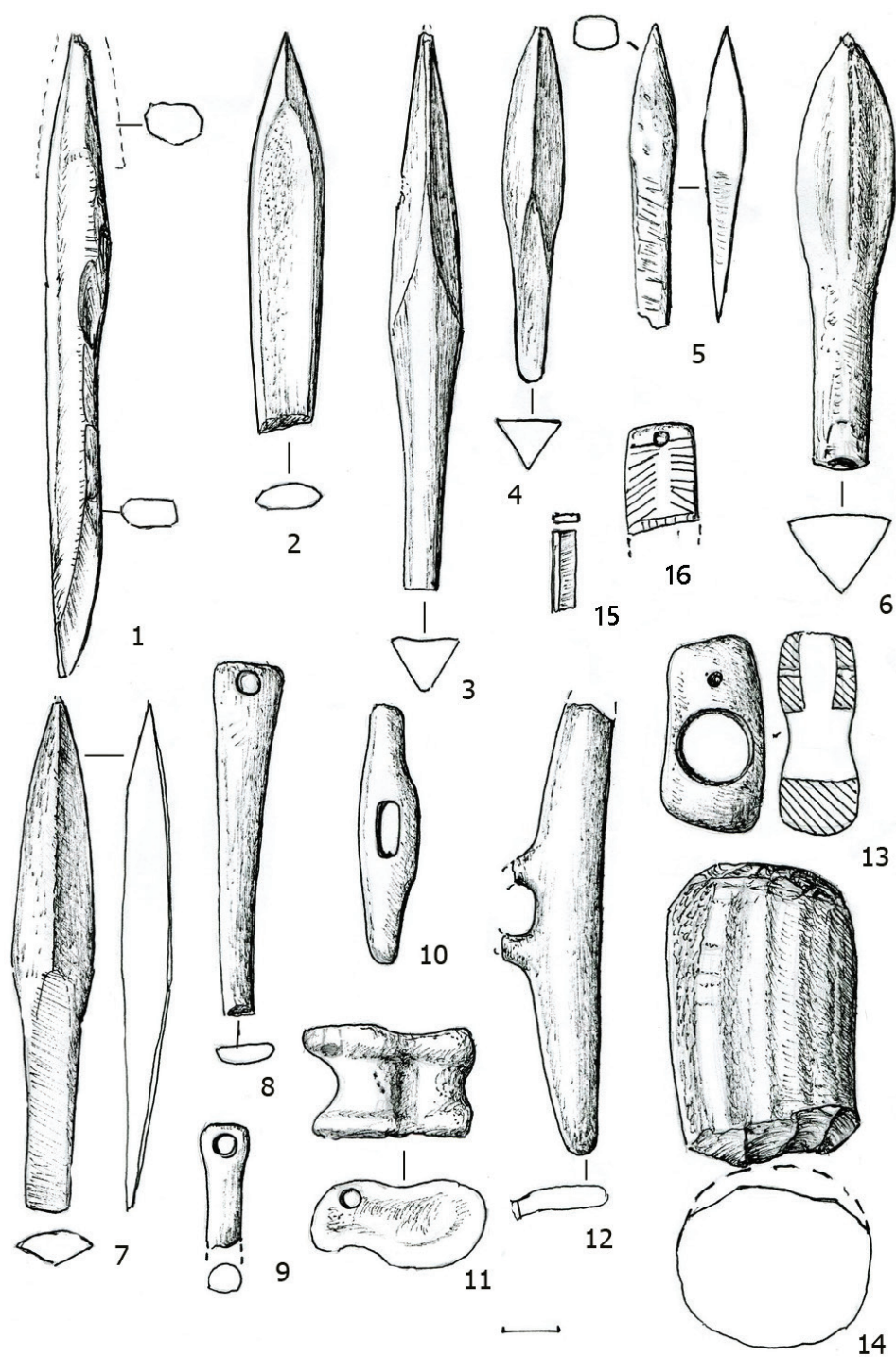
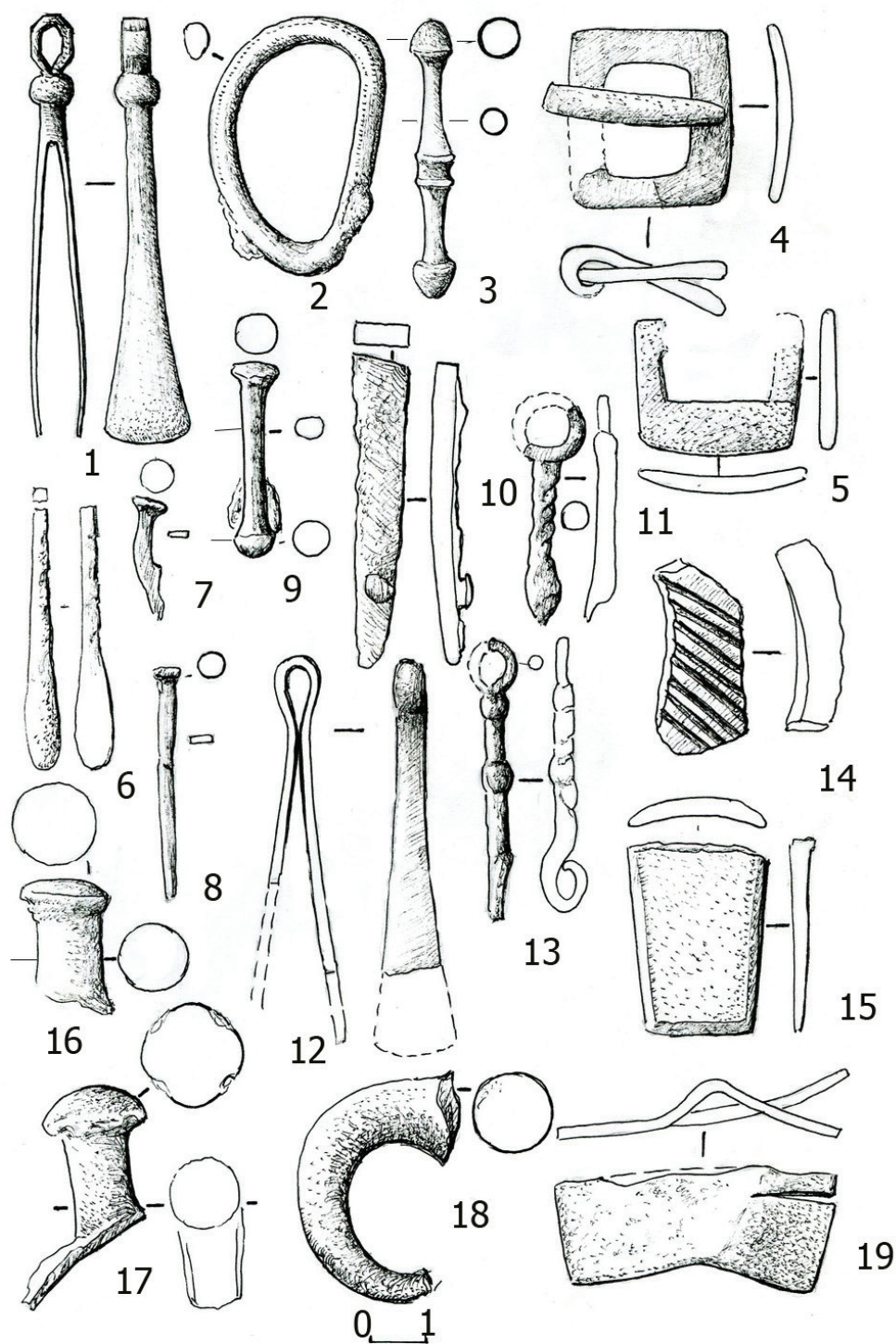

Рис. 71. Поселения и городища Майма-1, Сайлап, Курлап. 2-4 — прясла, 1, 5-17 — накладка на лук, наконечники стрел, кость

Поселение Майма-1. 1- яма 17; 2 - яма 46; 3 - С4/2; 4, 5 - С6';
6 - яма 36; 7 - яма 10; 11- С2/3; 12 - А1; кость

Рис. 72. Поселение Майма-1. Костяные предметы

Поселение Ушлёп-5. Железные предметы

Рис. 73. Поселение Ушлёп-5. Железные предметы

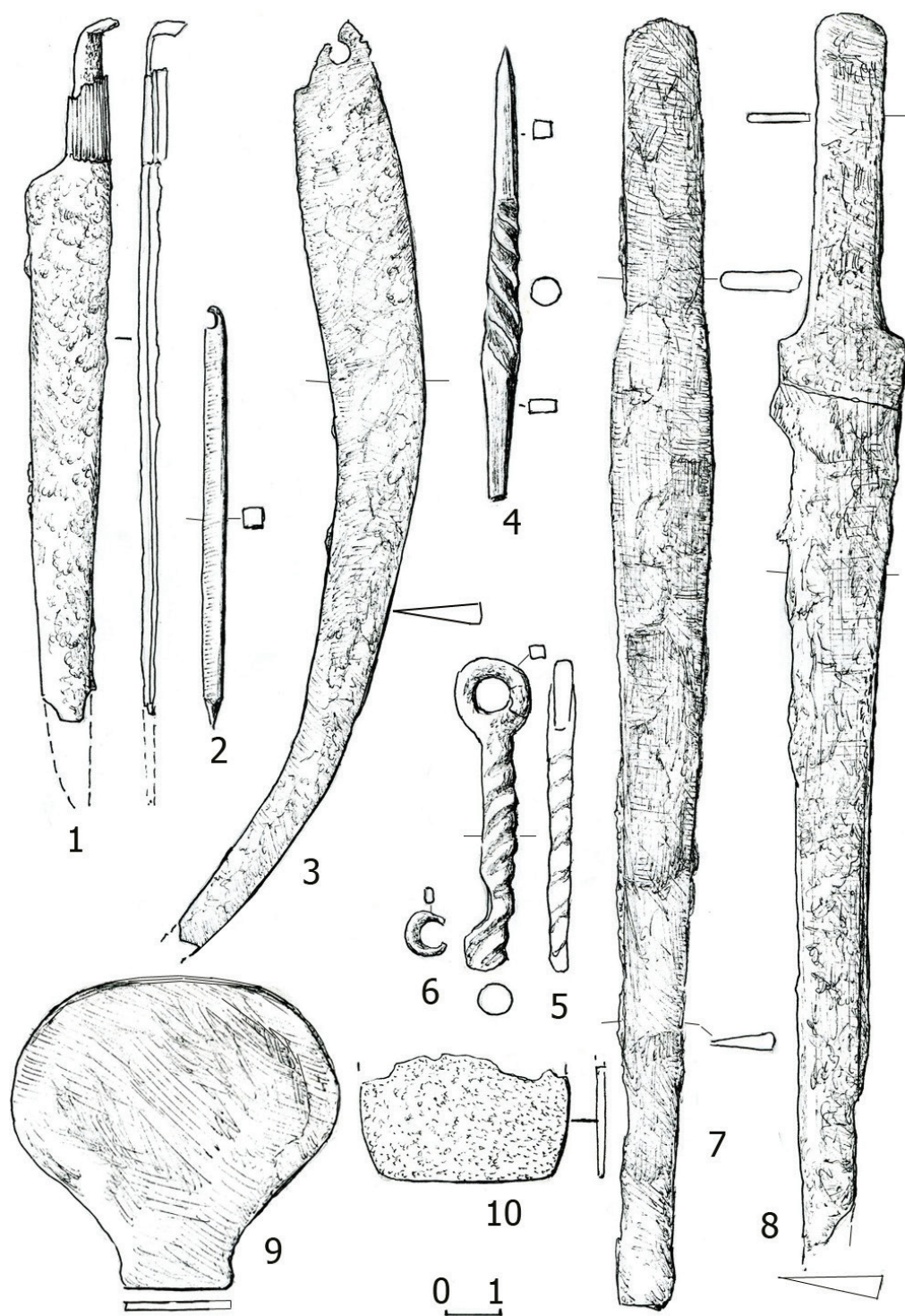
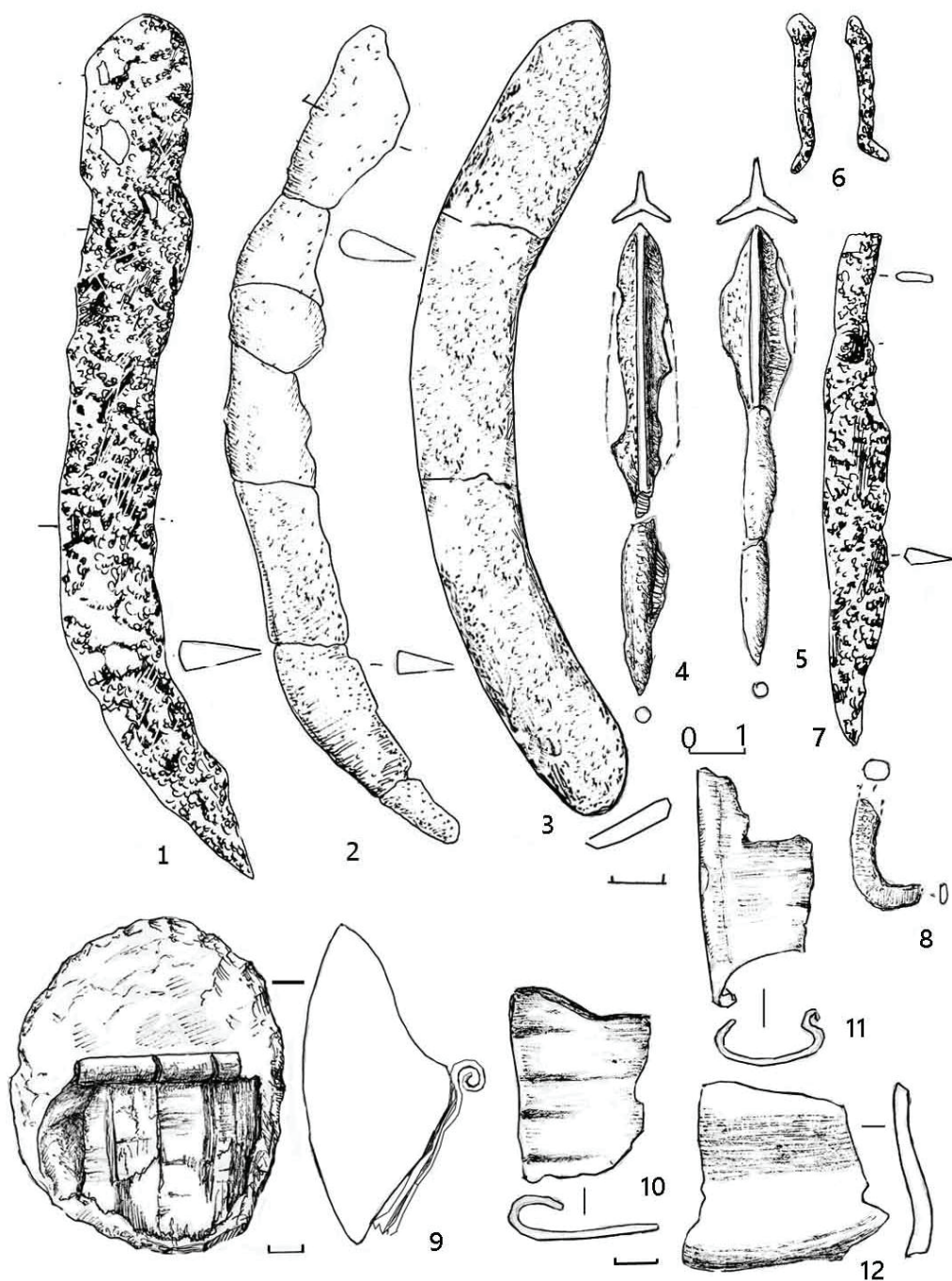
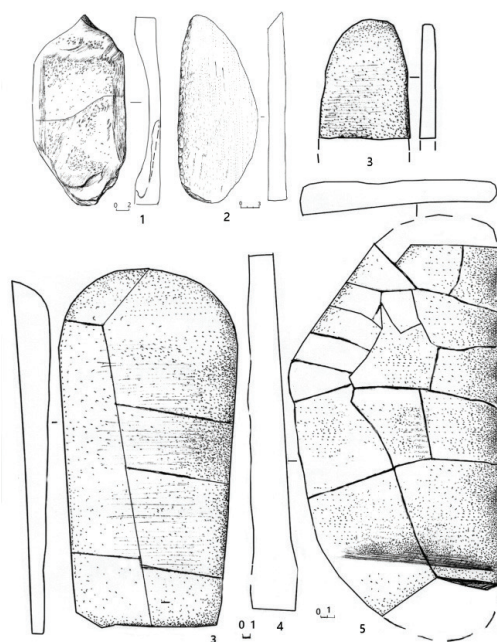

Рис. 74. Поселение Ушлёп-5. Железные предметы

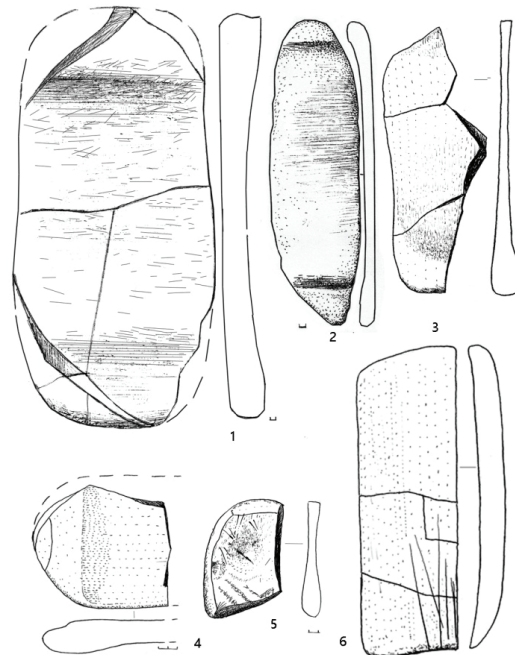

Поселение Ушлѣп - 5. 1 - 3 железные ножи; 4, 5 - наконечники стрел из погребения; 6 - гвозди, 7 - нож, 8 - крюк застѣжки; 9 - каменное орудие с берестой; 10 - 12 - береста. (3 - окисел железа)

Рис. 75. Поселение Ушлѣп-5. Предметы: 1-8 — железо; 9 — камень и береста; 10-12 — береста

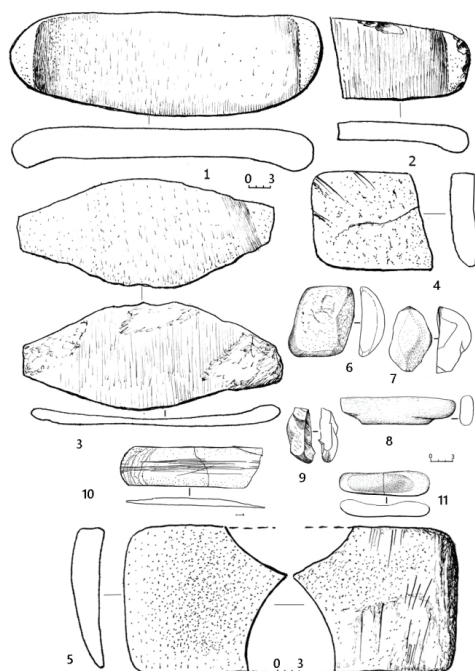
Поселение Ушлѣп-5.
1,2 - дорога, раскоп 2, 3,4 - Жил. 2, 5 - кв. У/28 - 28 Жилище №3

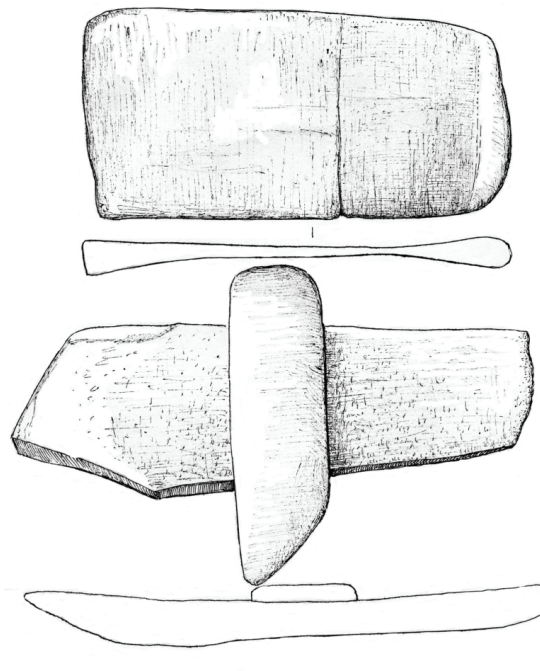
Поселение Ушлѣп-5.1 - Жилище №2, раскоп 2, кв. Д/13; 2,6 - Жилище №3
раскоп 1, 4 - дорога; 5 - кв. Р/21

1

2

Поселение Ушлѣп-5. 1 - Жил 2; 2 - дорога; 3 - кв. Т/23; 4,5 - Жил. 3;
6,9 - раскоп 2, кв. Б/8; 7 - кв. 3/11 (жилище); 10 - кв. Д/8; 11 - А/10 (жил. №3)

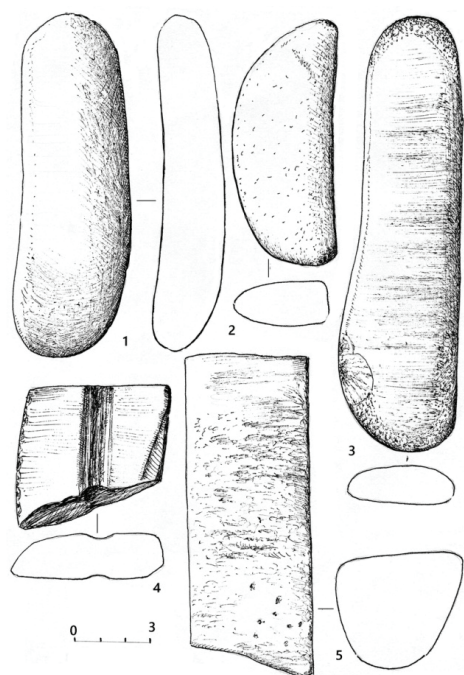

Поселение Майма-1. 1. Яма 41, 2. кв. 6/2

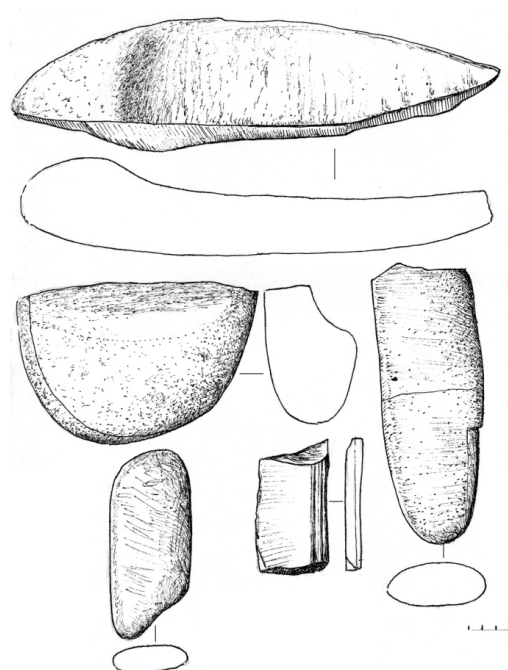
3

4

Рис. 76. Каменные предметы: 1-3 — из поселения Ушлѣп-5; 4 — из поселения Майма-1

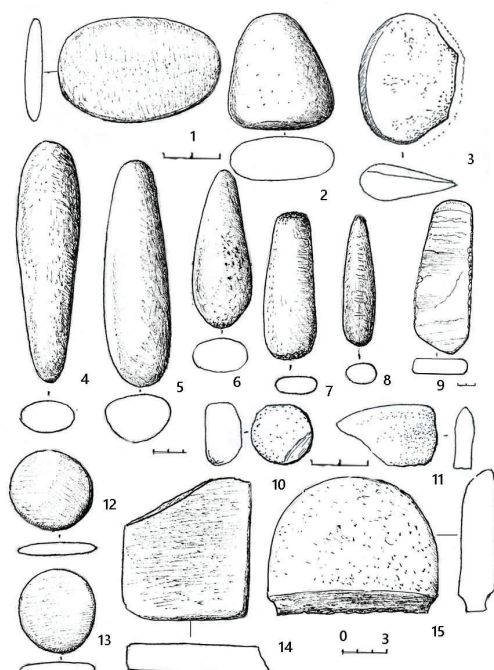
Поселение Майма - 1 1, 3 - тёрочки, 2 - отбойник - пест, 4 - точильный камень, 5 - курант зернотёрки

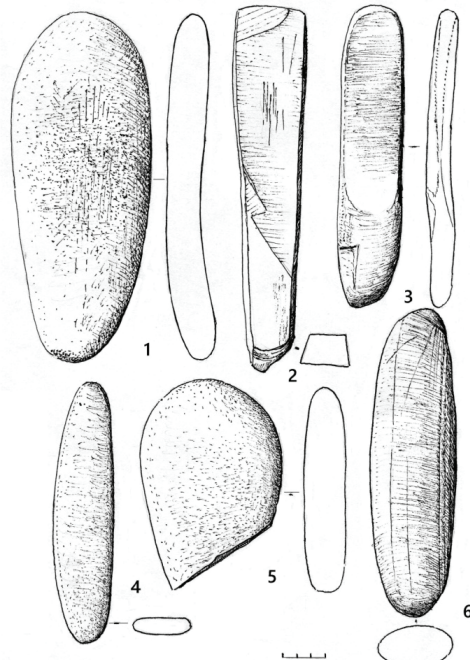
Поселение Майма-1. 1,2 куранты- яма 33; 3 точильный брусок - яма 37, 4,5 точильный брусок, лошцило - яма 10

1

2

Поселение Майма - 1 камень: лошцила (1,2, 10-13); скребки (3,9); отбойники (4-8); куранты зернотёрки (14-15)

Поселение Майма - 1. Камень. 1,5,6 - песты - тёрочки, 2-4 - точильные бруски

3

4

Рис. 77. Поселение Майма-1. Каменные предметы

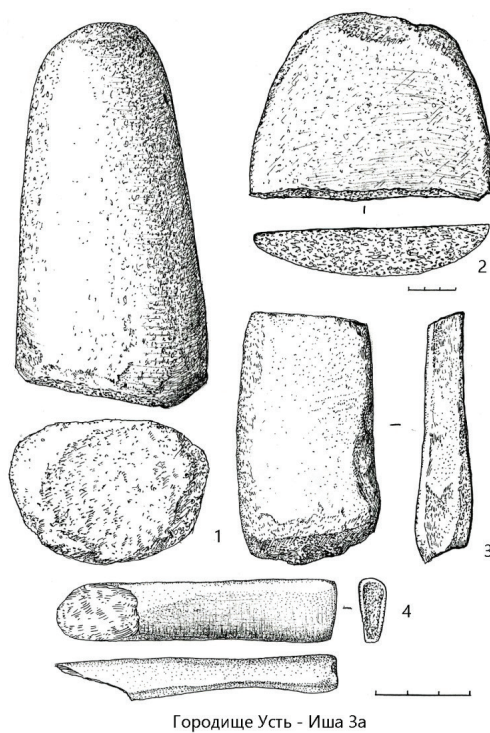

Рис. 78. Городище Усть-Иша 3-а. Песты и терочки

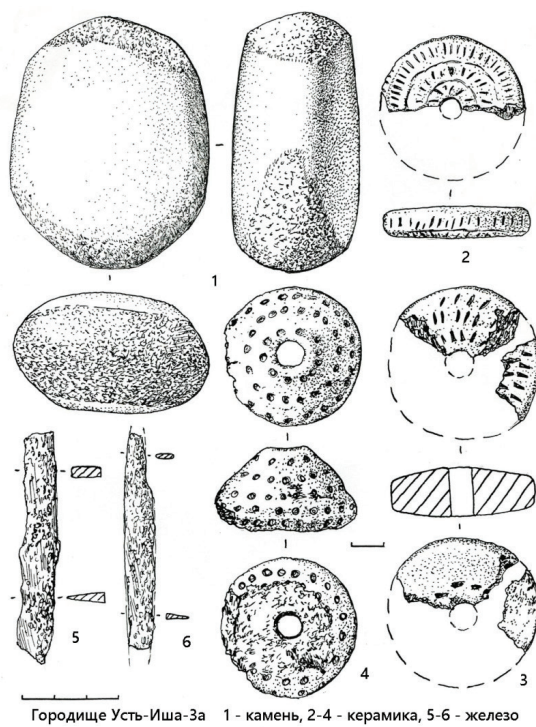
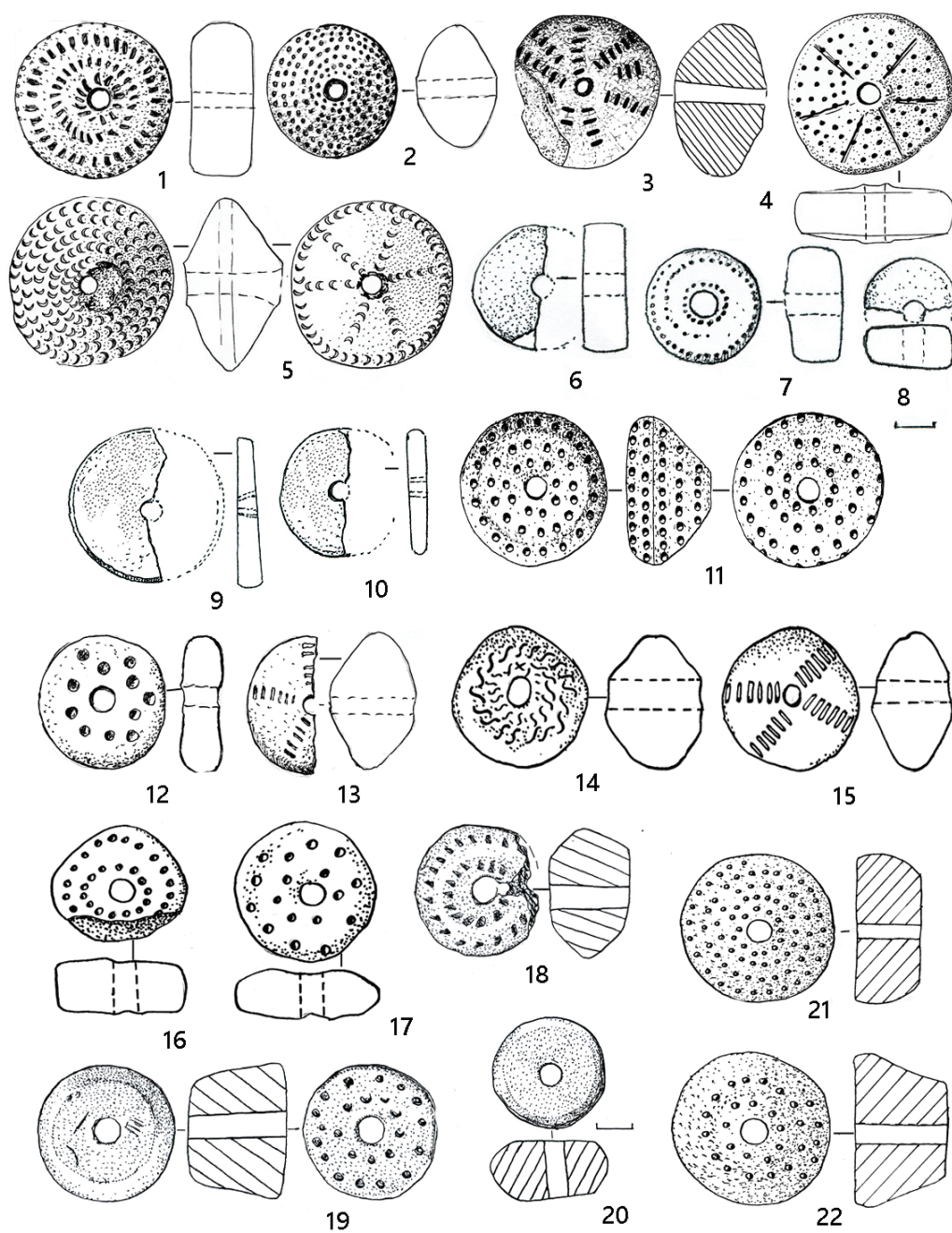

Рис. 79. Городище Усть-Иша-3-а. Пест, пряслица керамические, фрагменты ножей

Керамические пряслица. 1 - 5 - поселение Ушлёп - 5, 6 - 10 - поселение Майма-1; 11 - городище Усть - Иша-3а; 12 - 13 - Сайлап; 14 - 17 - городище Курлап; 18 - 20 - поселение Горный - 3; 21 - 22 - поселение Новозыково-3

Рис. 80. Керамические пряслица из поселений Ушлёп-5, Майма-1, Усть-Иша-3а, Сайлап, Курлап, Горный-3, Новозыково-3

ПРИЛОЖЕНИЕ II

БИЙСКИЕ ГОРОДИЩА, ФОМИНСКИЙ ЭТАП

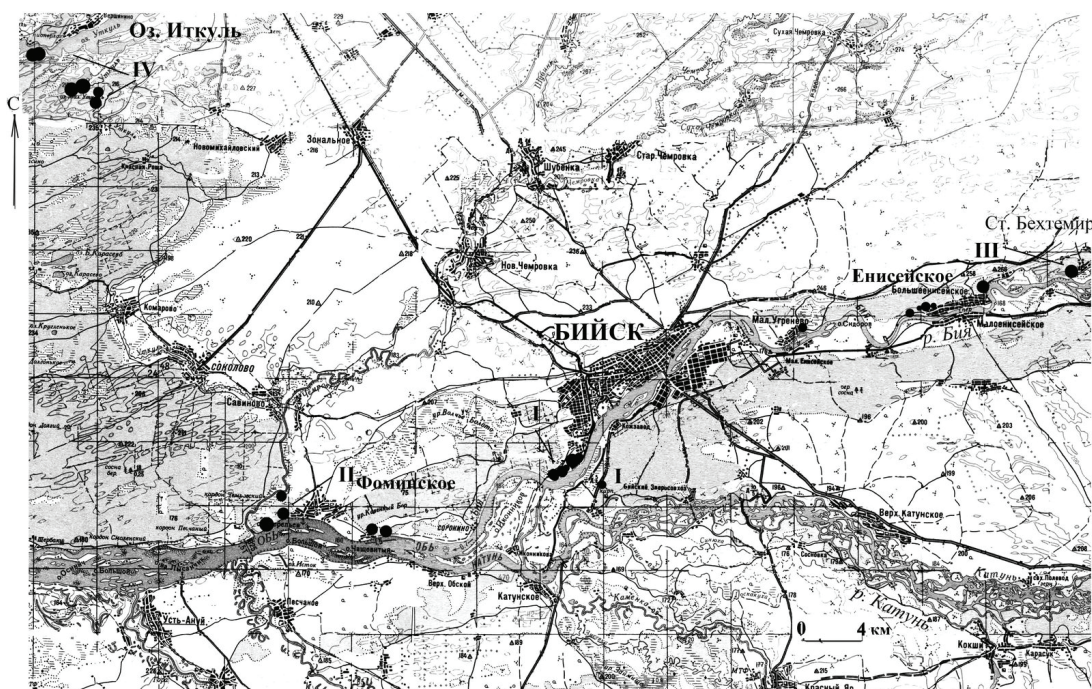
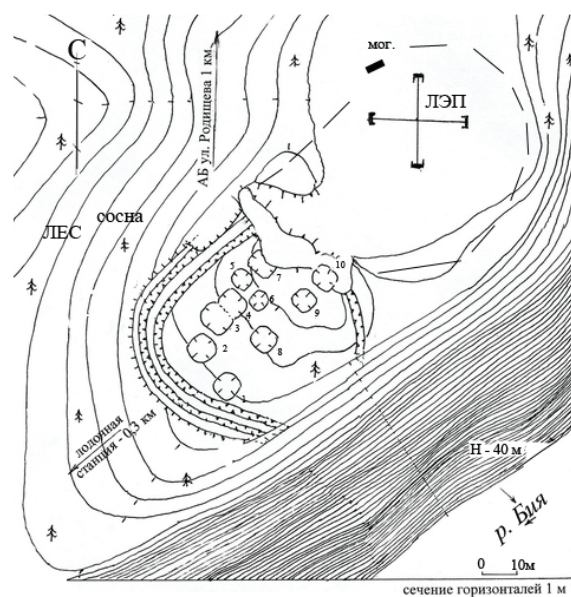
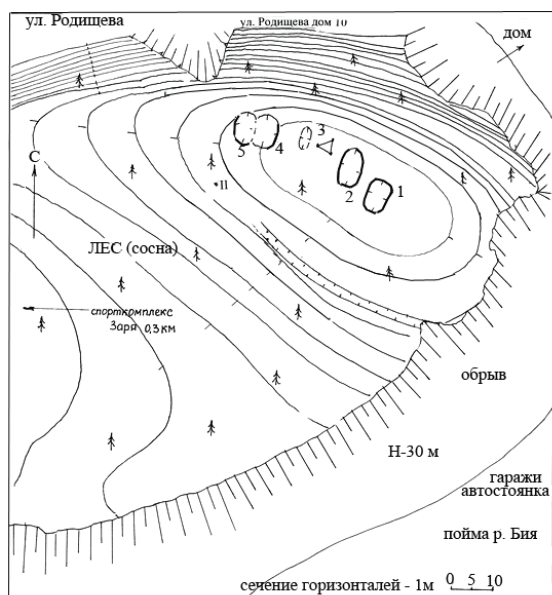

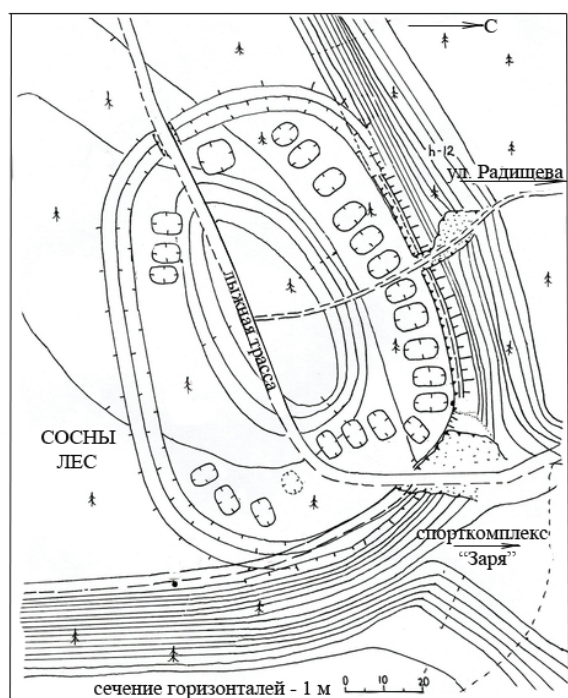
Рис. 81. План расположения бийских городищ. 1 — Бийские городища -2-8, 7-й км Смоленского тракта; II — городища Одинцовские, Фоминское, Чемровка; III — поселения и городище у с. Енисейское, Малоугренёво, ст. Бехтемир, IV — городища на оз. Иткуль

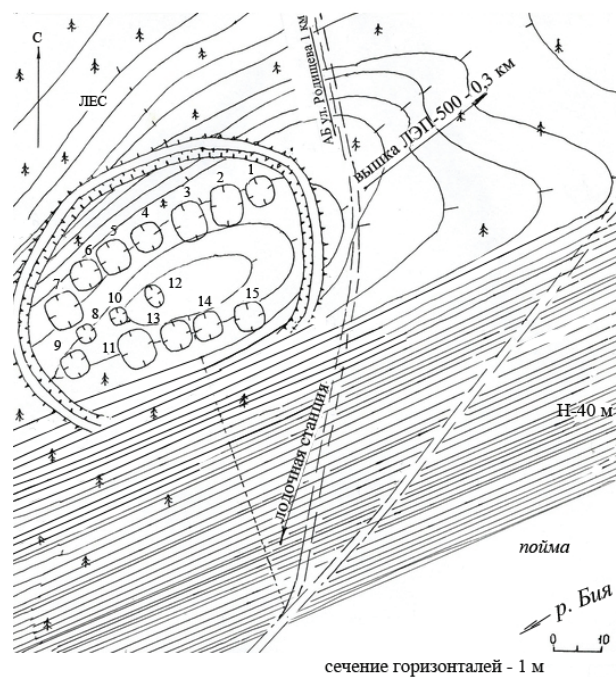
1

2

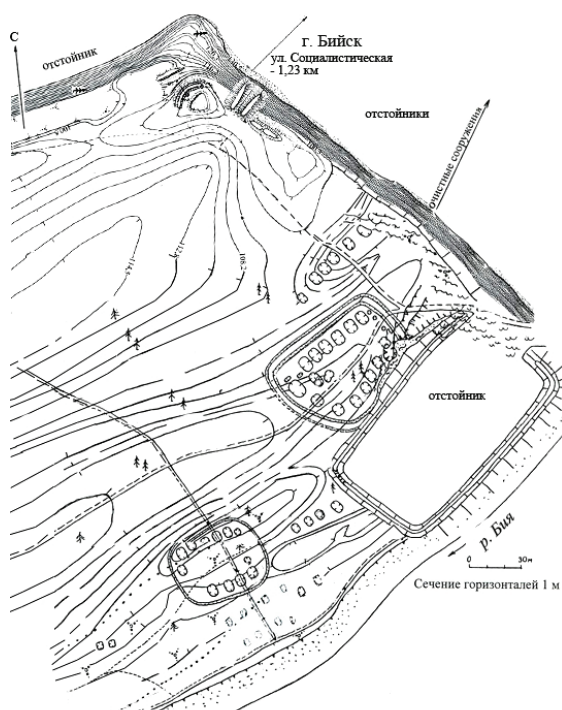
Рис. 82. 1 — Бийское городище-2; 2 — Бийское городище-4

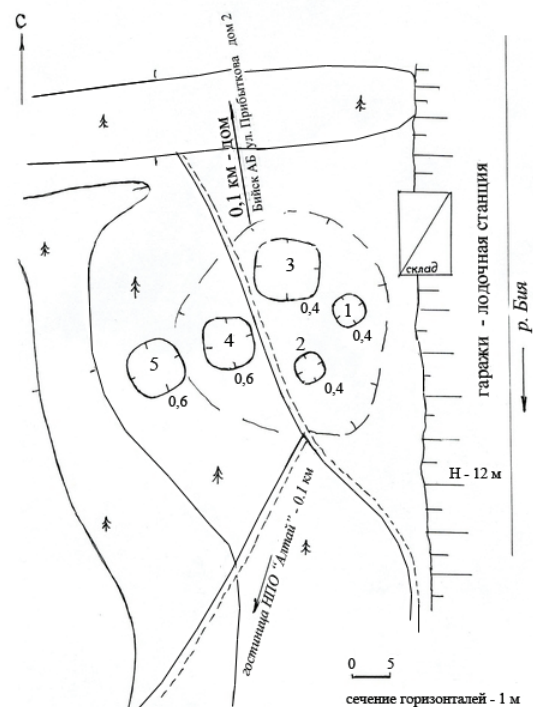
1

2

3

4

Рис. 83. 1 — Бийское городище-3; 2 — Бийское городище-5;
3 — Бийские городища-7, 8; 4 — поселение «ул. Прибыткова»

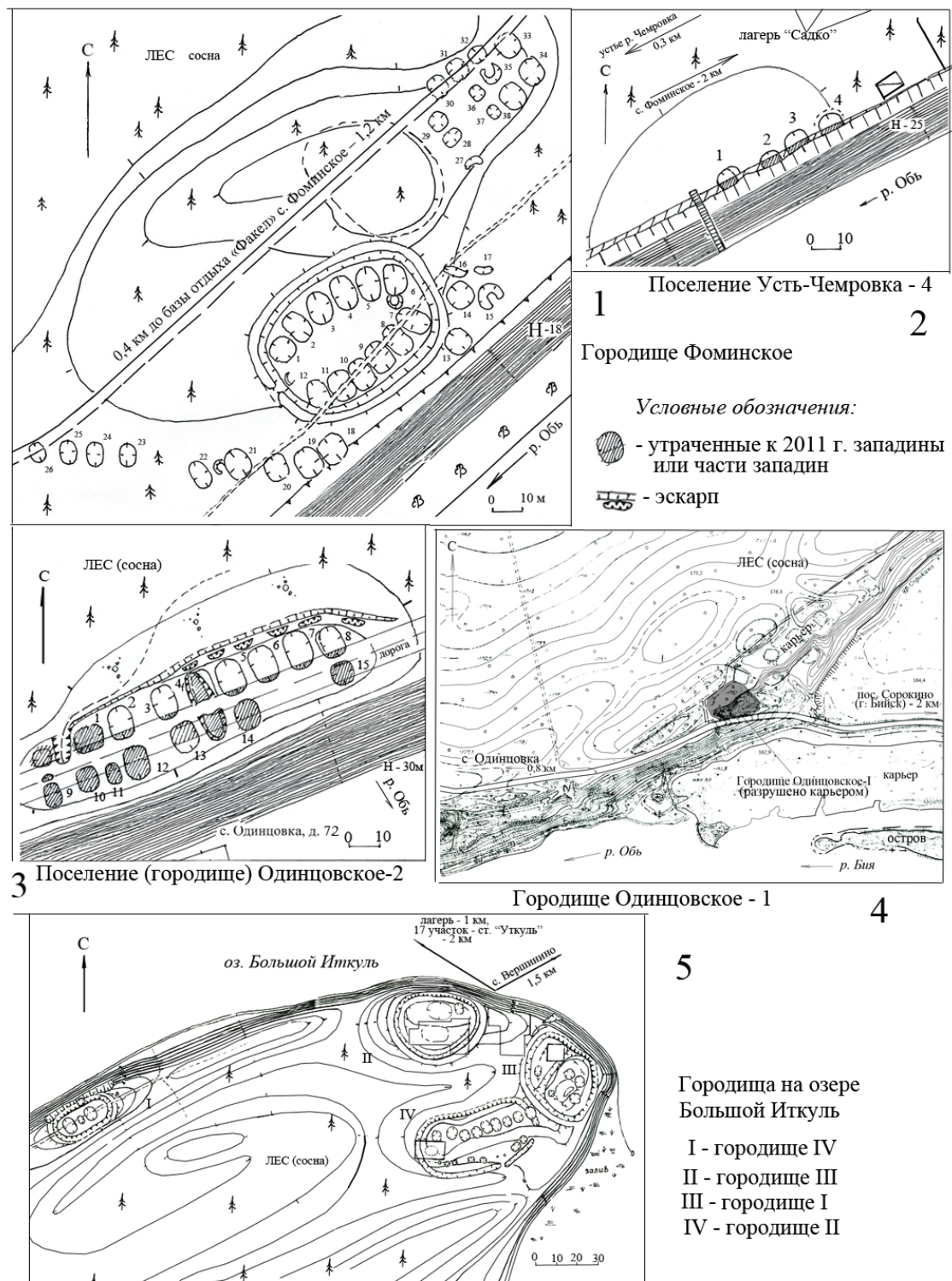

Рис. 84. 1 — городище Фоминское; 2 — поселение Усть-Чемровка-4; 3 — городище Одинцовское-2; 4 — городище Одинцовское-1; 5 — Городища I-IV на оз. Большой Иткуль

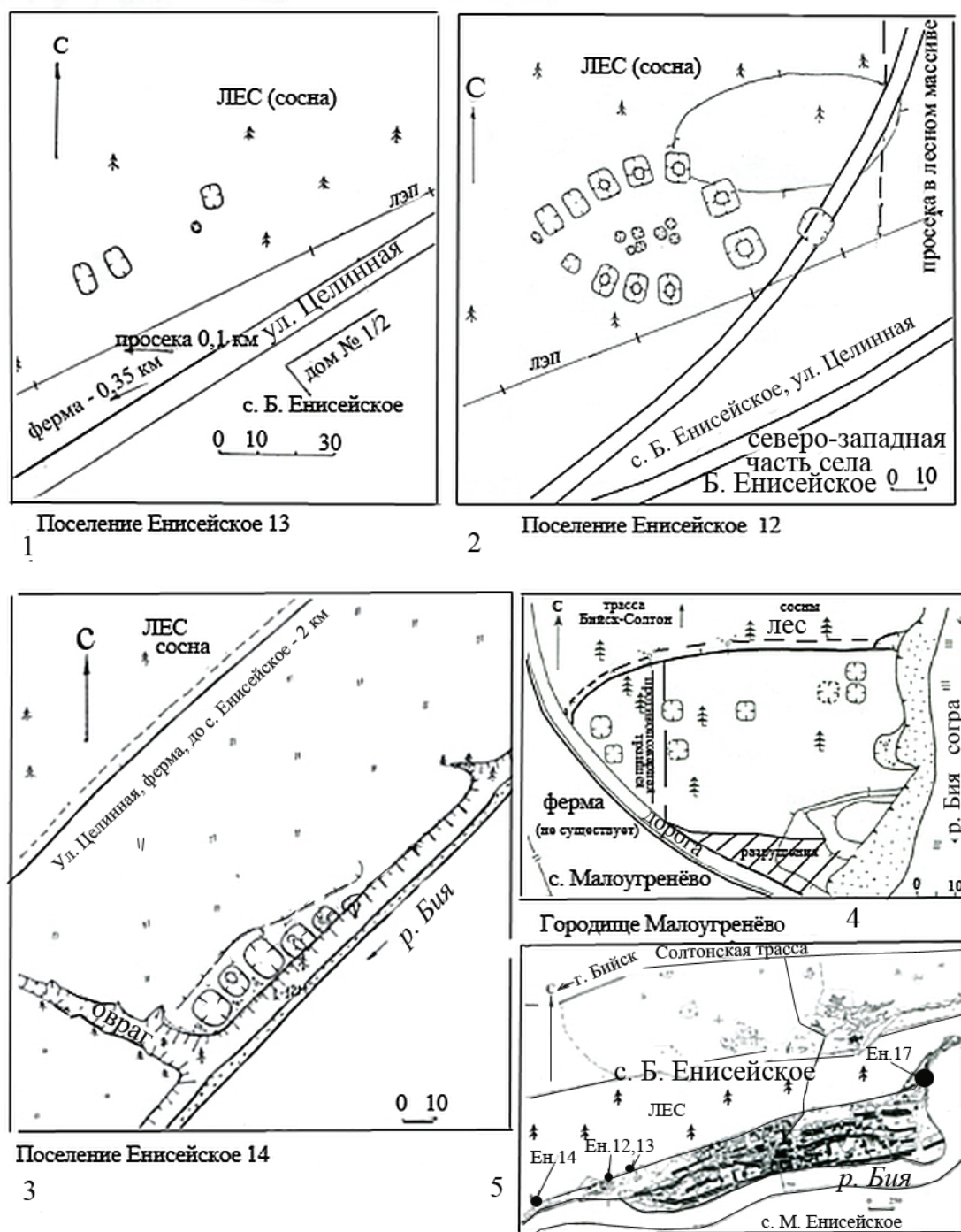

Рис. 85. 1 — поселение Енисейское-13; 2 — поселение Енисейское-12;
3 — поселение Енисейское-14; 4 — городище Малоугренёво;
5 — план расположения поселений и городища у с. Б. Енисейское

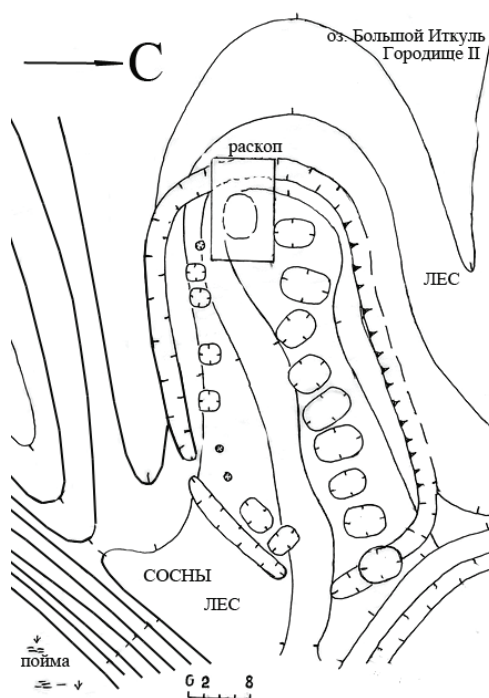
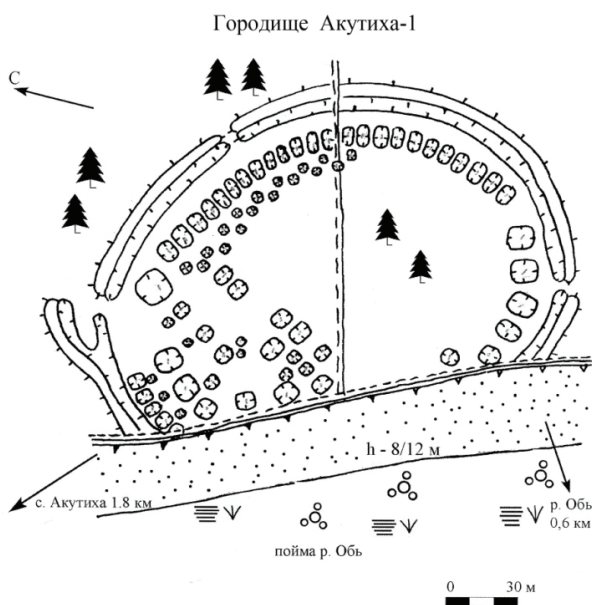
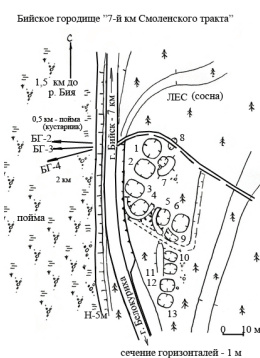
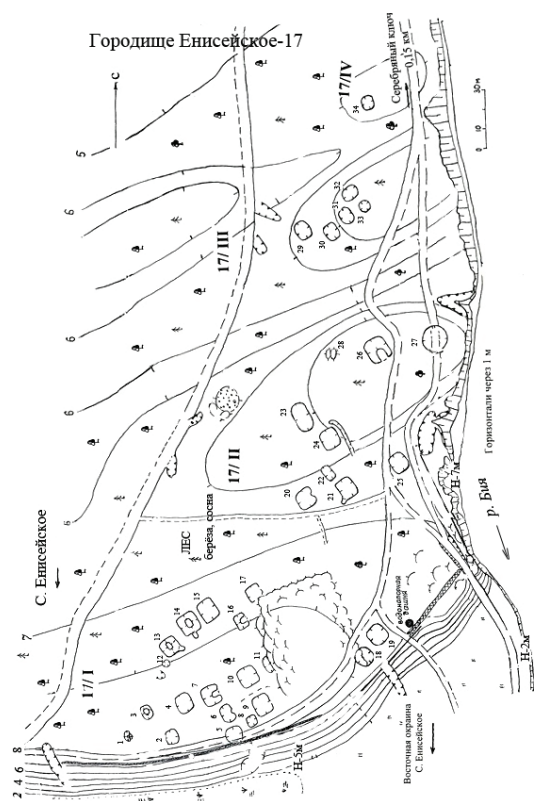

Рис. 86. 1 — Городище Енисейское-17: 17/I, 17/II, 17/III, 17/IV;
2 — место расположения городища Малоугренёво; 3 — городище 7-й км Смоленского тракта;
4 — городище Акутиха-1; Городище-II оз. Большой Иткуль

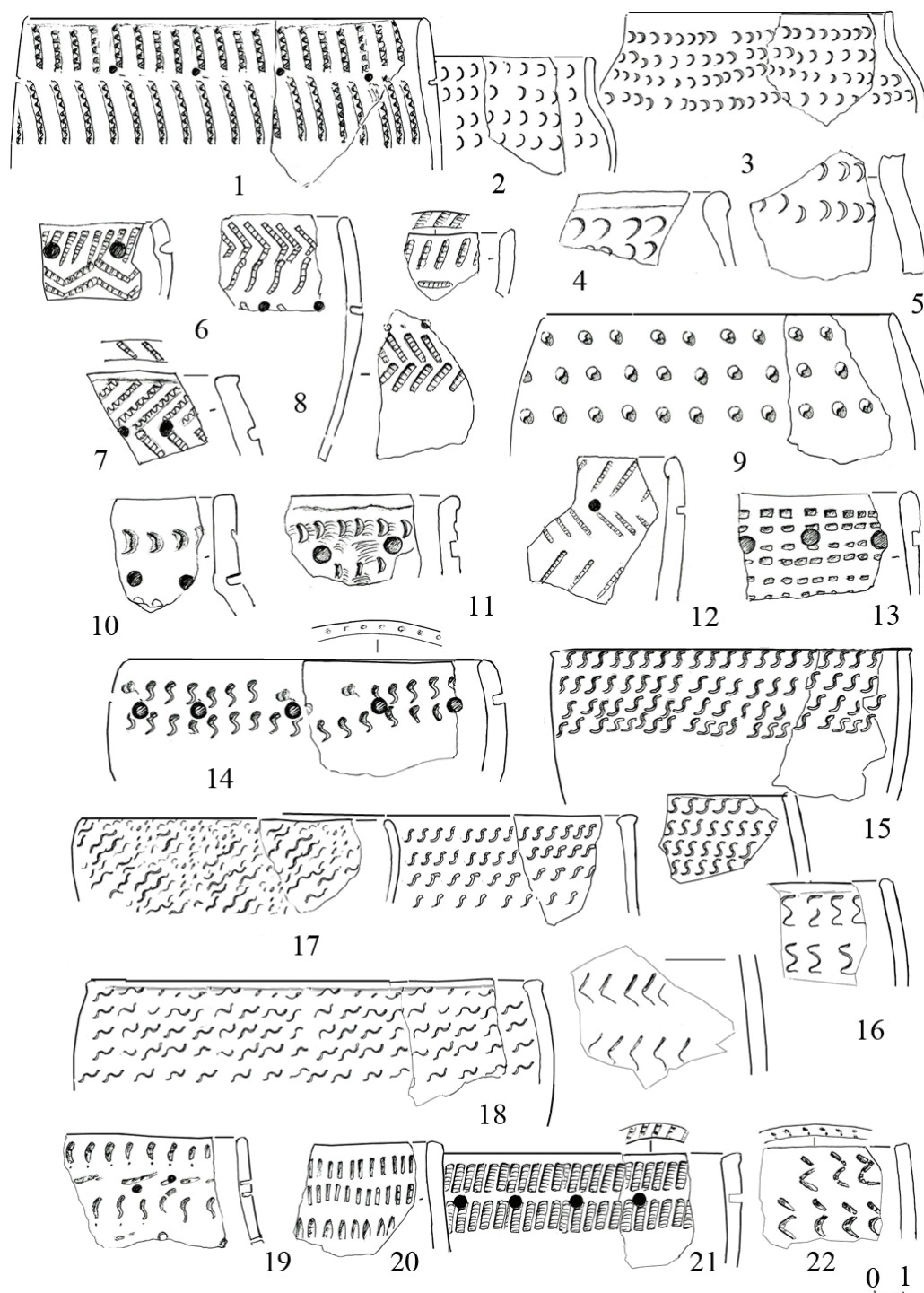

Рис. 87. Керамика из Бийского городища-4

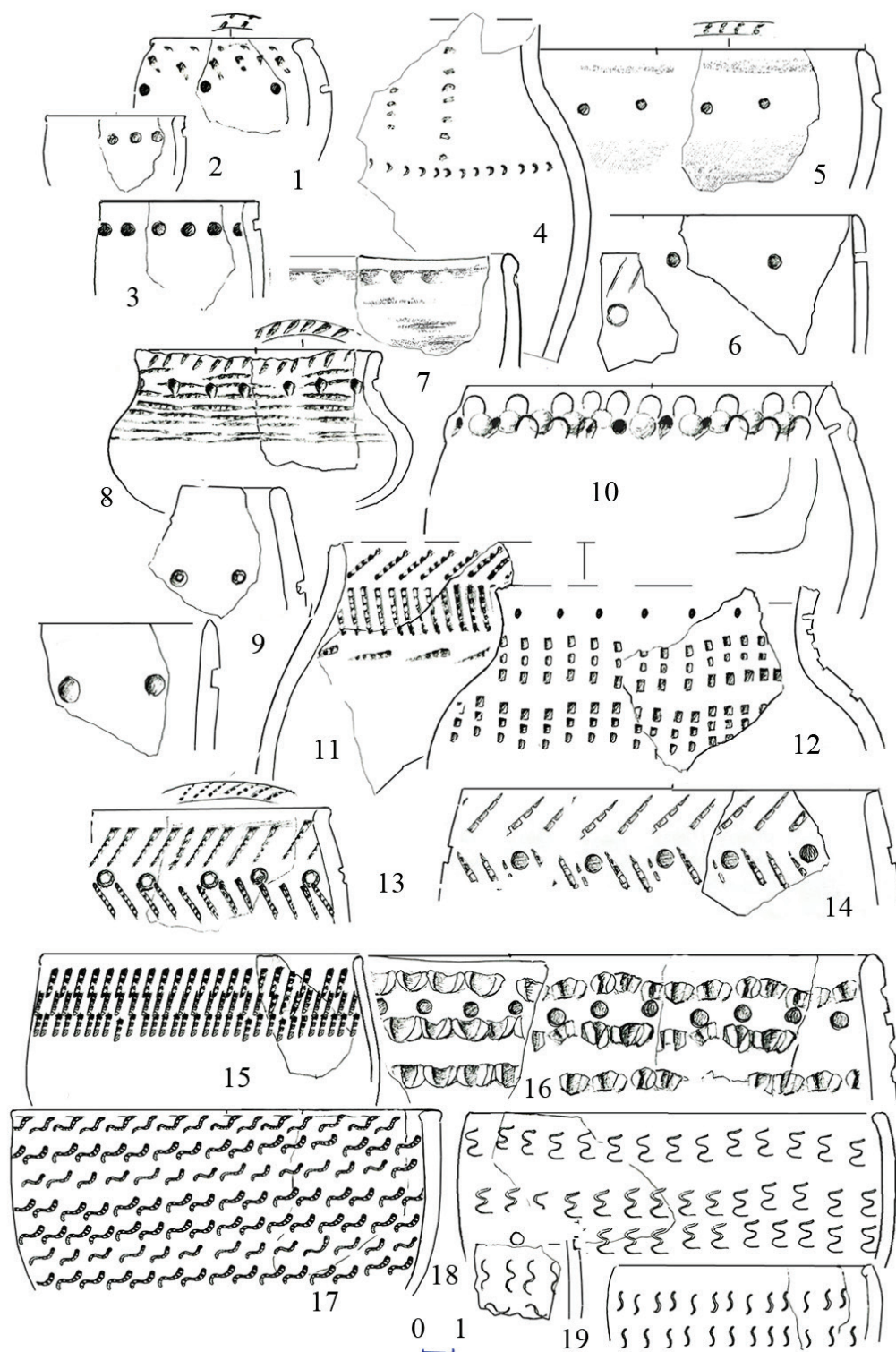

Рис. 88. Керамика из Бийского городища-6

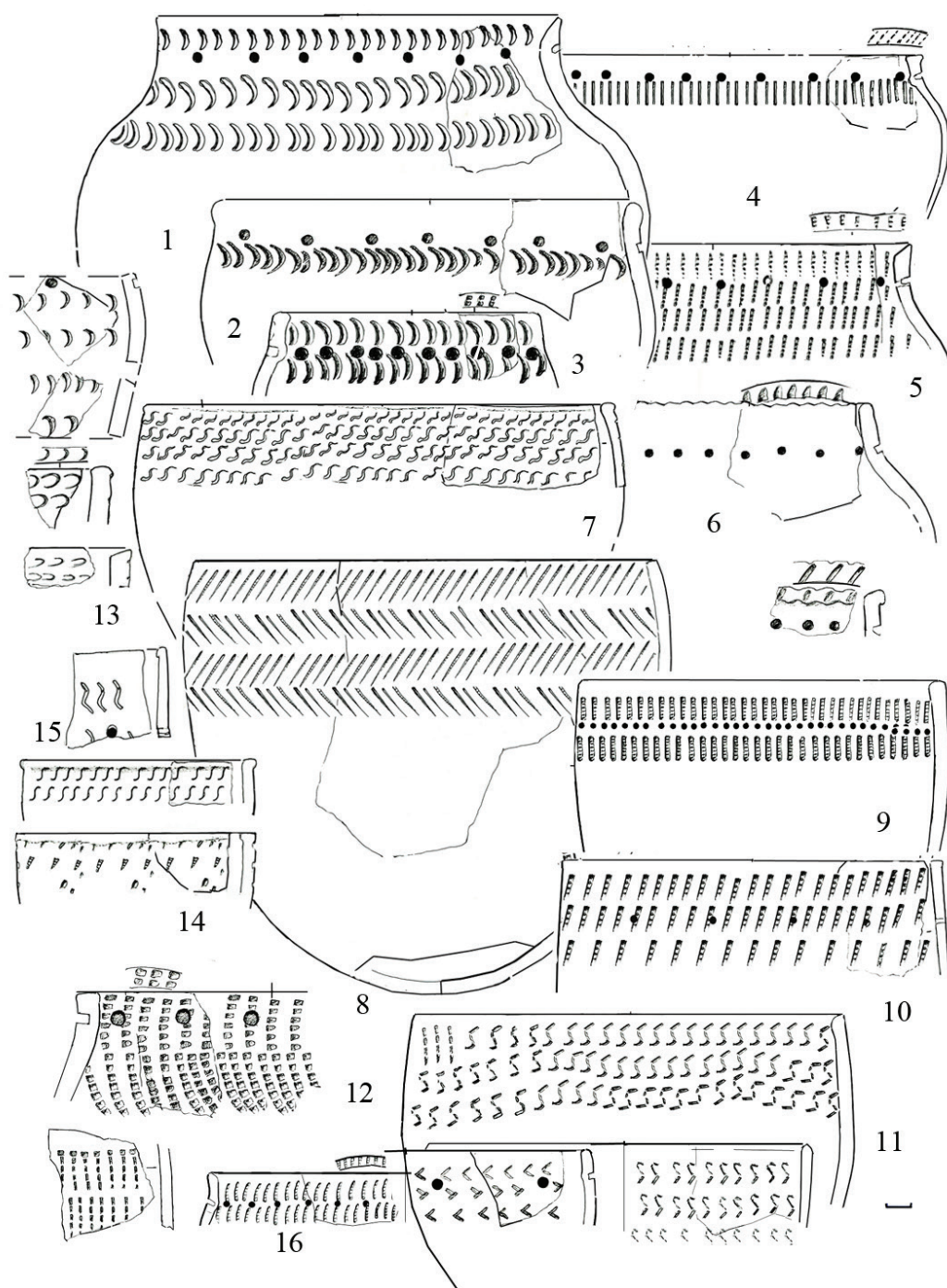

Рис. 89. Керамика из Бийского городища-6

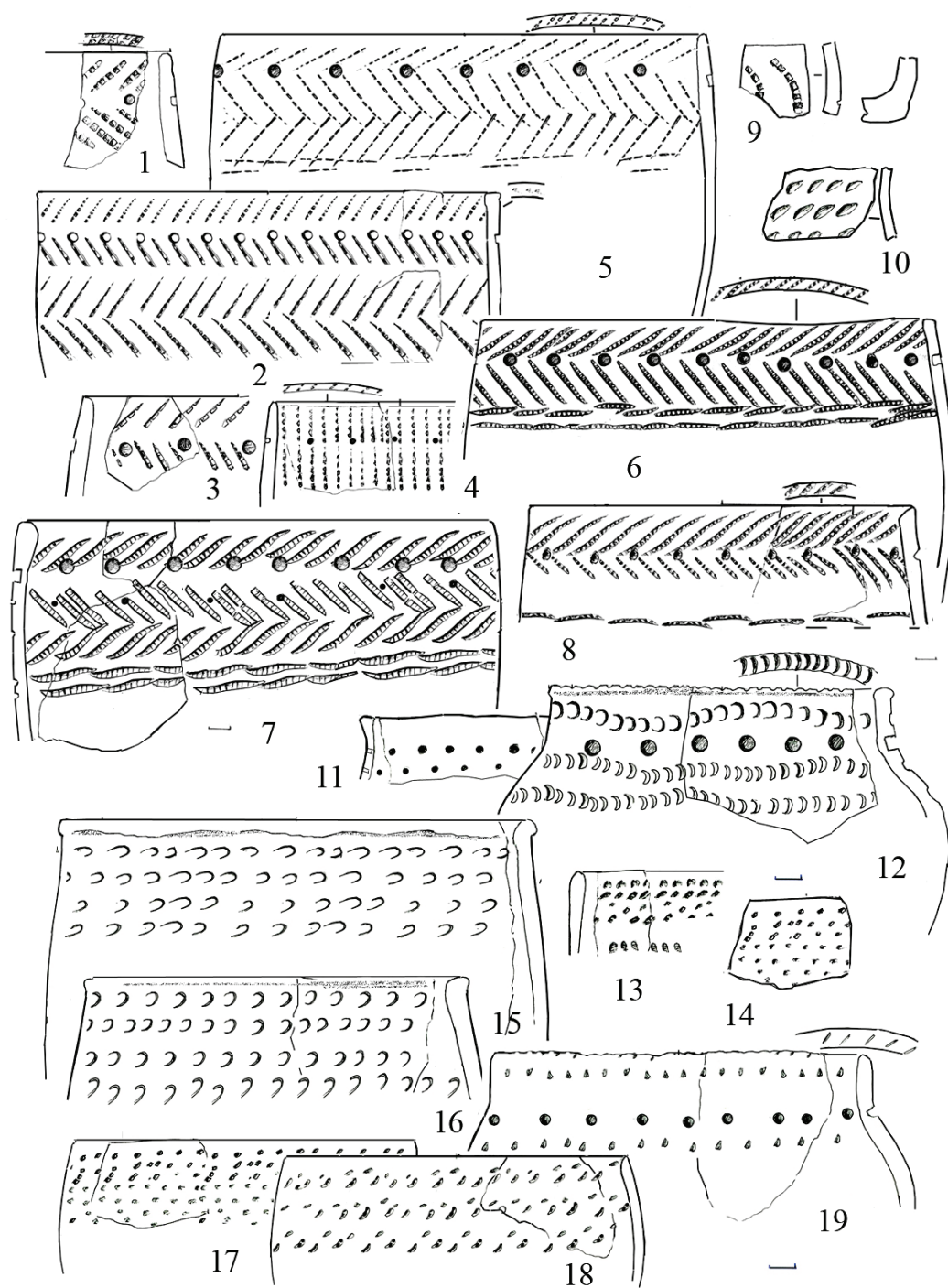

Рис. 90. Керамика из Бийских городищ-4, 6

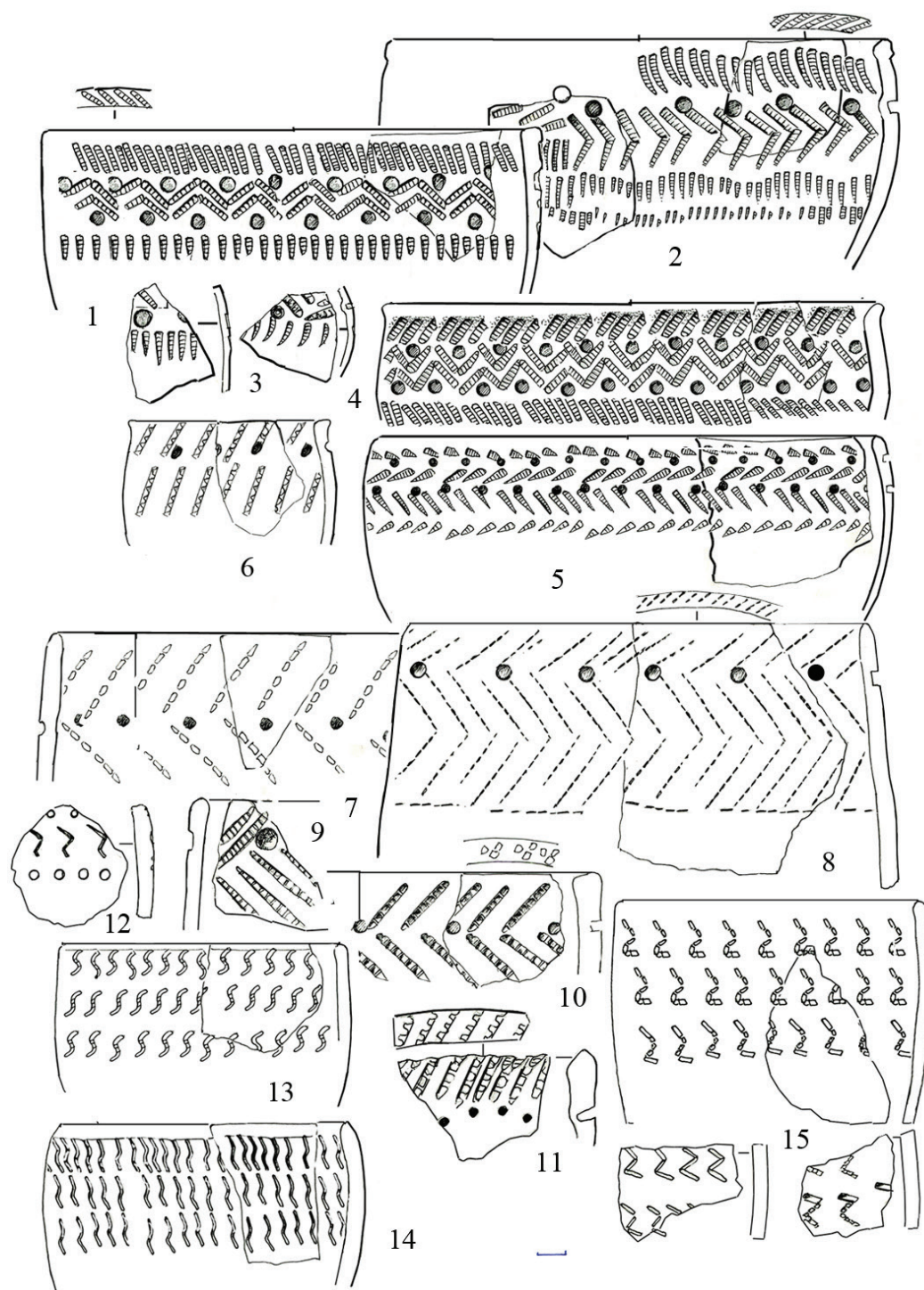

Рис.91. Керамика из Бийского городища 7

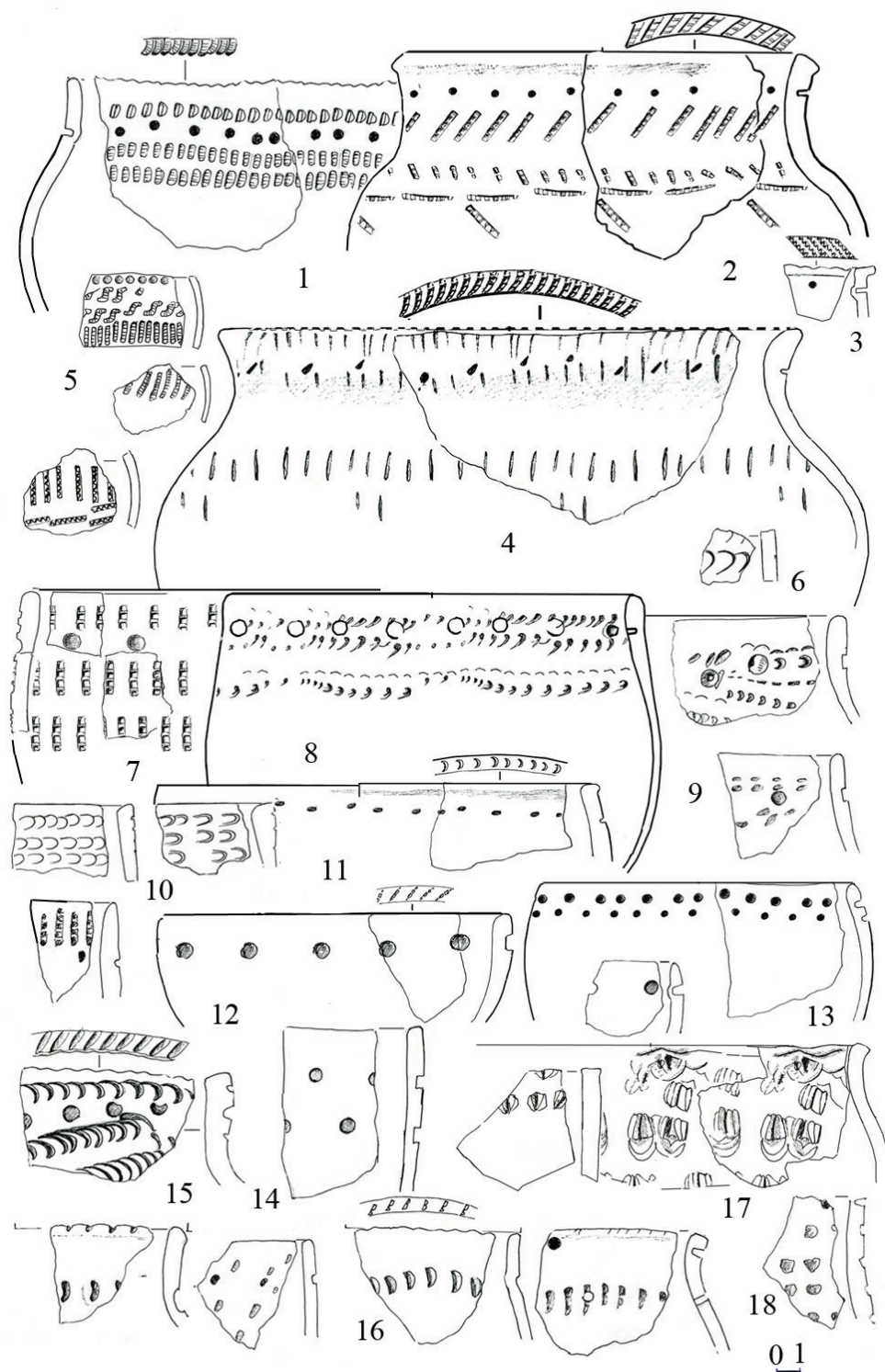
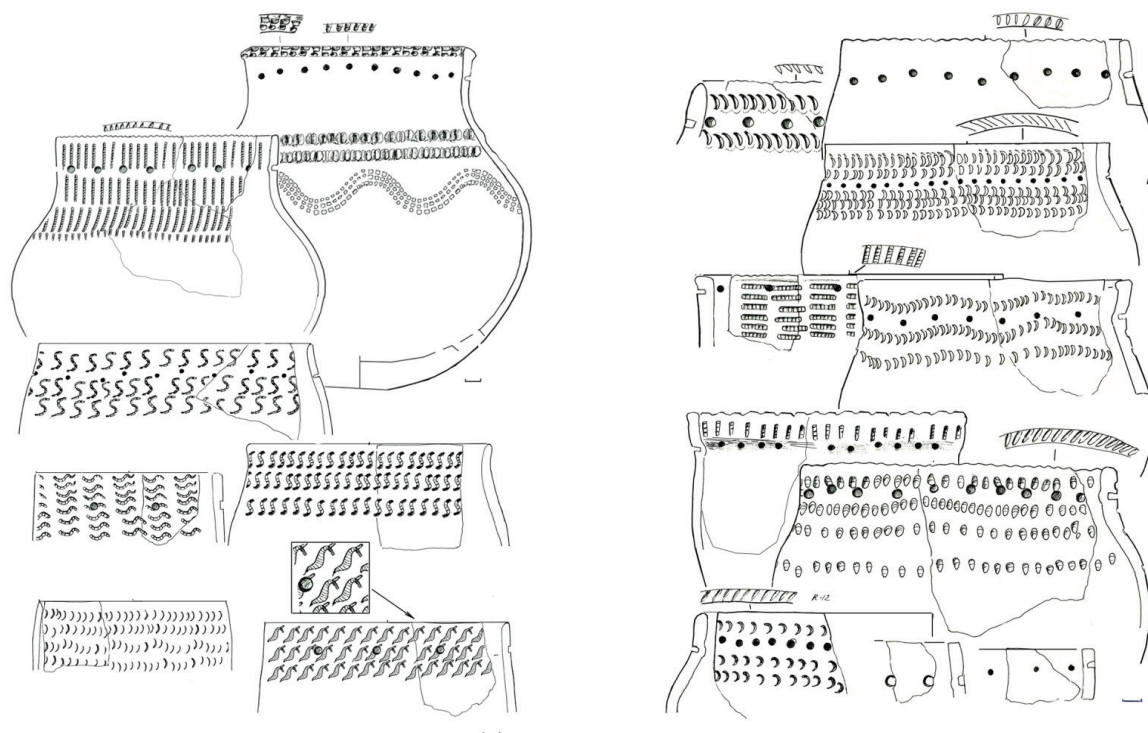
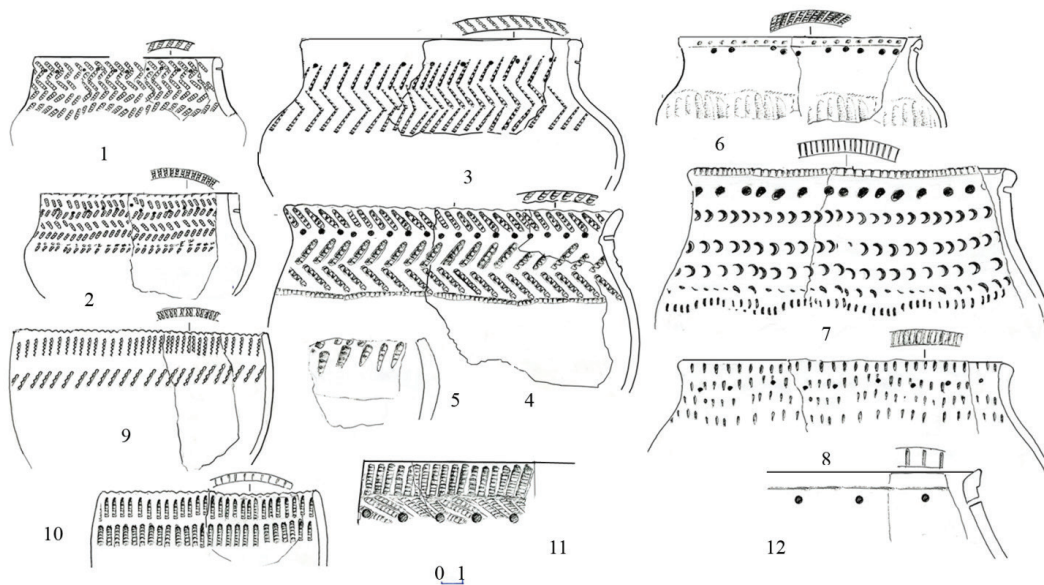

Рис. 92. Керамика из Бийского городища-7

1

2

0 1

3

Рис. 93. Керамика из бийских городищ: 1 — городище Малоугренёво; 2 — Заречье г. Бийска (Воробьёвка, 7-й км Смоленского тракта); 3 — городище Фоминское

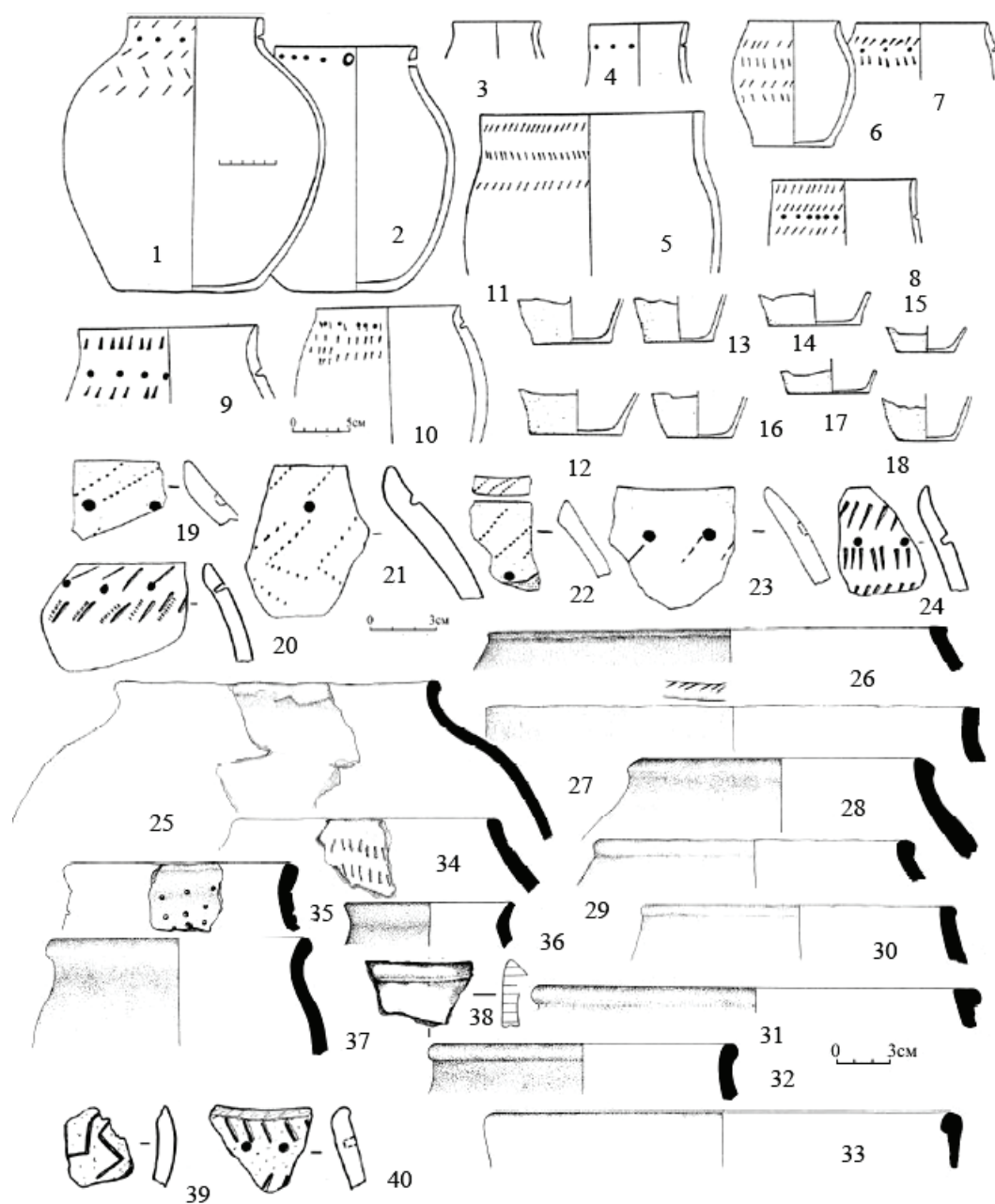

Рис. 94. Керамика из городищ на р. Катунь: 1-24 — поселение Чепиш-2 (Шульга, 2015, рис. 36);
25-38 - городище Нижний Чепиш-3 (Соёнов и др., 2011, рис. 137)

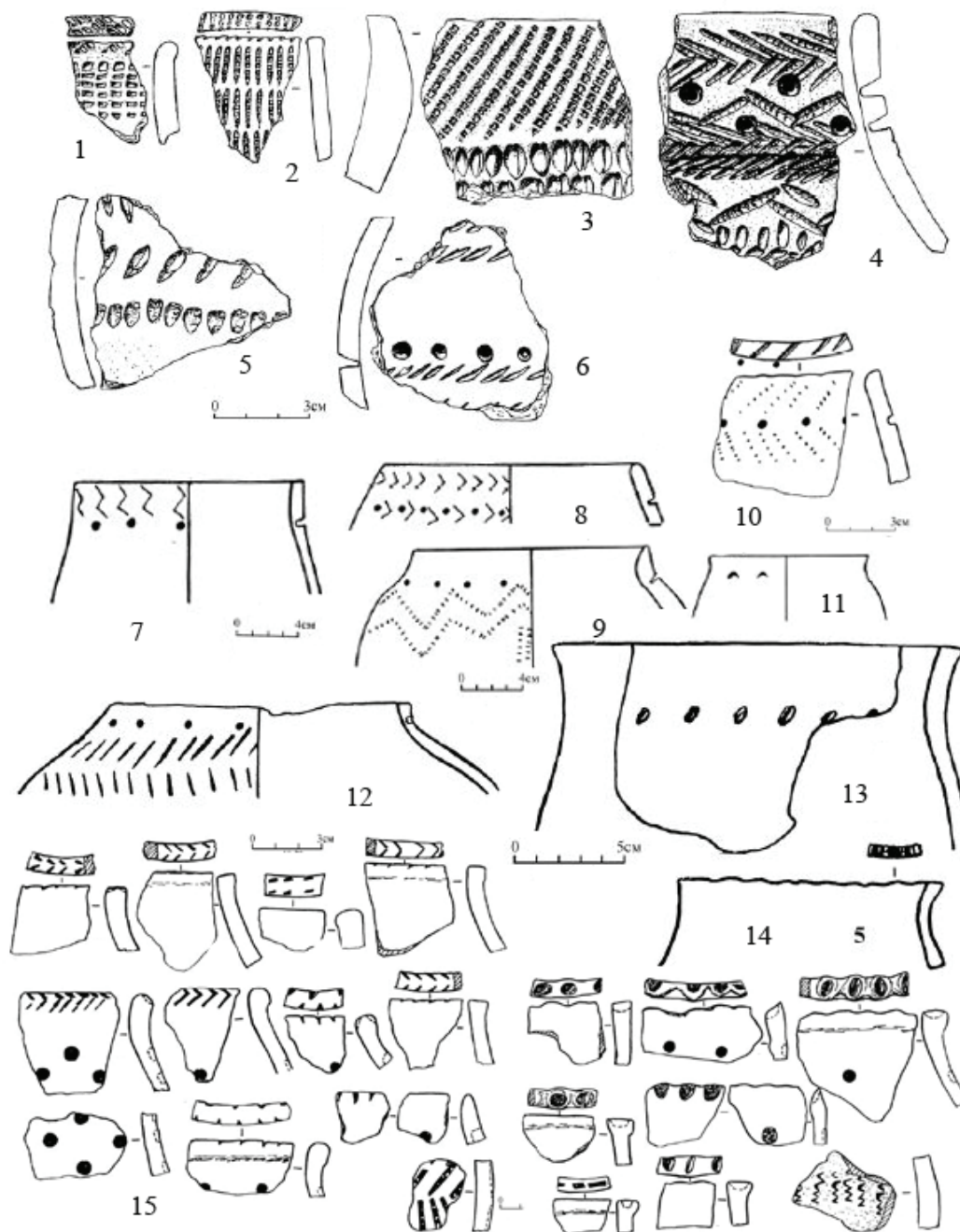

Рис. 95. Керамика из поселений на р. Катунь. 1–6 — Кара-Тенеи (Шульга, 2015, рис. 66);
 7–11 — Кастахта-3;
 12–15 — Партизанская Катушка, первый слой (Шульга, 2015, рис. 966, 54. 55)

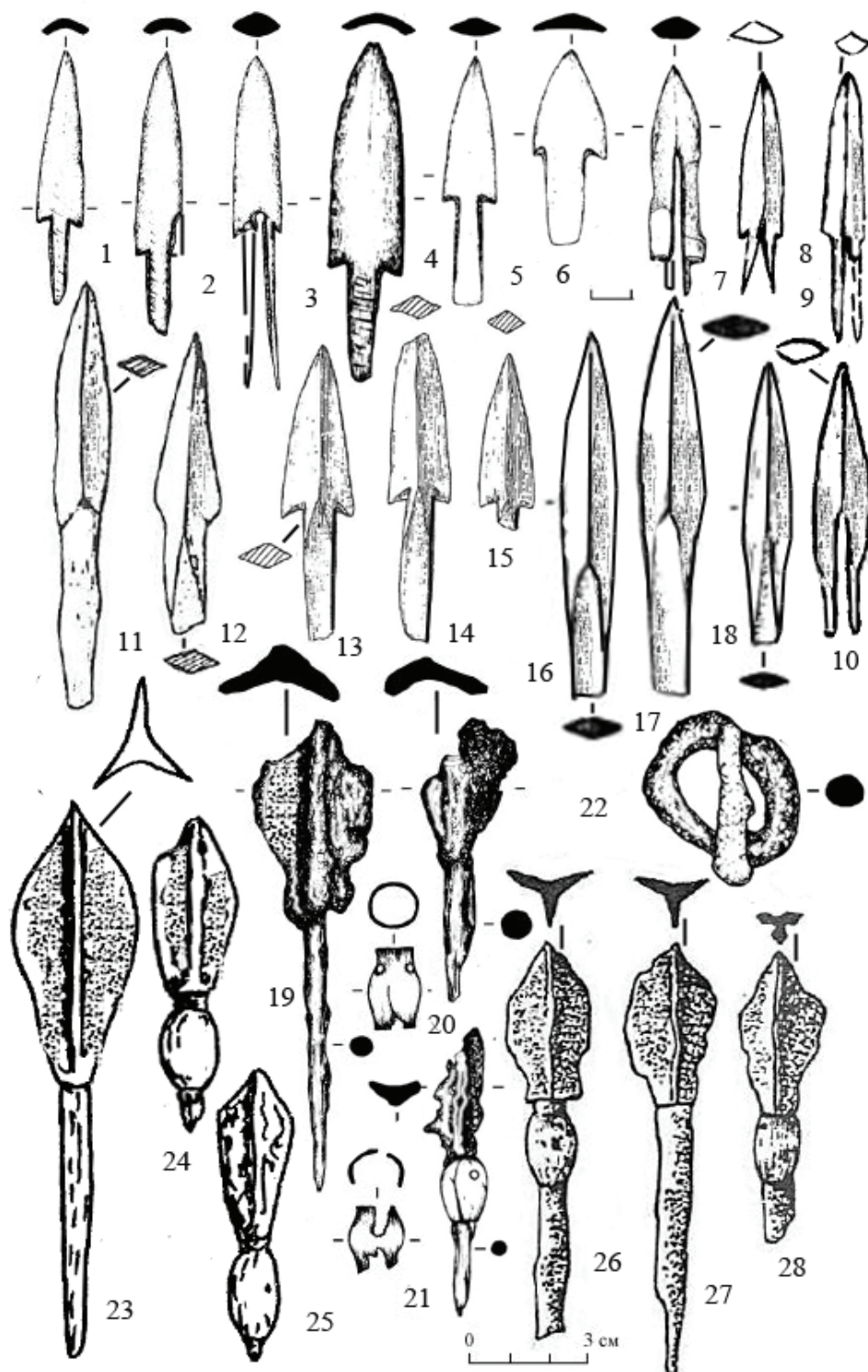

Рис. 96. 1-7, 19-22 — КМ Степушка-2 (Соёнов и др., 2018, рис. 16, 34, 70, 73, 85, 124); 8-10, 23-25 — КМ Белый Бом-II (Глоба, 1983, рис. 1, 2); 11-15, 26-28 — КМ Кок-Паи (Бобров и др., 2003, рис. 6, 14); 16-18 — КМ Кок-Эль (Ваништейн и др., 1966, табл. III)

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Сводная таблица керамики из поселения Майма-1

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
1	Сборы	В	13	?	0,9	I-5(1)	-	Срез
2	Сборы	В	11	?	0,7	Риски от обработки.		Б/о
3	Сборы	В	9	?	0,5	I-1(1)		Б/о
4	Сборы	В	9	?	0,9	I-1(1)		Б/о
5	Сборы	Б	12	?	0,7	I-1(1), II-17		Срез
6	Сборы	Бв	5	?	0,4	I-1(1), II-17 Циркульный	?	?
7	Сборы	Бв	?	?	1	-	-	?
8	Сборы	Б	10	?	0,8	I-1(1), III-24(1)	-	Б/о
9	Сборы	Б	10	?	1	-	-	Б/о
10	Сборы	В	11 чаша	?	0,8	I-4(1)	-	Б/о
11	Сборы	В	6	?	1,2	-	-	Б/о
12	Сборы	Б	10	?	1,2	I-1(1)	-	Б/о
13	Сборы	В	11 чаша	?	0,9	I-1(3), I-3	Шах	186
14	Сборы	В	11 чаша	?	0,9	I-1(1)	-	Б/о
15	Сборы	В	12	8,5	0,9	I-1(1), II-20(3)	См	Б/о
16	Сборы	Б	10	?	0,8	II-17(?)		Б/о
17	Сборы	Б	10	?	0,7	II-17(5?)	Ряды, волна	Б/о
18	Сборы	В	10	?	0,9	II-17	Волна?	Б/о
19	Сборы	В	10	?	0,7	II-17(?)	-	Б/о
20	Сборы	Б	9	8,5	1,1	II-17(?), I-1(1)	Пояса	Карниз
21	Сборы	В	11	?	0,6	II-17 (неск.)	-	Б/о
22	Сборы	В	11?	?	0,6	II-17 (неск.), I-1(1)	-	Б/о
23	Сборы	Б	10	5	0,4	II-20 (неск.)	-	Б/о
24	Сборы	Бв	?	4,3	0,5-0,7	II-17 (неск.), I-1(2)	-	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
25	Сборы	В	11	4	0,7	II-16, 17 (неск.)	-	Б/о
26	Сборы	?	2	4	0,7	II-17 (?), I-6 (?)	Зигзаг	?
27	Сборы	В	10	?	0,7	II-16 (?)	-	Б/о
28	Сборы	Б	10	4,3	0,5	I-6 (1)	-	Насечки
29	X/4'	В	10	6,8	0,4	II-17 (3)	Елочка	II-17
30	A/6	Б	10	7,2	0,6	II-17 (1?)	Б/п	Б/о
31	5	А	9	?	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
32	5	В	11	?	0,8	Б/о	-	Б/о
33	5	Б	7	?	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
34	5	Бв	10	Min	0,5	II-17 (3?)	Елочка	Б/о
35	Э/4'	В	10	Min	0,5	II-17 (2?), I-1 (1)	Елочка	Б/о
36	Э/3'	В	9	7	0,5	II-17 (3)	Елочка	Б/о
37	Э/5'	В	11 блюдо	9	1,1	I-1 (1) крупн.	-	Б/о
38	Э/3'	В	12	?	0,7	I-1 (1) с язычком	-	Б/о
39	III/3'	Бв	12	?	0,9	I-1 (1)	-	Б/о
40	C/3'	Б	10	7,8	0,8	I-1 (1)	Волна	Б/о
41	Кв. 3	Бв	10	12	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
42	Кв. 3	Бв	7a	?	0,7	? II-17 (1?)	?	?
43	T/3	Б	7	10,6	1	I-1 (1)	-	Б/о
44	Кв. 7	Б	12	14	0,9	I-1 (1)	Разреж.	Б/о
45	III/1 очаг	В	9	5,5	0,4	II-17 (3)	Зигзаг, волна	Б/о
46	X/4'	В	11 блюдо	11	1,4	I-1 (1)	Разреж.	II-17 насечки
47	III/1, очаг	В	11 миска	6,8	0,7	Б/о	-	Б/о
48	III/1, очаг	В	13	?	0,8	I-1 (1)	Волна	Б/о
49	У/4'	Б	12	-	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
50	У/4'	Бв	9	16,4	0,8	I-1 (2)	-	Б/о
51	У/4'	В	10	?	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
52	У/4'	Б	10	?	1	I-1 (1)	Сдвоен.	Б/о
53	У/4'	Б	7a	5,8	0,7	I-1 (1)	-	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
54	У/4'	Б	10	13,3	0,8	I-1 (1)	Сдвоен.	Б/о
55	У/4'	Б	10	10	0,7	Б/о	-	Б/о
56	У/4'	Б	10	12,2	0,9	I-5 (1), III-24-форм.	-	Б/о
57	III/1-3	В	10	9,6	0,6	I-2 (1)	-	II-17 насеч
58	Э/6'	Б	9	12	0,9	I-1 (1)	-	Б/о
59	Э/6'	Б	7	?	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
60	У/2	В	2	12,2	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
61	Яма 33	В	4	9	0,7	I-1 (1)	Шах	Б/о
62	Яма 33	Б	10	?	0,8	I-1 (1) с 2 язычками	-	Б/о
63	Яма 7	В	9	6,2	0,7	I-1 (1), II-17 (5)+1	Ряды, зигзаг	Б/о
64	Яма 7	В	10	6,5	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
65	Яма 7	В	9	7	0,8	I-1 (1) плотные	Волна?	Б/о
66	Яма 7	В	11	14,5	1	I-1 (1) с язычком	-	Б/о
67	Яма 17	А	10	8,7	0,8	I-1 (1)	-	Карниз
68	Яма 17	В	13	12,6	0,7-1	I-1 (1)	Шах?	Карниз
69	Яма 20	Бв	11	7,5	0,4	II-17 (2)	Елочка	?
70	Кв. 9	В	11 г.	10,4	0,5	I-1 (1)	-	Б/о
71	Кв. 9, яма 1	В	10	6,8	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
72	Кв. 9	Б	11	8,8	0,8	I-1 (1)	-	Карниз
73	Кв. 9	Б	11 чашка	8,5	0,7	I-1 (1), редкие	-	Б/о
74	Кв. 8	Б	10	6	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
75	Кв. 8	Б	7	7,4	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
76	Кв. 9	Б	9 горшок	?	0,8	I-1 (1), II-17 (1?)	-	Б/о
77 р	Яма 35	Бв	Горшок	16	1	II-17 2/3	Плетенка	-?
78	Яма 32	Б	10	8,5	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
79	Яма 32	В	13 чаша	13	0,9	Б/о	-	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
80	T/5'	Бв	10	?	0,8	II-17 2/3	2/3	-?
81	T/5'	Б	10	11	0,9	I-1 (1)		Карниз
82	T/5'	Б	7	?	0,7	? -	-	Карниз
83	A''/1'	Б	11?	?	0,7	Б/о	-	Б/о
84	A''/1'	В	10	?	0,9	I-1 (1)	-	Б/о
85	A''/1'	В	7	7,5	0,9	I-1 (1)	-	Б/о
86	T'/3'	Б	7a	7	0,8	I-2 (1)	-	Карниз
87	A'/1	Б	11?	6	1	I-6 (2)	Сдвоен.	Б/о
88	T/6'	В	11 горш.	5	0,8	Б/о	-	Б/о
89	T/6'	В	7a	5	0,5	I-1 (1)	Сдвоен.	Б/о
90	T/6'	Б	7a	5	0,5	I-1 (1)	-	Б/о
91	T/6'	Б	10	3,8	0,4	Б/о	-	Б/о
92+5	T/6'	В	11 горш.	3,8	0,5	I-2 (1)	-	Б/о
93	T/6' разв	В	11 горш.	6	0,4	II-17 (4?)	Елочка	Б/о
94	УФ	В	11 горш.	10,4	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
95	УФ	Б	9	10,4	0,7	I-1 (1) крупн (1 см)	-	- срез
96	УФ	В	13	10,4	0,9	Б/о	-	Б/о
97	УФ/6'	В	11 чаша	10?	0,8	I-1 (1)	-	Насечки II-17
98	УФ/6'	В	11 чаша	?	0,9	I-1 (1)	-	Насечки II-17
99	УФ/6'	В	10 горш.	?	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
100	УФ/6'	В	11?	?	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
101	УФ/6'	В	11 блюдо	12	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
102	УФ/6'	В	11	12	0,8	I-1 (1)	-	Насечки II-17
103	УФ/6'	В	7 Min	4	0,5	II-17 (3?)	Ряды	Насечки II-17
104	Ц/3'	В	13	11	0,8	I-1 (1)	Сдвоен	Б/о
105	С/5'	В	13	11	0,8	Б/о	-	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
106	C/5'	В	13 горшок	6	0,7	I-1 (1)	Разрез	Срез
107	C/5'	В	13	?	0,7	I-1 (1)	?	Б/о
108	C/5'	Бв	10?	?	0,7	I-6 – все поле	-	-?
109	T/6'	Б	8 min	5	0,5	I-1 (1)	-	Б/о
110	T/6'	В	11 горш.	8	1	I-1 (1)	-	Б/о
111	T/6'	В	13	?	0,8-0,5	I-1 (1) круп., 0,9 см	-	Бортик-ложб
112	T/6'	Б	Min чаша	5	0,7	I-1 (1) мелкие 0,3	-	Б/о
113	T/6'?	В	9	9	0,5	Б/о	-	Б/о
114	T/6'?	Б	12	9	0,7-1	Б/о	-	Карниз-ложб
115	T/6'?	А	?	?	0,7-0,9	?	-	Срез
116	T/6'?	Б	9	4,5	0,7	Б/о	-	Б/о
117	T/6'?	Б	10	7	0,6	I-1 (1), II-17 (1+1)	Ряд, зигзаг 27	Б/о
118	T/6'?	Б	10	8	0,6	I-1 (1)	-	Б/о
119	T/6'?	Б	10	8	0,6-1	I-1 (1)	-	Б/о
120	T/6'?	В	10	6	0,5-0,9	I-1 (1)	Волна	Б/о
121	П/2'	В	9	13	1,2	I-1 (1)	-	Б/о
122	П/2'	А	7	13	0,7	I-1 (1)	-	Срез
123	X/4-брXV	В	9 горшок	8	1,4	I-1 (2)	1 ряд - волна	Б/о
124	Л/2'-3	В	11 блюдо	7,8	0,7-0,9	Б/о	Ложбин	Б/о
125	УФ/1'	Бв	13?	6,6	0,7	II-17 сложные	Елочка	?
126	ЛМ/1, яма 9	В	11 чаша	12,2	0,7-0,9	I-1 (1)	Ложбин	Насечки II-17
127	МН/1	В	9 горшок	?	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
128	?	Б	10	11	1,1	I-1 (1)	-	Б/о
129	?	Б	10	11	0,9	I-1 (1)	-	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
130	?	Бв	11 чаша	8	0,6	I-1 (1)	-	Б/о
131	?	В	13	?	1	I-1 (1)	-	Б/о
132	?	В	13	?	0,7	I-1 (1) с язычком	-	Б/о
133	?	Бв	?	?	0,6	I-1 циркульный	-	Б/о
134	?	Бв	10	11	0,6	I-1 (1?), I-9 (1?)	-	Б/о
135	?	В	7	?	1	I-1 (1)	-	Б/о
136	?	А	10	?	1	I-1 (1)	-	Б/о
137	?	Б	10	?	1	I-1 (1)	-	Б/о
138	?	Б	10	?	1	I-1 (1)	-	Б/о
139	?	В	11 чаша	?	1	I-1 (1)	-	Б/о
140	?	В	11 чаша	11	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
4-141	?	В	11 чаша	?	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
142	?	В	?	?	0,9	I-1 (1)	-	Срез
143	?	Б	10	?	0,8	I-1 (1)	-	Срез
144	?	А	9	?	1,1	I-1 (1)	-	Ложбина
145	?	В	2	?	0,9	I-10 (1)	-	Б/о
146	?	В	10	?	1	I-1 (1) крупн. 0,8	-	Б/о
147	?	В	10	?	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
148	?	Б	10	?	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
149	?	Б	12	?	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
150	?	Б	9	?	0,7	I-1 (1)	-	Ложбина
151	?	В	11	?	1	I-1 (1)	-	Б/о
2-152	?	Б	10	?	0,8	Б/о	-	Б/о
153	?	Б	7	4,5	0,8	I-1 (1) частые	-	Б/о
154	Я/1'	Бв	11	?	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
155	Р/1	Б	4	10,3	1	Б/о	-	Б/о
156	Р/1	А	9	14,1	0,9	I-9 (1)		Карниз
157	Ш/2	Б	10	?	0,8-1	I-1 (неск.), II-17 (неск.)	Сложн.	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
158	III/2	В	11 блюдо	16	1,2	I-1 (1)	-	Б/о
159	X/9 бр.X	В	кружка	?	0,7	Б/о, залом в серед.	-	Б/о
160	Кв. 7	Бв	13	?	0,6	I-1 (узор) с язычко, циркульный	-	?
161	3/1	В	11 солонка с под.	1,6	1	III-24, у дна	-	Б/о
162	Кв. 7	Бв	9	?	0,8	II-17 (неск. рядов)	-	-?
163	УФ/1'	Б	10 горшок	8,5	0,5	II-17 (3)	Волна	Б/о
164	УФ/1'	Б	10	7,4	0,6	I-1 (1)	-	Б/о
165	УФ/1'	Б	10	7,5	0,6	Б/о	-	Б/о
166	УФ/1'	Б	9	7,5	0,8	Б/о	-	Б/о
167	УФ/1'	В	8	8	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
168	УФ/1' бр	Б	7	10	0,6	I-1 (1)	-	Б/о
169	УФ/1'	В	11 блюдо	?	0,7	I-1 (1)	Волна	Бб/о
170	Кв. 8	В	11 горшок	8	0,6	I-1 (1), II-17 (3+1)	Ряды, зигз. 27	Насечки, II-17
171	Кв. 8	В	11 горшок	9	0,6	II-17 (более 2)	Ряд, волна	Б/о
172	Кв. 8	Б	12	6,8	0,5-0,7	Б/о	-	Б/о
173	Кв. 8	В	11	7	0,5-0,6	I-1 (1)	-	Б/о
174	Ц/6'	В	10	14	0,7-1	I-1 (1)	-	Б/о
175	Ц/6'	Б	10	10,3	1,2	I-1 (2)	Разреж.	Б/о
176	Ц/6'	В	10	10,3	0,8	I-1 (2)	-	Б/о
177	Ц/6'	Бв	?	?	0,6-0,8	II-17, II-16 рубчат.	Сложн, зигзаг27	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
178	Ц/6'	В	10	8	0,6-0,8	I-1 (1) с языч., крупн.	-	Срез
179	Ц/6'	В	11	12	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
180	Ц/6'	В	10	8,8	0,7	I-1 (1)	Сдвоен.	Б/о
182	Яма 10	Б	10	8	0,4	I-1 (1) крупн., 0,8	-	Карниз
183	Яма 10	Б	13	11,3	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
184	Яма 10	Б	7	8	0,9	I-1 (1)	Шах	Карниз
185	Яма 10	Б	7	8	0,7	Б/о	-	Карниз
186	Яма 10	В	11	8?	0,7	I-1 (1), II-11, угол.	-	Б/о
187	Яма 10	В	13	?	0,7	I-1 (1), II-17 (?)	-	Срез
188	Ш/7'	В	10	9,2	1	I-1 (1)	-	Б/о
189	Ш/7'	Б	7	11	0,8-1	I-1 (1)	-	Б/о
190	Ф/7'	В	13	9,5	0,8-1,4	I-1 (1), бортик	Ложбина	Насечки
191	Ч/7'	Б	10	8	0,8	Б/о, III-24 придон.	-	Б/о
192	Ч/7'	В	11	4,5	0,4	II-17 (2?)	Елочка	Б/о
193	Ч/7'	Б	10	8	1,1	I-1 (1)	-	Карниз
194	Кв. 9	В	10	10,5	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
195	Х/7'	В	13	8	0,6	I-1 (1)	-	Б/о
196	Х/7'	В	11	9	1,1	Б/о	-	Насечки II-17
197	Ц/7'	В	7	9	0,8	III-24 (1)	-	Б/о
198	Кв. 8	В	11	7,3	0,6	II-17 (2), 20 (1)	+ Зигзаг	Б/о
199	Кв. 8	В	12	9,6	0,6	II-17 (4)+?	+елочка	Б/о
200	Кв. 8	Бв	-	Min	0,6	II-17 (?) +1	+ Зигзаг	-?
201	Кв. 8	В	13	?	0,8	II-17 (2)+1?	+елочка	Б/о
202	Кв. 8	Б	10	?	0,7	I-1 (2)	-	Б/о
203	Кв. 8	В	?	?	1	I-3 (1)	-	Б/о
204	Кв. 8	В	11 блюдо	?	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
205	Кв. 1, бр.	В	13	5	0,5	II-17 (4)? 2/3 I-1 (2)	См	Б/о

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
206	Кв. 1	А	9	?	0,6-1	I-1 (1)	-	Карниз
207	Кв. 1	Б	10	?	0,4	I-1 (1?), II-17	-	Б/о
208	Кв. 1	Б	13	?	0,8	I-1 (1)	-	Карниз
209	Кв. 1	В	11 min	3,2	0,4	Б/о	-	Б/о
210	Кв. 1	Б	7	6,5	0,5	I-1 (1)	-	Б/о
211	С/4'	В	11	5,8	0,7-1,1	Б/о	-	Насечки II-17
212	С/4'	В	10	7,3	0,8	Б/о	-	Б/о
213	С/4'	В	10	6,5	0,4-0,5	I-1 (1)	Сдвоен.	Б/о
214	М/5'	А	10	?	1	I-1 (1)	-	Наплыв
215	Ф/4'	В	10	?	0,8-1	I-1 (1)	-	Б/о
216	Ф/4'	Б	10	?	0,8	II-17 (1) накл.	Сдвоен.	Наплыв-карниз
217	Ф/4'	Б	5	?	0,8	Б/о	-	Наплыв
218	У/1'	Б	10	10,2	0,9	I-1 (1)	Шах	Отогн.
219	Бр. XII	В	10	?	0,4	I-1 (1) II-17 (2?)	Елочка	Б/о
220	У/1'	В	13	10,5	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
221	У/1'	В	13	?	0,9	I-1 (1)	-	Насечки
222	У/1'	В	11	?	0,7	I-1 (1), I-3 (вытянут)	Шах	Б/о
223	У/1'	В	13	?	1,2	I-1 (1)+ложбина	-	Насечки
224	Д/5	В	11 миска	11	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
225	Д/5	Б	7	?	0,7	Б/о	-	Карниз
226	Д/5	В	7	?	0,8-1	I-1 (1)	-	Срез
227	Ф/5'	В	11 солонка	4,7	0,6-0,9	Б/о	-	Б/о
228	Ф/5'	В	7	12	0,9-1,1	I-1 (1)	-	Б/о
229	Яма 45	В	9	6	0,5	I-1 (1), II-17 (3?)	Елочка	Б/о
230	Яма 45	Б	10	4,1	0,6	II-17 (3)	Елочка	Наплыв
231	Яма 45	В	7a	6	0,5	I-1 (2)	Разреж	Насечки II-17

№	Р., кв., жил.	Край венч.	Форма сосуда	R	t	Элементы орнамента	Конфигурация	Орнамент края
232	Яма 45	В	10	10,5	1,2	I-1 (1)	-	Б/о
233	Яма 11	Б	11	10,5	0,9	I-1 (1), ложб-риски	Елочка	Внут. карниз
234	Яма 45	Б	7	10,5	1	Б/о	-	Наплыв
235	Р/1',2'	В	6	10,6	0,7	I-1 (1)	-	Б/о
236	Г/2'	А	7	10	0,8-1	I-1 (1)	-	Наплыв
237	Г/2'	В	10	9,4	0,6	I-1 (1) с рисками	-	Б/о
238	УФ/3'	А	10	9,3	0,6	I-1 (1)	-	Наплыв-карниз
239	УФ/3' бр.	В	13	8,3	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
240	УФ/3'	В	11	?	0,8	I-1 (1)	-	Б/о
241	УФ/3' бр.	Б	10	?	0,7	I-1 (1)	-	Наплыв
242	УФ/3'	Бв	11	8,3	0,96	I-1 (1) крупн., 1 см	-	-?

Таблица 2

Сводная таблица керамики из поселения Ушлёп-5

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
1 р	А	1	14	0,8	I-1 (1); III-24 (2)	-	II-12
2 р	А	1	14	0,8	I-1 (1); III-24 (3)	-	II-12, 14
3 р	Б	1	12,5	0,7-1	I-1 (1);	-	II-12, 14, 22
4 р	Б	7	10,8	0,6	I-1 (1);	-	-
5 р	В	7	12	0,8	I-1 (1);	-	-
6 р	Б	7	17,5	1,2	I-1 (1); II-18a (2)	-	II-12
7 р	В	13	17,5	1	I-1 (1); I-10 (2)	-	II-12, I-9
8 р	Б	6	15,5	0,7	I-1 (1)	-	-
9 р	А	6	12	0,6	I-1 (1); II-15 (2)	-	III-24
10	Бв	9	10,5	0,7-1	I-1 (1); II-22 (4+2)	Волны, см	II-12
11	В	6	-	0,6	I-1 (1); I-10 (2)	-	III-24

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
12	A	11	-	0,7	I-5 (1); I-10 (1), III-24	-	I-9
13	B	7	-	0,6	I-1 (1); II-22 (2)	Волны, см	II-20
14	A	10	10,5	0,7	I-1 (1); II-22 (2)	Волны, см	I-7
15	B	4	-	0,7	I-1 (1)	-	I-7
16	B	7a	14,5	1,2	I-1 (1)	-	-
17 ц	B	10-11	5,5	0,5	-	-	III-24
18 p	B	10-11	5,5	0,5	-	-	-
19	B	8	12	0,7	I-5 (1)	-	III-24
20	B	9	14,5	0,5	-	-	-
21 p	B	Блюдо 11	17	1,2-0,4	I-1 (1)	-	-
22 p	B	11	5,3	0,6	I-1 (2)	Волны	Насечки
23-29	B	4	-	0,6	I-1 (2)	-	-
30	B	7a	7	0,8	I-1 (1)	-	-
31	B	7a	16	0,8	I-1 (1)	-	-
32	B	6	16	0,6	I-1 (1)	-	-
33 p	B	12	17	0,5	I-1 (1)	-	-
34 p	B	7a	-	1	I-1 (1); II-19	См	II-20
35	B	4	15	1	I-1 (1)	-	-
36 ц	A	7	5	0,3-0,7	I-1 (1)	-	I-9
37	A	4	9	0,7	I-1 (1)	-	-
38	B	4	-	1	I-1(1)	-	-
39	Бв	13	-	0,6	I-1(1)	-	-
40	B	6	-	0,6	I-1(1)	-	-
41 (3)	B	6	-	0,6	I-1(1)	-	-
42	B	7	8,5	0,8	I-9 (1)	-	II-12
43	B	?	-	0,7	?	-	III-24
44 p	B	11	13	0,7	I-2 (2)	Шах	III-24
45	B	8	7	0,5	I-1 (1)	-	I-7
46	B	4	5	0,4	I-1 (1)	-	I-9

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
47 (2)	Б	4	-	0,8	I-1 (1)	-	I-10
48 (2)	В	13	Min	0,4	-	-	-
49 p	Б	7	14	0,6	I-1 (2)	-	-
50 p	Б	7a	14	0,6	I-1 (2)	-	-
51 (2)	В	12	-	0,6	I-1 (1)	-	II-17
52 p	В	10	14	0,6	I-1 (1)	-	II-15
53 p	Б	7a	10	0,6	I-1 (1)	-	II-15
54 (2)	В	9	10	0,6	I-1 (1)	Шах	III-24
55 (5)	В	9	8	0,6	I-1 (1)	-	III-24
56	В	7	7	0,5	I-2 (1)	-	III-24
57	А	7	7	0,5	I-1 (1)	-	II-14
58	БВ	4	7	0,6	I-3 (1)	-	II-15
59	Б	7a	7	0,7	I-1 (1)	-	-
60	Б	1	9	0,5	I-1 (1)	-	III-24
61	В	11	-	0,6	I-1 (1)	-	-
62	Б	7	-	0,7	I-1 (1)	-	-
63 (2)	В	11	-	0,7	I-1 (1)	-	-
64 (2)	Б	9	-	0,7	I-1 (1)	-	-
65	Б	8	-	0,7	I-1 (1)	-	III-24
66	Б	8	-	0,7	I-1 (1)	-	II-22
67	БВ	6	-	0,6	I-1 (1)	-	II-14
68	А	9	-	0,7	I-1 (1)	-	-
69	В	12	-	0,7	I-1 (2)	-	III-24
70 (2)	Б	7	-	0,8	I-1 (1)	-	-
71 (3)	А	10	-	0,7	I-1 (2)	-	III-24

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
72 (36)	A	? фр	-	0,7	I-1 (1)	-	Полоса
73 (5)	Б	?фр	-	1	I-1 (1)	-	I-10
74 (16)	A	7a	-	0,7	I-1 (1)	-	II-17
75 (3)	Б	7	-	0,7	I-1 (1)	-	-
76 (4)	B	11	-	0,8	I-5 (1)	-	II-17
77 (6)	A	1	-	0,7	I-1 (1)	-	II-17
78	A	7	-	0,7	I-1 (1)	-	I-10
79	Б	3	-	0,7	I-1 (1)	-	III-24
80	B	7	-	0,8	I-1 (1)	-	III-24
81 (5)	Б	7	-	0,6	I-1 (1)	-	-
82	B	7a	-	0,7	I-1(1); III-24 (1)	-	I-10
83	Б	7a	-	0,7	I-1 (1)	-	I-10
84	B	10	-	0,7	I-1(1); II-22 (2)	См	-
85 p	Бв	Чаша	-	0,7	I-1 (1)	-	II-17
86 p	Б	7	7,2	0,8	I-1p (1); III-24	-	-
87	B	7a	7	0,7	-	-	-
88	B	9	7,8	0,7	I-1 (1)	-	II-17
89	B	9	10,8	1,2	I-1я (1)	-	II-17
90	B	9	10	0,8	I-1 (1)	-	-
91	B	9	9,8	0,8	I-1 (1); III-24 (1)	-	II-17
92 (3)	B	?	-	1	I-1 (1)	-	II-20
93	A	10	-	0,8	I-1 (1)	-	-
94	Б	11	-	0,6	II-14 (2?)	Шах	-
95	B	11	4,5	1	-	-	-
96 p	B	5	9,5	0,6	I-1 (1)	-	-
97 ц	B	13 стакан	5	0,6	-	-	II-12

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
98	В	Чаша	11	0,7	I-1 (1)	-	-
99	Б	7а	Min	0,5	I-1 (1)	Шах	-
100	В	8	6	0,4	I-1 (1)	-	-
101	В	8	6,5	0,4	I-1 (1)	-	III-24
102 р	Б	13	11	0,8	I-1 (1)	-	-
103 ц	Б	10	5	0,4	I-1 (1); II-20 (5)	2/3	II-20
104 р	В	7а	8	1	I-1 (1)	-	II-17
105 р	В	7а	8	0,7	I-1 (1); I-9 (3)	1/2	-
106 р	Б	7	14	0,8	I-3 (1)	-	-
107 р	Б	7	8,7	0,7	I-6 (1); II-21 (3); II-21	1/4	III-24
108 р	В	7а	9	0,5	I-1 (1)	-	Насеч.
109 р	А	2	7,5	0,5	I-1 (2)	Шах	-
110	Б	1	7,5	0,4	I-1 (1)	Шах	-
111	В	7а	?	0,7	I-1 (1)	Волна	II-18 в
112	В	7а	?	0,7	I-1 (1)	-	-
113 ц	В	7	5,2	0,8	I-1(1); II-17; I-6	27; шах	III-24
114 р	В	8	13,5	0,7	I-1 (1)	Волна	I-10
115 р	В, Б	9	7,6	0,5	II-19 (1)	28	II-11
116 р	Б	8	12,5	0,6	I-1 (1)	-	-
117 р	А	5	7,7	0,6	I-1 (1)	-	II-17; 14; III-24
118	В	5	7,3	0,6	I-6 (1)	-	-
119 р	Б	Чаша	15	0,6	I-9 (1)	-	III-24

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
120 р	В	Чаша	16	0,8	I-1 (1)	-	III-25
121 р	В	Чаша	15	0,7	I-1 (1)	Редко	II-17
122 р	В	Чаша	15	0,7	I-1 (1)	Волны	-
123 р	А	Чаша	16	0,7	I-1 (1)	Редко	II-17
124 р	В	Чаша	16	0,8	I-1 (1)	-	II-17; I-10
125 р	В	Чаша	8,8	0,6	I-1 (1)	-	-
126 р	В	Чаша	10,6	0,6	I-1 (1)	-	-
127 р	В	Чаша	9,2	0,7	I-5 (1)	-	-
128 р	В	Чаша	10,2	0,7	I-10 (1)	-	-
129	В	7а	10,6	0,8	I-1 (1)	-	I-9
130	В	7	12	0,8	I-1 (1)	-	-
131	А	7	12	0,7	I-1 (1)	-	-
132	Бв	4	?	0,6	I-1 (1)	-	-
133	В	7	10	0,5	I-1 (1); II-19 (1)	-	-
134 р	?	7а	?	0,7	I-1?; I-10; III-25	Поле?	?
135 р	В	1	min	0,5-0,8	III-24(1); II-16; II-11	2/3?	II-17
136 р	А	10	13,6	0,7	I-1 (1)	-	II-17
137 р	Б	6	12	0,5	I-1 (1)	-	I-7
138	Б	12	14,8	0,8	I-1 (1)	-	-
139	Б	12	14,8	0,7	I-1 (1)	-	-
140	В	Чаша	10,6	1	I-1 (1)	-	-
141	В	2	3,8	0,4	II-13 (8)	1/2	II-13
142	Б	Пиала	6,6	0,7	I-1 (1)	-	I-7

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
143 ц	В	Стакан	5	0,4	II-13 (5)	2/3	I-7
144 р	Б	Пиала	6,6	0,7	I-1 (1)	-	I-7
145 (2)	Б	Пиала	9	0,7	I-1 (1)	-	-
146 р	В	Пиала	9	1	I-1 (1)	-	-
147 р	В	Чаша	6,2	0,7	I-1 (1); III-24 (1)	-	I-2
148	В	Пиала	14	1	I-1 (1)	-	-
149	В	Пиала	14	1	I-1 (1)	-	-
150 р	В	Чаша	14,3	1	I-1 (1)	-	-
151	Б	Пиала	8	0,7	I-1 (1)	Неравн.	-
152	В	11	14	0,8	I-1 (1)	-	-
153	А	Пиала	8	0,5	I-1 (1)	-	-
154	Бв	7а	10	0,7	I-1 (1)	-	I-7
155	Бв	4	9	0,6	I-1 (1)	-	II-22
156	В	4	10	0,7	I-1 (1)	-	I-10
157	Б	4	?	0,5	II-12 (1)	Волна	II-12, насеч.
158	А	13	?	0,4	III-24 (?)	-	-
159	А	13	10	0,5	I-1 (1)	-	II-22
160	В	7а	9	0,7	I-1 (1)	-	I-10
161	Б	7	8	0,8	I-2 (1); II-19	Наклад.	-
162 ц	А	4	8,2	0,5	I-9 (1)	-	II-20
163	А	12	18	0,7	II-12 (1)	-	I-24
164	А	2	9,5	0,4	I-1 (1); II-23	Поясок	I-9
165 р	Б	4	9,5	0,4	I-9 (1); II-23	Поясок	-
166	Б	7а	9	0,6	I-1 (1)	-	II-15
167 р	В	Чаша	14	0,7	I-1 (1)	-	II-15; II-11

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
168 (2)	В	чаша	14	0,7	I-1(1)	Волна	II-22
169 p	В	чаша	14	1	I-1(1)	-	-
170 p	А	Чаша	14	0,7	I-1 (1)	-	-
171	?	7a	?	0,7	I-2 (1)	-	?
172	В	5	3,5	0,5	II-20 (3)	½, 27	-
173	В	5	11	0,6	I-1 (1)	-	II-15
174 p	В	Чаша	13	0,8	I-1 (1)	-	II-17; III-24
175	Б	7a	9,8	0,6	I-1 (2)	Волна	III-24
176	В	10	10,4	0,7	I-1 (2)	Волна	-
177	Б	10	10,4	1,2	I-1 (2); III-24 (2)	Волна	-
178	Б	10	?	0,6	I-1 (1); I-10 (2); II-13	Волна? См	-
179	Б	10	?	0,5	I-1 (1)	Волна	-
180	В	10	?	1	I-1 (2)	-	-
181 p	В	Чаша	10,4	0,7	I-1 (1)	-	II-186
182	Б	10	?	0,5	I-1 (1)	Волна	-
183	А	7a	4,5	0,6	I-1 (1)	-	III-24
184	А	8	6	0,6	I-2 (1)	-	II-17
185	В	8	6	0,6	I-2 (1)	-	II-17
186	Б	8	?	0,6	I-1 (1)	-	I-10
187	А	7	?	0,5	-	-	I-10
188	Б	7a	6,2	0,6	-	-	-
189 p	А	9	12	0,4	I-4 (1); III-24 (1); II-23	Поясок	II-15
190p	А	10	12	0,4	I-1 (1)	-	II-15
191p	А	1	12	0,4	I-1 (1); III-24 (1); II-23	-	II-22
192 p	В	3	5,5	0,4-0,6	II-22; 15	½, II-26	-
193 p	А	7	4,5	0,3-0,6	I-1 (1)	-	I-9

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
194	В	8	6,5	0,5	I-1 (1); II-14 (2)	-	-
195 р	А	7а	15	0,7	I-1 (1)	-	-
196 р	Бв	Чаша	16	0,7	I-1 (1)	-	II-17
197 р	В	7а	15	1	I-1 (2); I-10 (2)	1/4	-
198	?	7а	?	1,1	I-1 (2); I-10 (2?)	¼, волна	?
199	В	10	15	0,7	I-1 (2); I-10 (2)	1/4	-
200	В	11	-	1	I-1 (2)	-	-
201	В	7а	20	1	I-1 (1); I-10 (2)	-	-
202	Бв	13	13	0,8	I-1 (1)	-	-
203	Б	7	9	0,8	I-1 (1); I-10(2)	См	I-9
204	А	7а	16	0,8	I-1 (1)	-	I-9
205	В	5	15	1	I-1 (1)		I-9
206	Б	9	19	1	I-1 (1)	-	-
207	В	Солонка	2,5	0,6	-	-	-
208	Б	Чаша	13	0,6	I-1 (1)	-	-
209	В	Стопка	1,7	0,5	-	-	-
210	В	Чаша	10	0,8	I-1 (1)	-	I-10
211	Б	7	13	0,7	I-1 (1); I-10(2)	-	I-10
212	?	Min	?	0,5	?	-	Венч. нет
213	В	4	13	0,7	I-1 (1)	-	I-9
214	Б	7	11	0,7	I-1 (1)	-	I-7
215	В	12	21	0,9	I-1 (1); II-12(2)	-	-
216	В	8	15	0,7	I-1 (1)	-	-
217	В	Блюдо	19	0,7	I-1 (1)	-	-
218	В	Чаша	13	1	I-1 (1)	-	-
219	Бв	Чаша	7	0,6	I-1 (1)	-	I-9
220	А	7а	14	0,7	I-1 (1)	-	I-9
221	В	7	7	0,8	I-1 (1)	-	-
222	Б	7	16	0,8	I-1 (2)	-	-

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
223	Б	10	15	0,7	I-1 (1)	-	-
224	Б	10	14	0,7	I-1 (1)	-	-
225	Б	10	13	0,7	I-1 (1)	-	-
226	В	10	7,2	0,5	I-1 (1)	-	-
227	В	10	16	0,7	I-1 (1)	-	-
228	Б	Min	4	0,7	-	-	-
229	В	Пиала	6	0,6	I-1 (1)	-	-
230	В	Чаша	19	0,9	I-1 (1)	-	-
231	В	9	6,4	0,5	I-1 (1)	-	-
232	Бв	Чаша	16	1	I-1 (1)	-	-
233	Б	Ваза, 7	6,5	0,5	I-1 (1); II-20 (3+1)	См, 27	-
234	В	7	12	0,7	I-1 (1)	-	-
235	Б	7	8,2	0,6	I-1 (1)	-	-
236	В	7а	9	0,6	I-1 (1)	-	-
237	В	9	9	0,6	I-1 (2)	-	I-10
238	Б	5	12	1	I-1 (1)	-	-
239	Б	10	9,5	0,7	-	-	-
240	В	7	9	0,7	I-1 (1)	-	-
241	А	7а	8,3	0,7	I-1 (1)	-	II-12
242	Б	7а	8	0,6	I-1 (1); II-16	-	I-8
243	А	7а	14	0,6	I-1 (1)	Волна	-
244	А	9	16	0,8	I-1 (1)	-	-
245	В	Блюдо	17,5	1	I-1 (1); II-16	-	-
246	Б	5	16,5	1,1	I-1 (1); I-10 (2)	-	-
247	Б	7	11,5	0,6	I-1 (1); III-24 (1)	-	III-24
248	В	7а	10	0,7	I-1 (1)	-	-
249	Б	7	5,5	0,5	I-10 (2)	-	-
250	Бв	9	13	0,7	I-1 (1)	-	I-9
251	В	Чаша 11	17	0,8	I-1 (1)	-	-
252	В	7а	12	0,9	I-1 (1)	-	-
253	Б	10	15	0,8	I-1 (1)	-	-

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
254	А	9	9	0,6	I-1 (1); I-10 (2)	-	I-9
255	В	Чаша 11	13	1	I-1 (1)	-	-
256	А	Блюдо	17	0,6	I-1 (1); III-24 (1)	-	III-24
257	А	Чаша	15,5	0,6	I-1 (1)	-	II-12
258	Бв	Кувшин	3,5	0,6	-	С ручкой	-
259	В	7	5	0,5	II-20 (5+1)	27	-
260	Б	10	11	0,6	I-1 (1); I-10 (2)	см	I-10
261	Б	7а	12	0,8	I-1 (1); II-19 (2)	В, п	-
262	Б	7	14	0,9	I-1 (1); I-10 (3)	-	I-10
263	Б	7а	8	0,6	I-3 (1); I-4 (4)	Св, см	-
264	А	11	13	0,6	I-1 (1); II-19, 18а (2)	Смешан	-
265	Б	10	10	0,6	I-1 (1); II-18а (2)	-	-
266	Б	10	16	1	I-1 (1)	-	-
267	В	7а	10	0,7	I-1 (1)	-	-
268	Бв	Блюдо	18	0,8	I-1 (1)	-	-
269	Б	5	15	0,8	I-1 (1); II-19(2)	См	-
270	Б	7а	14	0,8	I-1 (1); I-10(3)	-	-
271	В	7а	16,4	1,1	I-1 (2); I-10(2)	-	-
272	Б	6	15,4	0,7	I-1 (1)	-	-
273	Б	5	19	0,9	I-1 (1); I-10(3)	-	-
274	Бв	7а	13,3	1,1	I-1я (1)	-	I-10
275	В	Блюдо	14	1	I-1 (1)	-	-
276	Б	Чаша	15	0,9	I-1 (1); III-24	См	-
277	А	Чаша	15	0,7	I-1 (1); III-24	См	I-10
278	В	4	6	0,5	I-1 (2)	Разные	-
279	Б	Блюдо	18	1	I-1 (1)	-	-
280	Б	12	19,4	0,9	I-1 (1); II-20 (5)	-	I-9
281	В	Блюдо11	19	0,9	I-1 (1)	-	-
282	А	Блюдо	18	0,7	I-1 (1)	-	II-17
283	В	7а	20	1	I-1 (1); I-10 (2)	-	-

Р — развал; (1) — 1 ряд; шах — шахматный порядок, см — смежные (ряд ямок — между поясами (рядами) штампованного орнамента), Бв — внутренний наплыв; фр — мелкие фрагменты; 1 р — ямки с рисками; 1 я — ямки с язычком; 2/3 — орнаментированной поверхности; в, п — вертикальное и продольное положение; св — свисающий пояс.

Расчет от суммы 378 ед.

Блюдо (51 шт.), пиалы, чаши — 14 % Мелкие сосуды — R 2,5–4 см — 1,3 % R 5–6 см — 6% = 7,3 % Без орнамента — 15 сосудов — 4 % По краю венчика без орнамента — 156 сосудов — 41,2 % Основной орнамент: ямки — 349 шт. = 92,3 % лунки — 24 шт. — 6,3 % по краю венчика — 48 шт. — 12,7 %	Гребенка — 13 сосудов — 3,4 % по краю венчика — 4 шт. Оттиски гладкого штампа — 4 шт.; по венчику — 20 шт. Гребенчат., каплевидные — 7 шт.; по краю венчика — 14 шт. Оттиски окончаний гребенчат. штампа — 4 шт., по краю — 4 шт. Пальцевые вдавления — 13 шт. — 3,4 % по краю — 24 шт. — 6,3 %
--	---

Таблица 3

Сводная таблица керамики из городища Усть-Иша-3а

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	орнамент края
1	В	7а	6	0,5	I-3(1), I-9 (1)	-	-
2	А	9	9	0,7	I-5(1)	-	срез
3	В	7а	?	0,6	I-1(1)+?	-	-
4	Б	10	?	0,9	I-5(1)	-	-
5	А	10	4	0,7	II-14 (2?)	-	срез
6	В	13	?	1	I-1(1)	-	-
7	Б	10	7,1	1,1	I-5(1)	-	-
8	Б	9	4,1	0,7	I-7(3)	-	-
9	В	9	?	0,8	I-5(1)	-	-
10	В	?	?	0,6	I-1(1)	-	-
11	В	9	?	0,9	I-5(1)	-	-
12	Б	11 Чаша	?	0,7	I-1(1)	-	II-17
13	В	11 Чаша	?	0,7	I-1(1)	-	-
14	Б	7а горш.	9,2	0,8	II-17(2)?		II-17
15	В	11 горш.	5,7	0,9	II-20(1)	-	-
16	Бв	7а	?	1	I-1(1), II — 186 (3)		II-17
17	В	7	20,7	0,9	I-10(3), II — 23 (1)	-	-
18	В	12	?	0,5	I-3 (1)	-	-
19	Б	13 чаша	7,5	0,9	б/о	-	козырёк
20	В	11 горш.	12	0,5	I-1(1), II-11(1)	-	-
21	В	11 горш.	10,5	0,8	I-5(1)	-	-
22	Бв	13 горш.	8,2	1,2	б/о	-	-
23	Б	10	18	0,8	II-14 сдв (2)	-	-
24	Б	7	12	0,7	I-1(2), II-17(1)	см	II-17
25	В	10	9	0,7	186 (4)	-	-
26	В	13 горш.	4,5	0,8	б/о	-	-
27	Б	10	?	0,9	I-1(1)	-	-
28	В	10	?	0,6	I-1(2)	-	-
29	В	11 горш.	8	1	II-20	-	II-20
30	В	10	?	0,6	I-5(1)	-	-
32	В	11 чаша	?	0,8	I-1(1)	-	-

В трёх жилищах, ямах, очагах всего 1121 обломок стенок б/о, днищ, 110 венчиков.

Таблица 4

Сводная таблица керамики из поселения/городища Курлек

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
1	В	11	10	0,6	II-20 (3)	Ряды	II-20
2	Б	11	12	0,9	I-1(1)	-	-
3	В	11	?	0,8	I-1(1), II-20 (3)	См, елочка	-
4	В	5	13	0,8	I-1(1), I-5 (?)	Волна 1	I-10
5	Б	13	?	0,8	I-1(1)		Карниз, II-17
6	В	11	?	0,6	I-1(1), II-14 (2?)	См	II-12
7	А	7	13,8	1	I-5 (1)	-	II-12
8	В	11	14	0,9-1,1	I-1(2)	-	-
9	Б	9 чаша	13	0,8	I-1(1)	-	II-20
10	В	11	?	0,9	I-1(1), I-4 (1)	-	-
11	В	11 чаша	?	0,8	I-4 (5?)	-	-
12	В	13	?	0,8	I-1(1), II-20 (1?)	-	-
13	В	11 горш.	12	0,9	I-1(1), II-20 (3?)	-	II-20
14	В	11	17	0,8	I-1(1)	Ребро	-
15	Б	11 горш.	11,5	0,8	I-1(1)	-	I-10
16 +3	В	11 горш.	9	1-0,7	I-1(1)	-	Срез
17	Б	11?	?	0,8	I-1(1)	-	Карниз
18	Б	11 горш.	12	0,8	I-1(1), II-20 (5?)	Елочка	II-20, карниз
19	Б	11 горш.	12	0,7	I-1(1), II-20 (1+?)	Зигзаг-27 +	II-20, карниз
20	В	13	?	0,9	I-1(1), II-20 (3?)	-	Срез
21	В	11 горш.	?	0,8	I-1(1), II-20 (1)	Длинные	-
22 +1	В	11 горш.	17	0,9	I-1(1), II-17 (>2?)	Елочка	Срез
23	Б	5	10	0,6	I-1(1), II-17 (3+1)	Елочка, кр	Внеш II-17
24	Бв	11 горш.	?	0,9	II-17 (3)	Елочка	II-17-срез
25	? слом	10	12	0,8	I-1(1), II-15, 20	Сложн. пояс	?
26	Б	11 горш.	12	0,9	I-1(1), II-17 (4)	Елочка	II-12
27	В	11 стопка	2,3	0,4	I-1(1), II-20 (2)	См	II-17, поддон

Всего 31 венчик. Распространена закрытая форма (11) сосудов — горшков и плоской посуды (61–67 %). Преобладающая орнаментация: ряд ямок, часто в сочетании с рядами оттисков гребенчатого или гладкого штампа.

Таблица 5

Сводная таблица керамики из сборов с городища Сайлап

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
1	Б	8	19	0,5	I-1 (1)	-	-
2	Б	8	10,5	0,7	II-20 (2)	-	-
3	Б	7а	7	0,4	II-20 (2) рубч.	Волна	II-17
4	Б	7	9,5	0,7	I-1 (1); II-20 (2?)	Ряды	18в
5	Б	7а	12,3	0,5	I-1 (1); II-17 (4?)	-	II-17
6	В	5	16	0,7	II-17 (6)	Волна	-
7	Б	11 чаша	16	0,7	I-5 (1)	Волна	-
8	Б	11	5	0,3	I-6 (2)	Волна	-
9	В	11	8,5	0,6	II-17 (4)	Елочка	-
10	В	11 горш.	17,5	0,8	I-1 (1)	Волна	-
11	В	13	21	0,9	I-5 (1)	-	Срез
12	Бв	11	14,5	0,8	I-1 (1); II-17 (5)	Елочка	-, поддон
13	В	5	13,5	1	II-20 (2)	Ряды	-
14	А	4	13,5	0,8	I-10 (4)	Ряды	I-10
15	В	7а	5	0,5	186 (5)	Ряды	-
16	В	7	15	0,8	I-1 (1); II-19 (4)	Волна?	I-10
17	В	10	9	0,5	I-1 (1); II-17 (2)	Ряды	-
18	В	13	?	0,6	Iж (1); I-8 (2)	-	-
19	В	2	?	0,4	Iж (1)	-	Срез
20	А	9	?	0,7	I-9 (4)	Ряды	I-9
21	В	7а	?	0,7	I-1 (1)	-	-
22	В	11	?	0,8	I-1 (1)	-	Срез
23	А	13	?	0,6	I-1 (2?)	Ряды	-
24	В	10	?	0,7	I-5	-	Срез
25	В	10	?	0,5	I-1 (3)	Ряды	Срез
26	В	11	?	0,6	II-20 (3)	Елочка	-
27 -2	В	10	?	0,5	II-17 (2)	Елочка	II-17
28	В	11	?	0,7	II-17 (3?)	Елочка	-
29	Б	10	?	0,7	I-1 (1); II-20 (2-3?)	Елочка	-
30	Б	9	?	0,5	I-1 (2); II-17 (2+1)	Ряды + зигзаг	-
31	В	12	7	0,6	I-1 (1); II-17 (3)	Елочка	-
32	Б	9	7	0,6	I-1 (1) дв; II-12 (4)	Ряды	II-12
33	В	5	6	0,7	I-1 (1); II-17; 20 (4+1)	Ряды + зигзаг	18в

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
34	Б	11 чаша	17	0,7	I-1 (1)	-	-
35	В	11 горш.	12	0,7	I-1 (1)	-	-
36	В	11 горш	14,5	0,7	I-1' (1)	-	-
37	В	11 чаша	14,5	0,6	I-1 (1)	-	-
38	В	11 чаша	17	0,7	I-1 (1)	-	-
39	В	9	12	0,6	I-1 (1)	-	-
40	В	11 чаша	15	0,9	I-1 (1)	-	-
41	В	11 чаша	16	0,8	I-1 (1)	Шах	-
42	В	13 чаша	14	0,7	I-1 (1)	-	-
43	В	10	10,5	0,6	I-1 (1); II-20 (3); 17 (1)	Елочка	-
44	В	10	12	0,8	II-20 (2)	Ряды	-
45	В	9	13,3	0,8	I-1 (1)	-	-
46	В	11 чаша	17,5	0,8	I-1 (1)	-	-
47	В	10	11	0,8	I-1 (1); II-17 (3)	Елочка	Срез II-20
48	А	10	14	0,7	I-1 (1); II-17 (4 дв)	Елочка	-
49	Бв	5	15,5	0,8	II-17 (2+); I-1ж.	Арочная + ряды	II-17
50	Бв		5	14,5	0,8	I-1 (1); II-20 (1)	-
51	В		5	13,4	0,6	I-1 (1); II-17 (8)	Елочка
52	Б		4	11,8	0,8	I-1 (1) ср.; II-17-20 (8)	Елочка
53	Б		6	12	0,7	I-1 (1); II-17 (3)	Ряды
54	В		10	-	0,5	I-6 (1); II-17 (2?)	Елочка
55	-		-	-	0,5	18-а	Зигзаг, волна
56	В		10	10	0,5	II-17-20 (2?)	Ряды
57	В		9	11	0,9	I-1 (1); II-17 (3)	Ряды
58	В		9	10	0,6	I-1 (1)ж.; II-21 (3?)	Ряды
59	В		3	14,4	0,8	I-1 (1) II-17 (4+1)	Елочка, зиг. 27
60	Б		3	13,8	0,8	I-10 (4)	-
61	А		7а чаша	12	0,8	I-1 (1)	-
62	В		11	8,5	0,7	II-17 (4)	Елочка

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
63		В	11	-	0,7	I-6 (1); II-17 (5)	Ряды, елочка

Таблица 6

Сводная таблица керамики из поселения Черемшанка

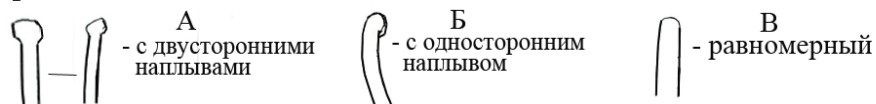
№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигурация	Орнамент края
1	В	7	12,3	1	II-17(1), I-1 (1)	См	-
2	В	7а	9	0,8	II-17(2)	-	-
3	В	7	13	0,8	I-1 (1), II-15	Долна	II-17
4	В	7	20,2	0,8	I-1(1)	-	-
5	В	7	14,3	0,7	I-1(1)	-	-
6	В	11	10	0,8	б/о	-	-
7	А	5	9,5	0,6	I-1 (1), II-17 (3+1)	Елочка, зигзаг 27	-
8	В	11 чаша	7	0,6	б/о	-	-
9	В	11 чаша	18,7	0,6	б/о	-	II-17
10	Б	7	14	1	б/о	-	-
11	А	12	9,5	0,8	I-1(1)	-	Карниз
12	В	10	8	0,7	I-1(1)	-	-
13	В	5	10,5	0,7	I-1(1)	-	-
14	В	11 чаша	?	0,7	I-5(1)	-	Срез
15	В	11	?	0,8	I-1(2)	-	Срез
16	А	11	?	0,7	I-5(1)	-	II-17
17	Б	11 горш	?	0,8	б/о	-	Срез
18	В	11 чаша	?	0,8	I-1(1)	-	-
19	В	11 чаша	?	0,7-1	I-1(1)	-	II-12
20	В	13	?	0,6	б/о	-	-
21	В	11 чаша	?	0,8	б/о	-	-
22	В	10	?	0,7	б/о	-	II-17 насеч.
23	В	10	?	0,8	I-5(1)	-	-
24	Бв	13	?	0,8	I-1(1)	-	-
25	Б	11	?	0,7	I-5(1)	-	II-17 насеч.
26	Бв	11 чаша	?	1	I-1(1)	-	Внутр. карниз
27	В	10	?	0,7	I-1(1) разн.	-	-
28	А	4	?	0,8-1	б/о	-	Срез
29	Бв	?	?	-	II-17(2?), +1	Вертик, зигзаг-27	?
30	Бв	?	?	-	II-17(2?)	Накл. //	?

№	Край венчика	Форма сосуда	R	t	Элементы орнаментации	Конфигу- рация	Орнамент края
31	Бв	?	?		II-17(?), 186 (2?)	Сложн	?
32	Бв	?	?		I-9(2?)	?	?

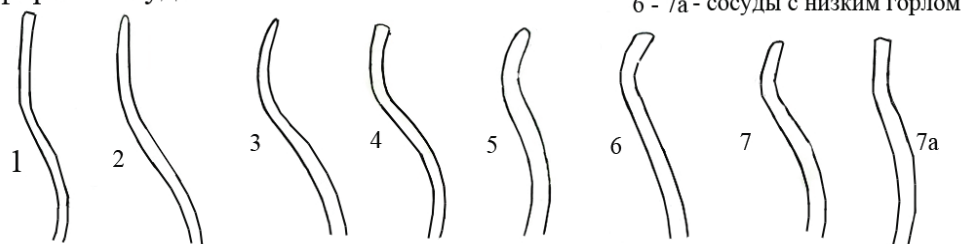
Таблица 7

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ К СВОДНЫМ ТАБЛИЦАМ

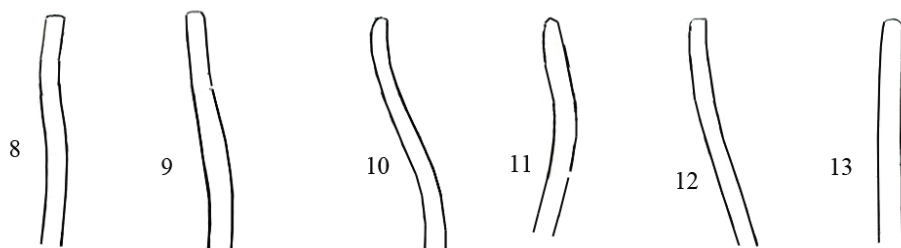
края венчиков

формы сосудов

1-3 - сосуды с высоким горлом 4-5 - сосуды со средне-высоким горлом
6-7a - сосуды с низким горлом 3, 5-7 - сосуды с изогнутым венчиком

8-13 - слабо профилированные венчики

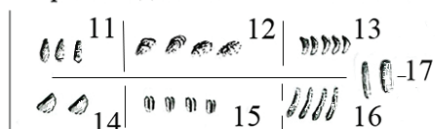
12-13 - прямые венчики

Элементы орнаментации

I - ямочно-луночный орнамент (штамп)

II - разновидности оттисков штампа

гребенчато - зубчатый

III

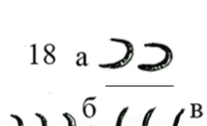
24 пальцевые вдавления

25 ногтевые вдавления

скобчатый

конфигурации орнамента

Формы краев венчиков — А, Б, В; формы сосудов — 1-13; элементы орнаментации — 1-28.

Таблица 8

Каменные предметы из поселения Ушлёп-5

№	Предметы	Размер	Квадрат
1	Зернотерка	63×21,6, 5,2 (74×22)	Р.2 Г/12
2	Зернотерка 1	50×20, 1,3 + обл.	Р1 П 24 /2 жил 2
3	Обл.	33,2×30,4, 6	Дорога
4	Зернотерка разломанная	76,5×36, 7,5-5 (80×50)	Р1 жил 3 У/28-29
5		54,6×25 4,5-2,1(85×30)	Р.2 Г/13, жил 2
6		72×31,5, 3,9 (65×50!)	Раск. 2 Д/14, жил 3
7	Зерн-камень	36×15.5 см, 3 см	Р.1 С/22. жил 2
8	Обл. от зерн.1	20×17	Р1 П/ 24/2 жил 2
9	Зернотерка	65×30	Р1 Ш/33 жил 4
10	Зернотерка обл.	38×21	Р1 Ш/32 жил 4
11	Обл. зернотер-куранта?	48×16	Р2 Б'/14
12	3 обломка зернот.		Р2 Б/10 жил К1, п2 настил
13	Курант фр-т	16,8×14 см, 3,9	Р2 жил. 3 А/9
14	Обл. + зерн. 1		Р1 жил.2 Р/24/2
15	Обл. + зерн. 1		Р1 ж.2 Р/24/1
16	Обл.	20×17	Р2 жил 3 А/5
17	Обл.	20×12	Р.2 А/12 перемышка
18	Обл.	27×13	Р.2 А/11
19	Обл.		Дорога
20	Обл.	37×12	Дорога
21	Обл. + зерн. 1	12×14	Р.1 жил 2 Р/24/1
22	Обл. + зерн. 1		Р1 ж. 2 24 Р/1
23	Курант	34×13	Р1 Ш/32
24	Обл. скопл.	16×9 44×14, 4	Р.1, ж 2 С23/2
25	Курант скоп.	30×13 36×15,2, 08	Р.1, ж 1 Т23/2
26	Курант	37×12 51×15, 1,8	Р1 жил 3, У/29
27	Фрагмент	20×11,2 см, 2,4	Дорога
28	Б/изн. Обл.	18×13,5 см, 2,1	Р2 Е/17 жил 2
29	Терочник	Обл.	Дорога
30	Обл.		Раск.2, Ж/5
31		38×22	Р.2 ЖК1 Д/11
32			Р.2 ЖК1,жил 2 Б/9
33			Р.2 ЖК3 Ж/4
34	Крупн. тер.		Р.2 ЖК3 Ж/5
35	Обл.		Р.2 ЖК1 Д/8
36	Обл.		Р.1 жил 2, Р 24/1

№	Предметы	Размер	Квадрат
37	Обл.	9×7 см, 2,7	Р2 ЖК1, жил 2 Б/8
38	Обл.	7,8×5,2, 3,9 см	Р2 кв. Ж/11
39	Обл.	6,7×3 см	Р2 Б/8 ЖК1 жил 2
40	Больш. терочн. + тер.		Р2 Е/10
41	Терочники		Р2 Е-Ж/9
42			Р2 ЖК1, яма 4 Е/5
	Пестик		
43	Из гальки	9×2,5, 1,8	Дорога
44	Из гальки	8×6,4 см	Раскоп 1
45		12,5×6 см	Раск. 1
46		8×4,3, 1,5	Раск 1
47	Пест галечн.	30×5	Раск. 1 ж. 4 Ц/33
48	Гальки с выступами		Р2 ЖК1, ж.2 Б/8
49	- и забитостями		Р2 ЖК3 Е/4
50			Р2 ЖК1, жил 2 Б/11
51			Р2 ЖК1, жил 2 кв. Б/10
52			Р2 Б/8
53			Р2 Б/8
54			Жил 2 П25/2
55	Мелк. галька		Р2 Б/8
56			Р1 С23 жил 2
57			А/12
58			ЖК3 Е/5
59			Дорога 4 шт.
60	Галька с забит.		ЖК3 Е4
61	Оббит. кварц		Р1 жил 2 Р24/1
62	Крупная удлин.	Затертая, царапины	Ф 24
63	Мелк. отщ.	Затерт. на выст.	Н20/2
64		Рубиловидное	Р2 жил 3 П/2'
65	Из краев. отщ.	Рубиловидное	23 С-Н/2
	Точильные камни		
66	Плитка		Р1 Ж2 Р21/2
67	Фр. плиты	27,2×20,8 см, 7,2	
68	Тонк. курант?	Обл., брусок	Р1 жил 2
69		Обл. тероч.-шлиф	Р2 Ж/5, жил 3
70		Точил. к.-курант	Р1 Р 24/1
71		Обл.	Р2 ЖЗ/4
72		Обл. с полир.	Р2 Е/10

№	Предметы	Размер	Квадрат
73		13,9×3.3 см, 1,5	P2 А"/10, жк 1 жил 2
74		11,5х3, 2-1,5	P2 Б"/12. Жк 1 жил 2
75		10,3×2,8 см, 0,5	P2 Д/8 раск. 2
76			P2, Б 1/12
77		Точ.	P2 жк 1 жил 2 А'/10
78			P2 жк1 жил 2 А/9
79		Сланец-пропил	P2 Д/8
80			P1 Ф24/2
81		9×1,8 см, 1 см	

Всего — 81. Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ГЕОГРАФИЯ, ПРИРОДА, РЕЛЬЕФ	5
II. ИСТОРИЯ МНЕНИЙ	
ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ НАСЕЛЕНИЯ	
ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ, ПРЕДГОРИЙ И ГОР АЛТАЯ В 1-й ПОЛ. I ТЫС. Н.Э.....	9
III. ПАМЯТНИКИ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1-й ПОЛ. I ТЫС. Н.Э.	
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	16
1. Памятники майминской культуры	16
2. История исследования майминских памятников	20
IV. ПОСЕЛЕНИЯ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	23
1. Поселение Майма-1	23
2. Поселение Ушлѐп-5	27
3. Поселение Урлу-Аспак-1	40
4. Городище Усть-Иша-3а	40
5. Особенности структуры поселений.....	41
V. ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	
ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ И ГОРОДИЩ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	43
1. Керамика: формы, орнаментация.....	43
2. Культурные особенности майминской керамики (общие выводы)	53
3. Связь культурных традиций майминской культуры по керамике	58
4. Бийские городища. Анализ сосуществования фоминской,	
одиноцовой и майминской культур.....	64
5. Хозяйство населения майминской культуры	85
VI. ДАТИРОВКИ ПОСЕЛЕНИЙ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
И СОСЕДНИХ КОМПЛЕКСОВ	88
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	92
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	94
ИСТОЧНИКИ	102
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	103
ПРИЛОЖЕНИЯ	104
ТАБЛИЦЫ	182

Научное издание

Наталья Юрьевна Кунгурова,

Михаил Тимофеевич Абдулганеев

МАЙМИНСКАЯ КУЛЬТУРА

по материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины
1-й пол. I тыс. н.э.

Монография

Редактор Т.Б. Беломестнова

Подготовка оригинал-макета и оформление обложки Ю.В. Плетнева

Подписано в печать 04.03.2019.

Формат 60×84 1/8. Усл.-печ. л. 25,11.

Тираж 300 экз. Заказ 76.

Типография Алтайского государственного университета
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66